

МИНОБРНАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПЕТРЯКОВ ЛЕОНИД ДЖОРЖОВИЧ

**ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО
АНАЛИЗА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени

доктора философских наук

Научный консультант,
доктор философских наук,
доцент Кудряшова Т.Б.

ИВАНОВО – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Дискурсивная реальность: история проявления и структурирования	
1.1 Дискурс: от реальности к её объектам.....	28
1.2 Коммуникация как отношение, задающее направленность дискурса.....	50
1.3 Рефлексия как отношение к объекту дискурса.....	64
1.3.1 Рефлексия и первичный понятийный аппарат.....	71
1.3.2 Дискурс предметной области (Д-1): прагматика, семантика, синтаксис.....	75
1.3.3 Философский уровень дискурса (Д-2): коннотации, последовательности, метаязыки.....	81
1.3.4 Метарефлексия (Д-3): формулы, мемы, фракталы и парадоксы дискурса.....	87
1.3.5 Интердискурс (Д-4): единство истории, логики и дискурсивной практики.....	99
1.4 Способность дискурса к формированию и деформированию объектов и субъектов познания.....	110
Глава II. Дискурс как метод формирования объектов, теорий, правил. Потенциал и реализованные возможности	131
2.1 Методы анализа дискурса: от лингвистики к философии.....	131
2.2 Правила построения дискурса.....	151
2.2.1 Правило как отношение между высказываниями.....	165
2.2.2 Ситуации: правила отношений между правилами.....	173
2.2.3 Правило как средство трансформации.....	182
2.3. Методы развертывания дискурса.....	188
2.4. Трансформации ситуаций и дискурса.....	201

Глава III. Следствия дискурсивных трансформаций: изменения форм знания в процессе познания.....	220
3.1 Понятия и категории как результат де-дискурсивизации знания.....	220
3.2 Непонятийные формы знания. От образа – к идее.....	242
3.2.1 Идея. От идеи – к символу.....	248
3.2.2 Символ. От символа к понятию.....	260
3.2.3 Понятие. От понятия – к концепту.....	267
3.2.4 Концепт как форма передачи смысла.....	271
3.3 Круговорот смысла в дискурсивном процессе.....	277
3.4 Дискурс, истина и знание.....	287
Заключение.....	303
Список терминов.....	315
Список литературы.....	319

Введение

Выбор дискурса в качестве объекта философского исследования не случаен: дискурс, традиционно определяемый как «текст, погружённый в жизнь» стоит на границе Слова и Жизни, пока что не представленной в слове, логоса, как вербализованной, реальности и Космоса как невербализованной реальности отношений людей, людей и вещей, жизненной практики. Дискурс – это следствие процесса отношений теории и практики, выход за пределы имеющихся знаний с целью обнаружить причины возникновения, способы производства этих знаний. Подобная постановка проблемы имеет параллель в «философии жизни» А. Бергсона и Ф. Ницше. Отношения Слова и Жизни могут иметь различные, в том числе парадоксальные, следствия. Единство дискурса предполагает определённую гармонию, резонанс между Словом и Жизнью, рождающий иллюзию тождества Мышления и Бытия. Эта иллюзия соответствия становится основой объяснения Мира в целом, создания определённого мировоззрения, производства знаний путём конкретизации неточных понятий. Но сохраняющееся различие между Словом и Жизнью усиливается по мере расширения во времени и пространстве знаний господства конкретного дискурса, что приводит к разрушению изначального резонанса, соответствия между ними и завершается сменой одного дискурса – другим. Попытки «уйти от дискурса», разорвав связь Слова и Жизни, к примеру, направив познание (Слово) на язык, искусство, культуру, человека, противопоставив их «природе» и Жизни, приводят к формализации Слова, либо к возникновению другого дискурса, как резонанса Слова с Бытием человека, его чувствами, социальными отношениями.

Актуальность темы исследования состоит в необходимости выявления и уточнении онтологических, гносеологических, социальных и информационных условий производства дискурса, связанных с противоречиями и проблемами информационного общества, сохранением целостности общества и личности

человека, удовлетворением его потребностей в получении актуальной, достоверной и качественной информации об окружающем природном и социальном мире. Комплексные исследования дискурса еще не были предметом философского анализа. Дискурс не изучался как процесс производства определённых правил и норм деятельности, возникающих в этой деятельности под действием внешних условий, а также условий, созданных самим дискурсом. Дискурсия, в первом приближении – смысловая среда взаимодействия практики и связанной с ней рефлексии (в пределе – теории), где благодаря воздействию рефлексии–теории на принимающую её практику, возникает и формируется способ вхождения теории в практику и обратно. В этом качестве она способна воздействовать как на рефлексивный, так и на практический уровень, согласуя практическую и теоретическую деятельность или препятствуя их согласованию.

Выбор дискурса в качестве объекта философского исследования не случаен: дискурс, традиционно определяемый как «текст, погружённый в жизнь» стоит на границе Слова и Жизни, пока что не представленной в слове, логоса, как вербализованной, реальности и Космоса как невербализованной реальности отношений людей, людей и вещей, жизненной практики. Дискурс – это следствие процесса отношений теории (рефлексии) и практики, выход за пределы имеющихся знаний с целью обнаружить причины возникновения, способы производства этих знаний. Отношения Слова и Жизни могут иметь различные, в том числе парадоксальные, следствия. Единство дискурса предполагает определённую гармонию, резонанс между Словом и Жизнью, рождающий иллюзию тождества Мышления и Бытия. Эта иллюзия соответствия становится основой объяснения Мира в целом, создания определённого мировоззрения, производства знаний путём конкретизации неточных понятий. Но сохраняющееся различие между Словом и Жизнью усиливается по мере расширения во времени и пространстве знаний господства конкретного дискурса, что приводит к разрушению изначального резонанса, соответствия между ними и завершается сменой одного дискурса – другим.

Проблема историчности знаний это, с другой стороны, проблема их истинности, достоверности, очевидности, соотнесённости с опытом и практикой. Информационное общество традиционно рассматривается как общество избытка информации, но это одновременно и общество «информационного хаоса», «загрязнения» информацией, поднимающее новые для него проблемы качества этой информации, источника её получения и доверия общества этим источникам. Недостоверная и конъюнктурная информация, распространяемая в обществе с целью извлечения прибыли, отчуждает людей друг от друга и окружающего мира. Попадая в условия информационного хаоса и множественной противоречивости источников друг другу, человек утрачивает целостность представления о мире и самом себе, целостность своей личности. Даже не столкнувшись с такой проблемой, человек информационного общества испытывает информационный голод. Стремясь к истинному знанию, он ищет новые источники информации и теряет доверие к традиционным источникам. Поиск достоверного знания невозможен без обращения к его гносеологическим «корням», без исследования методов и познавательных практик. Одной из этих практик, развившейся в рамках экстерналистского подхода к исследованию процесса познания, является дискурс.

Дискурс – коммуникативно-деятельностный феномен, связанный с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения. Дискурс выражается преимущественно в виде языково-речевых конструкций, каждая из которых указывает на способ её понимания и склоняет понимающего её субъекта применять этот способ и эти конструкции максимально широко. Субъект, попав под влияние дискурса, приобретает дополнительную способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время становится подчинённым дискурсу, замыкается в его границах, теряет критичное отношение к нему. Антиципация при этом понимается как непосредственное предвосхищение будущих событий, а протенция – как проецирование на будущее приобретённого знания. Протенция выступает основой антиципации, а их вербальным источником является дискурс. Дискурс

приобретает форму ментальной волны, в которой выражается внимание человека к какому-либо феномену его жизни, а в содержании – онтологическое, когнитивное, этическое, аксиологическое, практическое отношение к этому феномену. Одновременно, это волна актуальности (популярности) феномена в социальной жизни людей и осмысление его в социальном интеллекте. Волна дискурса выражает взаимосвязь актуальности феномена и его практического (социально-исторического) развития в поступках людей и исторических событиях.

Дискурсия – сфера, объединяющая собой все дискурсы, область способов конкуренции дискурсов за возможность интерпретации, объяснения мира категориями конкретного дискурса. Познание дискурсии означает установление формальных различий между отдельными дискурсами по уровню их рефлексивности, актуальности и аргументированности их правил, форме правила, стадии дискурсивного процесса (дискурсивной волны), на которой мы наблюдаем конкретный дискурс.

Дискурсивная реальность – это преимущественно реальность мнений и знаний о мире, сформированная у человека воздействием на него конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и недискурсивных (т.е. внешних по отношению к данному дискурсу) компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального сознания, реальность. Дискурсивная реальность, являясь объектом конкурентного взаимодействия дискурсов, находится в процессе непрерывной трансформации. Наиболее очевидная сфера обнаружения дискурсивной реальности – процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя. Дискурсивная установка мышления (в понимании установки по Д.Н. Узнадзе) это психологическое поле, объединяющее рефлексивную теорию и практику. Она уходит от противоречивого употребления понятий к исследованию правил их употребления, истории этих правил, семиотического деления мира в

процессе его познания. В настоящее время смены многих привычных установок вновь актуализируется проблема правил, их онтологии, принятия, интерпретации, использования и проч. В целом, любое утверждение декларативного характера может в определенных условиях быть интерпретировано как правило деятельности и применено на практике.

В этом смысле все утверждения являются правилами, потенциальными или актуальными. Теоретические следствия из этих утверждений, а также выводы из их применения в практике являются правилами, руководствуясь которыми люди корректируют как теорию, так и практику. На эту особенность следствий – быть критериями истинности теорий указывали прагматисты: Ч. Пирс, Д. Дьюи, У. Джемс. Понимая дискурс как историческую систему правил, действующих в обществе и определяющих понимание мира и целей деятельности в нем каждым членом этого общества, можно поставить ряд вопросов, открывающих проблематику дискурсивной философии. Изучая конкретные дискурсы, мы должны сделать их явными, эксплицирующими исторический характер определения основных понятий и, возможно, представить их конкретное содержание в дискурсивной, а не в иной логической форме. Это означает: показ ограничений, накладываемых системой дискурса на каждое из понятий, идей, образов, входящих в его систему; описание роли отдельных понятий (ценностей и сверх-ценностей) в дискурсивной системе; влияние на эту систему новых понятий, идей и концепций, внедряемых в дискурс внешними усилиями и т.д.

Философская задача исследования дискурса должна подразумевать более широкий подход, чем, например, лингвистическая: воссоединить в дискурсе рефлексию и практику, вскрыть их глубинную взаимосвязь и способы взаимодействия. Дискурсивный подход открывает широкое поле для такого исследования, снимая традиционную философскую дихотомию субъекта и объекта. Кроме того, дискурсивный метод вносит различие в постановку философских проблем: он обнаруживает фундаментальные проблемы не на уровне понятий, а на уровне деятельности, практики, получающей выражение в понятиях. Выявлению этих проблем и их частичному снятию должно служить

установление баланса между практиками и правилами, их регулируемыми. А сама дискурсивная философия должна обнаруживать скрытые правила, оказывающие существенное влияние на практику и баланс практики и правил.

Онтология дискурса – одна из региональных онтологий. Онтологическими можно считать элементы и условия дискурса, без которых он не мог бы состояться: дискурсивная реальность, дискурсия, волны актуальности, правила и их формы, круговорот смысла. Онтология самого дискурса связана с онтологией, которую он порождает, преобразуя конкретную предметную область и именуя её части в качестве элементов дискурса.

Существенную сторону составляет познавательный аспект дискурса. В дискурсе фиксируется стремление к знанию: к определённости, точности мысли, последовательности её развития, рассмотрению множества аспектов, законченности суждений. Это не только гносеология (рефлексия над познанием) и философия образования (в узком смысле – практика познания), сколько поиск ответов на вопросы: какой потребности отвечают сегодняшние практики познания? Что обуславливает истинность, легитимность этих знаний? Каковы условия, возможность получения этих знаний? Что является формой и содержанием знания сегодня? Анализ современного познавательного дискурса должен выявить базовые характеристики современной практики познания как деятельности, показать возможные её перспективы и варианты дальнейшего развития.

Дискурсивная трансформация является средством трансформации предметного содержания путем изменения дискурсивной ситуации. Дискурс при этом может изменяться разнонаправлено: вырождаться в недискурсивные системы знания или создавать системы бесконечной интерпретации предметного содержания. Трансформацией называют изменение значения, смысла высказываний и понятий, используемых в дискурсе, позиций участников, правил, предполагающих определенное развитие дискурсивной ситуации, а также изменение самого дискурса, смену его другим. Трансформация дискурса

предполагает рассмотрение его в динамике: смену проблем, объектов, методов, средств познания.

Таким образом, актуальность темы современной дискурсивной реальности и ее трансформаций определяется необходимостью философского осмысления глубинных процессов ее порождения, гносеологических и социальных условий ее производства; противоречиями и проблемами информационного общества в сохранении целостности общества и личности человека, в удовлетворении его потребностей в получении актуальной, достоверной и качественной информации об окружающем природном и социальном мире.

Степень разработанности проблемы. Одним из первых понятие «дискурс» использовал А. Кожев (Кожевников) в своей работе «Введение в чтение Гегеля». Французские философы, изучавшие Г. Гегеля, во многом по интерпретации А. Кожева, стали употреблять этот термин, характеризуя им содержательно-стилевое единство автора. Позднее, М. Фуко, в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» обозначил этим понятием явление социальной и культурной обусловленности знания, а также способы его внедрения и взаимодействия с практикой познания и деятельности людей. Экстерналистские подходы к исследованию знания, обнаружение его историчности были известны и ранее: к примеру, концепцию социальной детерминации механики Ньютона предложил физик Б.М. Гессен в 1931 году. Эта работа стала стимулом для историков и социологов науки: Дж. Бернала, Р. Мертона, Х. и С. Роузов. Идеи социальной и культурной обусловленности, «условий возможности» знания активно противопоставлялись М. Фуко «истории идей» А. Лавджоя, объяснявшего интеллектуальную историю особенностями работы учёных и другими внутренними для науки факторами. Во второй половине XX-го века понятие дискурс вошло в широкое употребление у представителей философии постмодернизма, но за пределами этого направления употреблялось не как научное, а как общекультурное слово, достаточно произвольно.

Тем не менее, различные аспекты будущей философской теории дискурса получали актуальность, разрабатывались еще в трудах представителей немецкой классической философии: И. Кант, Г. Гегель, Г. Шеллинг предложили важные идеи целесообразной организации разума, взаимосвязи ментальных и социальных, культурных процессов, конца истории (как конца её идей, т.е. дискурса), единства человека и природы. Онтологические поиски русской философии всеединства: от П.Д. Юркевича до Вл. Соловьёва и его последователей имели в виду идеал цельного знания.

Но уже через несколько десятилетий появляются совсем иные дискурсы для объяснения тех же процессов (например, теории К. Маркса и З. Фрейда). В философии жизни Ф. Ницше и А. Бергсона также были предложены новые идеи: генеалогии истории, материальности образа, интеллектуального исчерпания любых социально-идеологических систем. Позднее, Р. Дебре было доказано, что обесценивание содержания сообщений происходит благодаря многообразию способов их передачи, что не отменяет наличия других, социальных и мировоззренческих причин этого процесса.

Однако решающее влияние на развитие представлений о дискурсе оказала философия языка и аналитическая философия: В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Г.Г. Шпет, Г. Фреге, Г. Гадамер, Дж. Мур, Б. Рассел, М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап, Г. Хан, Ф. Вайсман, К. Гёдель, Г. Райхенбах, Ф. Франк, А. Айер и др. указывали на связь внутренних законов языка как формальной системы с содержанием высказываний. Следующее поколение философов языка рассматривало значение выражений в зависимости от их употреблений людьми. Это Дж. Остин, Г. Райл, Я. Хинтиikka, Д. Дэннет, Д. Дэвидсон. М. Даммит, Дж. Сёрл, внесшие особый вклад в развитие теории значения. Генеративная теория развития языка, на основе функционирования его формальной системы, созданная Н. Хомским [Chomsky, 1977; 1981; 1991], также оказала серьезное влияние на развитие данной тематики. Если рассмотреть философию языка под другим углом зрения, то предшественниками исследования дискурса были семиологи Ф. де Соссюр, Р. Барт, К. Метц, Л. Марен и др., благодаря которым, а также под

влиянием логических идей Ч. Пирса, семиология начинает определяться как семиотика. Существенный вклад в ее развитие вносит У. Эко. Семиология и семиотика сосредоточили свои усилия на исследовании знаков, кода сообщения, отделив их как от носителей (субъектов), так и процессов, способов организации передачи, которые, как показал П. Леви, не менее важны для понимания, чем типы знаков. Существенный вклад в исследование парадигм мышления и языка XIX – XX вв., соотношения философии языка и семиотики, языка и сознания, онтологических, гносеологических и социальных аспектов этих явлений внёс А.Н. Портнов.

Эпоха и философия постмодерна, закономерно возникающие вслед за модерном, создают особые условия для рефлексии, свободные от множества идеологических ограничений прежних эпох. В этих условиях М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Делёз, Ю. Кристева, Д. Батлер, М. Бланшо и др. разрабатывают новые важные методологические понятия: складка, поверхность, ризома, новое понимание дискурса, разрыв, симулякр, символический обмен, необходимые для понимания трансвременного и транскультурного взаимодействия слова, идеи и практики их применения.

Важные для дискурса аспекты союза технического и социального, идея габитуса, принципы порождения и организации определённых практик рассматривались во множестве смежных областей, в социологии, философской антропологии в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, М. Мосса, Ж.

Фридмана, П. Бурдьё, теории коммуникативного действия А. Шюца и др.

Теория коммуникации, как важнейший аспект дискурса, в лице Г. Бейтсона, П. Вацлавика, Д. Бивина, Д. Джексона предложила новые идеи философии коммуникации, важные для познания дискурса, развиваемые также Р. Якобсоном, Ю.М. Лотманом, И.П. Яковлевым, Р. Крэйгом, Н. Луманом, А.В. Назарчуком, О.В. Костиной. Была выделена «логика коммуникации», как область исследования, и начата работа по деидеологизации информации посредством учёта контекста, невербальных средств передачи значения в качестве компонент

дискурса. Компаративно-лингвистические, когнитивные, психофизические аспекты дискурса были показаны Ф.И. Карташковой, Н.К. Ивановой и др.

В работах Ю. Хабермаса проблема дискурса тематизируется в рамках теории коммуникативной компетенции; традиционный семантический и синтаксический анализ дополняется прагматическим аспектом. Но Ю. Хабермас подчиняет понятие дискурса понятиям ценности и философской категории, т.е. сохраняет за дискурсом преимущественно лингвистическое значение.

Дискурс рассматривался в культурологии, культурной истории (Д. Рош, Ж.-Ф. Сиринелли, Р. Шартье, Леруа-Гуран и др.) как способ управления и способ передачи форм репрезентации мира. В связи с этим своё дальнейшее развитие получили понятия метаистории, сравнительного разума. В настоящее время в этом направлении исследуется роль, которую играет в дискурсе опосредование между объективными условиями и способами их репрезентации.

Главной предтечей философии дискурса, как в нашей стране, так и за рубежом была философия диалога, которую создавали М. Бубер, Э. Левинас, М.М. Бахтин, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, О. Розеншток-Хюси, В.С. Библер, С.В. Бориснёв, Г. Пассуэл, Т. Ньюкомбо, К. Шеннон, У. Уивер, В. Шрамм, К. Осгуд, Т. Парсонс, А. Тэн, Ч. Моррис, Х. фон Фёрстер Holqvist и др. Не менее важны те результаты в понимании текста и его функционирования, которые были достигнуты в области философско-герменевтических исследований Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, современных: Г.Р.Яусса, Ж. Гронден (Канада), Ф. Деллмайер, Т. Кизил, Дж. Ворнке, Р. Пальмер (США), отечественных исследователей начала XX века: Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева. Российские герменевты: Е.Н. Шульга, Приходько Е.В., Шиффман Л. развивают традицию отечественной герменевтики, применяя её к острым проблемам современности.

Дискурсивная реальность была темой исследований Г.И Зверевой, рассмотревшей культуру знаний в современном обществе, проблему национализма, отношение к советскому прошлому с точки зрения культурологи, истории культуры. Филинский А.А. в своей диссертации по теории языка говорит

о дискурсивной реальности применительно к политическому дискурсу. Венедиктова Т.Д. рассматривает культурную реальность как дискурсивный конструкт. Пичугина В.К. рассматривает знаково-символическую реальность педагогики как дискурсивную по своей природе. Дискурсивная реальность ещё не была предметом философского исследования, а авторы, употребляющие этот термин, используют его в лингвистическом, социологическом или метафорическом значениях, как синоним плюрализма.

Своеобразной аналогией рассматриваемой темы может служить исследование гуманитарных проблем техники, развития науки Т. Куном и вопроса «поставка» в их отношении к цивилизации М. Хайдеггером и Н. А. Бердяевым. В философии техники в лице Э.Каппа, Ф. Бон, П.К. Энгельмейера, К. Ясперса, Э. Жака, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Поппера, Л. Мамфорда, Ф. Дессауэра рассматривались, в том числе, онтологические и гносеологические аспекты взаимодействия человека и техники, понимаемой в широком смысле, включая технику мысли. Отечественные философы этого направления: В.Г. Горохов, В.М. Розин, В.Ф. Шаповалов, Б.И. Кудрин. Современный дискурс во многом техничен и технологичен.

В отечественной философии проблемы социально-культурной обусловленности знания, как краеугольного камня будущей теории дискурса, были предметом творчества Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, В.С. Библера. С позиций языка, феноменологии, психологии к ним подходили Г.Г. Шпет, Д.Н. Узнадзе, и Д.М. Петрушевский и др. С позиций этикета и других социально обусловленных норм и ценностей: Д.С. Лихачёв, С.С. Аверинцев, А.В. Михайлов. Рефлексивные особенности исследовали М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. Но само понятие «дискурс» в тот период не было предметом философского или междисциплинарного исследования, ему не придавался смысл метода, субъекта или социального интеллекта.

Современные исследования дискурса, как правило, сосредоточены в лингвистике, где дискурс понимается как наибольшее обобщение связной речи: «речь, погруженная в жизнь». Среди учёных этого направления следует назвать Д.

Остина, Дж. Серля, Д. Греймас, Ж. Куте, Т. Ван Дейка, Н. Хомского, Лакло, Муфф. Проблемы дискурса как психологического воздействия одного субъекта или группы – на других субъектов и группы исследовались: [Аронсон, Пратканис, 2002; Доценко, 1996, 2000; Лебедев-Любимов, 2002; Панкратов, 2001; Парыгин, 1971; Петренко, 1997; Рубакин, 1977; Fodor, 1983; Cosmides, 1992; Сидоренко, 2002; Харрис, 2002]. Дискурс как воздействие с помощью речи исследовался: [Барановым А.Н, 2001; Дилтс, 1001; Жельвис, 1990, 1997; Карасик 2000; Леонтьев, 1997; Мирошниченко 1994; Стернин, 2000, 2001; Тарасов, 1974; Фёдорова, 1991, 1996]. Манипулятивные и провокативные аспекты дискурса активно изучаются как в нашей стране, так и за рубежом [Berne, 1977; Goodin, 1980, Proto, 1989; Riker, 1986; Robinson, 1981; Rudinov, 1978; Yokoyama, 1988; Bickerton, 1990; Burling, 1992; Bateman, 2011; Brandon, 2012]. Такие особенности дискурса, проявляемые в публичной риторике, как передача своего состояния чувств, отношения к человеку, факту, явлению рассматривались в работах [Парыгин, 1971; Cruse, 1990; Huddleston 1994; Зарецкая, 1999; Петрученко, 1994, Сидоренко, 2002]. Когнитивные аспекты и предпосылки дискурса исследовали [Minsky, 1974; Perelman, 1979; Johnson-Laird, 1980, Maranda, 1981, 1988; Pettersson, 1988; Kaye, 1989; MacCulloch, 1994; Nuyts J, 1995; Fabbri, 1998], Некоторые исторические аспекты [Stumpf, 1988; Weber, 1983; Winston, 1992; Tisseron, 1999].

Дискурс, как вид не прямой коммуникации, является предметом многих областей научного знания: философского, психологического, лингвистического, культурологического [Арнольд, 1990, 1999; Деменьтьев, 1997, 2000; Акмаjian, 1988; Horn, 1989; Jackendoff, 1990; Thompson, 1990; Garnham, 1994; Chucas 1997; Gibson E. 1998; Caune, 1999; Goody, 1978; Leach, 1991; Shi-xu, 2005], т.е. является междисциплинарным. Онтологические признаки дискурса как явления не прямой коммуникации, такие, как: обманные, скрытые действия, игра, управление и контроль, структурирование мира, принуждение, влияние были показаны [Хохель, 2000; Дубович, 2000; Волкогонов, 1983; Шостром, 1992; Rudinov, 1978; Riker, 1986; Robinson, 1981]. Другими признаками дискурса являются отношения

к адресату сообщения как к объекту воздействия и использования, средству, орудию осуществления чужих планов [Шостром, 1992; Сагатовский, 1980; Robinson, 1981; Goodin, 1980; Caplan, 1992; Cann, 1993].

Теория дискурса М. Фуко открыла новое пространственное измерение философии и гуманитарных наук в целом, связанное с исследованием актуальности и, одновременно, историчности стоящих перед обществом проблем. Историчность современности направляет усилия учёных на исследование социальных и экономических условий формирования определённых культур, мировоззрений, научных теорий. Такие исследователи, как Ж. Кангилем, М. Бланшо, Ж. Делез, Д. Эрибон, А. Гидес, А. Кремер-Мариетти, С. Лебон, М. Дюфренн, продолжали и развивали теоретические идеи М. Фуко. Ряд других философов: Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, критиковали позиции М. Фуко по дискурсу. Третьи, в частности Dreyfus H. L., Rabinow P., исследовали его методы.

В нашей стране проблемы различных аспектов дискурса были объектом научного интереса Н. С. Автономовой, М. Н. Грецкого, М. И. Николова, Т. А. Сахарова, С. Н. Некрасова, Т. А. Клименковой. В 1990-е и 2010-е годы этим занимались В. П. Визгин, З. А Сокулер, В. М. Розин, С. В. Табачникова, И. П. Ильин, С.В. Чебанов, Е.Н. Шульга, Н.К. Иванова, А.А. Грицанов, М.А. Можейко и др. По тематике философского дискурса были защищены диссертации: Зиминим Р.В. и Кирилловым П.Е., другие авторы философских работ использовали понятие «дискурс» в лингвистическом или метафорическом значении.

Влияние системы языка на систему мышления и деятельности человека, прямая взаимосвязь этих систем и возможность использования её на практике была обоснована С.В. Чебановым. Системно-когнитивные аспекты оснований науки, логические аспекты организации знания были предметом изучения И.В. Дмитревской. Системная герменевтика текста, развиваемая Ириной Владимировной, была успешно применена ею к анализу текстов. Возможная аналогия между объектами дискурса: онто-гносеологические аспекты

существования объектов математики и логики, их отношения к именуемым их объектам языка, объективность, рефлексивность и релятивность знания исследовались Г.Б. Гутнером, С.Р. Когаловским, А.К. Кудриным, И.И. Булычёвым.

Важные, когнитивно-языковые аспекты отношений форм мышления: идеи, образа, понятия и концепта разработаны Т.Б. Кудряшовой в двухтомнике «Онтология языков познания» и ряде последующих публикаций. Символ в когнитивной ситуации современности исследовался В.О. Волковой.

Современной дисциплиной, наиболее близкой к исследованию дискурса, является медиология – наука о способах и средствах передачи важной информации: традиций, культур, законов, между разными поколениями людей. Основание этой науки заложил М. Маклюэн, а его продолжателями являются Р. Дебре, Х. Абельс Т. Scheff и другие. Но медиология изучает «линейный» процесс взаимосвязи средства передачи сообщения со способом передачи, социальным институтом, возникающим для обеспечения этого процесса.

Медиафилософия, как вид современного дискурса, в лице Савчука В.В., Вульфа К., Макаренко В.П., Назимко А.Е. Тургенева О. Ю., Ержанова А. М. Сивков Д.Ю. Варичева Е.Г., Наумова Е.И., Корецкой М.А., Костиной О.В., Нургалеевой Л. В., показала способы коммуникации и трансформации культуры, формирование актуальной картины мира, образов и концептов реальности, придала онтологическое измерение коммуникации, поставила проблему моделирования и изменения реальности. Такими авторами, как Н.Н. Сосна, Д.Ю. Сивков, А.Г. Кузнецов, А.Э. Тарабанов, О.В. Костина, С.А. Азаренко, Т.Б. Кудряшова и другие, показаны: репрезентация исторического времени, новых технологий, проблем личности, образования и культуры в современном медиапространстве.

Дискурсия, в отличие от названных дисциплин, призвана собрать вместе эти аспекты в единое, комплексное исследование. Это свидетельствует о нелинейной взаимосвязи способа организации знаков (семиология, семиотика) с процессами мышления (рефлексия и авторефлексия); способами организации содержания

(семантика, синтаксис, прагматика), онтологией предметной области (философия, информационные технологии) и культурными и социальными процессами (социология, философская антропология) возникающими как следствие трансформаций интеллектуальных объектов и систем. Целостное, концептуальное исследование дискурсивной реальности, ещё не было предметом философского анализа.

Объект исследования: дискурсивная реальность.

Предмет: онтология и гносеологические условия возникновения и трансформации дискурсов в рамках дискурсивной реальности.

Гипотеза исследования: дискурсивная реальность – реальность множества взаимодействующих дискурсов, является онтологической основой понимания современного мира, построенного на информации, управляемого коммуникативными стратегиями и тактиками. Дискурс, являясь единицей этой реальности, определяет её локальное устройство и демонстрирует своим субъектам образ мира, не без влияния других дискурсов. Взаимодействие дискурсов осуществляется путём манипуляции субъектами коммуникации, превращения их в объекты. Рефлексивный анализ дискурсивной реальности способен реконструировать, сделать явными структуры дискурса, способы их воздействия на субъекта. А также предсказать следствия взаимодействия дискурсов и появление их новых вариантов.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном онто-гносеологическом исследовании дискурсивной реальности; в обнаружении и фиксации закономерностей взаимодействия и трансформации современных дискурсов.

Задачи исследования:

- 1) Проанализировать существующее многообразие подходов к определению понятия «дискурс», «дискурсивная реальность» и способов их обнаружения.
- 2) Выявить новые и недостаточно исследованные аспекты дискурсов и их комплексов.

- 3) Исследовать механизмы смены онтологии, ведущих идей, организующих принципов взаимодействия составляющих дискурса (понятия, образы, идеи, символы, концепты) в контексте исторических трансформаций дискурсивной реальности.
- 4) Обосновать и раскрыть очевидность, способы функционирования современных дискурсов на примере актуальных форм познания и коммуникации.

Методологические основы исследования:

- дискурсивный метод как метод де-дискурсивизации знания. Он состоит в выявлении дискурсивной волны актуальности событий, знаний, фактов в их единстве, а также в экспликации динамичной структуры данной дискурсивной реальности. Специфика метода состоит в том, что его универсальность достигается не через обобщение, а через индивидуализацию дискурсов. Поводом к этой индивидуализации могут быть: относительная одновременность актуальных событий, проблем настоящего, относительность оценки явлений, поступков людей в зависимости от социального фона, мировоззрения, установки эпохи.

- методы М. Фуко: археология и генеалогия знания;

- компаративистский метод: сравнение различных дискурсов, связанных с историческими типами обществ, научными парадигмами, стилями общения и руководства, жанрами научного и художественного творчества;

- методы экстраполяции и ретрополяции, применимые для анализа развития интеллектуальных процессов;

Целью применения того или иного метода является преодоление разрыва между «формулой дискурса» и ее интерпретацией.

Научная новизна исследования

1. В философский лексикон введено новое определение понятия «дискурсивной реальности» как реальности мнений и знаний о мире, сформированной под воздействием конкретного дискурса и воспринимаемой людьми в качестве априорной реальности смыслов.

2. Предложено новое онтологическое понимание дискурса, как коммуникативно-деятельностного феномена, связанного с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения. Отмечено противоречивое влияние дискурса: приобретает дополнительную способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время происходит подчинение дискурсу, замыкание в его границах, потеря критического отношения к нему.

3. Обоснована возможность совместимости различных стилей философствования в рамках дискурсивной реальности через введение и учёт новой характеристики фактов – их актуальности.

4. Выявлен и описан феномен «дискурсивной волны» (волны актуальности), в котором выражается взаимосвязь упреждающе-рефлексивного реагирования на зарождающийся дискурс («предчувствие дискурса») и его практического развития в поступках людей и событиях их жизни.

5. Предложена новая упорядочивающая классификация дискурсов по отношению к двум уровням рефлексии и бесконечному числу уровней организации знаков: Д-0 – первичный уровень описания реальности случайными терминами; Д-1 – рефлексия предметной области с прагматикой, синтаксисом и семантикой языка описания; Д-2 – вторая рефлексия с формулировкой обобщающих терминов путем коннотации или метаязыка; Д-3 – метарефлексия и Д-4 – интердискурс. Многообразие дискурсов также упорядочивается относительно их элементов с определенной структурой и содержанием речевых актов, и относительно правил, методов соединения этих элементов между собой.

6. Доказано, что для построения нового дискурса нужно изменение речи, онтологически укорененное и принятое жизнью хотя бы локального сообщества. Что не существует универсального метода построения дискурса, поскольку он подвергается нормированию языком, логикой, риторикой, мысль в нём становится предметом постоянной «языковой игры».

7. Предложено понятие «срединных правил» для характеристики адаптационных особенностей дискурса. Они имеют непостоянный, но актуальный, ситуационный характер, и выражают реакцию на неординарную ситуацию кризиса, войны, революции, похода, эпидемии. Срединные правила могут быть актуальны для тех, чьи дискурсивные нормы вошли в противоречие с новой реальностью.

8. Обосновано введение нового понятия «дискурс-субъект» для различения видов дискурса, по-разному развивающих дискурсивную реальность. В отличие от дискурс-объекта вышедший из-под контроля дискурс-субъект способствует производству псевдознаний, иллюзорных фактов и мнимой информации.

9. Предложено новое понимание дискурсивного процесса круговорота смысла через известные формы мысли: образ, идею, символ, понятие, концепт.

10. Раскрыт альтернативно-дополняющий характер структуры дискурса, складывающийся на основе альтернативных вариантов одного дискурса и расширяющий его познавательные границы.

11. Выявлено наличие в дискурсивной реальности, при взаимодействии и трансформации дискурсов инварианта: проблема – отношение (правило) – ситуация – преобразование (ситуации).

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурсивная реальность - реальность мнений и знаний о мире, сформированная под воздействием конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и внедискурсивных компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального опыта. Она детерминирует отношения между людьми, отношения людей к вещам и социальным явлениям, жизненную практику. Нередко это – проблемная реальность, подобная лабиринту для выхода из которого необходимо обнаружить правило, являющееся принципом решения проблемной ситуации и предписанное дискурсом.

2. Дискурс – это коммуникативно-деятельностный феномен, связанный с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения. Выражается преимущественно в виде языково-речевых конструкций, указывающих на способ их понимания и склоняющих субъекта широко их применять. В результате субъект приобретает способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время становится подчинённым ему, замыкается в его границах, теряет критичное отношение к нему. Новый дискурс возникает при явном или неявном появлении метода, способствующего выделению элементов старого дискурса и критической оценки их использования для построения нового дискурса.

3. Взаимосвязь и совместимость различных стилей философствования в рамках дискурсивной реальности обосновывается введением новой характеристики – актуальности. Роль конструктора новых понятий играет дискурс, а побуждением к построению этих, а не других понятий, выступает волна актуальности (дискурсивная волна). Актуальность соединяют события – сквозь значительные исторические промежутки, а идеи и понятия – сквозь теоретические разрывы.

4. Обосновано введение нового понятия: «дискурсивная волна» (волна актуальности). В нём выражается взаимосвязь актуальности феномена и возможности упреждающего реагирования на него – с его практическим развитием в поступках людей и событиях. Если развитие события подчиняется воле людей, то его когнитивный, социальный резонанс, зависит от степени его осмысления, от значения актуальности, приданого данному событию дискурсом. Изучение дискурсивных волн позволит предсказывать, говорить о вероятности появления тех или иных идей и событий в пространстве социальной ментальности.

5. Дискурс, как понятие, объединяющее различные реальности, многообразен, а потому требует упорядочивания. Предлагается новая упорядочивающая классификация дискурсов по отношению к двум уровням рефлексии и

бесконечному числу уровней организации знаков (Д-0 – Д-4). Предложенная классификация, охватывает большую часть возможных дискурсов, различающихся уровнем рефлексии и знаково-символического обобщения.

6. Новый дискурс, подобно новому мировоззрению, начинает влиять на интерпретацию знаний и распространяется в обществе, когда его появление сопровождается изменением речи, письма, неологизмами. Чтобы новые знания стали частью общепризнанной реальности, необходимо их онтологизировать, «укоренить» в языке (примеры укоренения: реформы языка, сопровождавшие все значимые социальные изменения – революции, распад колониальных империй; языковые заимствования и неологизмы, сопровождающие процесс глобализации). Опыт показывает, что не существует универсального метода построения дискурса, и каждый дискурс индивидуален.

7. Срединные правила это приоритеты деятельности, вызванные актуальностью дискурса. Отвечают на вопрос: почему нечто нужно делать здесь и сейчас? Они, в силу своего промежуточного характера, чаще модифицируются, отвечая потребностям дискурса. В условиях различного рода кризисов они регулируют реакцию человека: что допустимо в данной ситуации, а что нет. Когда их применение оказывается недостаточным для достижения предполагаемого результата, сомнению и критике подвергается уже сам дискурс. Срединные правила различны для людей – носителей разных дискурсов.

8. Каждый дискурс выступает объектом по отношению к другому. Но в дискурсивной реальности иногда возникают иные отношения, приводящие к появлению дискурс-субъекта. Его взаимодействие с другими дискурсами может приводить к некритичному суммированию их идей, спекуляции ими. Этот процесс, выходя из-под контроля, приводит к знаковому засорению реальности.

9. Наблюдаемый в развитии дискурса когнитивный процесс уподобляется круговороту смысла, выражающемуся в круговороте форм: образ, идея, символ, понятие, концепт. Если на первом этапе потребности удовлетворяются с помощью реальных жизненных отношений, то на втором они абстрагируются и объективируются в идеальных образах и правилах (этикет, ритуал, идеология). На

третьем этапе нормы реализуются в новых жизненных отношениях, преобразуя их и, тем самым, опредмечиваются. На четвёртой смысл отчуждается от своей идеально-материальной формы и возникает новый смысл, свободный от формы, не рефлектируемый до конца. Затем новый смысл закрепляется в новых реальных жизненных отношениях.

10. Дискурс, в качестве процесса, предполагает наличие в нём движущей силы противоречия. Разрешение данного противоречия может завершиться как распадом дискурса на несколько альтернативных, так и нейтрализацией противоречия и угасанием дискурса.

Дискурсивная (диалогическая) философия начинается с осознания *проблемы*, поскольку она стремится не к переустройству мира по идеальному типу, а к взаимопониманию с ним, рефлексивному осознанию наших отношений с миром, мягкому управлению естественными процессами. Если проблема действительно организует и структурирует дискурс, то формируется относительно стабильная *система правил* ее решения (отношений). *Ситуация*, как проблема, выраженная в реальных отношениях между людьми, также может стать регулярно повторяющейся. Соответственно может возникнуть относительно типичная система способов *преобразования одной ситуации в другую*.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для построения теоретических систем знания, основанных на транспредметном, метаисторическом понимании реальности, открывающемся с позиции волн актуальности и учётом явлений дискурса. Практическая значимость раскрывается в опыте высшего и среднего специального образования, социальной проектной деятельности, для формирования теоретических основ технологии рекламы и PR, при разработке законодательных основ названных видов деятельности. Кроме того, исследования дискурса можно использовать для решения практических задач в области создания информационных интеллектуальных систем, развития программного обеспечения, создания новых технологий маркетинга.

Разработанный в диссертационном исследовании дискурсивный подход позволяет: - осознать процессы, в которых мы участвуем, не являясь субъектами этих процессов, т.е. автоматически; - осуществить контроль языка; - «покинуть дискурс» и начать формировать другой; - понять имплицитную цель дискурса; - видеть за «идеями» и «открытиями», проблемы и отношения, вызвавшие их к жизни; - перейти от абстрактных категорий гуманитарных и социальных наук к конкретным, связанным с отношениями и дискурсом; - сблизить, сопоставить предметы исследования гуманитарных и естественных наук, - применять сквозные, интеграционные методы в гуманитарных и социальных науках.

Апробация работы происходила в форме обсуждений на кафедре философии Ивановского государственного университета, Ярославского государственного педагогического университета. Теоретические положения диссертационного исследования были изложены в выступлениях на 24-х конференциях разного уровня, в том числе: Второй международной научно-практической конференции «Социальное партнерство в образовательной сфере: опыт, проблемы и перспективы развития» (Ярославль, 2005); на Международной научно-практической конференции «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2005, 2006); на Четвертой международной научной конференции «Алмазовские чтения»: роль творческой личности в развитии культуры провинциального города» (Ярославль, 2006); на Межвузовской научно-практической конференции «Проблемы методики вузовского образования» (Ярославль, 2006); на Международной научно-практической конференции «Философия в техническом вузе» (Санкт-Петербург, 2007); на Всероссийской научной конференции, посвященной 270-летию со дня рождения П.Г. Демидова. ЯрГУ им. П.Г. Демидова (Ярославль, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012); на Научно-практической конференции, посвященной 50-летию Ярославского филиала ВЗФЭИ «Экономические и социальные проблемы российского общества» (Ярославль, 2008); на Всероссийской научной конференции «Философия или новое интегративное знание» (Ярославль, 2009); на Восьмой международной научно-практической конференции «Формирование профессиональной культуры

специалистов 21 века в техническом университете» (Санкт-Петербург, 2008); на Восьмой Международной научно-практической конференции «Российская государственность и право: современное состояние и перспективы развития» (Москва, 2008, 2009); на Третьей международной научно-практической конференции «Социальное партнёрство в образовательной сфере: опыт, проблемы и перспективы развития» (Ярославль, 2009); на Научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (Иваново, 2010, 2011, 2012; 2013); на Всероссийской научной конференции «Философия и/или новое интегративное знание» (Ярославль, 2011); на Пятой международной научно-теоретической конференции «Коммуникативные стратегии информационного общества» (Санкт-Петербург, 2012, 2013).

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности – 09.00.01 – онтология и теория познания по следующим пунктам: п. 4 «Структура бытия, реальности, существования...»; п. 10 «Онтология пространства и времени... в социальных системах»; п. 11 «Формы самоорганизации и развития материи...»; п. 14 «Соотношение восходящих и нисходящих форм развития»; п. 16 «Перспективы развития техногенной и информационной цивилизации»; п. 18 «Закономерности формирования и обновления философских категорий»; п. 27 «Социальная детерминация отражательных способностей человека»; п. 35 «Закономерности и этапы формирования научных теорий»; п.40 «Специфика критериев истинности знания»; п. 44 «Специфика индивидуального, коллективного и социального познания».

Ключевые положения диссертационной работы отражены в 71-й публикации автора, в том числе двух монографиях и 15 статьях, опубликованных в журналах, входящих в перечень ВАК, в том числе 1 статья в зарубежном журнале из списка Scopus.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический список.

Каждая глава состоит из четырёх параграфов. Общий объем диссертации – 350 страниц. Библиографический список включает 403 наименования, в том числе 53 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. Дискурсивная реальность: история проявления и структурирования

1.1 Дискурс: от реальности к её объектам

Говоря о реальности, различают прежде всего её объективную и субъективную стороны. «В философии под реальностью понимается все существующее в действительности... Объективная реальность – это то, что существует вне сознания человека: пространство, время, движение; субъективную реальность можно определить как явление сознания, ощущения, восприятия...» [344]. Реальностью также называют «совокупность базисных предпосылок, касающихся наличия и сущности воспринимаемого человеком внешнего мира» [266]. Противоположность второго определения – первому это отказ от абсолютного, фиксированного, описания мира и происходящих в нём событий. Исходной позицией при определении реальности может быть как субъект, так и объект, внешний по отношению к субъекту мир. Как ни странно, обе позиции и полученные на их основе определения используются современными учёными совместно, дополнительно, что помогает глубже раскрыть преимущества в понимании реальности обеих определений. На основе этого единства можно утверждать существование сквозного дискурса реальности, объединяющего субъективные и объективные подходы к ней.

Понятие реальности, соединяющее в себе объекты, субъекты и мир человеческого сознания, должно указывать и на способ этого соединения. К примеру, существует фактуальная и интерпретативная реальности, которые должны быть согласованы. Как у Декарта [159, с. 48-49], сон, воображение «удваивают» реальность, но не подменяют одну картину реальности другой полностью. Ни разум, ни чувства не обманывают человека, они, каждый по-своему дополняют друг друга и дают верную картину «многослойной» и сложной

реальности. «Отдельным «слоем» в ней должна быть представлена дискурсивная реальность. Дискурсивная реальность – это преимущественно реальность мнений и знаний о мире, сформированная у человека воздействием на него конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и недискурсивных компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального сознания» [248]. Кроме того, дискурсивная реальность открывает нам пространство иного масштаба, где за реальностью предметных, специальных знаний о мире мы видим развивающиеся и взаимодействующие между собой отношения, подходы к познанию мира, выражаемые локальными, точечными и сквозными, линейными дискурсами.

Реальность, созданная дискурсом, (к примеру, дискурсом СМИ) становится актуальной реальностью для сознания индивидуальных людей в сравнении с реальностью школьных знаний, рассказов родителей и, замещает эти знания, вытесняет их в потенциальность. Настоящим субъектом дискурсивной реальности становится не человек, а дискурс, манипулирующий человеком: дискурс-субъект. Если субъективная реальность необходима человеку для сознательного отношения к миру, то объективная реальность позволяет строить отношения между людьми независимо от их верований, на общей основе, которой до недавнего времени являлись научные знания.

Историчность знаний естественных наук не вызывает у нас возражений, мы соглашаемся что эти знания относительны и практичны. Но тоже мнение, высказанное относительно основ познания, философского и гуманитарного знания встречает внутреннее несогласие. М. Фуко, говоря вначале «Археологии знания» о периодах большой длительности, к которым приковано внимание историков, хочет восстановить единство знания, сделав философию и историю строгими науками. Это может быть сделано, по его мнению, но не с помощью применения точных методов в гуманитарных науках, а с помощью избавления их от идеологической претензии на абсолютное знание и исправления терминологического словаря. Он подвергает критике термины: смысл, значение,

субъект, опыт, медиация, творчество, оригинальность камуфлирующие, по его мнению, знание.

Цель Фуко – сместить центр, «фокус внимания» гуманитариев с непрерывности идеи, воли на историческую конкретику и случайность. В исследовании случайного, не обойтись без соответствующих понятий: событие, серия событий, регулярность, условие возможности. Эти термины М. Фуко отсылают к генетике и математической теории вероятностей: «вероятность – число благоприятных исходов»/серия (благоприятных) событий. Но вместо того, чтобы математически исследовать случайности истории, Фуко в «Словах и вещах» создает историю случайностей, занимается анализом и моделированием исторических ситуаций познания. Его интересует не вероятность неизбежного (благоприятного или неблагоприятного) исхода, а возможность самому построить этот исход, не только предвидение, а «генная инженерия» событий, особая наука которую он называет дискурсией. «Дискурсия – срединная область между общими законами и индивидуальными явлениями, область условий возможности языка и познания» [5, с.26]. Дискурсия – синтетическое понятие, объемлющее совокупность всех возможных дискурсов, есть сила, возникающая из взаимного притяжения теории, Логоса, как попытки опережающего практику познания действительности и практики, опыта, дорефлексивной деятельности, могущей как отставать от теории, так и опережать её. Сила дискурсии при определённых условиях позволяет согласовать движение теории и практики, организовав взаимодействие между ними и, напротив, при других условиях, рассогласовывает, препятствует их взаимодействию. В первом случае она способствует гармоничному развитию науки, общества, культуры, цивилизации. Во втором – множит противоречия между ними, способствует поиску новых теоретических оснований, векторов развития, является источником кризисов и революций.

Дискурс – модус дискурсии – процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя. Различие между отправителем и получателем может быть определено в понятиях субъекта и

объекта, хотя их коммуникативные роли могут меняться. Дискурс всегда связан с содержанием сообщения, но по отношению к этому содержанию он может выступать удобной и прозрачной формой, т.е. полно и точно передавать содержание или влиять на его содержание и даже менять его суть. По отношению к отправителю и получателю (участникам коммуникации) дискурс может выступать как каналом коммуникации, так и самоцелью их взаимодействия, задающей цели и ценности их деятельности.

Философская теория дискурса призвана объяснить, каким образом преобразуется наше мнение о реальности, следствием чего становится возможным преобразование общества, науки, культуры. Как и с помощью чего это происходит? Кем и с какой целью осуществляется? Если дискурсия возникает из взаимодействия двух постоянных составляющих человеческой деятельности: теории и практики, то процесс их взаимодействия предполагает рассмотрение его в понятиях: коммуникации, отношения между ними; передачи информации от одного к другому; средств и методов этой передачи; цели, т.е. предполагаемых изменений в другом и следствий этих изменений. Коммуникация рассматривается здесь как рефлексивное отношение мыслящего субъекта к объекту мысли [229], различающееся по глубине обобщения признаков данного объекта. Передача предполагает отбор, актуальность передаваемого; особую организацию содержания сообщения, возникающую в результате вторичного отношения между единицами передаваемой информации (словами, высказываниями, текстами). Это вторичное отношение зависит от уровня рефлексии (первичного отношения) и выражается в правилах дискурса (элементарных, ситуативных, эвристических и др.). Средством передачи новой информации является определённый метод, социальный институт, т.е. известное содержание, превращённое в форму трансляции другого содержания, ставшее «оболочной» для другого [126]. Целью передачи является то или иное изменение объекта, его способа действий, существования. Следствием такой трансформации объекта является изменение восприятия мира: смена ценностей, приоритетов, целей и способов деятельности человека в нём. Эти следствия обнаруживаются через изменение форм мысли:

смену (преобладавших) образов – новыми идеями, символов – понятиями, понятий – концептами.

Дискурс принято рассматривать в трёх аспектах: с точки зрения внешних, не дискурсивных условий, со стороны его способности преобразовывать содержание, изменяя форму высказываний и с формальной стороны, где дискурс предстаёт последовательностью постановки и решения некоторых задач, создания ситуативных правил. Где, в истории философии мы можем найти примеры ситуативных правил? Это древнейшая китайская система, изложенная в «Книге перемен» [342]; эпос Калевала, где не только ситуации различны, но и имя одного и того же героя изменяется в зависимости от ситуации. Этика и идеология Калевалы в принципе ситуативны: их герой всегда силен духом, напорист, но не всегда прав с точки зрения общества, гармонии жизни. Античная философия, в лице Платона, напротив, ищет всеобщего, постоянства Бытия, вечных законов и, отбрасывает ситуативное как и случайное. История, как и логика безразличны к тому, рассматриваем ли мы мир как череду эпизодов, следующих друг за другом и логически объяснимых в своей индивидуальности или как единый процесс, реализацию всеобщих законов [304] или как-то еще. Дискурсивный метод, напротив, открывает в иллюстрации, модели, учебном диалоге, - модель поведения, способ действий людей, верящих в определенный миф, выполняющих конкретную инструкцию. Какова связь между мифом и способами действий людей, санкционированными этим мифом? Есть ли обратная связь между результатами действий людей и новым мифом, в который они будут верить, расставшись со старым? Такие вопросы могли быть поставлены еще в начале истории познания, но вместо них возник идеал абсолютного знания – «центризм» [181, с.267], сместивший проблематику и вызвавший к жизни другие проблемы теоретического характера.

Проблема историчности знаний это, с другой стороны, проблема их истинности, достоверности, очевидности, соотнесённости с опытом и практикой. Информационное общество традиционно рассматривается как общество изобилия информации, но, это одновременно и общество «информационного хаоса»,

«загрязнения» информацией, поднимающее новые для него проблемы качества этой информации, источника её получения и доверия общества этим источникам. Недостоверная и конъюнктурная информация, распространяемая в обществе с целью извлечения прибыли, отчуждает людей друг от друга и окружающего мира. Попадая в условия информационного хаоса и множественной противоречивости источников друг другу, человек утрачивает целостность представления о мире и самом себе, целостность своей личности [403]. Даже не столкнувшись с такой проблемой, человек информационного общества испытывает информационный голод. Стремясь к истинному знанию, он ищет новые источники информации и теряет доверие к традиционным источникам.

Поиск достоверного знания невозможен без обращения к его гносеологическим «корням», исследования методов и познавательных практик. Одной из этих практик, развившейся в рамках экстерналистского подхода к исследованию процесса познания является дискурс. Его сфера, объединяющая собой все дискурсы – дискурсия – срединная область между общими законами и индивидуальными явлениями, область рефлексии метода, языка и культуры познания. Дискурсом можно назвать процесс предметного мышления, коммуникации и действий, в котором мы участвуем автоматически, не являясь субъектом этого процесса. Дискурсивная установка уходит от противоречивого употребления понятий к исследованию правил их употребления, истории этих правил, семиотического деления мира в процессе его познания.

Дискурс стоит на границе Слова и Жизни, пока что не представленной в слове, логоса, как вербализованной, теоретической реальности и Космоса как невербализованной реальности отношений людей, людей и вещей, жизненной практики. Дискурс – это следствие процесса отношений теории и практики, выход за пределы имеющихся знаний с целью обнаружить причины возникновения, способы производства этих знаний. Подобная постановка проблемы имеет параллель в «философии жизни» А. Бергсона и Ф. Ницше, являвшихся «предтечами» современного постмодернизма. Отношения Слова и Жизни могут иметь различные, в том числе, парадоксальные следствия. Единство дискурса

предполагает определённую гармонию, резонанс между Словом и Жизнью, рождающий иллюзию тождества Мышления и Бытия. Эта иллюзия соответствия становится основой объяснения Мира в целом, создания определённого мировоззрения, производства знаний путём конкретизации неточных понятий. Но сохраняющееся различие между Словом и Жизнью усиливается по мере расширения во времени и пространстве знаний господства конкретного дискурса, что приводит к разрушению изначального резонанса, соответствия между ними и завершается сменой одного дискурса – другим. Попытки «уйти от дискурса», разорвав связь Слова и Жизни, к примеру, направив познание (Слово) на язык, искусство, культуру, человека [212, с.41] – противопоставив их «природе» и Жизни приводят к формализации Слова, либо к возникновению другого дискурса, как резонанса Слова с Бытием человека, его чувствами, социальными отношениями.

В качестве философского понятия дискурс способен «размывать», снимать традиционные дихотомии: «Ставя на место оппозиции реальность-сознание... дискурс как то, что не является ни по себе сущей реальностью, ни по себе сущим сознанием (мышлением, языком), мы получаем возможность действительно иного по сравнению с классической онтологией решения базовых философских проблем» [310, с.36]. Хотя это высказывание, идущее в русле философской задачи М. Фуко, поставленной им перед дискурсом, может быть слишком сильным, методологию дискурса можно использовать в качестве интегрирующей силы, способной объединять различные философские направления. В частности, в философии диалога идеалистическое направление М. Бубера и диалогистов позитивистской направленности. Понятие дискурса могло бы придать систематичность и прагматический контекст диалогизму в духе М. Бубера и с другой стороны, дать онтологическое основание (придать цель, смысл, причинность) позитивистскому пониманию диалога. Следуя методологии дискурса, мы можем утверждать и другое единство – единство естественных и гуманитарных наук, основой которого может стать отказ от абсолютизации общих понятий (метафизики), отвечающих на вопросы о природе, сущности вещей.

Дискурс делает основой любой науки отношения между вещами (реальными или идеализированными объектами) и утверждает производность от опыта (относительность) понятий о них.

Лингвисты представляют дискурс как набор вложенных друг в друга колец, огибающих центр – проблему или область актуальности. Элементы дискурса (высказывания) группируются по степени приближенности-удаленности по отношению к центру. Так возникают такие структурные элементы, как центральная и периферическая область соотносимые как вложенные друг в друга окружности. «Сосуществование дискурсов с другими дискурсами конституирует такой важнейший элемент дискурса, как границу. Структура дискурса может быть представлена центром, центральной областью, периферией и границей» [там же, с.37]. В применении к вербальным, символическим системам это означает, что «...в представлении об объекте формируется или изменяется коннотат, состоящий из разных концентрически расположенных по отношению к денотату уровней. Таким образом, начинают изменяться значения, что становится причиной изменения смыслов» [281, с.23]. Термин «значение» здесь понимается в традиции Г. Фреге, а множественное число «значения» означает наличие у слова виртуального, узуального, актуального и нулевого значений. Близким к понятию «смысл» является только виртуальное значение (статья в толковом словаре), тогда как каждое из остальных является ядерным по отношению к нему и может наличествовать у одних слов и отсутствовать у других. Результатом этого процесса может быть как возникновение новых понятий, так и новая интерпретация уже существующих. А его содержанием является непрерывная трансформация языка, жизни, человека в условиях современности.

Лингвистические теории дискурса в отличие от философской, рассматривают дискурсивные трансформации как смену имён и значений «изменчивых знаков», таких как жизнь, тело, человек, поступок. За собственную интерпретацию этих знаков ведут борьбу дискурсы, конкурирующие друг с другом в современном обществе. В науках о языке термин дискурс употребляется в значениях: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4)

группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная. Можно встретить и более углублённое толкование этого термина: дискурс – произвольный фрагмент текста, концентрирующийся вокруг некоторого опорного концепта.

Локальный дискурс создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса. П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) речь в сосюрсовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание; 2) знак, превосходящий фразу; 3) в рамках теории высказывания или прагматики – воздействие высказывания на получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определённое место высказывания); 4) беседа, как одна из главных форм высказывания; 5) речь с учетом позиции говорящего в отличие от повествовательного типа высказывания; 6) употребление языковых единиц; 7) обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определённой социальной или идеологической позиции (например: «феминистический дискурс», «административный дискурс»); 8) теоретическое «сооружение», необходимое для исследования условий порождения текста [там же, с. 13]. К этой классификации можно добавить невербальные дискурсы, в частности, визуальный и музыкальный.

Ю.С. Степанов характеризует дискурс как: «дискурс – это «язык в языке» [294, с.16], но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в

полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия».

Лингвистические модели дискурса сегодня используются в теории коммуникации, существенно дополняя её и вводя в контекст новых гуманитарных наук, таких как медиология, исследование визуального и т.д. М. Холлидей создает модель дискурса, в которой взаимодействуют три структурных компонента: смысловое (тематическое) поле, тональность (регистр) и способы реализации дискурса. Эти компоненты получают формальное выражение в речи и могут служить объективным основанием для выделения содержательных особенностей коммуникации, которые обусловлены социальным контекстом. Структурно-семиотическое понимание дискурса дано А.-Ж. Греймасом и Ж. Курте в «Объяснительном словаре теории языка». Дискурс интерпретируется ими как семиотический процесс, реализующийся в различных видах «дискурсивных практик», включая собственно языковую практику и практику неязыковую, манифестирующуюся в доступных чувственному восприятию формах, например, жестах.

Мишель Фуко, существенно расширивший употребление термина «дискурс», считал приоритетным установление позиции говорящего, но не по отношению к порождаемому высказыванию, а по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова. Дискурс понимался им функционально, как активная фигура коммуникации, представляя совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности. Сегодня термин «дискурс» рассматривается философами в лингвистическом или коммуникативном смысле [396]. В первом случае термин расширяется до максимальной полноты и, фактически выхолащивается, служит заменой таким словам как работа и исследование, а во втором содержание его значительно обедняется, сужается до

одного из терминов теории коммуникации. Тогда как М. Фуко, введивший дискурс в философию, понимал и трактовал его в онтологическом и гносеологическом смысле, как главный в новой философии и парадигме познания мира. Сегодня, учитывая устоявшуюся в традиции узкую трактовку этого термина, в первоначальном смысле было бы правильнее употреблять термины «дискурсивная практика» и «дискурсивное пространство».

Онтология дискурсивной реальности начинается с убеждения, что мысль стремится охватить целое, находясь в некоторой точке пространства знаков и их значений. Знаковое пространство при этом не изотропно, а размечено выделенными знаками, относящимися к разным предметным областям. Одной из них является синтаксис естественного (человеческого) языка, другими – онтологические категориальные схемы конкретных областей знания. Каждую из систем терминов мы можем рассматривать изолированно от других, как «поверхность рассеивания/упорядочивания» знаков, изучать предметный дискурс с целью лучшего упорядочения этих знаков, т.е. извлечения ценной для нас информации из «библиотеки», огромного массива данных. Такие работы известны [384]. При этом мы будем строить синтаксис и онтологию данной предметной области исходя из знаний сегодняшнего дня, а наш уровень изучения можно будет рассматривать как темпоральный метаязык, созданный для специальных целей. Но если нас интересует мета-уровень знаний о дискурсе в целом, «дискурс о дискурсе», мы должны обратиться к третьему, после истории и логики, собственно дискурсивному «пространству рассеивания». Каждая частная предметная онтология не помещается в нем, но оставляет свой «след» в дискурсивном пространстве. Это пространство также можно назвать гносеологическим (познавательным) или кантовским, поскольку именно там генерируются и откладываются способы построения любых систем знания, а генерация гносеологических систем опережает их законченное, упорядоченное существование в качестве частных онтологий. Гносеологическое пространство не надстраивается над онтологией, а существует рядом, параллельно с ней, как рождение нового параллельно существованию старого. Оно так же размечено, но

его категориями выступают типы проблем, парадоксы, точки бифуркаций теорий и т.д.

Процесс познания в дискурсивной реальности можно представить как определенное движение в пространстве знаков. Точка – мысль начинает двигаться к точке факта, как к своему объекту, облакаясь в знаки, и это движение приобретает для нас форму высказывания. К примеру, один и тот же ряд фактов мысль может структурировать различными путями: от общего – к частному, от частного общему и т.д. используя одну из 4-х фигур силлогизма. В итоге этого движения мысли мы получим теории, основанные на разных правилах – порядках рассмотрения тех же фактов. Познать факт, в строгом смысле значит представить его как высказывание – отношение между терминами. Но чем определяется выбор и объяснительная сила наших терминов? Высказывание есть интерпретация факта и, одновременно ограничение или запрет на иную интерпретацию [262]. Взаимоотношения мысли с реальностью приводят к трансформации высказывания: изменения и дополнения терминов, отношений между ними или их смены. Как правило, такие изменения имеют последовательный, кумулятивный характер. Кроме того, высказывание и система высказываний контактируют с другими системами мысли, выступающими их предпосылками или предпосылками других высказываний [6, с.21]. Обращение к дискурсивному пространству можно оценивать двояко: в случае частных онтологий это способ «быстрого чтения», в процессе которого утрачиваются догадки, окраинные смыслы, во многом и творческий компонент изучаемого текста, его «драматургия». В случае дискурса вообще, его предельного пространства, мы получаем возможность до некоторой степени предвидеть «катастрофы» познания, т.к. познание не есть просто «чтение», извлечение готовых методов и результатов. Переход значительной части субъектов познания на метатеоретический уровень дискурса не отменяет теорию и опыт обычного, «драматического» научного поиска. И такой переход ни в коем случае не должен прерывать и разрушать научное творчество, а напротив, служить вспомогательным эвристическим методом, интенсифицировать его. Предвидя трудности и тупики в развитии

познавательных установок, мы смогли бы управлять процессом, оценивая гносеологические риски постановки тех или иных целей, задач исследования.

Онтологически, нас интересует пространство, в котором движется мысль, включая его границы и внутреннее устройство, траектория движения мысли в этом пространстве, взаимодействие с другими мыслями, условия, при которых мысль достигает определенных результатов, открывая для нас системы знания. А также свойства и особенности этих систем с точки зрения их влияния на последующую мысль. Следуя дискурсивному методу, мы подойдем к значению с его внешней стороны. Для этого потребуется описать некоторые логические и грамматические конструкции, характерные для многих значений. Это путь «сильной» семантики, редуцирующей понятие «смысл», рассматривая его как синоним значения [88]. Гносеологически, мы хотим знать, что даст нам знание о движении мысли в процессе познания дополнительно к самому результату процесса познания. Если это движение, а не только сама мысль, определяет характер, особенности, сроки появления тех или иных теорий, формулировки новых знаний, то его познание существенно. «Археология» и «генеалогия» знания по М. Фуко, открывает пространство влияний, актуальности, предпосылок и идейных последствий тех или иных путей формирования нашего знания. Анализ трансформации терминов и их отношений позволяет контролировать процесс производства знания, сравнивая между собой две теории, говорить не только об их предпосылках, целях и результатах, а о дискурсивных практиках, гарантирующих существование этих теорий и получение ими этих результатов.

В состав дискурса входят системообразующие признаки, совокупность которых позволяет вычленить определённый дискурс из ряда существующих разновидностей. К системообразующим признакам дискурса в лингвистических теориях отнесут следующие: участники (субъекты, объекты); цель; способы общения (стратегии и тактики); базовые ценности; реализуемые функции; дискурсивные формулы. Такой состав характерен для частного, коммуникативного дискурса. Состав дискурса конкретной науки будет иным, в частности, исключая общающихся субъектов, а в качестве базовых

ценностей рассматривающий мировоззренческие установки познания. Дискурс художественного произведения будет строится на понятиях композиции и авторского стиля [1, с.159].

Основные понятия дискурсивной реальности:

Границы (ограниченность, замкнутость) высказываний и их совокупностей:

а) семиотические границы: высказывание может относиться к одному из трех знаковых уровней – говорить о факте, о другом высказывании и о языке, правиле высказываний.

б) границы рассмотрения проблемы: её формулировка задает эти границы, подразумевает ограниченное число вариантов решения.

в) аспектные, тематические границы задаются формулировкой вопросов, исследовательских задач, направленностью исследования к заранее определенной цели.

Высказывание вступает в логические и языковые отношения с другими высказываниями, образуя системы высказываний (теории) или отрицая другие высказывания. Объектами высказываний являются: факт, другое высказывание или язык. Средствами описания объекта высказыванием выступают: понятие, слово, идея, образ, символ, концепт. Проблемность высказывания: формулировка проблемы направляет нас к одному из двух наиболее общих путей её решения: метаязыку или коннотации. В них происходит смена терминов и их отношений, т.е. трансформация высказывания и дискурса в целом. Последовательность высказываний: циклическое повторение вопросов в процессе исследования, возвращение проблемы или возникновение новой. Бифуркация, расхождение трактовок, стратегий и вариантов решения: каковы условия, определяющие предпочтение одного из них? Лингвистическая трактовка дискурса выводит нас к постановке философских вопросов, базовых для его существования. В частности, определения объекта и субъекта дискурса, их активности/пассивности в процессе производства высказываний, соответствие высказываний объективному положению дел и влияния их на практику.

В классическом подходе к исследованию считают, что субъект сам выбирает себе объект и предмет, формулирует проблему, ставит вопросы – задачи, выбирает методы её решения и считает себя свободным в этих вопросах. Следствием этого убеждения становится классификация наук по предметам исследования, познавательная ситуация, рассматриваемая М. Фуко как история идей [295]. Следуя дискурсивному подходу, следует признать, что все эти аспекты научного исследования представляют собой не произвольный набор фактов и методов, а внутренне связанный, самодостаточный интеллектуальный продукт – дискурс. Разные локальные дискурсы могут решать одну и ту же проблему, но подходить к её решению по-разному, ставя разные исследовательские задачи, актуализируя разные смыслы, применяя свои методы и, как следствие, получая разные результаты. Но они же, обладая внутренним единством определённого познавательного отношения к миру, способны объединяться в группы, становится «сквозными дискурсами». К примеру, определяя понятия, пытаюсь найти основания абсолютного знания, Сократ, Платон и Аристотель строят разные дискурсы.

Сократ, (о чем мы узнаем из ранних диалогов Платона) говоря о нравственных качествах человека, таких как смелость, рассудительность, мудрость, достоинство ставит вопрос: что это есть? А затем уточняет, находя аспекты этого качества, его отношения с близкими, сопряженными нравственными категориями, что нередко приводит его собеседников к противоречию с первоначальной мыслью. К примеру:

Сократ: Ну а если справедливость есть знание? Разве более мудрая душа – не более справедливая, а более невежественная – не менее справедливая?

Гиппий: Это так.

Сократ: Ну а если справедливость и то, и другое? Разве не так обстоит дело, что обладая и знанием, и способностью, душа бывает более справедливой, невежественная же душа – менее? Ведь это же неизбежно.

Гиппий: Да, очевидно.

Сократ: Так ведь душа более способная и мудрая оказывается лучшей и более способной совершать и то, и другое – прекрасное и постыдное – в любом деле?

Гиппий: Да. [253, с. 174]. Дискурс Сократа ведет его к родовидовому определению понятия, открывая проблемы их сочетания: зла и свободной воли; справедливости и знания, мудрости и счастья и т.д. В результате оказывается, что наличие одного из положительных качеств у человека не гарантирует наличия других, в их сочетании наблюдаются противоречия и разрывы, так что связное рассуждение удается построить только об отдельных или очень близких нравственных понятиях. Дискурс о моральном человеке распадается на отдельные диалоги о его качествах. Об этом же говорят распространенные фразеологические обороты русского языка: «правда хорошо, а счастье – лучше», «во многом знании – много печали» «не родись красивой, а родись счастливой» и т.д.

Иной, нелогический, а гармонический дискурс о «благородном муже» строит Конфуций. Его волнует не согласованность определений, а «конечный результат». Значение нравственного понятия Конфуцием понимается не через формальное определение, а через его использование, употребление на практике. Следовательно, в его дискурсивной системе, нет и не может быть «мужества», «благородства», «справедливости»... вообще, как таковых. А есть различающиеся между собой справедливость чиновника и торговца, честность учителя, ученика и врача. Есть «женская логика» и «язык детей». «Благородным» человек может быть, только если он соответствует «благородству» своего места в социальной системе. Аналогично мы говорим о «хорошем специалисте» и «хорошем руководителе» не требуя от них абсолютных: честности, справедливости, смелости и т.д.

Попыткой решить эти проблемы причинной связи и взаимной обусловленности понятий, ответом на их противоречия служат поздние диалоги Платона. В «Тимее», к примеру, он говорит о мироустройстве в целом и ставит вопрос: какова причина этого (наблюдаемого мира явлений)? Как можно его познать? Каковы: исток, основание, причинная связь между материей и вещью?

Как, зная только вещи, подняться до понимания идей? Каковы отношения идей между собой? Идей и вещей? Идей и материи? Что опосредует эти отношения? Рациональное объяснение требовало обосновать существование противоположностей в реальности, указав на связь, отношения их между собой. Размышляя над этим вопросом, Платон анализирует различные способы соотнесения, определяет их сначала в формальном смысле: что это? Где оно? Как оно проявляется? Какими качествами обладает? Платон [254, с.470-479] так описывает материю: 1) восприимчива и кормилица всякого рождения; 2) золото, воск, масло без запаха, зеркало; 3) подлежащее, существительное всех определений; 4) пространство, область, пашня. «Материя» у Платона, определяемая с помощью вопросов (логических ходов), в четырех аспектах: «Тимей» [257]. Первый из этих аспектов мы можем назвать внутренней причиной, поскольку материя «вскармливает», наполняет собою отдельные вещи, второй – внешней причиной, поскольку материя дает место, простор для возникновения вещей. Третий – собственное содержание материи, вещество – что есть она сама-по-себе. Четвертый – «всеобщее подлежащее», формальное, теоретическое отражение материи, демонстрируемое в отношениях грамматических форм языка и «априорных» категорий разума: место, время, качество, количество. Они замещают слова «это» и «нечто». Наилучшим формальным определением становится грамматическая метафора: «всеобщее подлежащее» [там же]. У него уже имеется идея (значение понятия) «материя», но отсутствует лексическое выражение этого понятия. Дискурс Платона ищет всеобщего: материи, идеи, мастера-демиурга, соединяющих мир в единство безотносительно к качествам отдельных явлений этого мира. Для того чтобы эта связь была «крепче», кроме содержательного единства Платон строит формальное. Понятие «материя» в качестве «материала вообще», становится формально необходимым третьим термином наряду с «идеей» и «вещью», объясняющим взаимоотношения между ними в конкретных явлениях. Имея три термина, можно построить умозаключение типа силлогизма:

Вещи не идеальны.

Идеи – сущности вещей.

Кроме идей вещи должны включать в себя материю.

Таким образом, строится целостная и непротиворечивая теория, рационально объясняющая присутствие «идей» в вещах и убедительно трактующая единство противоположностей в реальности. Но безкачественное единство всеобщих связей и отношений плохо сочетается с богатством и разнообразием качеств явлений материальной реальности. Дискурс вынуждает Платона отдать качества миру идей, сделав реальные вещи «отражениями» и «теньями» слепящего солнца идеального мира. Картина единого мира вновь расслаивается, разрывается, но разделяют её не противоречия между качественными понятиями, а противоречия качественного и безкачественного. Платон мыслил материю как фон, безразличный к происходящему, принципиально инертный. Это та самая «стена, на которой отражаются тени» из мифа о пещере. Тьма, противоположность света, падающего на стену и свет, просветляющий эту тьму. Зеркало, отражающее реальность и позволяющее отделять от нее ее сущность. Не будет стены – и теням негде будет показать себя. Не будет «точки отсчета», и все теории мира потеряют свою убедительность. Так как именно то или иное значение понятия материи придает им конкретность [там же]. Тогда как идеальный мир (чего требовал сказать дискурс), есть солнце качеств: чем ярче светит солнце, тем теплее море, ярче зелень, прозрачнее вода, вкуснее хлеб и т.д. Между «землей» - материей и солнцем – идеей есть некое зеркало – умопостигаемый, умозрительный мир законов этого разделенного (но утверждаемого как единый!) мира. Разрыв здесь не скрывается, а онтологизируется, утверждается как метафизически необходимый, следовательно, сохраняется и проблема.

Дискурс Аристотеля развивается принципиально иначе: сохранение качеств за материальными вещами потребовало переустройства понятийного, теоретического мира. Имея в виду ту же самую проблему мироустройства, Аристотель выделяет в ней практические аспекты. Универсальное понятие бытия у него распадается на ряд (структуру) аналитических категорий: кто? Что?

Откуда? Сколько? Какой? Когда? Где? Это грамматика, открывающая путь дальнейшей формализации понятия в логике. У него внутренняя форма определяет материю - в каждом особом случае – по-своему, для чего существуют типы форм (человек, собака, лошадь, животное). Придание идеальной форме материального характера создало сложность множества причин, оснований Бытия. Само Бытие (постоянство) в концепции Аристотеля было разделено на виды, одним из которых была названа возможность. Но существование возможности есть, одновременно не существование ее в материальной действительности. «Возможность» есть в некотором смысле небытие, Ничто. Этот онтологический парадокс, воспроизведенный впоследствии Г. Гегелем. Следствием формально-логической направленности рассуждения Аристотеля стало убеждение в единстве предмета и метода, реального противоречия и его теоретического описания. Дискурс предписывает ему не делать заявлений об идеальном и умопостигаемом единстве мира, а просто постулировать его как формальное единство, говоря о реальном множестве, противоречиях и разрывах мира явлений.

К примеру: «Мы же утверждаем, что не всякое знание доказывающее, а знание непосредственных [начал] недоказуемо. И очевидно, что это необходимо так, ибо если необходимо знать предшествующие [посылки], т. е. те, из которых исходит доказательство, — останавливаются же когда-нибудь на чем-нибудь непосредственном, — то это непосредственное необходимо недоказуемо. А потому мы говорим так: есть не только наука, но и некоторое ее начало, благодаря которому нам становятся известными определения. А что по кругу вообще нельзя доказывать, — это ясно, так как доказательство следует вести из предшествующего и более известного. Ведь невозможно чтобы одно и то же для одного и того же было в одно и то же время и предшествующим и последующим, разве только пользуются другим способом [доказательства], основывающимся на различии между предшествующим для нас и предшествующим безусловно, каким именно способом дает знание наведение. Но если это так, то не надлежащим образом было бы определено безусловное знание,

а оно [понималось бы] двойко, или другой [способ] доказательства, основывающийся на более известном для нас, не был бы [способом] доказательства в безусловном смысле» [20., с. 47]. Здесь не только познанный мир, но и знание о мире оказывается разделенным на непосредственное, недоказуемое и знание опосредованное, логически доказанное и выводное. Универсальное понятие, по крайней мере, его призрак, присутствует в дискурсе Аристотеля как принцип формального деления признаков (свойств) любого предмета на единичные, общие и особенные. Единичное – признак предмета, находящийся в отношении несходства к признакам всех предметов определенного, фиксированного класса. Общее – признак, сходный с признаками всех предметов фиксированного класса. А также закономерная форма связи вещей, явлений и процессов в составе целого. Особенное – признак, сходный с признаками одних и не сходный с признаками других предметов фиксированного класса. То есть, все три: единичное, общее и особенное являются признаками. Все три присутствуют в объекте, который будучи единственным представителем реальности, онтологизируется и замыкает мысль на себе. Общее – единое во многом. Общее как закон выражается в единичном и через единичное. То есть, источником общего и особенного является единичное.

Платоновский ход мысли предполагал другой результат: мы либо открываем объективные законы – условия Бытия вообще (такие как: симметрия, красота, благо) либо определенным образом формулируем цели, идеалы, образцы совершенных вещей и сверяем по ним наши реальные достижения. Вещь может быть лучше или хуже, но познавая ее, мы должны (априори) понимать границы ее бытия: какой она должна быть и какой не должна (в данных условиях). Условия внеположены миру вещей и, всегда свободны от его «произвола». Причина мира либо известна нам, либо создана нами. Это путь иерархии сущностей, где особенное может отражаться (и искажаться) в единичном, но всегда существует в общем (как закон для единичного). Единичное есть объект, общее есть класс объектов, а особенное есть критерий отнесения конкретного объекта к определенной систематической группе. Особенное – мир идей, познание которого

никак не связано с любой из конкретных наук. В предметно-практическом мире мы, как правило, имеем дело с конечными вещами, а не с языком, человечеством или жизнью вообще. Эти конечные вещи, как указал И. Кант, мы можем познавать ограниченно, поскольку ограничен наш набор инструментов познания (категорий особенного) [103]. Поднять знание предмета на качественно новый уровень можно только с помощью нового инструмента, а не с помощью новой манипуляции старым. Созданием этих инструментов и должна заниматься философия. Она может это делать и делает, когда направляет мысль от единичного и отдельного к общему и особенному и далее, к причине особенного, материи. Спор, открытое противостояние двух теорий, открывал достоинства и недостатки каждой, а также их общую основу – убеждение в постоянстве бытия и интеллектуализм, рациональность познающего это бытие человека.

Следуя мысли М. Фуко, можно сделать модель понятийного дискурса Античности. Основной проблемой данного дискурса является проблема единства и постоянства мира в условиях непостоянства его явлений. Такая постановка проблемы допускает два возможных теоретических построения: коннотативное, основанное на универсальном понятии и метаязыковое, предусматривающее создание иерархии категорий, той или иной классификации теоретических терминов (родовидовое определение), служащей для классификации форм и видов вещей.

Сократ, в своем дискурсе, поставил проблему постоянства знаний (понятий) о непостоянном мире, Платон развил это представление до теории идей, открывающейся в процессе абстрагирования качеств из явлений материальной природы, а Аристотель, создав формальную логику, «вернул» качества – вещам, указав на причинную связь между вещью и знанием о ней. Дальнейшее развитие и конкуренция этих дискурсов вела к исчерпанию познавательных средств и объяснительной силы их понятий, делая неизбежной трансформацию всего сквозного дискурса, начавшуюся в позднем Средневековье.

Дискурсивное различие в постановке проблем, основной направленности и цели познания становится очевидным в истории науки, отличая одну научную

эпоху от другой. Абстрактно-теоретический вопрос: что это есть?; характерный для античности, принципиально отличен от основного познавательного вопроса Нового времени: как это работает? В целом, каждый дискурс организует процесс познания некоторыми вопросами, подобными кантовским *argiori*: мы формально знаем то, о чем хотели бы спросить Природу содержательно, т.е. мы сформировали некоторый метод, дискурсивный подход к проблеме. Направляя свое исследование, мы проверяем гипотезу, применяя на практике готовые интеллектуальные формы и методы. Мы можем убедиться в своей правоте или неправоте, но не можем прийти к принципиально другой гипотезе. Основные принципы, выступающие границами в постановке проблемы, разрешают далеко не все возможные варианты её решения и, тем самым, структурируют содержание исследования.

Таким образом, дискурсия – сила, соединяющая теорию и практику, порождает дискурсы как конкретные виды этой связи, «автоматы» по реализации авторского желания-интенции, соединяющие мысль со способом её реализации. А.Н. Уайтхед утверждал, что открытием XIX века стало создание «метода открытия» [305, с.156], состоявшего в том, что искомая конструкция разрабатывалась от общего – к частному, в обратном порядке. Это означает создание способов реализации искомым желаний, эффектов, беря их в качестве начального пункта. Б. Рассел говорил о «технике подвешенного суждения», которая идет дальше по тому же пути, предвидя уже не само желание, а его воздействие на окружающих. В дискурсах способ реализации интенции, как и сама интенция, обобщается от конструирования объекта желания к выделению способа нашего конструирования, обобщению способа до теории объекта и обобщения теории до мировоззрения и философии. Приблизительно такой путь становления проходит теория К. Маркса: свободное время (для рабочих) – труд – трудовая теория стоимости – марксизм. В этом процессе поэтапной рефлексии, где результат первого этапа становится предметом анализа на втором и т.д., происходит становление машины самоподтверждения дискурса, «машины желаний», несущей в себе имманентную цель, систему ценностей (исключений,

границ применения), объективирующую субъективное желание в социальную норму, институт, т.е. догматическую практику. Дискурс может развиваться как смысловой ряд понятий, последовательно обосновывающих друг друга и в конце зацикливающихся в единый комплекс.

Развитие способов нашего осмысления объекта приводит к обесцениванию и трансформации этого объекта в объективированное желание, интенциональный жанр. Способ соответствует своему объекту, на производство которого он направлен. А технология производства знака, как главного элемента теории определяет технологию производства объекта, на который направлена эта теория. Познание объекта подменяется познанием способа его познания. Промежуточный результат, технология становится важнее конечного результата – продукта. Знаками могут являться предметы, процессы, функции, системы, сети, каналы. Они же будут являться способами производства объектов и главными продуктами технологии. При этом каждый дискурс стремится расширить сферу своего применения, т.е. сделать локальное – глобальным, частное – общечеловеческим.

1.2 Коммуникация как отношение, задающее направленность дискурса

Возможно ли существование коммуникации без дискурса, т.е. без передачи собеседнику какой-либо информации, меняющей его состояние или вынуждающей его к совершению каких-либо действий? Если начать с намерений коммуникантов, то они могут не совпадать с той информацией, которой они обмениваются (вынужденно), как участники некоторого социального взаимодействия. Отсюда возможность противоречий мысли и действия, противоречивых чувств, которые начинают испытывать собеседники друг к другу в процессе коммуникации. Это «любовь, которая ранит», формализм отношений, противоречия чувства и долга, нравственности и законности и т.д. Независимость коммуникации от диалога и дискурса, как социально упорядоченных систем обмена знаниями, предметами и т.д. можно обосновать отличием коммуникативной функции языка от когнитивной и информационной [87].

Осуществление коммуникации с помощью языка требует гораздо меньшего запаса слов, знания грамматических конструкций, чем другие функции языка. Коммуникация «в чистом виде» предполагает когеренцию эмоциональных состояний коммуникантов, а не обмен, передачу или воздействие одного на другого. Множество примеров русской философии могут подкрепить данный тезис.

Если коммуникация осуществляет первичный контакт, эмоциональное взаимопонимание между людьми, то дискурс обеспечивает когнитивную, информационную, социальную и ряд других функций языка, осуществляя такую репрезентацию мира, которая может изменить этот мир. Разделяют эту позицию У. Матурана и Ф. Варела [208]. Согласно им, в коммуникации нет «передачи информации»: ведь происходящее с организмом — его действия и восприятия — определяется его собственными внутренними процессами, а не возмущающим воздействием; «феномен коммуникации зависит не от того, что передаётся, а от того, что происходит с тем, кто получает передаваемое» [208, с.96]. То есть коммуникация без слов, как взаимная индукция чувств, действий, поведения людей.

Коммуникация в этом смысле представляется ритуалом, не имеющим собственного содержания, но служащим передаче имплицитного содержания, индуцированию эмоционального состояния – всякий раз нового и «вдыхающего жизнь» в преднамеренно «мертвый» ритуал. Прообразом такой коммуникации может служить чайная церемония, в ходе которой (без слов) в Японии решались как вопросы брака, так и войны и мира. Дискурс начинается с коммуникации, общения между людьми – субъектами этого дискурса, но характер той информации, которой они обмениваются в ходе своего общения заставляет их соотносить эту информацию с образом мира и, стать соучастниками этой информации. Степень соучастия будет зависеть от ценности, актуальности этой информации и её соответствия общепринятым ценностям и образу мира. Здесь возможны как эмоциональная когеренция, плюрализм мнений и оценок, так и трансформация общепринятых ценностей. Дискурс может сделать соучастников

информационного обмена единомышленниками, которые смогут предпринять определённые действия для реализации своих идеалов. То есть дискурс может создать социальный институт, призванный передавать определённые знания и несущий конкретные ценности, идеалы, образ будущего [126].

Основу коммуникации составляет прошлое, неактуальное знание (этикет), она есть знак, значением которого является актуальное знание, существующее в иной форме рациональности. По отношению к данной коммуникации такое знание может быть только имплицитным, выразимым через контекст. Попытка рационализировать такое знание, то есть сделать его явным, способна обесмыслить его, свести новое к старому, не дать проявиться новой форме рационального, в которой только и может быть выражено новое знание. Сохранение двойной рациональности – как знания, так и коммуникации, возможно благодаря третьей, рефлексивной, нейтральной позиции – рациональности наблюдателя, «расставляющего акценты» и представляющего коммуникацию необходимым ритуалом для передачи нового знания в его собственной форме. Дискурс способен осуществлять (формальную) коммуникацию, т.е. индукцию эмоциональных состояний людей с помощью эффекта подражания, тиражирования образцов поведения и т.д. Для исследования контекста социальной коммуникации важно, что в дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их знания, определяется социокультурная ситуация. Коммуникация выступает операцией дискурса, одним из средств сохранения или преобразования (в зависимости от цели и содержания) наличной ситуации.

В отличие от дискурса, коммуникация не может создать новую фигуру речи. Она сеть, канал, способ распространения, но не активный процесс производства нового знания. Большинство людей, как правило, повторяют старые фигуры, а не создают новые. Впервые эту фигуру может сконструировать отдельный мыслитель, а затем транслировать её в общество посредством своих книг. Неслучайно Ф. Бэкон считал коммуникацию одним из идолов разума,

подлежащим устранению. «Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы... Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям» [70, с.74]. Мы знаем немало примеров насильственного установления определенных слов и дискурсов: введение новой орфографии после революции 1917 года в России, реформа алфавита, проведенная так же после революции Атаюрка, реформа китайского языка, проведенная Мао Цзе Дуном. Подкрепляли эти реформы изменения календаря, исчисления времени, организация «специальных событий» в виде новых праздников, демонстраций, военных парадов и т.д. Которые выходили за рамки общепринятых представлений о коммуникации: они служили трансляции, передаче новых ценностей, образцов поведения, отношений между людьми от одного поколения – к другому, т.е. «покорению времени» и продлению существования данного режима, социального института в возможно долгое будущее.

Характерно выражение Д. Оруэла: «старомыслы не нутрят англоц». Вот эту ситуацию и призван преодолеть дискурс, трансформировав «старых» людей и общество в «новых». Примерами могут служить «новые люди» Тургенева, «советский человек», «новый человек» Перестройки, «новый русский», противопоставляемые всякий раз людям прошлой эпохи, «старым» [246, с.158]. Новая эпоха, как правило, подразумевает этот феномен: соответствующего ей «нового человека»: «Изменение режима власти это вначале скрытое изменение языка власти» [161, с.12]. Коммуникация распространяет то, что создал дискурс власти, науки, истории, а люди определяют своё отношение к содержанию, распространяемому коммуникацией, занимают определённую позицию по отношению к этому содержанию, находя аргументы в пользу своей позиции и создавая новые дискурсы.

Коммуникативная точка зрения на дискурс, предполагающая существование его субъекта, должна подразумевать не только точку отсчета определенного речевого акта, а некое новое единство, не сводимое к единству высказывания,

смысла, структуры макролокуции. Это некое скрытое намерение, подразумеваемое за именем соответствующего субъекта коммуникации. В дискурсной коммуникации функцию субъекта берет на себя сам дискурс, причем как в отношении своих элементов, так и в отношении других дискурсов. Он разворачивает (навязывает) свои правила, предписывает роли людям, вещам, явлениям, ценностно окрашивает их и оценивает их деятельность не только в терминах истина/ложь, но и всего спектра возможных оценок. Если, к примеру, рассматривать архетипы, выделенные К. Юнгом как типы социальных отношений и ролей, предписываемых человеку социальным дискурсом, то можно заметить заданность, запрограммированность этой коммуникации. «Истинная» коммуникация здесь осуществляется не между людьми, а между виртуальными конструктами: образами анимы, анимуса, мудрого старца, тени, самости и т.д. Содержание «пьесы» известно. Меняются только фон, число действующих лиц в каждой конкретной сцене и последовательность их реплик. Свобода человека сводится к вариации этих трех параметров.

Дискурс, как определенная программа действий, оценок, реакций на внешние вызовы, начинается, разворачивается и затухает ввиду исчерпания вызвавшей её актуальности и средств реагирования на эту актуальность. Актуальность представляет собой разрыв коммуникации, непонимание, проблему и решение этой проблемы, за которое «берётся» дискурс. Он может развиваться как «в пользу» коммуникации, т.е. восстановлению прежнего порядка, так и «во вред» - на установление нового порядка отношений, выделения особой группы людей, идей, смыслов [298].

Преобладающий дискурс стремится истолковать другие, одновременно сосуществующие с ним дискурсы в своих понятиях, подчинить своей «программе». Другие дискурсы предлагают альтернативные программы, приспособляются к господству данного, стремятся «растворить» его программу в своей или навязать часть своей программы господствующему дискурсу. Кроме того, альтернативные дискурсы конкурируют друг с другом. Так, современная тенденция к демократизации, уравнивания в правах различных,

институциональных и неинституциональных дискурсов, может быть полезной, нейтральной и смертельно опасной для них.

К примеру, обсуждение на телевидении, с приглашением ученых, псевдонаучных идей: о первичности русского языка на Земле, о древних космонавтах, живых динозаврах, опасны для научного мировоззрения. Дело в том, что существуют: научный, научно-популярный и псевдонаучный (любительский) познавательные дискурсы. В каждом из них осуществляется процесс познания, но по-разному: наука открывает новые законы, следуя строгому методу и проверяя свои результаты, научно-популярный дискурс делает доступным достижения, открытия науки для широкой аудитории, не демонстрируя методов и противоречий самой науки (доверяя в этом ей). А любительский дискурс показывает возможность делать маленькие открытия в повседневной практике, восхищаться тайнами мироздания, ставить вопросы, на которые пока нет ответов у науки. Любой из этих дискурсов может быть представлен в дискурсе современных СМИ, стать темой газетной статьи, передачи радио или телевидения. Но дискурс СМИ имеет свои правила (которым и обучают на факультетах журналистики). В частности, он должен представлять актуальную, важную информацию в наиболее интересной художественной форме – своей целевой аудитории.

Дискурс СМИ остается институциональным, востребованным обществом пока он следует своим правилам, «своей природе», т.е. соединяет целевую аудиторию с источником информации, в которой она нуждается. Как правило, источником является один дискурс в одном журналистском произведении, к источнику, со стороны СМИ должно быть проявлено благожелательное, но и критичное отношение, в котором и раскрывается социальная значимость этого дискурса. Поэтому научный, научно-популярный и любительский дискурсы не должны смешиваться в одном журналистском произведении, так как общение между ними невозможно без промежуточного образовательного процесса: прояснения понятий, законов, допустимых обобщений. Альтернативные дискурсы

конкурируют друг с другом, но обладая разной актуальностью, не могут считаться равными соперниками.

Научный дискурс нельзя «ставить на одну доску» с любительским – псевдонаучным, т.к. это приводит к размыванию границ науки, к отрицанию её метода. И тогда оказывается, что любую, приятную для нас идею можно подтвердить неким методом, любые слова можно аргументировать «фактами», состоящими из других слов. Ученый может выступать любителем в ином, к примеру, художественном дискурсе, но любитель науки не может заменить ученого, встать на его место, как ученик не может заменить педагога, а ребёнок – родителя. Для дискурса науки отношение ученый/предмет познания, главное, доминирующее отношение, без него наука уже не будет самой собой, не будет выполнять свою главную социальную функцию – поиска нового знания. Дискурс СМИ, как и дискурс науки, иногда выполняют несвойственную им функцию – обслуживание интересов власти и бизнеса, достижение популярности любой ценой. Что обесмысливает, лишает институциональности эти дискурсы (чаще конкретных ученых и журналистов) в глазах общества, ожидающего от них иных результатов их труда. Размывание границ институциональной науки чревато её потерей, заменой каким-нибудь, любым познанием: от псевдонаучного до псевдорелигиозного, включая их смешение. Так, в Средневековой Европе место эмпирической науки занимала алхимия, столетия занятая поисками эликсира бессмертия и трансмутации металлов. Астрономия смешивалась с астрологией, что в целом тормозило развитие человеческих знаний. Древние Китай и Индия потеряли зачатки науки после монгольского завоевания и так и не смогли восстановить, сделать институциональной свою науку до прихода европейцев.

Ю. Хабермас подчиняет дискурс в качестве метода, целям коммуникации: взаимопониманию, созданию «идеальной речевой ситуации», достижению консенсуса. К примеру, он пишет: «Понимание, которое должно сложиться в ситуации – не предзадано и не запрограммировано, не осуществляется автоматически» [324, с. 103]. Дискурс же, как «автоматический», заданный множеством элементов и действий процесс не преследует цели «понимания», а

осуществляется как «событие бытия» (по Бахтину). Дискурс – категория сущего, а не должного. Философ пытается подчинить дискурс человеческой воле, направить к разумным целям, в частности – цели понимания. Но где гарантия, что эти «разумные цели» действительно разумны, а не заданы другим дискурсом? Историчность истины, как это показал М. Фуко, есть функция дискурса, а не разума. Есть ли у нас техника, позволяющая покорить природу дискурса?

Строя идеальные речевые ситуации, Ю. Хабермас пытается принудить, направить дискурс против дискурса. Он пишет: «Дискурс - это как бы «приостановка» чисто внешних принуждений к действию, новое обдумывание и аргументирование субъектами действий их мотивов, намерений, ожиданий, т.е. собственно притязаний, их «проблематизация» [325, с. 142]. Кроме обслуживания коммуникативных целей и стратегий, дискурс рассматривается философом как собственно логико-языковой процесс, результаты которого должны быть истинными (в формально-логическом смысле). Причем эта истина должна быть действительна в трех мирах: объективном, социальном и субъективном. Но в результате «захваченным» дискурсом собственной теории оказывается сам Ю. Хабермас. Он уже не познаёт реальность, а предписывает ей способы существования, в дискурсе он видит не объективный процесс, а объект своего желания – «правильно» устроенный мир – т.е. очередной дискурс.

Природа дискурса, на наш взгляд, связана как с коммуникативной, так и с когнитивной способностью человека и именно последняя способность может вводить нас в заблуждение, убеждая в «истинности» картины, созданной дискурсом. Из этого противоречия человека с самим собой есть только один выход – расширение собственных способностей, выход за пределы природного тела, в том числе – ментального. Таким расширением является техника мысли – нейтральная по отношению к своему содержанию и независимая от конкретных дискурсов. Техника мысли – это эвристическая способность производить новые понятия и другие устойчивые интеллектуальные формы из спонтанно возникающих конструкций дискурса. В отличие от предлагавшихся ранее «техник мышления» Ясперса, Ю. Хабермаса, Р. Рорти, трансдискурсивная техника мысли

должна быть подкреплена конструкциями языка и методом воспроизводства этих конструкций. Будучи индифферентна к своему содержанию, она сможет избежать идеологической абсолютизации, т.е. превращения в очередной дискурс [397].

«Цель дискурса,- пишет Хабермас, - так же как цель коммуникативного действия и аргументации, заключается в достижении соглашения относительно предмета коммуникации» [324, с.107]. Но у стихийно возникающего дискурса, обретающего в дальнейшем форму «материализованной организации» [126], т.е. социального института, нет и не может быть, цели достижения консенсуса – иначе, он не состоялся бы как дискурс, растворился в этом консенсусе. Консенсус – это не способ движения вперед, не способ открытия и утверждения истины, являющейся инструментом борьбы нового со старым. Консенсус – это утверждение силы, это капитуляция слабого перед сильным. Консенсус может быть важен в политике и бизнесе, но он вреден в науке и далеко не всегда прогрессивен в жизни общества.

Можно предполагать, что у дискурса как определённого способа и предмета, автоматизма мысли, вообще нет внешних по отношению к нему целей. Дискурс, рассмотренный в методологии М. Фуко и в целом, постмодерна не предполагает подобных свойств. Дискурс рассматривается здесь как объективный, хотя и социально, прагматически обусловленный процесс, протекающий благодаря языку и деятельности.

Конструктивная роль коммуникации в становлении дискурса, имеет исторические примеры. Жак Гийому пишет следующее: «Академия, главный судья языка, не может помешать быстрому росту, начиная с 1730-х годов, «новых непрозрачных дикурсов», в которых слова и вещи никак не связаны между собой, а значит, утрачивают свой смысл. Таким образом, именно «злоупотребление словами» определяет преобладание того или иного способа выражения» [101, с.106]. Участники коммуникации, вступая в отношения друг с другом, занимают социальные позиции, высказывая речевые акты, задавая им место в дискурсе. При этом логика их взаимоотношений часто совпадает со структурами дискурса, который складывается в процессе этих отношений.

Коммуникация, рассмотренная как социальный синтаксис, в случае совпадения со своим содержанием (семантикой) усиливает последнюю, представляется как естественное движение мысли. А в случае несовпадения, открывает противоречия, что, в свою очередь может приводить к непониманию содержания и необходимости его интерпретации. Письмо (монологический, письменный дискурс) способно создавать события мысли на бумаге, а коммуникация создает события в социальной сфере. Отсюда: «Революция гомологична письму» писала Ю. Кристева. Событие дискурса предполагает направленность коммуникации, которую можно обнаружить через образ литературного героя. В нем осуществляется коммуникация читателя и автора: идеи автора накладываются на знания читателя и «оживляют» их новым смыслом или открывают противоречие знаний читателя и автора. В последнем случае произведение разворачивается как диалог знаний, актуализированных авторскими идеями.

Авторская техника мысли в постмодернистском тексте «рассеивает» героя на множество мотивов, внутренних (идеальных) и внешних, прагматических целей. Это необходимо сделать, так как исторический контекст, дискурс столетнего прошлого выглядит неактуальным и неинтересным современному читателю. С другой стороны, отвергнув этот дискурс, ему будет не на что «опереться» в понимании сложного мира современности. Сделать историю современной – значит соединить современность и историю – найти общее в различном, открыв тем самым для понимания и использования опыт прошлого. Старый и новый дискурсы могут как соответствовать друг другу, так и входить в явный конфликт. Но будучи «рассеяны» в своей целостности, они уже не могут обманывать читателя, не могут «подсовывать» ему готовые объяснения происходящего, приписывать ему чужие мотивы, цели и ценности. Схема разрушена, «зеркало» дискурса разбито, остается соединить осколки так, чтобы увидеть историчность современного, взять чужой опыт, отвергнув чужие заблуждения. Читатель наблюдает «путешествие» героя по «осколкам» -

смысловым рядам, некоторые из которых он выбирает сам, а другие «выбирают» его, выступая как внешние обстоятельства его жизни.

У В. Пелевина герой распадается на интенцию автора и маску, выражающую рефлексию автора над всеми подобными героями той эпохи. Близкое знакомство читателя с историческими персонажами той эпохи и, новое прочтение этих персонажей делают псевдоисторический рассказ – современным и интересным читателю. Сталкиваясь в произведении с множеством конфликтующих идей, читатель начинает «игру» с ними, занимает позицию в этой игре и находит «условие возможности», легитимность своей позиции. Далее остается только следить за перипетиями индивидуальной судьбы читателя-игрока на «поле» игры-произведения. Целостность дискурса в таком произведении выполняет роль, рассеяния/собираения смысла. Коммуникация здесь выступает техникой реализации авторского замысла, идеи.

То, с чем мы имеем дело в готовом виде, читая монологический, логически организованный текст, в постмодернистском произведении предстает в виде открытой системы. Коммуникация смыслов в нём представляется последовательностью событий, а событие понимается как присутствующее бытие, событие человека с другими (идея Dasein М. Хайдеггера). Понятие «событие» сегодня активно используется науками о коммуникации: события не только изучаются, но и организуются специально, в частности, в событийном маркетинге. Как пишет Е.А. Каверина, «Под «специальным событием» понимается действие, целенаправленно организованное для трансляции идей, ценностей, сообщений, выражающих и служащих достижению мировоззренческих, информационных, репутационных имиджевых... целей какого-либо сообщества» [162, с.4-5]. Событие может пониматься и как процесс, и как результат этого процесса. За событием, в частности, закрепляют «функцию формирования публичного дискурса», а их создание является технологией организации и «запуска» (готового) дискурса в публичное информационное пространство [там же, с.21]. Но событие коммуникации строится как различие отношений персон друг к другу, как драма, делающая очевидной оценку этих

отношений и предлагающая зрителю принятие/непринятие обоснованной ею «истины».

Развитие «сюжета» этой «драмы» приводит к тому, что множество людей, сосредоточенных на решении одной актуальной проблемы, создают новый концепт, который указывает путь к решению этой проблемы и будет способен изменить мировоззрение этих людей, создав схему, прототип будущего дискурса. Примером такой схемы может быть политический термин «Национальная Ассамблея» - оригинальное имя парламента Франции, изобретенное в условиях революционной ситуации. Это событие произошло, как пишет Жак Гийому, «благодаря формированию демократического публичного пространства» 6 мая 1789 года и приобрело «принципиальное перформативное измерение в качестве субъекта декларации могущества французской нации». Лингвистическим средством формирования нового концепта-высказывания стала трансформация, в которой участвовало два языка: французский и английский. Французская конструкция «Национальное собрание» и английская «House of Commons», производная от неё «Communis» - общины, коммун [101, с.108]. Использование английских слов было не случайным: образцом для французских депутатов была английская палата общин. Таким образом возникает трансформирующее дискурс высказывание – схема, структурирующая множество высказываний, т.е. дискурсивная структура второго порядка. Это особые высказывания, являются «срединными правилами», задающие алгоритм построения и рефлексии дискурса.

К примеру, в начале 19 века граф С.С. Уваров выдвинул новую для России концепцию «народности» как часть формулы: «самодержавие, православие, народность», которая должна была выполнять охранительную роль предотвращения революций. Идея народности представляла упрощённый вариант западной идеи нации и должна была служить социальной ответственности власти, сглаживать социальные противоречия. При Николае I это была официальная политическая доктрина, развиваемая частью академического сообщества и дискурсом СМИ. После Крымской войны от неё отказались, а затем разные политические силы возрождали вновь, вплоть до революции 1917 года. Доктрина

«народности» также выражала классовый характер общества, как и революционная доктрина, но в отличие от последней пыталась утвердить мирные, гармоничные отношения между классами, апеллируя к «извечности» феодально-классовых порядков. Поэтому её способность объединять общество была ограниченной.

Из примеров недавней истории СССР и России это лозунги М.С. Горбачева: «Перестройка. Гласность. Демократизация». Здесь явно выражено типичное для советского бюрократического языка двоемыслие: перестройка – «наша», она не есть безличная «реформа» и не есть «революция». Перестройка – может быть больше или меньше: от перестройки всего «дома» - страны, до «перестановки мебели» - смены личностей, занимающих ответственные посты в этой стране. Перестройка безразлична ко времени: она может продолжаться долго, закончится внезапно, начаться заново, пойти вспять и т.д. Аналогичные трактовки можно привести к лозунгам «гласность» и «демократизация». Они заведомо половинчаты, двусмысленны, не раскрывают своего реального содержания, поскольку не имеют какого-либо определенного содержания. Они «текучи», указывают направление, служат знаком для «своих» адептов и должны служить обманом для «чужих», «врагов». Неточность, двусмысленность термина воспринимается как нечестность, двуличность его автора [80, с.90]. Эти термины выражают смятение чувств: сомнение в успехе собственного начинания, в силах «своих» и в интеллекте «чужих», с которыми нельзя говорить открыто, а следует скрывать свои намерения, выдавать желаемое для себя за желаемое для них и т.д. Другой пример: «мочить в сортире», где еще резче выражено разделение общества на своих и чужих, «наших» и не наших. Причем высказывание было сказано, обращено не к тем, кого «надо мочить», а к слушателям, тем, кто еще не определился с выбором. Подробно об этом примере [76, с.162-166]. Эти примеры показывают феодально-классовое, то есть до- национальное и до- гражданское устройство российского общества с отстраненно-враждебными отношениями между классами. Каждое из этих высказываний, структурирующих понимание эпохи, являлось правилом деятельности, практическим принципом еще до того,

как было сказано. Оно не говорит о будущем, не предупреждает, а объявляет свершившийся факт – нормой отношений. Факт-отношение выступает «точкой отсчёта» нового дискурса.

Высказывание об этом факте делает имплицитное, скрытое «до времени» - явным, современным, транслирует пример, говоря: «делай, как я». По-видимому, только свершившийся факт, обозначенный ярким и ёмким словом, и может стать нормой: без факта слово «пусто», а без слова факт непонятен, «тёмен», подвержен множеству случайных интерпретаций. Отсюда борьба за яркое, (точное, меткое) слово, понимаемое однозначно и сказанное даже по поводу свершившихся фактов – это борьба за нормы, правила становящейся эпохи. Аналогично, подвиг не станет предметом для подражания, образцом поведения, пока не будет назван (и оценен) как подвиг.

Таким образом, коммуникация несёт первичное отношение, направленность к предмету и в этом качестве становится первым интенциональным компонентом дискурса. Интенции общего, индивидуального, особенного чередуются между собой в пространстве и времени, по отношению к разным, но соседствующим предметам, позволяя уделять преимущественное внимание разным вещам – в разное время, придавая структурность процессу познания. Смена интенций – как смена настроения человека происходит под действием субъективных факторов, давая преимущество авторскому взгляду – увидеть то, что не замечают другие. Коммуникативное отношение, в качестве имплицитного «сообщения», намерения, конкретизируется в конструируемом объекте дискурса, но объект, будучи нетождественным желанию-интенции, возвращает интенцию назад, к способу конструирования объекта (к попытке устранить это несоответствие). В начавшемся рефлексивном процессе обобщение способа приводит интенцию к объяснению полученного неполного, результата, т.е. теории объекта. А обобщение теории, в свою очередь, оправдывает мироустройство, философия, подтверждающая эту теорию. Таким образом, возникает процесс самоподтверждения – самооправдания дискурса. К примеру, характерное

высказывание советского идеологического дискурса: «Учение Маркса всеильно, потому, что оно верно» можно читать и наоборот.

Эти интенции выражают вектор актуальности, «заботу» о: новом свойстве, предмете, создании новой системы или изменении существующей. Забота выражается в языковом дискурсе как поиск слов и выражений, наиболее точно выражающих идею автора, «образ времени» или «образ эпохи». Эти языковые формулы максимально «отделяются» и передаются как важное сообщение – следующему поколению заинтересованных людей, исследователей. Такие формулы-заботы становятся зачатками научных проблем, служат основой в постановке новых вопросов к обществу и миру.

1.3 Рефлексия как отношение к объекту дискурса

Классическое научное исследование имеет дело с двумя источниками знания: опытом и разумом [188, с.46], имеющими по Канту, предполагаемый общий исток. Мы полагаем, что таким истоком может быть не индивидуальное сознание, а социальный дискурс – коллективный интеллект, являющийся одновременно коллективным бессознательным – автоматизмом мышления, так как большинство людей принимают его как данность и выражают своё сознательное отношение только к отдельным объектам дискурса и по его внутренним правилам. Из этого предварительного отношения, приобретающего порой фиксированный, парадигмальный характер, и возникает как теоретическое, так и эмпирическое знание.

Дискурс можно определить как коммуникативно-деятельностный феномен, связанный с комплексным воздействием на субъекта традиций, социальных и профессиональных норм, правил языка, речи и поведения. Субъект, попав под влияние дискурса, приобретает способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса, но в тоже время становится подчинённым дискурсу, замыкается в его границах, теряет критичное отношение к нему в целом, но сохраняет к отдельным его составляющим. Отношение –

категория рефлексии, сознательного мыслительного процесса, отличного от непосредственных, восприятий и ощущений. Отношение может быть непосредственной, случайной реакцией на наблюдаемое явление [82, с.78], может быть связано с позицией, занятой исследователем в конкретной исследовательской ситуации, а также может быть опосредовано предшествующим опытом, сформированными понятиями или философскими предпосылками.

Рефлексия позволяет представить описание явления, набор данных в виде системы, имеющей свойства языка. Она сжимает избыточные, часто повторяющиеся знаковые конструкции в один знак [59, с.69], расширяет знания об отдельных, важных аспектах явления за счёт введения аналогов частей речи и членов предложения, вводит новые (метаязыковые) знаки и новые (коннотативные) смыслы [64, с.118]. За счёт этого решаются задачи экономии ресурсов индивидуальной памяти исследователя, предварительной систематизации данных и ряд других. Рефлексия объединяет новые данные механизмом дискурса, «накладывает» (по Канту) готовые схемы мышления на массив эмпирических данных. Как доказывают современные исследователи, предельной для человеческого восприятия знаковой реальности является рефлексия рефлексии или вторая рефлексия. Возможна ли рефлексия не отдельных явлений, а самого дискурсивного процесса, дискурсивной реальности?

Пространство, в котором эмпирические данные систематизируются механизмами культуры, традиций исследования, специфическим языком и на этой основе происходит формирование объектов науки, можно назвать дискурсивной реальностью. Дискурсивная реальность – это преимущественно реальность мнений и знаний о мире, сформированная у человека воздействием на него конкретного дискурса, трансформирующаяся в реальность поступков, совершаемых на основе этих знаний и становящихся фактами. Она может состоять из дискурсивных и недискурсивных компонентов, но воспринимается людьми как объективная, независимая от индивидуального сознания, реальность. Дискурсивная реальность, являясь объектом конкурентного взаимодействия дискурсов, находится в процессе непрерывной трансформации. Наиболее

очевидная сфера обнаружения дискурсивной реальности – процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя.

Рефлексию столь сложного явления, как дискурсивная реальность, вероятно, нельзя осуществить до конца. М. Фуко, говоря о пространстве возможных описаний дискурса, выделял: «Систему первичных, или реальных отношений; систему вторичных, или рефлексивных отношений; систему отношений собственно дискурсивных» [8, с.104]. То есть он расширял пространство дискурсивных практик за пределы возможной рефлексии знаковых систем. Рефлексия семиотической системы дискурса это анализ его системы высказываний, понятий, стратегий и т.д. Целью такой рефлексии станет установление способов конструирования понятий, механизмов формирования объектов, а также последующее соотнесение этих способов и механизмов между собой (вторая рефлексия) с целью идентификации семиотики, в границах которой действует данный дискурс а, следовательно, знаковых границ самого дискурса. «Знаковые основания форм духовной культуры, относящихся к рефлексии первого уровня, легко можно моделировать в семиотиках второго уровня, "вторичных моделирующих системах", которые подразделяются на метаязыковые и коннотативные» [5, с. 35]. Возможности семиотик второго уровня изучены и апробированы в различных областях. Литературный дискурс моделируется в структурализме в качестве коннотации, а теоретический уровень наук моделируется в аналитической философии и позитивизме в качестве метаязыка. Эти типы «сложных семиотик» выделял и анализировал Л. Ельмслев.

Следуя метафорическому определению дискурса как «языка в языке», его можно изучать по образцу языка. К примеру, дискурсы рассматривают прагматически – с точки зрения условий их возникновения (прежде всего социальных), тогда мы получим историю практики производства идеально-знаковых систем. Семантически – изнутри самих дискурсов, тогда мы увидим их

деятельность по производству объектов и понятий. Или синтаксически, тогда мы будем наблюдать события, ситуации (серии событий) и трансформации этих событий и ситуаций. Последнюю возможность иллюстрируют Ж. Делез и Ф. Гваттари: «Философия пользуется, прежде всего, понятиями, которые отождествляются с событиями. События не имеют никакой сущности, они случаются – не случаются, поэтому понятия не могут сложиться в парадигмы, они создают некие синтагмы и поэтому философ комбинирует и рекомбинирует те или иные понятия событий» [130]. Но дискурс это не только язык, но и «язык языка», его культурная предпосылка, выраженная в определённой знаковой форме. Выявлению этой специфичной формы должна помочь рефлексия.

Существующие классификации дискурсов используют категории логики, лингвистики, литературоведения. В частности, такие как основанная на логических категориях субъекта и предиката, но существенно расширяющая их, классификация Н.С. Олизько. В ней «составляющими понятиями дискурса выступают:

1. S-дискурс – текст как процесс и результат речевого акта.

2. P-дискурс – система правил и ограничений, критерием выделения которой могут служить как объективные (например, жанр), так и субъективные факторы, при помощи которых устраняются системные противоречия внутри s-дискурса на уровне интердискурса.

3. Интердискурс – (эквивалент стиля) – поле взаимодействия p-дискурсов внутри s-дискурса» [231].

М. Холлидей выделяет четыре типа дискурса:

- 1) производство текста;
- 2) отнесение к нему и конструирование из него контекста ситуации;
- 3) построение потенциала, лежащего за данным текстом и ему подобными;
- 4) отнесение к нему и конструирование из него контекста культуры, лежащего за пределами данной ситуации и ей подобными) [375].

На наш взгляд, познание дискурса не сводимо к понятиям языка, текста или логики. Дискурс возникает из наложения знаковых систем друг на друга и

комплексного взаимодействия между ними в рамках нового, дискурсивного единства. Следовательно, для адекватного анализа конкретного дискурса необходимо выявить характерный для него уровень рефлексии, и тип его семиотики, поскольку эти два понятия тесно взаимосвязаны друг с другом.

Философия, как известно, опирается на более высокий уровень рефлексии, чем конкретные науки. Она, к примеру, может выступать метаязыком как литературы, так и литературоведения, критики. Вторичных моделирующих механизмов для описания таких философских систем как, к примеру, гегелевская, недостаточно, но какими семиотическими и логическими ресурсами, методами может быть обеспечен этот «скачѐк» на третий (недоступный) уровень рефлексии? И, что важно, это должно быть сделано без потери достоверности, очевидности философского знания. Без невольного превращения его в формальное искусство! «Философский дискурс не моделируется (с достаточной полнотой и адекватностью) ни в качестве коннотативной семиотики (как моделируется литература), ни в качестве метаязыковой семиотики (как моделируется наука и некоторые другие дискурсы)» [16, с. 12]. Но, предположим, что философский дискурс того же Г. Гегеля содержит момент искусства, сложной импровизации, которая в принципе не может быть смоделирована и тогда такая задача не должна ставиться. Для целей понимания и преподавания философии Гегеля нам достаточно достоверной интерпретации его философии такими авторами как А. Кожев и Ильин. Но при этом мы будем помнить, что Гегель это не Кожев, не Ильин, и даже не все интерпретаторы, взятые вместе.

Теоретической основой такого подхода является независимость высоких уровней знаковой реальности как от реальности материальной, так и идеальной. В знаковом пространстве нет привилегированных точек или уровней. Об этом, в частности, говорят философы – постмодерна, утверждающие первичность знака. С другой, классической позиции, конечно можно сказать, что «опережающий действительность знак» это форма актуализации скрытой потребности, имплицитного мотива, а критика и деконструкция знака – «разбор завалов» на пути новой актуальности, формой выражения которой станет следующий знак. Но

если субъектом знаковой активности становится сам дискурс, мы вряд ли будем приписывать ему человеческие потребности и мотивы. Подобно технике, дискурс имеет тенденцию к саморазвитию, но он подчиняется не законам психологии, а скорее законам знаковых систем и систем вообще (законам организации – в частности) [308]. Так в дискурсе проявляется тенденция к неограниченному росту – специфической интерпретации «изменчивых знаков», таких как «тело», «душа», «воля» при наличии неограниченных ресурсов – множества этих знаков.

Хотя каждый дискурс осуществляет анализ реальности конечным числом взаимосвязанных методов, при этом он не может вторично анализировать то, что уже являлось результатом его анализа, и приходить к другим выводам. Возможность находить и исправлять, собственные ошибки у дискурса ограничена. Иначе говоря, он не способен к самоанализу, авторефлексии. Последняя, как это показывает Пятигорский, приводит к остановке мысли, переводит её в дорефлексивное состояние, превращает анализ внешней реальности в самоанализ мышления, чувств, поступков и т.д., как в монологах Гамлета, У. Шекспира. Эта особенность дискурса открывает путь к его анализу средствами внешней по отношению к нему, параллельной, «зеркальной» рефлексии, но без полного моделирования. Т.е. путём «достраивания» к дискурсу недискурсивной, монологической системы, имитирующей его семиотическую систему и иное внутреннее устройство и позволяющей делать выводы из нашей имитации. При этом к прямой рефлексии, осуществляемой дискурсом, мы отнесём наши оценки наблюдаемых явлений, как правило, интерсубъективные. А к зеркальной рефлексии – симметричные знания об этих оценках, их причинах и способах оценивания. Таким образом, не выходя на проблематичный уровень третьей рефлексии, мы сможем осуществить анализ рефлексивной деятельности дискурса на её первом и втором уровнях.

Использование зеркальной рефлексии возможно благодаря тому, что знаки (включая высказывания) как первого, так и второго уровня рефлексии, могут выступать в качестве реальности для знаков метауровня, не обязательно являющегося высшим по отношению к своему объекту, но и параллельным,

«зеркальным» ему, отражающим некоторые, существенные для нас свойства этого объекта в своих знаках. При этом происходит перенос части значений со знаков одной рефлексии на знаки другой. Аналогичным образом зеркальная рефлексия может имитировать третью, недоступную нам рефлексия, опираясь на семиотическое предположение о том, что должно там происходить. К примеру, естественный язык использует метафоры-имена различных животных для выражения в них свойств некоторых людей. И число этих метауровней по отношению к одной реальности может быть неограниченно. Таким образом, используя зеркальную рефлексия, многообразие дискурсов по отношению к двум уровням рефлексии можно упорядочить пятью типами:

Д-0 – конкретное научное исследование, первичный знаковый уровень;

Д-1 – рефлексия: синтаксис, онтология, правила этого исследования – дискурс предметной области.

Д-2 – вторая рефлексия (самоорганизация) терминологической системы данной предметной области, «логика предмета», философия в широком, коннотативном смысле.

Д-3 – метарефлексия (частичная рефлексия): поверхности рассеивания, порядки дискурсов, формации и т.д., редкие и бедные высказывания которых могут использоваться для формулировки парадоксов, апорий, суггестивных формул, манипуляционных техник и упорядочения любых текстов вокруг заданного смысла-значения или порождающей смысл ситуации. О. Leszczak, [232, с.121] использует термин «метарефлексия» для обозначения философского, научного дискурса и дискурса искусства. Мы относим выделенное им содержание не к мета-, а к второй рефлексии (Д-2).

Д-4 – дискурс вообще, интердискурс, сквозное пространство речи, где формируются и трансформируются фундаментальные представления о смысле, мире, человеке, пространстве и времени – в философии идей. И понятия письма, грани, фармакона, почина, игры – в постмодернизме. Наибольший интерес для данного исследования будут представлять третий и четвертый типы дискурса. Их теоретическая возможность (в отличие от уровней рефлексии) доказывается тем,

что человек может оперировать любым количеством знаковых уровней, при условии их равноправности, а не производности друг от друга. Также шифровка/дешифровка информации возможна с использованием любого количества уровней знаков.

Интердискурс – результат интеграции многих дискурсов, соотнесенных функционально в единое целое и представляющий структуру дискурсивной реальности. Это некий непрерывный во времени и пространстве коммуникативный процесс интеллектуальной деятельности человека, объединяющей знание о себе, мире и предмете действительности в единую систему взаимодействующих и развивающихся дискурсов. Как отмечает В.Е.Чернявская, «концепцию безграничного интертекста, вбирающего в себя всевозможные текстовые системы и культурные коды.., следует конкретизировать как концепцию интердискурса, интегрирующего в единую систему человеческое знание» [214, с.43]. Некоторые исследователи придают интердискурсу статус высшего уровня языковой системы, надстраивающегося над уровнем текста, поскольку именно дискурс/интердискурс как новый объект науки направляет исследователей на поиск общих закономерностей процесса коммуникации.

1.3.1 Рефлексия и первичный понятийный аппарат

Хотя для отечественной философии науки общепризнанной является мысль, согласно которой «абстрактные объекты теорий, выступая непосредственными референтами ее утверждений, представляют собой логическую реконструкцию реальности». [26, с.35]. Структура научного знания не является следствием структуры исследуемого ею объекта: в пользу этого говорит возможность существования различных репрезентаций в теории одного и того же объекта, которые реконструируют реальные системы в каком-либо одном отношении. Дело в том, что описывая факты, опыт, мы применяем к ним семантическую систему естественного или искусственного языка. Наше представление об этих фактах не может быть безразлично к семантическим понятиям и категориям,

которые мы применили к их описанию. Ученый, первооткрыватель может не заботиться о качестве понятий, которые он вводит для описания нового явления реальности, может не строить специальную онтологию, сближающую его исследование даже с существующей традицией. Он, к примеру, в медицине, активно использует метафоры, обыденное знание, «наивный реализм» для производства новых понятий. Этот уровень описания мы можем обозначить как Д-0, «нулевой» уровень дискурса, поскольку в построении более высоких уровней дискурса наряду с эмпирическим описанием участвует развитая онто-семантическая система научного языка. Но на данном уровне описания её влияние незначительно.

Тем не менее, правильный подход к формированию понятийного аппарата конкретных наук позволяет находить новые междисциплинарные связи и снимать мнимые противоречия между науками. К примеру, такие как конфликт понятийного аппарата дарвиновской теории естественного отбора и физики. Теория эволюции Дарвина основана на принципе выживания наиболее приспособленных и сложных существ. Одна из фундаментальных претензий к этому логическому построению: последовательный ряд усложнений противоречит второму закону термодинамики: если в закрытой системе энтропия всегда возрастает, то жизнь действует вразрез с физическими законами: она стремится уменьшить энтропию системы.

Это теоретическое противоречие описания явлений физики и биологии проанализировал Эрик Смит [236, р.153], предложив новый понятийный аппарат для понимания эволюции. По его мнению, самоорганизующиеся системы – это особые машины для выравнивания градиентов. Если создается градиент каких-то условий, например температурный градиент от тропиков к полюсам, то создаются упорядоченные и предсказуемые атмосферные структуры, т.е. ветер, который выравнивает этот градиент. Так что сложные структуры, возникающие в системе с постоянным потоком энергии, сами по себе работают строго в соответствии со вторым законом термодинамики. В этом отношении работа живых систем не отличается от работы систем физических или химических. Живые организмы

призваны накапливать в себе энергию и рассеивать ее по пространству планеты. Тем самым жизнь нисколько не противоречит второму закону термодинамики. Таким образом, парадокс эволюции заключается в том, что, создавая сложные биологические системы, эволюция увеличивает общую энтропию планеты, а вовсе не уменьшает ее. В связи с этим Эрик Смит задает вопрос: не лучше ли обсуждать эволюцию не с точки зрения выживания наиболее приспособленных, а с точки зрения выживания наиболее вероятных? Ведь в нашей неравновесной системе с притоком энергии извне наиболее вероятной окажется конструкция, эффективно уничтожающая градиенты и работающая в русле второго закона термодинамики, то есть живая система. И отбор будет призван ориентироваться не на самых приспособленных, а на самых вероятных. И при этом останется столь же естественным, как и дарвиновский. Но отсутствие межпредметного дискурса физики и биологии приводит к отсутствию понятий, одинаково применимых как к предметам одной, так и другой дисциплины, «непониманию» между ними. Что, в социальном плане может подрывать доверие к науке вообще [239, с.529]. Формирование физических терминов также проходило непростой путь [179].

Понятие понимается как имя явления, отражающее как общие, так и особенные признаки. Между понятиями одного дискурса (одной предметной области) существует не конвенциональная (по Айдукевичу) а генетическая связь: «дерево понятий» где несколько понятий происходят из их абстрактных и общих предшественников. Большую роль в понятийном аппарате теории играют общенаучные термины: система, элемент, структура, сложность, функция, знание, информация, культура, выступая часто как понятия метаязыка науки вообще. Другой подход к построению межпредметного дискурса развивает С.И. Левченков [186, с.179] применительно к химии. Здесь, для разрешения проблемы происхождения свойств необходимо рассмотреть зависимость свойств вещества от трёх факторов: от элементарного состава; от структуры молекулы вещества; от организации системы. Таким образом, иерархия изучаемых материальных объектов предопределяет иерархию т.н. концептуальных систем химии – относительно самостоятельных систем теорий и методологических принципов,

используемых для описания и изучения свойств вещества на каком-либо уровне организации. Иногда выделяется ещё одна концептуальная система – эволюционная химия, представляющая собой, по мнению сторонников такого подхода, учение о высших формах химизма и о химической эволюции материи. Таким образом, в рамках этого дискурса история химии может быть рассмотрена как история возникновения и развития концептуальных систем, каждая из которых представляет собой принципиально новый способ решения основной задачи химии. Следует отметить, что указанные концептуальные системы не противоречат друг другу и не сменяют одна другую, но являются взаимно дополняющими.

Дискурс может опираться на сложные, согласованные друг с другом логические структуры. В частности, структуре четырех фигур силлогизма соответствуют четыре типа структуры понятийного аппарата разных наук. К примеру, «существуют четыре исходных понятия, к каждому из которых может быть сведена вся математика. Это понятия множества, функции, имени и системы. Все математические понятия выражаются через понятие множества и отношение принадлежности « x является элементом множества X ». Аналогично: понятие функции и операциями определения и применения функции к аргументу. Понятие имени с операцией именованья и отношением «имя N именуется объектом x » [151, с.12-13]. По мнению В. Гейзенберга, в современной физике существует четыре фундаментальных замкнутых непротиворечивых теории: классическая механика, термодинамика, электродинамика, квантовая механика.

Таким образом, систематичность и внутреннюю непротиворечивость теории обеспечивают общие (родовые) понятия, логические системы типа силлогизма, общезначимость и объективность которых можно поставить под сомнение ввиду зависимости их от дискурсивных различий [243, с.239]. В философии и гуманитарных науках это может быть идеологическая формула, вызывающая трактовки – интерпретации, но бессмысленная сама по себе. То, что в данном исследовании можно называть «аттрактор дискурса». Он скрепляет теоретические положения – высказывания теории, идеологии как замковый камень скрепляет две

половины однопролетного моста. Но современная техника давно превзошла такую технологию и необходимость в замковых камнях давно отпала. Зачем нужны эти «камни» теории? Дело в том, что под систематичностью и кроме нее, мы имеем ввиду, некоторую последовательность, кумулятивность прирастающего знания вокруг неподверженной сомнению аксиомы и проверку всякого нового знания, претендующего на истинность, согласием с этой аксиомой. Напротив, противоречивость, парадоксальность и несистематичность знания мы, традиционно связываем с его неистинностью, т.е. невозможностью проверки на истинность. Даже если это знание согласуется с фактами, оно «просто не укладывается в голове» и на этом основании бывает отвергнуто. Тем не менее, систематичность, упорядоченность знания также может приводить к его парадоксальности и эти свойства знания не являются противоположными.

1.3.2. Дискурс предметной области (Д-1): прагматика, семантика, синтаксис

Дискурс, в своем конструктивно-содержательном аспекте подобен компьютерной программе, такой как поисковик. Для автоматического поиска знаний в конкретной области, программа должна включать в себя прикладную онтологию. Онтология, в ее прикладном аспекте, является спецификацией концептуальной сферы теории. Часто, для выявления и описания предметно-ориентированного дискурса проводят выявление терминов и их связей. Это необходимо в частности для создания новых, более эффективных поисковых систем, применяемых в конкретной области знаний, такой как биохимия, медицина или генетика. Объем публикаций в этих областях составляет многие тысячи страниц в год и для быстрого поиска информации, нужной конкретному специалисту, необходимо создание программы, выявляющей «внутреннее устройство» всех текстов данной предметной области. Конструирование подобных программ, аналогичное реконструированию дискурса, может следовать разным стратегиям и преследовать различные, как идеальные, так и реальные цели [12, с.208].

Одной из подобных стратегий может быть исследование диалога между миром знаний (фактов) и миром лингвистической семантики (миром имен), ведущемся в проблемном пространстве. Другая стратегия предполагает создание концептуализации предметной области – абстрактной, упрощенной модели, в которой объекты, понятия взаимодействуют между собой в некоторой области интересов. Третья может рассматриваться как создание логической теории предмета, где есть множество объектов – универсум дискурса и множество их отношений (функций), открывающих смыслы имен. В наиболее простом случае строится иерархия имен (понятий, категорий), предполагающая определенные связи между ними. Прагматически, общая онтология предметной области определяет её словарь, что гарантирует последовательность рассмотрения информационного массива, но не гарантирует полноту такого рассмотрения. Выделяя онтологию, категориальный аппарат предметной области мы строим прагматический дискурс, т.е. упорядочиваем этот аппарат в соответствии с нашей целью: к примеру, выделяя одни категории и, игнорируя другие.

Категория «знание» рассматривается в таких системах как совокупность онтологических обязательств, предписаний агентам программы. Агенты выполняют эти предписания так, как если бы они имели некоторую информацию о данной предметной области. При этом агент не обязан отвечать на все запросы пользователя, данных даже в рамках лексики предметной области: в данных программах действуют аксиомы, ограничивающие интерпретацию. В компьютерном дискурсе, для обнаружения в массиве данных объектов, содержащих важную информацию, применяются решетки объектов и их свойств, т.е. вариант метода таблиц, разработанного еще в начале Нового времени. Кроме этого, рассматриваются последовательности связей между объектами: временная, пространственная, причинная. Но для того, чтобы поисковая система сработала, знание было найдено и стало достоянием научного сообщества, необходимо соблюдение некоторых дискурсивных условий, заданных при написании программы или при конструировании дискурса.

Каковы же дискурсивные условия интерпретации некоторой информации в качестве «знаний»? В развитии науки известно несколько ярких примеров преждевременных открытий. В биологии это связано с открытием в 1865 г. гена Грегором Менделем, не замечавшегося наукой в течение последующих 35 лет. В физике это пример теории адсорбции газов М. Полани, опубликованной в 1914-1916 гг. и отвергнутой в то время научным сообществом, несмотря на экспериментальные доказательства автора теории. Публикация О. Эвери (1944 г.) о ведущей роли ДНК в трансформации организмов, не оказавшее немедленного воздействия на развитие генетической науки. Открытие Менделя не было воспринято в свое время потому, что его теория наследственности не согласовывалась с существующим в середине XIX в. дискурсом физиологии и анатомии. Кроме того, используемый им статистический метод оценки экспериментов не был характерен для биологии. «В случае же Менделя наследственная черта конституируется в качестве абсолютно нового биологического объекта с помощью никогда прежде не использовавшегося способа... Итак,- новый объект, который требует и новых понятийных инструментов, и новых теоретических обоснований» [320, с.47]. Авторский дискурс Г. Менделя был далек от биологического дискурса его эпохи. По-видимому, в дискурсивной реальности бессмысленно объяснять почему нечто есть? Это будет воспринято как описание чуда. Нужно описывать процесс и язык мышления, который привел автора к обнаружению этого «нечто», в этом – важная особенность научной коммуникации [34, с.102].

Положительный пример, это описанная Д.Уотсоном и Ф.Криком в 1953 году двухспиральная структура ДНК как носителя наследственной информации — открытие, принесшее ученым Нобелевскую премию. Чем публикация О. Эвери дискурсивно отличалась от публикации Д. Уотсона и Ф. Крика? «Статья Эвери была также оценена с узкомикробиологической точки зрения. Наконец, в заключении статьи не содержалось никаких терминов или понятий, позволяющих связать описываемое открытие с генеральной линией генетики» [331., 374]. Напротив, текст Уотсона — Крика четко структурирован с выделением в

поверхностной структуре основных этапов формирования нового знания в единстве с преемственностью и научным прогнозированием. Определенную услугу оказал будущим лауреатам Нобелевской премии, и визуальный образ двойной спирали, созданный художником – женой одного из ученых. В современных разработках композиционно-смысловой организации научного текста это определяется как инвариантные, прототипические текстовые единицы: композиционные блоки, по Е.М.Крижановской (1996), или композиционно-прагматические сегменты — по Чернявской (2000), составляющие в своей совокупности идеальную модель научного текста как носителя знания.

Кроме этого, в научном дискурсе понятия выполняют две основные функции: во-первых, отражают наше знание о фактах реальности; во-вторых, упорядочивают имеющиеся у нас данные, соотнося их между собой и выстраивая целостное представление о предмете исследования. Первая функция состоит в экспликации предметности понятия, его материальной основы. Вторая, функция упорядочения, приводит к тому, что понятийный аппарат теории вынужден быть замкнутым в систему. Системный аспект понятия придает ему новое свойство: место, относительную ценность в системе. Система же, в свою очередь, есть способ достижения цели, поставленной автором теории или имплицитно заданной дискурсом. Для достижения этой цели автор может использовать понятия с пустым объемом и бесконечным содержанием, т.е. каждое из понятий может быть взято в специальном значении. При этом полная упорядоченность, достигнутая в теории, не будет говорить о ее истинности [239, с.237].

Как дискурс организует научно-теоретическое знание? К примеру, нельзя произвести проверку научной теории, если предварительно не будет понята предметная область, к которой относится данная теория. В отношении к противоречию упорядочение/отражение есть три философских позиции: И. Канта: «вещь сама по себе», «вещь в себе» - изоляционизм понятия от реальности, независимость одного от другого, человеческий предел познания объективного мира. Вторая позиция Г. Гегеля – «сущность явлена, явление существенно» - тождества понятия и реальности. Третья, промежуточная позиция К. Айдукевича:

относительность, зависимость «картины мира», объяснительной силы теории от ее понятийного аппарата. Какая из них верна?

Первые две позиции в философии хорошо изучены. Что касается третьей, то замкнутые и логически согласованные языковые системы, по Айдукевичу [9., с.231], характеризуются следующими особенностями: (а) они не содержат терминов, значение которых не зависит от системы в целом; (б) включение новых терминов изменяет значение всех терминов системы и всякий раз ставит под вопрос ее логическую согласованность. Тарский ввел понятие семантически замкнутого языка, который включает, помимо своих выражений, их имена, а также, высказывания об истинности формулируемых в нем предложений. Границы между языком и метаязыком в семантически замкнутом языке не существует. Средства его настолько богаты, что позволяют не только что-то утверждать о внеязыковой реальности, но и оценивать истинность таких утверждений. Семантически замкнутый язык оказывается, таким образом, внутренне противоречивым, а каждый естественный язык является семантически замкнутым. Но замкнутость естественного языка, в отличие от языка понятийного, не вызывает серьезной проблемы: мы информированы о том, что наши или чужие слова могут быть неверно поняты и мы готовы к тому, чтобы найти и устранить возможную ошибку. Кроме того слова имеют иной (не строго научный и не сакральный) статус, в отличие от онтологических понятий и категорий. В последнем случае разум «зависает», попадая в неразрешимое противоречие между понятиями. Нередки случаи, когда создатели псевдонаучных теорий создают чреватый парадоксами понятийный аппарат и используют его для манипуляций сознанием людей. Дискурсивный метод мог бы способствовать снятию этой «дискурсивной зависимости» или дискурсивного противоречия, обнаружив внешнюю обусловленность, внутреннюю причинность и формальную конечность конкретного дискурса, его отличие от познания и истины как таковых.

Примером псевдонаучного дискурса может быть идеология, созданная вокруг понятий материя-информация-мера. «Первичность категорий материи, информации, меры означает, что категории пространства и времени - не

первичные, а производные от первичных; т.е. пространство и время не объективны в предельном случае обобщения понятий, а порождаются объективными разнокачественностями, составляющими триединство» [207]. Следствием противоречия теории эмпирическим фактам в логическом смысле, становится парадокс Гемпеля и некорректное априорное распределение в теореме Байеса. В повседневной реальности высказывания членов этой группы противоречат общеизвестным научным фактам, искажают научную картину мира, дезориентируют людей не только в науке, но и в экономике, политике, образовании [239]. И, в отличие от гегелевских триад данная триада применяется к реальности крайне грубо и некорректно.

Человек, к примеру, может быть или не быть, но он не может быть и не быть одновременно. Он не способен полноценно жить, будучи раздвоенным, растерянным человеком, неспособным принимать взвешенные самостоятельные решения. Создатели подобных понятийных систем подчиняют людей, чтобы управлять их поведением, т.е. покушаются на свободу, гарантированную Конституцией. Но это уже не научная, а социальная проблема. Разум же, это не только способность следовать чьим-то «нормам», это свобода мыслить иначе, перекомбинировать знания, критически оценивать свои и чужие поступки. Разум обеспечивает социальную компетентность людей. Отсутствие критического мышления, в свою очередь, ведет к психологической зависимости от других [138], от которой один шаг до фанатизма и экстремизма.

Конечно, любая наука полна противоречиями, даже известная теорема Геделя о неполноте, как заметил Н.Н. Непейвода, «доказывается при помощи построения, по сути дела являющегося одним из парадоксов автореференции. А именно, строится формула, утверждающая свою собственную недоказуемость. Она не может быть доказана, потому что тогда мы получили бы прямое противоречие, она не может быть и опровергнута, потому что тогда мы получили бы доказательство ее недоказуемости и, следовательно, ее обоснование». Единственно приемлемый путь для устранения внутренней противоречивости, согласно Тарскому [96, с.220], — отказ от употребления семантически замкнутого

языка. Этот путь приемлем, только в случае искусственных, формализованных языков. Культурный путь решения данной проблемы – дискурсивная компетентность.

Компьютерный дискурс, в частности, конструирование поисковых программ, ставит философские вопросы, характерные для исследования дискурса вообще. Такие как: что делает одни, а не другие понятия значимыми для людей? Что человек в действительности имеет в виду, когда пользуется определенным термином? Каковы критерии релевантности информации: т.е. соответствия между вопросом и ответом на него? Очевидно, что попытки найти ответы на эти вопросы выходят за рамки дискурса предметной области. Они будут выходить на, философские обобщения такие как: мировоззрение, мораль, познавательная способность, творческое мышление. Предельные вопросы предметного дискурса определяют границы этого дискурса и не могут быть решены в рамках его системы. Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к другому уровню дискурсивной области – философскому, отвечающему за вторичную рефлексию предметных знаний.

1.3.3. Философский уровень дискурса (Д-2): коннотации, последовательности, метаязыки

Философия, традиционно пользовалась коннотацией для выражения специфических знаний о всеобщем предмете: мире в целом, способах его познания, его динамики. Критика классической философии со стороны постмодернизма как правило указывала на эту особенность – коннотативное содержание первичных философских терминов. «Философия началась с Фалеса, который утверждал, что всеобщей субстанцией является вода...» - шутливо говорят постмодернисты. Объектом их критики является априорный, аксиоматический и «простой» характер классических философских утверждений. Хотя это далеко не всегда верно: онтология бытия и небытия Парменида имеет содержательное «родство» с логической онтологией Лесневского, а учение об

атомах Демокрита можно рассматривать как прототип теории множеств [206]. Но цель и смысл философских учений всегда выходили за рамки какой-либо конкретной предметной области, поэтому философские термины и законы должны были не только работать совместно, но и иметь максимально широкую, в идеале – безграничную область применения. Для того, чтобы термин мог выполнять эту роль, он должен быть наделен некоторым дополнительным свойством – «тенью». То есть область значений термина должна выходить за рамки текста – в область контекста, не вербального, имплицитного знания. Значение такого термина становится тотальным, а его семантика и прагматика тождественны друг другу.

Разнообразие конкретных (случайных, конвенциональных) терминов оказывается «на самом деле» не случайным, а зависимым от разнообразия терминов более высокого уровня – мировоззренческих установок. Установка, образующая некоторый смысл или контекст, лишает смысла употребление понятия в другом контексте. К примеру, геометрические понятия «линия» и «длина» становятся не действительными, не наблюдаемыми с точки зрения геометрии фракталов [299, с.27]. Существование дополнительных друг к другу, несоизмеримых, могущих быть истинными или ложными только по отдельности, понятий предполагает специальное выстраивание соответствующих им теорий. При этом в теориях, имеющих различное философское основание, не все понятия будут дополнительны: к примеру, «цвет» (его постепенное изменение) будет одинаково восприниматься как фрактальной, так и не фрактальной геометрии. Такие понятия будут сквозными и «безразличными» для альтернативных теорий. Разные мировоззренческие установки, которые делают возможным постулирование характерных понятий, также диктуют характер их преобразования и виды операций, совершаемых с ними. Восприятие человеком реальности оказывается интерсубъективным и зависимым от коммуникации с другими людьми.

Всеобщий характер философского знания – выполнимости законов, онтологических предписаний, предполагал некую особую предметность, сверх-

предметную для конкретных наук, но предметную для собственно философии. Попытками выявить такую предметность и построить на ней непротиворечивое основание «всякой философии» характеризуются все периоды классики в истории философской мысли. Но эти периоды прерывались (и надолго) периодами неклассической философии, а новые периоды классики часто не продолжали знание своих предшественников, а обнаруживали новое, более фундаментальное знание и постулировали новое основание философии [340]. Это новое знание часто оказывалось независимым и дополнительным к старому: как теория идей Аристотеля дополнительна к теории идей Платона. В дополнительности всегда кроется конфликт, вызов тотальности объяснения, постулируемой как одной, так и другой теорией. Понятие, утверждаемое как всеобщее, начинает трактоваться в зависимости от личных установок исследователя и однажды открывает «смысловой парадокс» [299, с.68], раскалывающий существующую теорию, обнаруживая в ней новую возможную интерпретацию. Важно заметить, что классические периоды в развитии философии (разные, но сомасштабные по постановке задач дискурсы) не следовали один за другим, а чередовались с периодами не классики, периодами комментария классических текстов: философия Средневековья, Возрождения и Постмодерна были наиболее яркими комментариями, соответственно к классике Античности и Нового времени. Причем Средневековье и Возрождение представляли собой два разных по содержанию комментария к одному корпусу текстов.

В Комментаторский период классический текст воспроизводится заново уже в новом мире, в новых социальных реалиях и на первый план выходит фигура комментатора, пытающегося выполнять старые предписания классики уже в новом – принципиально ином мире, отрефлексировав старые ценности, сделав их относительными и практическими.

Комментарий начинает производить новые дискурсы: в частности, понятие «смирение», рассмотренное на примере истории Иова, начинает трактоваться в одной культуре как покорность царю, а в другой – как возможная непокорность ему же (следующая из покорности только Богу), личная свобода и героизм

рыцаря. С другой стороны, «рассеяние» героев и их подвигов, их децентричность, приводит к открытию не героя, «обыкновенного» человека. Как следствие этого процесса можно рассматривать «антропоцентризм» неклассической философии – исследование трагедии не героя, «растерянного» и «рассеянного» по классическим текстам человека, ищущего в них новые смыслы, новые ответы на вопросы, поставленные перед ним современностью. Основным методом неклассики является интерпретация, являющаяся одновременно одной из главных функций любого дискурса.

Ф. Ницше, не принадлежа герменевтическому направлению, использовал понятие интерпретации для принципиально иного подхода к познанию мира, названному им «перспективизмом». Рассматривая познание как волю к власти, он исходил из того, что мы применяем логику, истолковываем мир с помощью «схематизирования в целях взаимного понимания» и это позволяет сделать его доступным формулировке и вычислению. Такой подход объясняет, почему всегда остается «зазор» между тем, что есть мир — бесконечно изменчивый и становящийся, и устойчивыми, «понятными» схемами и логикой. Всегда возможно предложить новые смыслы, «перспективы» и способы «разместить феномены по определенным категориям», т.е. не только тексты, но сама действительность открыта для бесконечных интерпретаций, т.е. фактически – создания новых дискурсов.

Дискурсивная интерпретация – это попытка создать новое значение в соответствии с некоторыми целями, для чего используются стратегии [61, с.81]. «Интерпретация является триединством: одновременно процессом, результатом и установкой ... Тогда только языковое выражение и обретает речевое значение, которое, актуализируясь в виде смысла, дополняет, сужает или даже в корне меняет уже сложившийся внутренний мир интерпретатора. Речевое значение гармонизирует высказывание с предшествующим контекстом. Смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках сиюминутной ситуации интерпретирования» [132, с.390]. Конкретные когнитивные методы, основанные на интерпретации как общем принципе, это концептуализм Абельяра,

герменевтика, компаративизм, феноменология, деконструкция. В их основе лежит предварительный анализ прошлого опыта, рефлексия чужих результатов в своих условиях, на основе анализа которой строится новая когнитивная терминологическая система. Основным приемом образования новых терминов в традиции интерпретации является коннотация.

В отличие от неклассического метода интерпретации, классические дискурсы используют жесточайшие по точности, часто – логические методы: определение понятий и абсолютное знание Сократа, «Этика», доказанная геометрическим способом Б.Спинозы, «радикальное сомнение» Р.Декарта, абсолютная идея и диалектика понятия Г.Гегеля. Классическая философия утверждает новую цель познания, которую она ставит перед своим агентом – разумом, определяя и сам разум в качестве исполнителя этой цели. К примеру, от Аристотеля идет убеждение в превосходстве целевой причины над причиной действующей: «...Наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное... И наука, в наибольшей мере главенствующая... – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще наилучшее» [20]. Единство цели, метода и предмета представляет дискурс, а наука, которая познает цель, согласно Аристотелю, философия. Следовательно, философия может быть наукой о дискурсах.

В Новое время Кант видит в разуме высшую из теоретических способностей. Он определяет разум как способность давать принципы. Кант считал, что разум создает единство правил рассудка по принципам: разум достраивает до высшего единства – единства целей – то, что рассудок способен подвести лишь под единство причины – природной закономерности, как ее видит математическое естествознание Нового времени. Не случайно в кантовской системе категорий рассудка, т. е. тех правил, с помощью которых создается мир опыта и которыми оперирует современное естествознание, нет категории цели. Цель – это принцип разума, а не категория рассудка; но и рассудок не может

обойтись без него: он останется лишенным регулятива [129, с.15-17]. Кант часто повторяет, что Идеи сущностно «проблематичны». Способность ставить проблемы, Обнаруживать противоречия «еще не располагает средством различения истинного и ложного, обоснованного или нет в поставленной проблеме. Снабдить ее таким средством и есть цель критической операции: Критика должна заниматься не объектами разума, а самим разумом или проблемами, которые выходят из него самого» [152]. Идеи — открываются в задачах, не имеющих однозначного решения.

Согласно Аристотелю [9], разум тоже есть «способность целей», и это потому, что цель – это сущее – ради – себя; все остальное – ради нее, но она больше не отсылает к другому, она замыкает, завершает ряд, кладет ему предел и тем самым останавливает механическое, беспредельное движение от одного к другому. Именно такой незавершенный, не содержащий в себе конца, цели ряд есть нечто несовершенное, а потому и чуждое разуму. Бесконечное воспроизводство себя, отсутствие смысла и цели – признаки фрактала и парадокса, разрывающих любое теоретическое единство, внося в него конфликт взаимной относительности понятий.

С другой стороны, проблемой для классической философии становится как раз существование теоретического предела, идейной завершенности её положений на фоне беспредельности идейного поля человеческой мысли. Почему мы должны мыслить мир только «по Канту» или только «по Аристотелю»? Почему исследование новых проблем должно подчиняться старым парадигмам мысли? Такие вопросы подтачивают идейную базу любой классической философии. Если сформулировать данный вопрос на уровне понятия: почему конструирование новых понятий в рамках существующей парадигмы требует отказа от понятий старой парадигмы, но не дает существенно большей объяснительной силы теории. Это явление стало трактоваться как существование «псевдопроблем» в философии, выдвигалось требование отказа от метафизики (т.е. формулировки понятий путем коннотации). Конечно, можно отделить проблему как форму понятия от проблемы его содержания, т.е. понимать

философские термины как метафоры целей познания, целей человека, гражданина и т.д. Но сохранится ли при этом сама цель? А может быть обществу Нового времени стало стыдно и показалось аморальным указывать какие-либо цели «свободным и разумным» гражданам? Так что в 20- веке западная философия практически отказалась от поиска идеалов, указания путей к ним и попыток переделки социального порядка. Как следствие этого, концепцию общезначимого разума сменила концепция коммуникативно утверждаемой рациональности.

На смену отвергнутой метафизике в середине 19 века приходит позитивизм, такая философия науки, которая стремится быть наукой внутри философии и философией внутри науки. Она формулирует метаязыки, принципиально избегающие формулировки новых терминологических систем, собственно философских теорий, но упорядочивающие предметный дискурс истолкованием, на уровне самого контекста. «Постепенно становилось ясным, что большую часть философии можно свести к так называемому «синтаксису», хотя это слово надо здесь использовать в более широком смысле, чем к этому привыкли до сих пор...», писал Б. Рассел [272, с.357]. Имплицитной целью позитивизма и неопозитивизма стало меж-предметное понимание предмета конкретных, наиболее актуальных для общества наук и теорий: теории относительности А. Эйнштейна, ядерной физики, принципа дополнительности Н. Бора, эволюционной теории Дарвина и т.д. [209]. Для этого потребовалась «расшифровка» научного языка, сближение его с языком обыденной речи. Самую радикальную попытку в этом направлении предпринимает М. Хайдеггер. По этому пути идут Б. Рассел, Л. Виттгенштейн [290], исследователи проблем языка, понимания и диалога, собранные Венским, Пражским кружком, Львовско-Варшавской лингвистической школой и другие [180].

1.3.4 Метарефлексия (Д-3): формулы, мэмы, фракталы и парадоксы дискурса

Здесь необходимо рассмотреть «техническую» трансформацию, т.е. трансформацию с помощью особого трансформирующего агента. Агент не

существует сам по себе, а конструируется искусственно субъектом, желающим трансформировать дискурс и манипулятивно воздействовать на других людей определенным образом. Агент – это сгусток информации, носитель замысла, скрытых намерений своего автора. Наиболее показателен в теоретическом плане опыт деконструкции, осуществляемый Ж. Дерридой с помощью особых слов «неразрешимостей»: различие, след, почин, гимен, грань, фармакон. Неразрешимости – класс имен, фиксирующий противоречия, но не раскрывающий их противоречивой природы. Использование подобных терминов потенциально приводит к двусмысленности, к необходимости интерпретации и её множественности. Неразрешимости возникают в процессе метарефлексии. Важно указать место метарефлексии в пространстве дискурса: она не является ни первой, ни второй рефлексией, а третья, как было сказано выше, нам просто недоступна. Это частичная рефлексия объекта или субъекта, рефлексия отдельного качества, особенности, не дающая целостного знания о нем, но указывающая на эту особенность, позволяя говорить о ней и, в её ракурсе, о целом объекте. Пространство метарефлексии – пространство метафор, образов, объединяющее разнородные вещи по любому, даже случайному признаку. Метарефлексия нарушает тривиальный, очевидный порядок вещей ради открытия их смысла – случайного, данного здесь и сейчас или вечного, но не очевидного. Это определенный путь и способ перехода от одного порядка вещей к другому: от прошлого – к будущему, от низшего – к высшему. Такую трансформацию можно рассматривать как технический прием и как идеологическую – идеальную цель.

Единицы дискурса, представляющие разложение смысла термина и высказывания на их смысловые составляющие, формируются в процессе метарефлексии. Лингвистическим эквивалентом их являются семы – элементарные единицы значения, не обязательно имеющие собственную форму. Такая единица, оторванная от своего первоначального значения и использованная для организации другого значения, может потерять свое значение, а может напротив, стать двусмысленной, нагруженной двойным значением. Как известно, термины, обозначающие конкретные объекты, объясняются с помощью терминов

с более общим значением. В результате получаются наиболее общие понятия, так называемые элементарные понятия или «семантические множители». Семантические множители возникают в предположении о дискретности семантического пространства языка и о том, что набор элементов в этом пространстве конечен и обозрим, тогда как число их комбинаций является потенциально бесконечным. Свойства семантических множителей это: «элементарность, т.е. дальнейшая неразложимость на более мелкие единицы; принадлежность к плану содержания, т.е. “одноплановость”... универсальность, т.е. общечеловеческий характер и одинаковость их числа и сущностного наполнения во всех языках» [88, с.24]. Поиск и использование семантических множителей – это одновременно: «путь к самим вещам» и путь к бездискурсному, общечеловеческому языку, где слова, подобно геометрическим образам Гуссерля, не будут «портиться» при переводе. Это идеал позитивистской метафизики: один язык, абсолютное его понимание, а далее – один разум (мозг, суперкомпьютер со всеобщим, равным и постоянным доступом к нему) – для всех людей. Примером семантических множителей являются выделенные А. Вежбицкой семантические примитивы [74]. Перевод с помощью множителей будет осуществляться путём «сборки» идей из категорий и понятий языка, конструированием «формулы смысла» абзаца переводимого текста с последующим подбором аналогичной формулы другого языка. Однозначностью такого перевода устраняется дискурс понимания как интерпретация/реконструкция чужой мысли: происходит взаимная редукция как своего, так и чужого языка. «Методика: выявление своего рода «атомов смысла», семантических множителей, из которых слагается значение отдельных «молекул», слов языка [112., с.78]. Путь построения семантических словарей открывает возможность адекватного перевода и понимания текстов чужого языка.

Но текст – это статика языка, а дискурс – его динамика, употребление в речи, в применении к новым ситуациям изменяющейся жизни, в новых условиях актуальности. И в дискурсе семантические словари могут оказаться бесполезны, так как «атомы» и «молекулы» смысла будут выполнять здесь иную функцию: не

хранителя, а преобразователя смысла, причем мгновенного преобразователя. По аналогии с генетикой, можно сказать, что случайное сочетание «генов» смысла или преднамеренная их пересадка в чужой организм способны привести к возникновению неожиданного или запрограммированного свойства этого организма.

Одним из способов получения нового смысла в языке является метафора. Известна моделирующая роль метафоры в науке: она не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими частные метафоры. М. Минский — автор теории фреймов вводил аналогии, основанные на ключевой метафоре [106]. Он писал: «Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи... Так, мы все более и более привыкаем рассматривать газы и жидкости как совокупности частиц, частицы — как волны, а волны — как поверхности расширяющихся сфер» [143, с.12]. Метафора, по Минскому, способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой. «Нет ничего более фундаментального для мышления и языка, писал У. О. Куайн, чем наше ощущение подобия». Это ощущение является общим как для практического, так и для научного дискурсов стимулом к порождению метафор. На парадоксальность метафоры указывает Н.Д. Арутюнова: «Метафора в ее наиболее очевидной форме — это транспозиция идентифицирующей... лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» [22, с.76]. Здесь неизбежно действует принцип сдвига, транспозиции, приводящий к возможной трансформации смысла целого высказывания. «Родина» метафоры — мифологический и поэтический дискурс. Для неё характерны: слияние образа и смысла; контраст с тривиальной таксономией объектов; категориальный сдвиг; актуализация «случайных связей»; несводимость к буквальной перефразе; синтетичность, диффузность значения; допущение разных интерпретаций;

отсутствие или необязательность мотивации; апелляция к воображению, а не знанию; выбор кратчайшего пути к сущности объекта.

В то же время, говоря о науке, Дж. Локк осуждал образное употребление слов, которое «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение» [192., с.567]. Действительно, «Метафора несовместима с прескриптивной и комиссивной (относящейся к обязательствам) функциями речи. Естественно, что метафора редко встречается и в вопросах, представляющих собой требование о предписании (типа «Как пользоваться этим инструментом?»), а также в вопросах, имеющих своей целью получение точной информации. Прескрипции и комиссивные акты соотносятся с действием и воздействием. Они предполагают не только выполнимость и выполнение, но и возможность определить меру отступления от предписания и меру ответственности за отступление. Естественный язык умеет извлекать значение из образа. Итогом процесса метафоризации, в конечном счете изживающим метафору, являются категории языковой семантики. Рассматриваемый в перспективе механизм действия метафоры ведет к конвенционализации смысла. Этим определяется роль метафоры в развитии техники смыслообразования». [22, с.13]. Дискурс использует метафору для образования новых объектов (образов объектов) и понятий о них. Она же является способом преобразования в дискурсе идей, образов и самого дискурса.

Наиболее простой формой агента – преобразователя смысла является цвето-звуко-смысловая ассоциация, построенная на принципе симметрии. Часто встречающиеся звуки родного языка вызывают приятные эмоции и яркие цветовые, вкусовые и другие ассоциации. Часть слов каждого языка (к примеру, до 10 процентов русской лексики) сохранили в себе этот древний принцип строения. Комплекс таких слов, вместе с невербальным оформлением воспринимается сознанием безусловно, некритично и прямо вызывают у слушающего ту реакцию, которая запрограммирована в слове и на которую рассчитывает (или не рассчитывает) говорящий. Такие ассоциации используются для суггестивного воздействия на людей гипнотизерами, магами, гадалками.

Разработаны и способы выявления подобных ассоциаций в текстах, и речевые способы защиты от подобного воздействия (более и менее агрессивные) [142, с.75].

В современном политическом дискурсе в качестве агента преобразования используются дискурсивные формулы т.е. обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте. Они способствуют взаимопониманию между людьми, разделяющих определенные политические убеждения. В дискурсивных формулах выражается отбор участниками политического дискурса языковых средств, выражающих их идеологическую позицию [399]. В политическом дискурсе говорящий, распределяя в своих высказываниях ценностные аспекты, демонстрирует своё отношение к ситуации в целом. Эта ситуация может рассматриваться во временной локализации: по отношению к настоящему, прошлому и будущему. К примеру: отношение к настоящему, правые: «номенклатурный капитализм латиноамериканского типа», «болото между развалившимся социализмом и ещё не построенным цивилизованным рынком», «интересы бюрократии», «интересы номенклатуры», «популистские законы», «бедность пенсионеров» и т.д. Формулы призваны воздействовать на сознание людей таким образом, чтобы побудить их предпринять действия по устранению ситуаций, выраженных этими формулами.

В культуре агентами трансформации выступают мэмы. Мэм – единица культурного наследия, аналог биологического гена в культуре. Это может быть мелодия, фасон одежды, анекдот и т.д. Создатели новой науки меметики, опираясь на теорию трех онтологических миров К. Поппера, предполагают, что трансформация сознания (мир-2) достигается благодаря артефактам (мир-3) и изменяет практическую деятельность человека (мир-1). В техническом смысле мэм – это копир, обеспечивающий подражание, преемственность культурных единиц, и в то же время это инструкция по исполнению (своего/чужого) желания. Конкуренция между мэмами обеспечивает до некоторой степени эволюцию культуры, включая эволюцию представлений человека о мире и о самом себе. Так, стремление подражать представителям высшего общественного класса приводит к «трансляции» предметов роскоши, искусства, приобретая которые человек

реализует потребность в самоуважении и представлении о самом себе [280, с.257]. Согласно Р. Доукинсу, С. Дэннету и С. Блэкмор, чтобы мем смог быть копиром, ему необходимо соответствовать дарвиновской теории эволюции, т.е. иметь вариации, отбор и наследственность. Все популярные мемы обладают этими свойствами. Кроме того, они, являясь определенной информацией, уменьшают неопределенность, т.е. облегчают выбор. Мемы способны накапливаться в разуме человека, кооперироваться между собой и конкурировать с другими комплексами мемов. Мемы циркулируют в культуре как модели ассоциаций, метафор и когнитивных структур. Некоторые из них способны генерировать верования и влиять на поведение человека.

Еще одним преобразователем смысла может быть логический фрактал. Если представить парадокс как объект логики фракталов, то начальный шаг будет соответствовать не объекту, субъекту, линии или точке, а факту его бытия, размерность и порядок измерения этого шага могут быть любыми. Выделение высказываний-фракталов, и анализ их связей с обычными высказываниями, приводящих к парадоксу, можно рассмотреть на модели текста, организующим элементом которого является одно высказывание из народной английской песни: «Дом, который построил Джек».

Циклическое повторение первого, а затем и последующих высказываний, «цепляющих» новый предмет мысли, образует аттрактор, каждый цикл которого мы читаем наоборот – от «конца» - новой мысли – к его началу – организующей весь текст аксиоме, «центральному ядру». Действительно, (как нам кажется) без дома, «который построил Джек», не существовал бы и весь мир, который вокруг него буквально вращается! Можно ли применить подобную схему к «Рассуждению о методе» Декарта, построению Локка и т.д.? Хотя «рассеяние» тех же объектов в другой ситуации, к примеру у У. Гессе, показало бы хаос, одиночество и взаимную враждебность людей, живущих на одной ферме. Тогда как в конце английской песенки (оригинала) пастух уже не браниться, а целуется с «коровницей строгою», т.е. сельская идиллия достраивается до конца.

Соединяет все «объекты» стихотворения не само по себе высказывание: «Дом, который построил Джек» и даже не сам дом, а оптимизм ситуации построения, упорядочения мира – Большого дома (мира-рая), вокруг просто дома, малого. Хотя и алгоритм ситуации, единство её формы и содержания, может быть задан одной этой фразой. Метафора – аналогия этого стиха оказалась настолько удобна для описания круглых и вращающихся систем, что ее стали широко применять: «Вот атом, который построил Бор...».

Слово может нести свернутый, древний смысл, предписывать определенный алгоритм действий. Как слово «трубадур», возникшее путем соединения двух арабских корней: ТРБ и РББ [333, с.354], означающих «заботиться, воспитывать» и «женщина, женский идол» вместе дают смысл «воспевать, восхвалять женщину». «Абракадабра» - слово, ставшее символом бессмысленности, несет смысл магической формулы борьбы со смертью, победы над смертью, преобразования смерти в жизнь. Происходит от еврейской фразы «abred ad habra», означающей «мечи свою молнию даже в смерть» [153, с.69]. В этот ряд можно поставить и сугубо научные формулы: «Мыслю, следовательно, существую» Р. Декарта, взаимосвязанные регулятивные идеи: «Я», «Космос», «Бог» И. Канта. Все они служат некоторому преобразованию – упорядочению, переводящему чувственное знание на язык рациональных формул и наоборот – с языка формул на язык чувственных переживаний.

Подобные дискурсивные формулы (абракадабра, материя-информация-мера и др.), организующие тексты, но бессмысленные сами по себе, действуют на сознание как компьютерный вирус – на сборник программ. Они, являясь «конечными автоматами», способны к самовоспроизводству, перемещению в информационном пространстве, приспособлению к среде, могут содержать несколько независимых частей («многоклеточность»), быть «двуполовыми» и т.д. Они могут содержать как «вредные» так и полезные для чего-либо команды. Защита от них основана на «вакцине», имитирующей заражение и тем самым предотвращающей попадание в компьютер вредоносной программы. Аналогично, для предотвращения заражения интеллектуальными вирусами – парадоксами

необходимо иметь некоторые собственные убеждения, изображать «заражение» другим вирусом, чтобы не быть пораженным данным.

Если компьютерный вирус представляют как первую форму жизни, созданную людьми, то не есть ли человеческий разум сообщество таких «вирусов». Сообщество конечных автоматов, распределяющих функции человека между собой, т.е. предписывающих определенное действие в типичных условиях сознания, созданных данными, пришедшими от органов чувств? Тогда каждый новый «вирус» - бессмысленное, априорное высказывание, понятое как конечный алгоритм действий, будет встраиваться в это сообщество, искать подходящие условия для «включения» своих команд, соответствующие определенным ситуациям внешнего мира. Конечный автомат – набор символов, преобразующий (трансформирующий) высказывание с одного языка на другой. К примеру, регулятивные идеи И.Канта вместе со способностями работают в системе разума как конечные автоматы, преобразуя информацию с языка данных органов чувств на язык понятий и категорий разума. Преобразуют чувственное знание – в рациональное. Это, в свою очередь, позволяет человеку по ограниченному набору данных судить о мире в целом: высказывать идеи, относя их авторство к самому себе, строить концепции по поводу отдельных предметов мира, соединяя их с «космосом», судить о причинности явлений, соотнося частные причины с абсолютной причиной, создавать целостные, упорядоченные картины мира.

Как работают преобразователи смысла в культуре? К примеру, в эпосе Калевала мельница сама «мелет сама по себе», давая неиссякаемый источник пропитания людям. В русской сказке печь – сама кормит, а еще и возит на себе Емелю. Шапка-невидимка скрывает героя и дает ему увидеть скрытое. Щука, золотая рыбка и конек-горбунок исполняют желания. В дискурсе, развиваются три альтернативные позиции, возможных алгоритма действий. Так, в «Гадком утенке» Г.Андерсена, рассмотренном в пространстве дискурса, возможны три выхода из одной ситуации. Первый – жалость к себе и смерть, второй – деятельное преобразование себя, труд, приводящее к становлению лебедя и третий – преобразование мнения о себе среди других людей как о «гадком

утенке», в новое мнение о себе как о «лебедю». Третий вид преобразования направляет усилия на других людей и приводит к обману, подмене (смене) их мнения, т.е. «чуду». Для науки о природе возможен только второй вариант, тогда как для познания в целом они важны все. Три алгоритма, стратегии развития дискурса: критическая, практическая и имиджевая (знаково-символическая) исторически были представлены в русской литературе: первая в XIX и начале XX века, вторая – в реализме XX-го, третья – сегодня.

Метарефлексия, в отличие от первой и второй рефлексии обнаруживает не парадокс, а высказывание, потенциально способное стать агентом парадокса: «я лгу», «множество всех множеств» и т.д. Всякий парадокс есть организованная система понятий, следовательно, любая система понятий может быть парадоксом. Тем не менее, большинство научных теорий парадоксами не являются, а напротив, дают верное представление о действительности. Благодаря чему, рациональность, оперирующая абстракциями и системами абстракций, не превращается в бесконечный ряд ошибок и заблуждений? Может ли понятийный аппарат теории быть внутренне непротиворечивым и при этом не противоречить фактам?

Размышления над этими вопросами во многом определили «лингвистический поворот» в философии XX века, работы Б. Рассела, О. Нейрата, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна [19, с.176]. Результатами их работы стали новые онтологии мира, основанные на атомарных фактах со-бытия и протокольных предложениях, описывающих эти факты. Л. Витгенштейн разрабатывал концепцию логической динамики, динамических логических моделей (картин) мира. Вот начало Логико-философского трактата:

«1. Мир есть все, что происходит.

1.1 Мир – целокупность фактов, а не предметов.

1.11 Мир определен фактами и тем, что это ВСЕ факты...

2. Происходящее, факт — существование со-бытий.

2.01 Со-бытие – связь объектов (предметов, вещей).

2.011 Для предмета существенно, что он должен быть возможным компонентом какого-то со-бытия». [77, (афоризмы 1 — 2.011)].

Для Л. Витгенштейна важны не отдельные понятия и «факты», а само пространство их сочетаний и взаимодействий. Факт, в отличие от предмета, соответствует высказыванию о мире, а не самому миру. Событие, как связь вещей, явлений однозначно, одномерно, мгновенно и в этом смысле – его проще понять и легче выразить через связь понятий. Дискурс, оперирующий фактами и событиями, действует в пространстве, где эти события принципиально возможны, где динамика теории максимально приближена к динамике физической реальности и, в принципе, эти реальности должны слиться в одну, транс-физическую реальность. Её прототипом для Витгенштейна служит логика высказываний.

Л. Витгенштейн в своих афоризмах Логико-философского трактата так же имел в виду передачу некоторого содержания в его предельных формах, а не какие-либо конкретные, существующие формы передачи любого содержания. Смысловой расклад трех базовых терминов ЛФТ (факт, со-бытие и ситуация) таков: они однотипны и выражаются словами-синонимами, вместе с тем несколько различаясь по своим функциям. Ситуация – термин более общий и нейтральный, чем два других, близких ему по смыслу. Он употребляется в тех случаях, когда безразлично, идет ли речь о факте или о его элементарной составляющей – со-бытии. Если взять термин ситуация за базовый, то факт можно характеризовать как комплексную ситуацию, разложимую на элементарные ситуации, со-бытие – как элементарную ситуацию. Факт и со-бытие принадлежат логизированному миру, мыслятся как корреляты логически комплексного высказывания и – элементарного высказывания. Ситуация же выступает как структурная «единица» обычного, не подвергнутого логической «анатомии» опыта. Это – то, что соответствует предложению в его опять же обычном, не подвергнутом логическому анализу виде, – если это предложение истинно. К тому же термин ситуация согласуется с выражением так-бытие, к которому прибегает Витгенштейн, и с его пояснениями: предложение изображает, как обстоит дело,

если оно истинно, и говорит, что оно обстоит так. Эти последние штрихи указывают на родство витгенштейновской «ситуации» с кантовским «явлением» или даже с аристотелевским «тем, что поддается высказыванию, может быть сказуемым» [167, с.44]. Если представить факты, со-бытия и ситуации как основу миропонимания, мы увидим за их общностью и разнообразием – разнообразие более высокого уровня – порождающее родство и особенность фактов, разнообразие дискурсов.

С позиции дискурса смысл здесь заключен не в самих предложениях – высказываниях о фактах, а в грамматике, организации и соподчинении этих предложений, т.е. в синтаксисе [368]. Если, к примеру, грамматика языка отражает социальную структуру общества, говорящего на этом языке, то по мере уравнивания социальных различий, «уплощения» социальной структуры (что мы наблюдаем если и не для всего общества развитых стран, но для отдельных социальных групп), грамматика так же «уплощается», т.е. упрощается, деградирует, открывая хаос и произвол лексике. Хотя и этот хаос может быть иллюзией – аналогичные процессы замещения грамматики лексикой идут в языках пиджин и креол – т.е. они характерны, закономерны для стадии становления нового языка, а следовательно, и нового мира. Тематические классы слов разбивают пространство содержания, а внутри каждой из образовавшихся областей начинается свободная игра ассоциаций: словосочетаний, ритма, звуко-смыслов и т.д. В современных песнях стиля рэп исчезает рифма, а в песнях Леди Гага – предложение. Но даже это не препятствует выражению смысла-значения некоторым набором знаков-сигналов.

Семантические единицы могут выступать агентами трансформаций смысла высказываний, но они не образуют целого мира: они образуют еще одну «теорию» этого мира, порядок и практику мышления, удобную для определенных целей. Поэтому мир событий, фактов и ситуаций оказывается всего лишь картиной из тысяч и миллионов оттенков одного цвета (логики) и востребует дополнения его миром дискурсов. Философская идея дискурса имеет в виду не построение какой-либо конечной замкнутой системы аксиом и правил, а открытие

принципов открытой системы взаимодействия человека и языка с возможностью рефлексии этого взаимодействия.

1.3.5 Интердискурс (Д-4): единство истории, логики и дискурсивной практики

В первом приближении, интердискурс – это такое взаимодействие автора и интерпретатора, когда первый, «намеренно выстраивающий свое сообщение как игру – пересечение, взаимоналожение, “монтаж” нескольких дискурсивных типов, решает задачу персуазивного, в той или иной мере манипулятивного воздействия на адресата» [332, с.15]. Сознание интерпретатора при этом должно переключится, включиться в эту игру, правила которой задал автор. М. Фуко, говоря о широкой дискурсивной практике, употреблял термин трансдискурсивность. Трансдискурсивность – новый жанр, игра, открытая дискурсивная система, ограниченная несколькими связанными между собой категориями. Примеры подобных систем: платонизм, кантианство, гегельянство, марксизм, фрейдизм. Дискурсы становятся открыты и взаимно проницаемы друг для друга, когда появляются трансдискурсивные языки понимания, задающие общие для всех категориальные системы. Примером такого трансдискурсивного языка в СССР была лексика догматического марксизма.

Интердискурс – то, что сводит в единое целое пласты разных человеческих знаний, причиной и условием объединения которых являются различные экстралингвистические факторы, и прежде всего цели и задачи общения, его тема, проблема и содержание. Это можно представить как отношение между независимыми системами величин. К примеру, исторически последовательно возникшие высказывания о фактах: А, В, С, соединяясь друг с другом входят в теорию Х (логика), по правилу Q (дискурсивная практика). В то же время, высказывания N, O, P входят в теорию Y по правилу Q-1. При этом, отношения между разными высказываниями (порой исключаящими друг друга) независимы от отношений между теориями, а отношения между теориями независимы от

отношений между условиями формирования этих теорий. Поскольку противоречащие друг другу теории формируются на основании общего для них правила, как и противоречащие друг другу высказывания могут быть принадлежностью упорядочивающей их теории. Дискурсивная практика имеет ввиду, изучает отношения между правилами построения теорий (синтаксис предметной области), т.е. мета-теоретические отношения, а интердискурс имеет ввиду изучение всей группы отношений: высказываний, теорий, и правил. Т.е. интердискурс направлен на изучение «теории вообще», как единства трансцендентальной теории.

Содержание, как динамика фактов, к примеру, поступков людей, может быть рассмотрено в различных парадигмах, мировоззрениях, делящих мир на активных агентов и предписывающих этим агентам неотъемлемые правила как их «знание». К примеру, активными агентами в романах Ф.М. Достоевского являются психологические, а позднее, политические типы людей: «революционер – нигилист», «расточитель», «приспособленец» и другие. Тогда как в романах Ю. Латыниной выводятся три основные типа агентов: «торговец-ученый» (функция расчета), «администратор» (функция управления) и «рыцарь-революционер» (функция оценки, справедливости). Разные персоналии могут исполнять одну из этих ролей, накладывая на неё особенности своего характера и тактику поведения, но общие стратегические цели остаются неизменными всегда, о чём, в частности, говорит социальная лингвистика [47, с.154]. Нечто подобное можно наблюдать в индийской философии, делящей людей на касты: брахманов, кшатриев, вайш и шудр. Человеку из каждой касты предписано определенная роль в мире, своя этика, пища и стратегия жизни. Нечто подобное показал и Платон в своем «Государстве». В научных текстах агентами могут быть понятия и категории, идеальные объекты, факты, речевые акты и дискурсы. Это означает, что субъект познания может познавать и транслировать свое знание другим посредством идеальных агентов.

В дискурсивной реальности мы рассматриваем мир как текст, считая факты и материальные явления тождественными их описанию на различных языках

познания в перспективе продолжающегося процесса этого описания. Мир-текст находится в процессе постоянной трансформации – переформулировки, интерпретации имеющегося знания, т.е. перевода его с одного языка на другой в силу локальности и предметности каждого из языков и глобальности, над-предметности самого знания. Мир как текст, трансформируется дискурсом (и другими формальными механизмами) с целью приращения знания. Трансформация рассматривается как перевод знания на другие языки, в другие формальные системы, расширяющая число содержательных уровней.

М. Фуко фиксирует типы вероятностных трансформаций дискурсивных практик, различая: «(1) деривации (внутридискурсивную зависимость), т.е. трансформации, связанные с адаптацией или исключением тех или иных понятий и обобщений; (2) мутации (междискурсивные зависимости), т.е. трансформации позиции говорящего субъекта или предметности (смещение границ объекта); (3) редистрибуции (внедискурсивные трансформации) т.е. внешние по отношению к дискурсу но влияющие на его эволюцию и метаморфозы» [318].

Трансформация является одной из основных функций дискурса. Дискурс трансформирует текст, переводя его знаки с трансформируемого языка на формируемый язык, используя при этом формы и механизмы трансформации, такие как дискурсивные формулы (аттракторы, конечные автоматы). Основными вопросами трансформации – перевода с одного языка на другой, являются: откуда? Куда? Как, с помощью чего трансформируется исходный текст-знание в новый текст? Происходит ли процесс «разархивирования» прежнего знания-смысла? Раскрывается ли он полностью или только частично, в качестве определенной, направленной интерпретации нового содержания? Сам процесс трансформации при этом рассматривается как аналитическая процедура, в результате которой происходит рост рационального знания за счет последовательного синтеза описаний фактов в разных языках, т.е. применения к этим фактам нескольких когнитивных моделей этих языков.

Мысль осуществляет одну из нескольких познавательных операций: категоризации, служащей сегментации семантического пространства,

репрезентации, служащей опосредованию объектов реальности порядком, нормами восприятия, имеющимися знаниями. Интерпретации – перевода формальных знаков, номинальных определений в содержательные и реальные, т.е. перевод теории в практику. Конвенции – согласия, договоренности о существующих нормах и о возможности их смены на другие (известные) нормы при смене внешних условий, изменении ситуации. В целом трансформация работает так, как будь то познающей системе присуща «память» о прошлых вариантах, режимах работы, к которым она может вернуться в будущем, «подняться» или «свалиться» в один из них.

При этом следует различать формы мысли, трансформирующие язык (дискурсивные формулы), формы трансформируемого языка и формы из которых формируется, конструируется новый язык. В последнем случае это могут быть как предварительные, промежуточные формы нового языка (образы, идеи) так и его окончательные формы (понятия, концепты). Целью трансформации является не конструирование новых форм, а обнаружение нового содержания, извлечение максимума содержания из наличной информации о фактах. Как говорит Игорь Смирнов, «Суть дискурса в том, что в дискурсе есть не только выражение, не только речь, не только стратегия построения речи, но и план содержания... Каждый текст и, следовательно, каждый дискурс производит переход от данного, известного, темы к новому неизвестному. И вот это новое в любом из дискурсов подается как повторяющееся новое... Повторяемость – это тот вывод, к которому приходит любой из дискурсов. Ну, научный дискурс – это приобретает вид какого-то естественного закона, который будет действовать в любом месте и в любое время. В юридическом дискурсе такого рода повторяемость приобретает характер права, которое тоже оказывается универсально, в данном обществе приложимо» [285]. Содержательная деятельность дискурса состоит в переозначении предметов и расширении сферы своей деятельности.

Анализируя дискурс, мы должны двигаться не от его содержания к форме как сущности этого содержания, а от одного уровня содержания к другому, последовательно формализуя исследованные уровни. Стремление обнаружить

единство человеческого знания связано со стремлением отделить само знание (его содержание) от формальных механизмов, обеспечивающих нас иллюзиями единства, такими как рифма, случайная, но повторяющаяся фраза, бессмысленное словосочетание, наличие противоположностей и т.д., заключающими содержание знания в искусственные рамки, делая его ограниченным и противоречивым [35, с.29]. Зная о «линейности» нашего языка и невозможности охватить одной последовательностью высказываний, подчиняющейся одному правилу, какую-либо предметную область в целом, мы оказываемся перед методической дилеммой: говоря о чем-либо с достоверностью, всякий раз сужать предметную область или использовать несколько специальных языков, лексических систем для описания предмета в целом. Но, переходя от одного языка описания к другому, нам трудно сохранять достоверность знаний, полученную с помощью одного языка, в системе достоверности другого. По мысли Фуко «переход от пространства речи, включающего в себя осмысленные слова и их сочетания, к пространству конкретного языка, и далее - к сфере возможностей знаковой системы и является необходимой схемой философской рефлексии. Целью данной рефлексии является творческое состояние, при котором, исследователи могут позволить себе раскрывать, описывать и анализировать дискурсивные структуры, не беспокоясь о том, не упускают ли они при этом живую, реальную историю». [192, с.89].

Дискурс как система трансформации может работать следующим образом: на первом этапе медиа, как особый вид дискурса переводит информацию о фактах с языка официальных документов, научных докладов, на язык повседневности, здравого смысла. На втором, после публикации и прочтения – анализа медиатекста целевой аудиторией, т.е. его актуализации в общественном сознании, происходит приращение содержания этого текста за счет привлечения дополнительных источников информации (прошлого опыта) и вербализации сути проблемы. На третьем этапе следует обратный перевод новой информации на первый язык – документов, юридических, деловых, научных решений, т.е. на язык власти, так же прибавляющий новую информацию (содержание) к изложенной в

публикации. Это будет содержание принятого решения: выделение средств, изменение организационной структуры, разрешение, увольнение и т.д.

Аналогичным образом дискурс делового (предпринимательского) сообщества может преобразовывать знание конъюнктуры рынка в принятие решений об инвестировании тех или других проектов. Промежуточным этапом преобразования будет привлечение социальных: юридических, политических, психологических знаний, гарантирующих возможность реализации экономической конъюнктуры в создание нового, актуального продукта или услуги [51, с.153]. Новый продукт, услуга меняют актуальность, расстановку экономических приоритетов на рыночном пространстве. «Воспроизводимость вывода – это важнейшее качество любой дискурсивной практики, любого вывода того или иного дискурса... Поэтому каждый из дискурсов претендует на некоторую абсолютность, на полное владение истиной... Картина мира, которую создает какой-то дискурс – это некая тотальность. Потому что за пределом этой повторяемости больше ничего нет, там ничто, там пустое место. Там поле действия другого дискурса, Т.о. образом дискурсы бытийны, онтологичны, потому что бытие мы можем вслед за Мерло Понти определить именно как тотальность и повторяемость» [285].

Таким образом, трансформация, реализуя наличную актуальность, относится к ней как к предельной реальности, но реализовавшись, обнаруживает новую реальность с новыми актуальностями, так что процесс трансформации не может быть остановлен, хотя может иметь разную скорость и направленность в разных предметных областях. Дискурс как система трансформации сам конструирует предмет и действует в проблемном поле, которое является продуктом множества последовательных трансформаций. Следовательно, преобразование не имеет «начала» и «конца» в виде действующей и целевой причины, не является вектором линейного развития истории. Нельзя опираться на текущую актуальность, считая её предельной реальностью. За реальностью как актуальностью следует предполагать существование других содержательных уровней реальности, которые также имеют некоторую актуальность и

подвержены трансформации в связи со смещением актуальности первичного уровня. Создание иерархии целей и задач трансформации предполагает активность и конструктивную мощь на среднем этапе каждого цикла трансформации: аналитическая работа этапа «публикации» должна приводить к созданию новых идейных конструктов, обладающих большей объяснительной силой, чем были использованы на предыдущем этапе. То есть, как возможный вариант действий, необходимо создать новые дискурсивные формулы, в которых актуальная для нас информация будет «заархивирована» адекватным образом, станет новым «магическим трансформатором» наличного знания.

Напротив, когда объяснительная сила понятий, теорий падает, актуальность не реализуется в трансформации: публикации не выходят за пределы простой констатации фактов, они становятся «пусты», поверхностны, а по таким публикациям невозможно принятия управленческих решений. Прерывание цикла: актуальность – публикация (как обращение к публике вообще) – принятие решения, т.е. трансформация, приводит к последовательной профанации, измельчанию как публикаций, так и решений. Но такое торможение трансформации в принципиально трансформирующемся, изменяющемся мире приводит, в свою очередь, к накоплению актуальности и её смещению, пассивной трансформации всей содержательной системы. Возникает вопрос: насколько новыми являются слова, идеи, с помощью которых сегодня трансформируется сама реальность? Можем ли мы говорить о новизне содержания, сохраняя постоянство слов и терминов? Дискурсивная формула, мэм или иная конструкция, выполняющая роль публикации-преобразователя, работает в индивидуальном сознании как раз при обращении к «коллективному бессознательному», эмоциональным символам: ребенок, женщина, жизнь/смерть, страдание и т.д. С их помощью происходит актуализация важного для нас содержания в сознании других людей, и наше знание, проблема, становятся общезначимыми. Содержание, принятое к рассмотрению в одном дискурсе - можно продолжать развивать в другом, как будто на другом языке. Тогда мы берем единичные формы, в которых существует знание (образ, идея, понятие и проч.) и, применяя к

ним дискурсивные формулы, мэмы (единицы культуры и объекты желания) совершаем сознательный переход от старого дискурса к новому. Проблемой такой «технической» трансформации, трансформации посредством символов становится её «бесчеловечный» характер. В современном мире символические трансформации осуществляются не людьми, а крупными экономическими и политическими субъектами. Это сфера менеджмента, социальных и политических технологий. Её субъект принципиально множественен и движим ближайшими экономическими и политическими целями. Одним из возможных способов трансформации является война символов, со своими победителями, побежденными, жертвами, разрухой и репарациями.

Попробуем оставить на время «техническую» трансформацию в стороне и рассмотреть смыслы, трансформируемое содержание как таковое в рамках человеческого сознания. Так же на время мы исключим из рассмотрения, заключим в скобки механизм перевода содержания знания с одного языка – на другой. Все формальные механизмы, включая логику, в её формальном выражении, без логической семантики, трансцендентализм, деконструкцию, сводящие знание к тавтологии, а следовательно, инструкции, априорному и аксиоматическому иногда – догматическому истолкованию, должны быть исключены и не рассматриваться как содержательные. Мы должны признать, что два и более плана содержания не могут быть равнозначны для нас одновременно. Это невозможно, как невозможно одновременно говорить на двух языках, хотя можно говорить на одном языке, смешивая лексику и грамматику двух других. Но мы можем представить разные планы, описывающие один предмет как разные значения (смыслы) одного предмета, рассмотренные последовательно, как страницы одной книги, сохраняя при этом возможность перевода всех смыслов, полученных с помощью разных языков, на один. Знание может быть изложено простыми предложениями с использованием хотя и разной, но понятной терминологии для каждого плана содержания. Т.е. мы хотим иметь не сверхмощное и "плоское", тотальное содержание знания, а знание как естественную систему уровней, прагматических, синтаксических и т.д., даже если

мы хотим считать их равноценными. К примеру, текст художественного произведения может «раслаиваться» на внешний план событий – действия героев и внутренний план их душевных переживаний, к которому может присоединяться интеллектуальный и моральный планы представления тех же действий в понятиях и ценностях [356].

Как трансформируется содержание знания и через какие формы мы можем это обнаружить? Традиционное деление сознания на рассудок и разум у Канта связывает понятие разума с целеполаганием, т.е. формированием смысла, новой идеи, мечты, проблемы-тайны. Тогда как рассудок занят реализацией этого смысла, мечты, раскрытием тайны, доводя их до уровня поступков в реальном мире. Трансформацией содержания идеи в этом случае будет перевод её из пространства разума (идеального пространства) в пространство рассудка и обыденных действий. Обратившись к вопросу устройства идеального мира, мы можем представить простую модель. Здесь есть вечные формы: благо, счастье, любовь, красота, взаимопонимание, и операциональные, сопровождающих их: смысл, закон, чувство, знание. А также реализующие первые, практические идеи: формы социальной организации – семья, государство, социальная сеть и т.д. Содержание, представленное в трех видах форм, будет обладать внутренней динамикой: вечные формы будут иметь статус мечты, тайны, того, что я хочу знать, но никогда не узнаю. Они вечны и не трансформируемы по определению. Вторые, становятся содержанием первых: это то, на что я надеюсь сейчас и принимаю как истину. Они реализуются в третьих, практических формах. Историческая трансформация содержания состоит в подмене первых форм одной из вторых с последующей реализацией в одной из третьих. По мере реализации этой формы, такой как «смысл», «закон» она нагружается сначала теоретическим, а затем и практическим знанием, становится из идеальной – реальной и обыденной формой и уходит из идеальной сферы. Как понятие «закон» становясь «законом природы» теряет идеальный, но обретает практический, измеримый и используемый смысл. После этого на место «закона» приходит другая форма, которая подменяет собой мечту, тайну, а затем, обретая реальные черты, вновь

уходит в сферу практики и обыденности. Такой путь проделало содержание, наполнявшее концепт «идея» в теориях Платона, Аристотеля, Абеяра, Локка, Канта, Гегеля. Этим содержанием последовательно были понятия: закон, вид, концепт, чувство, разум, история.

Обратное движение: от обыденных, практических форм к идеальным, мечтам, возможно, но оно «застревает» на промежуточных, операциональных формах, полагая их первичными и уже существующими, оно не может сделать их мечтой и тайной, хотя может сформировать новую операционную форму. Рассудок не может подменить деятельность разума. Разум должен формировать новое, идеально теоретическое знание, как новую мечту человечества, за которой последует работа познания: конструирование новых теоретических форм и последующее практическое применение их в деятельности рассудка. Онтологическое полагание познания как безразличного, объективного познания объективно-безразличной к нам природы [370] должно уступить место заинтересованному знанию человеком как собственной динамики развития: «познание самого себя», так и динамики связанной с нами природы. К примеру, мысля историю определенным образом, мы сможем тем же образом её творить, претворять идеалы в практику и совершенствовать сами идеалы. Но для этого сфера идеалов должна быть живой, активной. Таким образом, мы можем различить еще два вида трансформации: манипулятивно – символическую и творчески – смысловую.

Мысль должна была пройти определенный путь: разрешить одни противоречия и обнаружить другие: смещение актуальности текстов Платона шло в двух направлениях: к метафизике и логике Аристотеля и онтологии Плотина. Позднее дихотомия реализма/ номинализма Средневековья сменяется дихотомией эмпиризма/рационализма Нового времени, априоризму кантовской доктрины была противопоставлена диалектика абсолютного идеализма. Двадцатый век в философии противопоставил друг другу несколько дихотомий: психологизм/антипсихологизм; сциентизм/антисциентизм.

Ресурс трансформации состоит в одновременной многомерности любой замкнутой, законченной теоретической структуры: наличии в ней как минимум двух альтернативных тенденций дальнейшего развития. Для концепции Платона альтернативными будут: связь идеи и вещи с одной стороны и иерархия видов бытия с другой. Общим основанием служит онтологическое деление мира на мир идей и мир вещей. Но на основе каждой из производных для Платона идей можно построить самостоятельные системы, что в действительности и делают Плотин и Аристотель. На следующем шаге мысли могли бы возникнуть 4 альтернативные системы мысли и т.д. Это структурная диалектика высказываний: каждая из глубоких идей может стать как основой самостоятельной системы мысли так и «утком», частью системы, построенной на другой основе. В целом высказывания образуют «ткань», рисунок потенциальных и актуальных связей. Если потенциал их задан логикой связи, то актуальность зависит от внешних, объективных, субъективных, intersубъективных связей. М. Фуко не стал создавать свою диалектику, избрав путь нового априоризма, тогда как другие постмодернисты: А-Ж. Гереймас, Ж. Фонтаний, Ж. Дррида пошли по этому пути.

Всякое высказывание [7, с.51], устанавливающее единство различных вещей, уже содержит в себе дихотомию трактовок этого единства, возможность неравенства, акцента на одной из частей единства. Уточняя, конкретизируя нашу теорию этого единства, мы будем вынуждены всякий раз, на каждом логическом шаге, делать выбор, склоняясь к одной из сторон изначального единства. Та постоянная альтернативность теорий, систем мысли, возникающая на общей теоретической основе, о которой пишет М. Фуко в «Словах и вещах» подтверждает высказанный тезис. Итак:

- 1) Мы мыслим высказываниями, а не словами.
- 2) Высказывания выражают связь, единство различных вещей в некотором отношении.
- 3) Конкретизируя это единство в теории, мы обнаруживаем множество новых различий.
- 4) Различия позволяют нам строить альтернативные теории этого единства.

Диалектика единства и различия может уточняться в логике высказываний, где действие, связующее разделенные части, интерпретируется как функция, переводящая высказывание из множества переменных в множество истинностных значений. Участвуя в формировании и трансформации дискурса, мы формируем его содержание, упрощая до некоторой формальной схемы, где есть активные агенты, понятные нам термины и эта схема объясняет имеющийся у нас контекст. Информация в современном мире является товаром (особым товаром), формой власти (Фуко) и «разборкой мира» (Гуревич). Все качества информации используются для трансформации дискурса. Как говорит А.П. Марков, информация убивает один мир и творит другой. Но большая часть информации ценностно нейтральна. Свойство «менять мир» она приобретает после публикации её в особых условиях пространства и времени, делающих её актуальной.

1.4 Способность дискурса к формированию и деформированию объектов и субъектов познания

Объекты и предметы исследования, в дискурсивной перспективе не могут рассматриваться как следствие открытий, целенаправленной деятельности отдельных субъектов. Дискурсивный подход ищет закономерности, необходимый порядок появления множеств подобных друг другу объектов и не может рассматривать события формирования объектов науки как случайные. Формирование многих интеллектуальных объектов морали, таких как свобода, справедливость, благо явилось следствием отношений социальных институтов в условиях существования определенных, общепринятых норм. Говоря о формировании теоретического объекта, как и определенного представления о теоретическом субъекте, мы должны помнить не только о потребности в данном объекте. Это может увести нашу мысль в психологизм или в рефлексию законченного исследования, его последующую интерпретацию постфактум. Мы должны помнить о надежде на объяснительную силу теоретической конструкции,

«доверие вещам», «метафизику» данных нам как сущностно, так и инструментально объекта и субъекта. Встать на позицию начала их применения.

Формирование теоретического объекта возможно на основе выделения отношений между другими, уже существующими объектами. Результаты отношений, как правило, выражаются качественными высказываниями, несущими оценку этих отношений. Оценка отношений выражается именем прилагательным. Так прилагательное «сильный» дает имя объекту «сильное взаимодействие», а «слабый» – «слабое взаимодействие». Объекты науки, как правило, именуются существительными, а имена выполняют в предложении функцию подлежащего. К примеру, Платон называет материю «подлежащим всех определений». В лингвистическом смысле появление нового объекта науки означает субстантивацию, переход имени прилагательного, выражающего оценку, в имя существительное, обозначающее некую сущность. В логическом смысле новый объект возникает на пересечении объемов двух прежних понятий: существуют понятия «преподаватель» и «юрист», их пересечением будет третье – «преподаватель – юрист». Объект – то, что относится и к одному, и к другому, являясь чем-то третьим. Объект в отличие от понятия не может быть «пустым»: объектом исследования может быть «пустое понятие», но не наоборот.

Объект исследования, попадая в поле дискурса, «растворяется» в самом дискурсе за счет постепенного исчерпания значений (и знаний) об этом объекте. Дискурсивный процесс помещает объект в форму своего элемента, рассматривая далее этот объект как часть дискурсивной системы, каждый из элементов которой обладает одним и тем же набором параметров. К примеру, дискурс Нового времени всегда будет «спрашивать»: является ли данный объект научным фактом? А любой из современных дискурсов будет рассматривать любую вещь как возможный товар, выдавая фразы типа: «эта идея не продается», имея ввиду смысл: идея не нашла поддержки у потенциальных инвесторов. Такого рода системные требования отмечают избирательность дискурса, стремление к реализации его внутреннего принципа (как некой цели) но осуществления адресного, предполагающего отбор подходящего для неё «материала».

Далее, форма дискурсивного элемента будет предъявляться нашему объекту на всех стадиях исследования: стадии его формирования, изучения свойств, функций, значений. Что, в конце процесса должно привести к реализации сверхзадачи дискурса: представлении всех знаний о данном объекте в форме элементов данного дискурса. В конкретном примере – в форме фактов. В условиях актуальности исследования это может привести к формированию новых объектов и повторении с ними дискурсивного цикла. Дискурс, как производство и комбинирование элементов-высказываний не может останавливаться на сказанном, он продолжается далее, перебирая и комбинируя известное знание. Свойства объекта, ставшие значениями высказываний дискурса, образуют его онтологию, метаязык категорий.

Понятие часто выступает именем объекта и отличается от него как имя от вещи. Объекту, по выражению Аристотеля, присуща «чтойность». Формирование нового объекта науки, как правило, сопровождается переплетением множества высказываний, результатом дискуссий и споров. «Местом» возникновения объекта является проблема, трудность объяснения явления традиционным набором понятийных средств, приводящая к теоретической необходимости вообразить новый объект, приписав ему свойства, бывшие до этого разрозненными. Так, физиологи, отрицавшие существование гена, полагали, что наследственные признаки «растворены в клетке», «присущи клетке в целом», а не сосредоточены в ядре и хромосомах.

Формирование объекта происходит путём взаимодействия языка и мышления в процессе познавательного освоения мира и состоит в соотнесении имен частей тела, качеств человека, его действий, ощущений с материальным окружением, емкими и точными сравнениями, передающими конкретный смысл через распознавание его предметной области. Например [237, с. 64]: «Лицо – кислое, постное, вытянулось, переменялось и т.д.

Нос – задирать, вешать, не вешать.

Глаза – опускать, поднимать, косить, «стрелять».

Имена частей тела, как наиболее важные «ценности» для человека выступают первыми подлежащими, существительными (носителями сущности), а также прообразами будущих нравственных категорий (голова, сердце, глаза). Одновременно они оказываются универсальными для всех людей, будучи наиболее адекватными, для всех объектов любого данного класса. Так, в германских языках слово “man” производно от слова “manus” (рука). В русском «человек» имеет корень «чело» - лоб, а в китайском и японском «жень» обозначает человеческое тело, фигуру. Тогда как определения, (качества) специфичны, особенны у каждого из подлежащих данного человека и объекта. Подлежащие и их определения соединены здесь Природой. Человеку, остается только назвать их чтобы определить объект или его часть: «большой – нос»; «маленькие – глаза»; «кислый – лимон»; «горький – перец».

Эта оценка является субъективной, но в тоже время может быть общезначимой. А имя, соединенное с качеством становится штампом, фразеологическим оборотом, несущим особый смысл, несводимый к смыслу входящих в него имен то есть дает нам особое понятие о данной вещи. Кроме того, наряду с оценками, выражающими специфичные качества, формировались «оценки вообще» применимые к человеку, явлению, жизни в целом. Что в значительной степени демонстрирует сленг и ненормативная лексика. Способность человека оценивать окружающую обстановку есть «способность суждения» как таковая, о которой писал И. Кант, указывая, что такая способность проявляется в эстетике.

Универсальность оценки разными людьми, в том числе людьми разных культур чрезмерной для человека жары, холода, жажды (но не природных явлений, их вызывающих) приводила к восприятию Природы как объекта, имеющего постоянные характеристики и, следовательно, постоянное значение для людей. Такое восприятие способствовало формированию синкретичного знания, где объект, качество и оценка представляют единство и выражаются в языке принципом соответствия значения и знака. На принципе соответствия звукового знака и смысла основано до 10 процентов лексики русского языка, а многие

гласные в русском и других европейских языках вызывают определенные цветовые ассоциации [142, с.70]. Примеры этого: кукушка – кукует, звонок – звенит, гром – гремит – громко. Когда этот синкретизм распался, и язык по большей части перешел от принципа соответствия значения – знаку к принципу условности знака, свободного его использования. Эволюция языка не пошла по пути изменения или размножения лексики оценок – даже в современных языках она не богата. Но первичная оцка как знак наиболее близка самой вещи и далека от сугубо знаковой реальности.

Параллельно и независимо от лексики оценок, началось формирование другого «пласта» лексики – слов, обозначающих мысленные конструкции, применимые ко многим материальным вещам и явлениям. Можно предположить, что это было связано с изготовлением вещей. Имя искусственно изготовленной (новой) вещи получает право быть столь же искусственным и субъективным, принадлежащим хозяину, как и сама вещь. На этом этапе человек начал сам соединять предметы и мыслимые качества, которые он хотел им придать. Соотнесем предметную и оценочную лексики:

Лук – оружие, которым можно убить, вызвать ГОРЕ.

Лук – растение, вызывающее неприятное ощущение: ГОРЕЧЬ.

ГОРЕ ЛУКОВОЕ – говорят о человеке, приносящем ГОРЕ другим людям.

Оценка разных явлений жизни, выражаемая словом «горе» осталась неизменной, основанной на принципе симметрии, соответствия. Тогда как слово «лук» стало применяться свободно, асимметрично, условно. Хотя в данном примере предметное имя «лук» соответствует оценке «горе», можно найти массу примеров, где такая связь отсутствует. Позднее, то же самое происходит с другими словами. Опираясь на богатый мифологический материал, можно утверждать, что таким образом формировался новый класс слов – условной лексики, описывавший искусственно изготовленные вещи: рабочие инструменты, кухонную утварь, украшения, одежду. Эти слова давали законченную картину другого, отличного от мира природы, человеческого мира, а в последствии таким же путем формировался словарь теоретического мира науки. Системность

описания нового (впоследствии, более важного, чем природный) мира, потребовала выработки мировоззрения, сакрализации смыслов созданных человеческими руками вещей. Новые понятия и объекты возникали из метафор и других тропов: в процессе переноса характеристик одного предмета на другой по сходству, общности одного или нескольких признаков. За ним следовал перенос названия с предмета на предмет – метонимия. Иногда использовался перенос на основе родовидового соотнесения – синекдоха и перенос по контрасту, на основе логического противопоставления - ирония.

В Новое время [169] объекты рассматривались в аспекте самой простой и самой абстрактной формы движения – механической, постольку особое место в характеристике предметов занимали их пространственно-геометрические свойства. Вещи стали представляться как тела, находящиеся в определенном месте, обладающие величиной (или фигурой) и делимостью на части, они стали изучаться в одном из элементарных способов их бытия – в механическом движении. Объект формировался в предметном дискурсе как точка – тело, к которому может быть обращен один из рядов взаимоисключающих вопросов: физические, химические, биологические, математические тела отвечали на разные группы вопросов, создавая особую предметную лексику понятий для каждой из наук. А каждый предметный дискурс получал строго ограниченный набор объектов.

Существование объектов познания, науки подразумевало максимально широкое их использование, как для объяснения новых фактов, так и для формирования мировоззрения. Использование понятия об объекте предполагало его трансформацию, изменение и развитие этого понятия, в частности, конструирование других, связанных с ним понятий, таких как количество и качество [238]. Качество одна из первичных философских категорий, «первооснов» мира. Г.В.Ф. Гегель писал: "Качество есть в первую очередь тождественная с бытием определенность, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество". Аристотель выделял два аспекта понятия качество: различие между предметами и оценка человеком по признаку

"хороший – плохой". Качество имеет как объективную, так и субъективную сторону, что осложняет применение этой категории в конкретных науках, предпочитающих иметь дело с количеством. Восприятие разнообразия цветов солнечного спектра человеком соответствует физиологии, но не физике, а отражение этого разнообразия в языке соответствует не «человеку вообще», а потребностям данного языка, степени развития лексики. В философии же существование определенной категории определяется не только логической необходимостью для обоснования ряда теорий (логической семантикой), но и удобством выражения определенного содержания, имеющего объективную основу.

Позднее, У. Джемс предложил представлять объекты как совокупность их качеств, и такая возможность была обоснована: в логике возможны как объектная, так и безобъектная онтология. Качество может быть как «рассеяно» по объекту, так и находится в определенной его части, органе. Но для построения терминологической лексики и грамматики, ориентированной на выявление качеств, их локализация в объекте становится несущественной и отсекается границей дискурса качеств. Относительность существования объекта, чьи качества были предметно, теоретически освоены и стали качествами соответствующего дискурса, демонстрирует теория Ч. Дарвина в биологии, обосновавшая относительность вида, теория относительности А. Эйнштейна в физике (относительность пространства-времени) и т.д.

Русский советский философ А.И. Уёмов рассматривал как базовые три категории: вещь, свойство, отношение. Хотя нет непреодолимых границ между вещами, свойствами и отношениями (по теории суждений С. Джевонса), в определенном плане можно провести четкое различие между ними: в частности, «свойство есть то, что, характеризуя вещи, не образует новых вещей» [306, с. 85-86]. С помощью свойств мы определяем вещи и отношения. Следовательно, свойство нас интересует, но не только само по себе, а и «для нас» как принадлежность вещей и отношений. Количественное выражение того или иного свойства необходимо для более точного определения других понятий. Но может

ли быть количественно измерено то, что не есть вещь? В современных: философии и конкретных науках можно выделить две проблемы, связанные с качественно-количественным анализом действительности: первая заключается в разработке и составлении общих алгоритмов качества, количества и связи качества и количества. Вторая – в составлении соответствующих алгоритмов применительно к анализу конкретных объектов.

В развитии теории объекта наступает «критический пункт», когда сохранять многогранное представление об объекте в целом становится не рационально. Каждая из его «граней» требует самостоятельного изучения и построения особых понятий, теории новой предметной области [375]. Когда, к примеру, физика разделяется на механику, оптику, гидродинамику, теорию электромагнетизма. Спустя историческое время может произойти еще одна дифференциация предмета исследования, а через ряд дифференциаций наступит период межпредметной, междисциплинарной интеграции, к примеру, на основе таких методов познания, как топология, синергетика, теория хаоса. Формирование объектов науки можно изучать в русле генетического и онтогенетического подходов. В отличие от генетического, существо онтогенетического подхода состоит в движении от объекта к предмету с последующим движением от предмета к объекту. «Предмет сохраняет за собой роль системы идеальных орудий объекта, и это рождает их активный «диалог», который развивается в «полилог» различных представлений, аспектов, позиций, ведущий к рождению и развитию многоуровневой рефлексивной деятельности, необходимой для реализации целей, преследуемых онтогенетическим подходом. К рождению и активному функционированию диады внутренняя форма – внешняя форма» [164, с. 83]. В конкретных науках результаты наблюдения обычно выражаются с помощью качественных и сравнительных понятий. Когда мы приступаем к исследованию новой области явлений, то начинаем с выработки качественных понятий, с помощью которых проводим классификацию предметов исследуемой области, опираясь на наблюдение. Качественные понятия – такие, как «теплый», «зеленый», «большой», - обозначают некоторые классы предметов и, приписывая предмету

свойство, выражаемое качественным понятием, мы тем самым включаем этот предмет в определенный класс. После образования качественных понятий и разбиения всех предметов на классы мы можем установить некоторые соотношения между классами однородных предметов с помощью сравнительных понятий, таких, как «больше», «теплее», «легче» и т.п. В настоящее время количественные понятия часто вводятся на основе теории как теоретические понятия (отображающие свойства идеализированных объектов). Когда мы строим теорию относительно некоторой области явлений, то объектом теории является непосредственно не сама реальная область, а абстрактная, упрощенная модель этой области явлений – идеализированный объект. В этом случае количественные понятия относятся, более к идеализированному объекту теории, и поскольку последний отображает реальный объект теории, постольку количественные понятия с определенной степенью точности применимы для характеристики реальных предметов.

Действительность изменений выражается во взаимодействии между качествами. С другой стороны, существует понятие качественность, которое выражает параметры качества в количественной стороне. Количественные изменения приводят к нарушениям меры объекта как границы существования его качеств. Нарушение меры зачастую ведет к изменению структуры, а оно, в свою очередь, изменяет основные свойства предмета. Таким образом, понятие меры, как правило, отражает устойчивость структуры объекта. Свойства, приписываемые объекту того или иного класса, интерпретируются согласно особенностям объектов этого класса: есть свойства, определяемые в функциональной зависимости между количественными характеристиками базовых элементов, где количественное изменение одного элемента связано с аналогичным изменением другого. Свойства геометрического объекта зависят от числа базовых элементов: треугольник образуют три прямые пересекающимися между собой, квадрат – четыре прямые линии. Разнообразие свойств вещей можно учесть при помощи разнообразия способов их количественного измерения: Таким образом, качественное разнообразие объектов сводится к различным

способам их задания: количественному соотношению, повторности, порядку базовых элементов и следовательно, к комбинации численных (количественных) характеристик. Творческая деятельность сознания в конкретных науках решает проблему качественной неопределенности предмета, отражая специфику данного предмета, а не формулируя общий закон, понятие о предмете «вообще».

Формирование качественных, сравнительных и количественных понятий является необходимыми этапами в процессе познания. «Так, система математических знаков, обслуживающих ту или иную понятийную систему и вводимых (и первоначально воспринимаемых) как знаки условные, как символы в смысле Пирса, при соответствующем (культурном, продуктивном) способе обучения преобразует свои функции. Овладение ею приводит к превращению этих знаков в знаки иконические и к свертыванию понятийной системы. При этом формируется новообразование, представляющее новую систему образов, вырастающую «над» знаковой системой и преобразующую ориентировочную деятельность. Оживотворенность знания, истинная освоенность изучавшейся понятийной системы состоит не просто в наличии, но в укорененности этого новообразования» [120, с. 60]. Таким образом, происходит обновление системы понятий в процессе познания предметов.

Теория предмета нередко должна включать в себя виртуальные понятия, выражающие связь между реальными объектами, отношение их к познающему субъекту или влияние субъекта на изучаемое явление. К примеру, Э. Гуссерль [115., с. 580], анализируя образование таких понятий как «число», «ноль», «красота», считает их содержанием чистое сознание, которое в своей направленности на предмет отражает его, а из содержания рефлексии выделяет смысл предмета. Концепция познания Гуссерля напоминает путь математической интуиции и не поддается строгой формализации. Смысл понятия о предмете, как и назначение предмета, как правило, определяется в той или иной теории, а не в самой материи. Феноменология, заостряя внимание на рефлексии и созерцании, следует путем Платона в смысле создания «посредующих звеньев» познания между субъектом и объектом. Эти посредующие сущности получают статус

«интенциональных» предметов. Но их идеальность в тоже время можно поставить под сомнение, поскольку Э. Гуссерль выделяет «сущности» из материальных вещей, т.е. в этом аспекте следует линии Аристотеля. Феноменологические «идеи» являются копиями, моделями материальных вещей, тогда как идеи Платона носят характер образцов, законов и качеств, зависимых от внешних условий материального мира. Они не столько «выделены» из реальности, сколько «наложены» на нее и в этом смысле самостоятельны.

Промежуточный вариант соотнесения материальных и идеальных, сущностных объектов предложил А. Уайтхед, чьи «вечные объекты» ведут себя как биологические виды в биоценозе, представляя его вечную, но изменяющуюся во времени структуру. А.Н. Уайтхед объяснял мир на основе предположения о существовании актуальных сущностей и вечных объектов [305, с.56]. Его актуальные сущности можно понимать как сущности вообще, объединяющие в себе как сущности (определения) материальных явлений, математические объекты, социально-культурные и научные понятия. Эти сущности, несмотря на свой объективный характер, имеют много общего с миром явлений, можно сказать, что это видовые сущности и нам трудно утверждать их вечность. Скорее это промежуточный класс сущностей между миром материальных явлений и «вечными объектами», подобными идеям Платона. Онтология Уайтхеда предлагает рассматривать мир вне эволюционных взаимосвязей, производящих из Единого – Многое, из одной причины – множество вещей. Вместо этого конструируются вечные объекты – со-вечные друг другу, а также события – взаимоотношения между ними [там же, с.63]. Мир предстает перед нами как биоценоз – сообщество растений, связанных общими ресурсами, но не родственными друг другу. В данной идеальной модели по мере изменения внешних условий меняется состав и структура «биоценоза». Но в сообществе не появляются новых видов – из существующих, а существующие виды не исчезают из него навсегда. Таким образом, из реальности происходит выделение предметов, качеств, интуитивных понятий и взаимодействие между ними.

При этом объект дискурса «растворяется» в самом дискурсе за счет постепенного исчерпания значений (и знаний) об этом объекте. Дискурс, как производство и комбинирование высказываний не может останавливаться на сказанном, он продолжается далее, перебирая и комбинируя известное знание. Свойства объекта, ставшие значениями высказываний дискурса, образуют его онтологию, метаязык категорий. Дальнейшее «размывание» предмета речи обнажает её «костяк» - семантические примитивы [74, с.25-27], присущие всем языкам и всем авторам, специфика выражения которых в разных языках деконструирует, размывает сами эти языки. Общепонятность такой речи сопровождается и некоторыми другими её свойствами: нет разницы между предметами обсуждения, кроме способа их «показа» собеседникам. Нет никакой возможности проверить теоретическое представление на истинность \ ложность, поскольку это представление уже разрушено, деконструировано в момент его понимания дискурсом – истолкованием. Собеседникам остается только сравнивать способы, модели его представления как субдискурсы, конфликтующие структуры. Критерии истины и лжи, в свою очередь, привязывают дискурс к объекту и автору.

На смену объекта дискурса приходит дискурс объекта, имеющий определенную предметность, объективную функцию. Это, в частности, может выражаться в том, что имя объекта начинают использовать свободно, условно, не для того, чтобы передать новую информацию о нем, а для того, чтобы быть понятым собеседником, договориться об общих правилах дискуссии на данную тему. Правила речевого взаимодействия, локализованного в определённых социокультурных условиях становятся одной из важнейших характеристик дискурса. Так, в частности, политический дискурс – это не высказывания о политике, а сложившаяся практика, предполагающая систему правил для организации разговора о политике. Дискурс объекта – это не то, «о чём идёт речь» (не «предмет речи»), а то, как организуется речь, поэтому можно утверждать, что дискурс заставляет делать сообщения определённым образом. Используя лингвистические термины, можно сказать, что дискурс переводит семантику на

язык синтаксиса, тем самым генерализуя смысл, делая многозначное высказывание более точным, вводит границы его понимания. Более того, «дискурс заставляет мыслить определённым образом, предопределяя тем самым отбор языковых средств из огромного числа вариантов, предоставляемых языком» [150, с.81]. В частности, благодаря утвердившемуся и ставшему общепринятым дискурсу о проблемах деревни, писателями и кинематографистами СССР эти проблемы были изложены ясно и открыто, тогда как во многих других сферах подобный дискурс не состоялся и, социальный диалог нормировала политическая цензура. Опыт встраивания научного дискурса в социальный контекст эпохи дают дискуссии 20-х – 30-х годов по проблемам биологии и генетики, дискуссии по проблемам языка, физики, в которых участвовали ведущие специалисты, философы и политики. В области образования, в 2000-е годы общий дискурс была призвана сформировать дискуссия в СМИ по проблеме введения единого государственного экзамена (ЕГЭ). Целью подобных дискуссий был не только тот или иной конечный результат – принятие управленческого решения, а открытость профессионального сообщества – обществу в целом, благодаря чему только возникающие проблемы в профессиональной сфере возможно представлять обществу, как источнику власти. А с помощью общества решать эти проблемы, не дожидаясь ошибок и их социальных последствий.

Дискурс не только «размывает» и трансформирует свой объект, но и формирует новые предметы и объекты, в частности, формулируя новые цели и открывая вариативность мышления людей, не являющихся «пленниками» уже сформированного, узкопрофессионального дискурса [360]. К примеру, интеллектуальным стимулом для создания геометрии Лобачевского послужила трудность в понимании постулата Евклида о параллельных прямых, чиновниками, которым Лобачевский читал лекции. Новый объект – геометрия Лобачевского формируется из дискурса истолкования геометрии Евклида. Аналогично, теоремы Геделя о неполноте и противоречивости любых богатых формальных систем возникают из размышления над проблемой познания Природы человеческим «я», поставленной И. Фихте. Определенный вклад в развитие физического мышления

XX века внесли дискуссии философов К. Поппера и А. Бергсона с А. Эйнштейном. Как пишут Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «язык не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а «механизм», воспроизводящий и в результате создающий социальный мир... Борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздаёт социальную реальность» [312, с. 26].

Процесс трансформации объекта в дискурсе можно разделить на ряд стадий:

- 1) дискурс об объекте, конструирующий этот объект;
- 2) дискурс о свойствах данного объекта;
- 3) о функциях, выполняемых объектом благодаря своим свойствам;
- 4) о значении, т.е. о функции функций объекта в окружающем мире;
- 5) о контексте, условиях, делающих актуальным или не актуальным значение объекта;
- б) о возможности сформировать новые, аналогичные объекты в данных условиях актуальности.

Об успешности или не успешности дискурса объекта можно говорить, когда он прошел все стадии своего формирования, не был остановлен на одной из них. При этом главной, и часто единственной функцией самого дискурса становится формирование коллективной идентичности, «общего языка» людей, обсуждающих данную тему. Она, в свою очередь, зависит от истолкования и утверждения ценности данного объекта, т.е. начала, формирования первой стадии дискурса объекта. А эту стадию делает возможным (по крайней мере, для научного дискурса) уже не общество, а отдельная личность, обращающаяся к обществу.

Субъект, формирующий дискурс и, аналогично объекту, становящийся его функцией, «пленником» может трактоваться в двух смыслах: как «человек в тексте», обладающий определенной активностью и самостоятельностью в рамках текста, но в тоже время предсказуемый, имеющий постоянные свойства личности. К примеру, это может быть герой литературного произведения или автор,

цитируемый или критикуемый другим автором. И субъект текста – автор, формирующий свой текст, действующий «от первого лица». Субъект дискурса, говорящий от первого лица, вынужденно проявляет в тексте черты своего характера: он может брать ответственность за принимаемое, вероятное решение на себя или перекладывать её на других. Может говорить решительно и смело, проявлять свою позицию прямо или использовать провокации [293], аллюзии, эзопов язык и т.д., то есть демонстрировать только видимость решительности. Используя пассивный залог, безличные местоимения, апеллировать к государству, обществу. Выбирая способ вербального действия, субъект указывает на дискурсивного агента (имплицитного, реального субъекта) и способы осуществления реальных действий, обнаруживает их в своей речи. Иногда это связано с культурными или профессиональными установками социума, к которому принадлежит говорящий или дискурсом объекта его высказываний. К примеру, пассивность и безличность высказываний, как пишет А. Вежбицкая, характерны для русского языка, но в определенной профессиональной сфере, ситуации они могут еще усиливаться. В конце концов «человек в тексте» может стать «человеком текста», объектом своего собственного дискурса, субъективной функцией, актером, играющим одну и ту же роль – предсказуемого, конечного себя [371].

Под дискурсом субъекта лингвисты понимают выбор языковых средств, подчиняющийся мировоззрению и социальной компетенции говорящего. «Это способ продуцирования речи (способ говорения), эксплицирующий систему содержательных и формальных характеристик, свойственных только данному говорящему, а потому делающих уникальным генерируемый текст» [213, с.85]. Выбор языковых средств, траектория мысли, здесь обусловлены мироощущением субъекта, либо существующим в социуме способом осмысления некоторого явления, объекта. Характерный пример из политического дискурса, высказывание Г. Явлинского: «Я бы добавил сюда ещё укрепление государства, нашу безопасность» очень интересно как яркая иллюстрация особенностей дискурса Явлинского. Формально есть субъект действия, но когда требуется назвать

конкретных исполнителей, дискурс, отображающий ментальность говорящего, навязывает ему использование номинализации, при которой, происходит свёртывание пропозиции, передаётся отвлечённость представления о процессе самом по себе, вне связи с производителем процесса. Говорящий не называет конкретных деятелей, тех, кто реально будет укреплять государство. В результате активно создаваемый образ деятельной, сильной личности начинает разрушаться... усиливается прагматический эффект снятия говорящим с себя ответственности» [там же, с. 86]. Недаром М. Фуко вообще отрицает активность субъекта в производстве дискурса, отводя ему роль функции и доверяя ответственность только за модальность высказываний.

Такой субъект не отличим от объекта и, подвергается в дискурсе тем же трансформациям, что и объект. Но в отличие от объекта, который в результате дискурсивной трансформации должен дать начало новым объектам, субъект этого сделать не может: устранить себя из своего дискурса означало бы выйти за пределы этого дискурса. Это положение, выход из которого Фуко называл термином трансдискурсивность: в дискурсах, порожденных К. Марксом, З. Фрейдом, Г. Гегелем активность принадлежит не «агенту» будь то объект или субъект, а структуре теории в целом, динамике действующих сил. Они могут менять своих агентов, как и сферу своего приложения, но не исчезают при исчерпании значений конкретного объекта дискурса. Дискурс в этом случае сводится к способу мыслить ситуацию определенным образом, способу конструировать объекты самому и распределять среди них известные функции. Это, в свою очередь, позволяет снять противоречия активность/пассивность и субъектность /объектность, для социального и научного дискурсов.

Традиционное для науки и философии представление о субъекте - авторе, как субъекте вообще, формулирует Р. Декарт [128, с. 16-18]. На примере следующих высказываний Декарта мы видим, как имплицитная мысль автоматически выражает себя в речи, становясь эксплицитной, понятной. Л.А. Микешина выделяет несколько типов «Я» Р. Декарта. Первый – авторское «Я»: «Я продолжал упражняться в принятом мною методе...»; «Я не жду одобрения

толпы...»; «Многое мне предстоит еще рассмотреть...». Как заметил И. Кант, «У этого «Я» нет ни одного предиката созерцания». Это эмпирическое «Я» дает возможность утверждать, что он «имел смелость судить по себе о других». Второй – «Я» как «мыслящая вещь»: в отличие от вещи протяженной. Это «Я» освобождено, абстрагировано от телесных качеств: пространства, времени, движения, выведено за пределы сознания и познания. Третий «Я» - это в формуле «*cogito ergo sum*». Автор, в отличие от субъекта дискурса, не может снять с себя ответственность за этот дискурс, поскольку он сам и есть этот дискурс. Он – личность и не может не быть личностью, хотя бы формально. Чтобы преодолеть собственную ограниченность, он всякий раз должен брать на себя большую ответственность, чем брал раньше, развивать собственный дискурс, изменяя, трансформируя его содержание. Это порой приводит к комичным и трагичным ситуациям типа Дон Кихота, когда взятая ответственность не пропорциональна ни праву распоряжаться другими людьми, ни наличию знаний о мире [160, с. 446]. М. Фуко рассматривает автора как социальный статус (авторитет автора), соответственно которому другие люди, не авторы, могут систематизировать тексты и, ссылаясь на чужой авторитет, доказывать свою «истину».

Позднее идею Декарта: «Я мыслю, следовательно, я существую как субъект этой мысли». Доводит до предела И. Кант, формулируя понятие о трансцендентальном субъекте. Субъект становится единственным в формуле «Мыслю, следовательно, существую»: наряду с Богом (Природой) как источником знания, Мыслью – как средством отыскания знания, субъект становится единственным получателем знаний. Слово – Знание, «Логос» скрепляет эту почти религиозную формулу, становящуюся идеологической основой деятельности целой плеяды философов Просвещения. В экономическом и политическом дискурсе субъект-автор конструируется М. Штирнером и П. Кропоткиным. Там же выводятся следствия принятия социальным дискурсом правила Единственного субъекта. Хотя возможна деконструкция и этой формулы: существует не только мыслящее: если я перестану мыслить, значит ли это, что я перестану существовать? Многие направления восточной философии могли бы

поспорить с Декартом. Как писал М.Фуко: «Все происходит так, как если бы, начиная с великого платоновского разделения, воля к истине имела свою собственную историю, не совпадающую с историей самих, принудительных по своему характеру, истин, а именно: историю подлежащих познанию объектов, историю функций и позиций познающего субъекта, историю материальных, технических и инструментальных вкладов познания» [319, с. 56]. Принятие дискурсивной методологии неизбежно вело его к «рассеянию» предметов, собранных вокруг гипостазированных и опредмеченных понятий гуманитарных наук: «человек», «воля», «разум» «природа». К конкретным областям человеческой деятельности, отношениям к миру, подчиняющимся специфичным, «срединным» правилам.

«Размышления о методе» Р. Декарта генеалогически дают начало традиции – дискурсу, в котором спорят два направления: одно представлено философами Нового времени, редуцирующими множественность субъекта. Другое – Э. Гуссерлем с его «Картезианскими размышлениями», где субъект вновь раздваивается, т.к. Другой дан мне изначально как часть мира, в целом мое сознание интерсубъективно. У Декарта «Я» cogito понимается как субстанция, единственным атрибутом которой является мысль. Субъект доверяется своей мысли, имеющей «точкой отсчета» идею совершенного мышления Бога. Человек оказывается расколот (по Фуко) на эмпирико-трансцендентальную двойственность, при этом «функцию субъекта» выполняет только мысль.

В XX веке идет активная критика идей модернизма и, в частности идеи единственного Субъекта. Её ведут М. Бубер, М.М. Бахтин, Ж-П. Сартр, и другие философы «диалогисты» и экзистенциалисты. Характерное выражение постмодерна: «смерть автора»: «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл ("сообщение" Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников». [37, с. 384] писал Р. Барт. Коль скоро Автор устранен, то

совершенно напрасным становятся и всякие притязания на "расшифровку" текста, поскольку вместе с автором исчезает авторский смысл, «тайна», которую должен познать читатель, прочтя текст. «Присвоить тексту Автора - это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо... литература..., отказываясь признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-нибудь "тайну", то есть окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла - значит в конечном счете отвергнуть самого бога и все его ипостаси - рациональный порядок, науку, закон. [там же, с. 387]. Новая, модернистская и пост-модернистская литература «рассеивают» автора, героя, смысл, так как без общезначимых (общих для писателя и читателя) нравственных понятий любой текст превращается в сагу. Он слишком сложен, чтобы его можно было обобщить до схемы. Но это сложность явного лабиринта: игры, «куба», «матрицы», но не сложность «нравственных переживаний» и «глубоких противоречий».

Подобно объекту, субъект становится дискурсом субъекта, субъективной функцией дискурса [283]. Отсюда берут начало характерные выражения постмодерна: смерть автора, смерть героя, иллюкутивное самоубийство. Неважно не только «кто говорит», но и «о чем» он говорит. Важно, «откуда он говорит» и, следовательно, «куда» направляет он свою мысль. Деконструкция субъекта осуществляется в условном игровом пространстве. "Игра жизни" требует ироничного отношения к "бессмертным", к признанным авторитетам и ценностям. Деконструкция субъекта завершается, когда действительное и мнимое меняются местами. Анализ контекстов данного текста, остаточные смыслы и приемы прошлых дискурсивных практик служат преодолению, растворению центризма единственного смысла. Текст открывается нам как ветвящееся дерево без листьев и корней (концов и начал). Главным понятием постмодернизма становится не смысл, а игра (многих смыслов), как поиск его недостижимого единства. Хотя децентризм и непротиворечивость игры – только кажущиеся. Новая дихотомия: центризм – децентризм столь же «центрична», как и предшествующие ей

дихотомии классики. Если центризм, как показала его критика, не разрешает внутренние противоречия, а напротив, накапливает их, децентризм рискует не заинтересовать людей, потерять свое содержание и «скатиться» к новому центризму. Можно попытаться перейти к мета-центризму, т.е. считать любой центр относительным, условным, частным. В этом качестве каждый из центризмов может быть понят и оценен из других «центров».

В то же время дискурс, разрушая понятия и сущности старой, «классической» реальности, вопрошает о новых понятиях, которые должны возникнуть среди людей, погружённых в «кубы» и «матрицы». Поскольку эта, новая реальность должна быть интеллектуально освоена, обжита. Этого требует не только человек, но сама, живущая в человеке мысль. Как говорит Игорь Смирнов, «дискурс... отрицает небытность. И в этом смысле бытийные дискурсы онтологичны по своей сущности, подобны созиданию из ничто. Это как бы «Creatio ex nihilo». А автор, участвующий в создании дискурса уподоблен в известном смысле творцу всего. Именно поэтому он имеет право на авторство, как бы это авторство ни отрицали Ролан Барт и Мишель Фуко, продолжая тем самым отрицание идеи «смерти Бога», которую когда-то высказал как возможность Гегель, а потом повторил уже как факт Ницше» [285]. Человек может «спрятаться» от ответственности за свой дискурс, «растворившись» в тексте, но осознавая себя автором этого текста и дискурса, субъект теряет эту возможность: он может замолчать, уйти из отвергнувшего его дискурса, но покинуть свой собственный он не в состоянии.

Три главных вопроса функционального дискурса: Откуда? Куда? Как? Двигается мысль в пространстве знаков/значений, подразумевают два возможных действия с этой мыслью: описание её траектории и управление, манипуляция этой мыслью. Так как ответ на классический вопрос познания Нового времени: «Как это делается?», подразумевает в контексте, что это может делаться и не так, а как-то иначе. Что можно улучшить результат, если изменить процесс «деланья» мысли. И над возможностью изменить процесс начинает работать другая мысль. Т.е. осуществляется вторичная познавательная операция. Она может быть

рефлексивной (коннотативной, собственно философской) и дискурсивной, языковой, открывающей дорогу прагматическим изменениям, бесконечному изобретательству, в том числе изобретательству норм, что делает их еще более относительными и даже случайными.

ГЛАВА II. Дискурс как метод формирования объектов, теорий, правил. Потенциал и реализованные возможности

2.1 Методы анализа дискурса: от лингвистики к философии

В предыдущей главе мы выяснили, что дискурс имеет три главных аспекта своего бытия:

- практико-прагматический, определяющий существование дискурса через наличие социальных, мировоззренческих, гносеологических и других условий его появления;

- деятельностный, связанный с производством определённого мировоззрения, его тиражированием и воздействием на практику;

- формально-структурный, трансформирующий одни формы бытия (факты, события, ситуации) в другие формы, что влияет на содержание этих форм.

Эти аспекты организуются в формально-содержательное единство благодаря вторичному отношению между единицами дискурса, «сопротивлению материала», отвечающему на рефлексивное отношение субъекта – конструктора дискурса. Возникающая «мораль материала» (выражение Режи Дебрэ [126]) выражается в правилах, организующих структуру конкретного дискурса. В рефлексивной системе дискурса происходит процесс преобразования декларативных знаний в операционные правила, структурирующие данный дискурс. Типам дискурсивных правил соответствуют дискурсы, различающиеся сложностью своего внутреннего устройства, которые можно назвать «волнами актуальности» (А-0, А-1, А-2...) . Актуальность, как возможность реагирования на ожидаемые события, может быть выражена через глубину осмысления этих событий. Мы можем судить об осмысленности/актуальности события, наблюдая усложнение лингвистических конструкций, в которых выражается мысль об этом событии. Актуальность – это другая сторона рефлексивности: усложнение языка

здесь выражается не формально, в грамматических и метаязыковых категориях, а практически – в появлении устойчивых комплексов слов, словосочетаний с постоянными отношениями между ними.

Рассмотрим вначале лингвистические методы анализа дискурса, а затем перейдем к философским. Прагмалингвистика исследовала дискурс в качестве идеологии – условной системы терминов (правил) функционирующей в обществе независимо от реальных отношений и практик. Аналогичную систему исследовал Д. С. Лихачев, выделяя её в средневековой этикете [190]. Лингво-философский подход к дискурсу осуществляется дискурс-анализом. Представители этого направления разделяют убеждение М. Фуко в том, что свойства социальных действий и сами действия определяются, построением устной речи или письменного текста. Такое убеждение характерно для Западной культуры, «центрированной» языком и логикой, но может быть совсем не характерно для восточных культур, Китая и Японии, где системы социальных норм и действий (этикета) больше связаны с религиозными и политическими убеждениями и независимы от норм языка. Так, столь разные системы правил как конфуцианство, даосизм и буддизм могут развиваться на одной языковой «почве» и в рамках одной культуры. Понятия, как и слова языка, могут носить условный характер, а их значение определяется употреблением. Поэтому вместо изучения речи, репрезентирующей правила действий, возможно, изучать сами правила, соотнесенные с действиями и не всегда соотнесенные с языком. В когнитивном плане изучение этих правил позволяет рассматривать взаимодействие внешнего и внутреннего миров человека, скрытых и явных «механизмов» функционирования общества.

Дискурс-анализ представляет собой аналитическую процедуру, которая фокусируется на диалоге и текстах как социальных практиках, а также на тех ресурсах, которые привлекаются для изучения и овладения этими практиками. Дискурс-аналитики, вместо того, чтобы объяснять действия людей их идеями пытаются понять, как эти идеи и понятия конструируются и используются на практике. Вместо объяснения национализма в терминах индивидуальных

установок они анализируют то, как делаются оценки в конкретных ситуациях общения с учетом индивидуальных и надиндивидуальных позиций. Такой подход иллюстрирует «правило поверхности», применяемое в философии постмодерна. Если предшествующие современности эпохи отбирали важное (информацию, правила) для сохранения и передаче другим поколениям, то современность создала технологии хранения информации, позволяющие сохранять и передавать всё. Но всё – это слишком много, чтобы быть полученным, прочитанным другим поколением. Функция отбора переходит от власти к технологии – специальным «машинам для чтения» - поисковым программам, которые, в свою очередь, руководствуются правилами отбора важного, заданными создавшими их людьми. Можно сказать, что законодателями мысли, как и во времена Гуттенберга, сегодня становятся ремесленники – программисты. Поэтому становится актуальным вопрос о памяти и передаче актуально-вечного, а не случайно-временного. Но вечного, данного в современных, порой случайных формах.

Т. А. ван Дейк и В. Кинч [127, с.173] говорят о ситуационных или когнитивных моделях памяти и моделях в эпизодической памяти. Эпизодические модели они рассматривают как частичные и узко релевантные когнитивные представления о положении дел в реальном мире и о социальных ситуациях в мире. В них отражены знания и мнения людей о конкретных событиях или ситуациях. Ситуационные модели служат сформированной на основе личного опыта базой для более абстрактных сценариев и планов в семантической (социальной) памяти. Что можно интерпретировать как проявление группового (социального) интеллекта, неосознанно проявляющегося в деятельности людей. Различаются частные и общие модели: мысль движется от частной модели к общей, а от последней — к сценарию, т.е. преобразованию данной ситуации в другую.

Дискурсивный процесс познания связан так же с производством нового порядка дискурса из потока его трансформаций. Порядок дискурса, как пишет Н. Фэрклоу [323, с.50] это социальное структурирование семиотических различий, т.е. упорядочение отношений в дискурсе на основе создания новых значений,

подобных дихотомиям понятий, одно из которых является доминирующим, а другое – маргинальным (альтернативным). У исследователей дискурса возникает аналогия дискурсивного процесса и диалектики Гегеля [283]. Словосочетания «диалектика дискурса» и «дискурсивная диалектика» используются сегодня в метафорическом смысле, поскольку существующие лингвистические методы анализа дискурса не вполне отвечают сложности предмета исследования. Под диалектикой дискурса понимают интернализацию дискурсом элементов социальной практики: субъектов, их отношений, инструментов, объектов, пространства и времени, форм сознания, ценностей. Эти элементы, вступая в отношения друг с другом в дискурсивном процессе, теряют часть своей самостоятельности, приобретают новые значения, переходят из субъективного – в объективный план и наоборот.

То, что сводит в единое целое знания различных уровней, называют интердискурсом. Причиной и условием объединения этих знаний являются экстралингвистические факторы, такие как актуальность событий, их тема, проблема и содержание. «Интердискурс – это то, что «говорит всегда “до, вне и независимо” (от конкретного высказывания)» [281, с.45]. Он есть фон, след дискурсивной парафразы, источник которого – высказывание, сделанное «ранее и в другом месте». П. Анри для обозначения импортированных высказываний, находящихся синтаксическое место в структуре текущего дискурса, ввел понятие «преконструкт», а М. Пешё называл это «эффектом опоры». Интердискурс – максимально широкое дискурсивное образование, в котором «пересекаются» и контактируют разные дискурсы, даже (и в особенности) не понимая друг друга, но помещая элементы чужого дискурса в качестве объектов в форму своего и оперируя с ними как со своими элементами, извлекая из них новое (представленное в новой форме) знание. Так, можно представить контакт дискурсов Средневековья и Нового времени через взаимную интерпретацию «фактов родства» и «научных фактов». Тогда само понимание можно представить как степень соответствия двух множеств (процент совпадения содержания) элементов разных дискурсов.

Дискурсивный анализ в литературном исследовании позволяет рассмотреть разные понятийные ряды, планы бытия в одной коммуникативной системе в которой общается не писатель и читатель, а «всё со всем». При этом роль автора становится схожа с ролью читателя, он тоже воспринимает эти культурные понятийные ряды [336]. Постмодернистская техника письма позволяет «разбить» схему дискурса и, тем самым, избежать готовых ответов (привычного мышления), сделать исторический «срез» актуальным для современного человека. Автор, «рассеивающий», раскладывающий окружающий его мир, в своем дискурсе сам, неизбежно становится объектом этого рассеивания и функцией своего дискурса. Автор вербализует, делает явным диалог понятийных рядов, коммуникацию «всех со всеми» по поводу волнующего его противоречия, не попадающей ни в один из рядов проблемы, границы которой и завершают дискурс, становятся дискурсивными границами. Все это делает произведение открытым для интерпретации-игры читателя уже со своим опытом переживания и осмысления явлений с помощью пространства игры-произведения.

В гуманитарных и социальных науках, дискурсивный метод позволяет, к примеру, рассматривая трансформацию современного государства, проверяя теорию его отмирания, распределить процессы интеграции национальных государств, распада империй, прозрачности границ, свободной торговли, утверждения прав человека и т.д., как разные процессы. Затем мы обнаруживаем совместное действие внешне противоположных тенденций и выявляем новый ряд ключевых пунктов, где действие этих сил создает единство сопрягающей (равнодействующей) их силы. При этом традиционные, предметные деления на экономические, политические и другие факторы, как и представления о свободе, международном праве могут быть не актуальны. Здесь мы можем говорить о силах, игнорируя различие людей и вещей, так как объективные факторы: климат, природные ресурсы, уровень развития экономики, действуют наряду с субъективным, принятием определенных управленческих решений. Обе группы факторов могут быть количественно измерены, поставлены в один ряд. Этим

достигается естественность, не гуманитарность дискурсивного подхода к традиционным предметам гуманитарных наук.

В тексте и его интерпретациях обнаруживается история, поскольку любые высказывания, дискурсы и их комплексы становятся актуальными только в конкретной исторической ситуации. Поэтому «паутину значений» следует рассматривать как культуру или, словами К. Гирца, «систему смыслов», которые ориентируют людей по отношению друг к другу и окружающему миру». Эта интерпретация глубоко связана с практикой, с тем содержанием, которое представляет текст. Интерпретация делает ясными социальные отношения, в контексте которых происходит коммуникация субъектов, а также их различные культурные коды. К числу представителей данного направления можно отнести социологов М. Малкея и Дж. Гилберта, осуществляющих дискурсивный анализ высказываний ученых преимущественно в естественнонаучных кругах. Их работы позволяют анализировать культурные, социальные, и многие другие аспекты познания.

Философскими методами анализа и синтеза дискурсов, на наш взгляд, решаются иные задачи. Хотя по мнению И. Т. Касавина, «Философия не создает научной теории дискурса, но проблематизирует саму эту возможность» [154, с.36]. Исходным пунктом философского мышления о дискурсах является соответствие, корреляция между лингвистическими правилами построения речи и практическими правилами деятельности людей, в предельном случае – существовании в мировоззрении моноправил, детерминирующих любую практику.

Дискурсивная философия призвана анализировать правила, составляющие дискурс и практики выступающие основой, условием существования этих правил. Единство мира как единство теории (правил) и практики их применения, рассмотренных в едином, развивающемся процессе, еще не было изучено в философии. Дискурс как событие не только языка, но и реальности открывает для философии новое поле исследований. Постнеклассический взгляд на реальность как мгновение вечности позволяет не только остановить это мгновение, но и

«отмотать назад», обнаружить его причину, смысл, случайность и необходимость отдельных моментов его развертывания.

Новый дискурс возникает тогда, когда появляется аналитический метод, способный извлечь новые элементы из старого дискурса. Эти новые элементы становятся основой для синтеза нового дискурса. К примеру, трагикомическая фигура новатора в социальном дискурсе 1970-х гг. становится героической фигурой в конце 1980-х, во времена «Перестройки». Новым элементом может быть не только герой, но и сам метод. В науке такими методами были: метод индукции Ф. Бэкона и «учение о методе» Р. Декарта, выделившие из практик познания Средневековья «научный факт» как основной объект синтеза нового дискурса – дискурса Нового времени. Дискурсы развиваются по определенным закономерностям, однако внутри них могут происходить «разрывы». Для их обнаружения необходимо учитывать обратную связь, «взаимопонимание» между теориями, теорией и её фоном или между собеседниками. Именно это понимание обеспечивает проверку интерпретации дискурса. Интерпретация, понимание, и проверка интерпретации составляют непрерывную цепь анализа дискурса.

Главная философская проблема, которую делает актуальной дискурс, это существование непроверяемой во времени потребности, т.е. существование вечности. Реальная последовательность актуальных событий, формируемая как реальными, так и мнимыми, искусственными потребностями людей, связана с влиянием: ближайших предшествующих событий; событий отдалённого прошлого; сопутствующих, одновременных событий; событий ожидаемого будущего (целей). В соответствии с этим влиянием меняется предметность нашего мышления и деятельности, появляются и исчезают понятия, задачи, стратегии. Стоит ли за этой реальной последовательностью событий некая глобальная внутренняя или внешняя тенденция (закон) актуальности, действующий всегда и всюду, но проявляющийся по-разному, противоречиво? Или глобальная тенденция целиком случайна – это последовательность накладывающихся друг на друга и затухающих волн, следующая из прошлого – в будущее? В первом случае приоритет следует отдать детерминизму классической

философии, дополнив её открытиями постмодерна, во втором – прав постмодерн, который следует дополнить прагматизмом и говорить о конструктивной воле и целеполагающей силе человеческого разума.

Философская задача исследования дискурса должна подразумевать соединение дискурса и практики, вскрыть их глубинную взаимосвязь и способы взаимодействия. Дискурсивный подход открывает широкое поле для такого исследования, снимая традиционную философскую дихотомию субъекта и объекта. Кроме того, дискурсивный метод вносит различие в постановку философских проблем: он обнаруживает фундаментальные проблемы не на уровне понятий, а на уровне деятельности, практики, получающей выражение в понятиях. Выявлению этих проблем и их частичному снятию должно служить установление баланса между практиками и правилами, их регулируемыми. А сама дискурсивная философия должна обнаруживать скрытые правила, оказывающие существенное влияние на практику и баланс практики и правил. Материалом для анализа дискурсивной философии может служить лингвистический, психологический, социологический и другие анализы дискурса, выявляющие конкретные связи между явным или скрытым правилом и практикой. Средством анализа дискурса служит многоуровневая философская рефлексия.

Единство дискурса может быть найдено с помощью понятия дискурсивного пространства, располагающегося на границе Слова и Жизни, практики, объединяя их. В этом пространстве нет, и не может быть отдельных, изолированных действий, которые могут быть оценены как верные или ошибочные [81, с.39]. Поскольку нет, и не может быть единственной (верной) системы оценки этих действий. Каждое действие, поступок может быть определён и оценен только исходя из системы (дискурса), предполагающей этот поступок. Понятие «свободное действие» в этом смысле эквивалентно понятию «свободное правило действия», «свободный алгоритм», имеющий происхождение в некой исходной системе правил и «свободный» относительно данной системы. Разнообразие дискурсов предполагает разнообразие правил их внутреннего устройства,

соединяющих практику, мировоззрение и динамику ситуаций особым образом.

Единство дискурса отрицает натуралистические и идеологические единства: истории, культуры, личности, языка, единства автора, произведения, теории, идеи. Дискурс разрывает эти единства на элементарные, «атомистические» и «молекулярные» единицы, подчиняя их своему принципу – актуальности. Внутреннее устройство дискурса основано на противопоставлении ядра и периферии: гламура – моде; погоды – климату; поколения – эпохе. Это третье, после истории и логики единство актуального события (факта, идеального образа) оформленного и представленного утверждающим его словом – Логосом. Актуальность дискурса можно понять как современность – вечное Сегодня, противопоставленное вечному Вчера. Дискурс одновременно больше и меньше традиционных предметных областей: в качестве единства факта, высказывания – он локален, случаен, а в качестве серии аналогичных фактов – глобален и имеет сквозной характер по отношению в предметным делениям.

Каждая современность имеет свою систему ценностей, свой идеал, имплицитную цель, свое представление о добре и зле. Время дискурса – миг, а идеал – случай. Философский вопрос дискурса не столько что он?; сколько, зачем он? Вокруг чего он возник, под влиянием чего сформировался, на что повлиял сам? Это вопрос временного бытия, бытия, локализованного ясно очерченным, коротким промежутком времени, о котором, в частности, говорил М. Хайдеггер.

История дискурса необходимо раздваивается на локальную и всеобщую. Локальная – это история «кругов на воде» от брошенного в нее «камня» - события. Всеобщая – последовательность, хронология таких волн и взаимного влияния актуальных (каждое – в свое время) событий – друг на друга. Такая история в сравнении с классической имеет транс- временной, сквозной, вечный характер. Косвенно о ней свидетельствуют большие циклы Кондратьева – в экономике и цикличность в развитии культуры. Изучение циклов и волн исторического и социально-философского развития было осуществлено Дж. Вико,

Н.Я. Данилевским, О. Шпенглером, Ф. Броделем, А. Тойнби, Н.Д. Кондратьевым, П. Сорокиным, Л. Гумилёвым и другими.

Теории циклического развития истории многообразны по используемому материалу, методам, видению всемирно-исторических перспектив [125, с.250-252]. Если для Вико основополагающим принципом выступает единство всемирной истории, то Данилевский, наоборот, исходит из отрицания этого единства и рассматривает историю общества как совокупность различных культурно-исторических типов. Общим для этих подходов является выделение стадий становления, расцвета и упадка, являющихся разными качественными состояниями общества. Основные моменты циклического подхода это: повторение одних и тех же состояний, чередование кругов на протяжении относительно длительного времени и повторение их на новой основе. Циклический подход к развитию обществ, предполагает изменение качеств обществ и внутри цикла, и между циклами-кругами. Цикличность не связана напрямую с утверждением локальности обществ, но предполагает относительную самостоятельность каждого цикла.

Цикл развития конкретного дискурса утверждает свою структуру как систему норм, «вечных» ценностей, тем самым абсолютизируется временное, вызванное к жизни актуальностью частного события (отношения к факту) или серии таких событий. С другой стороны, понимание временного порядка только как временного, случайного, т.е. абсолютизация релятивизма подрывает длительность времени, делая все события случайными. Дело в том, что вначале своего существования дискурс представляет свою норму как абсолютную, но с развитием дискурсивного процесса эта норма, ценность, отношение рефлексироваться и конкретизируются, становясь относительными. Такое движение соответствует метафоре волны, имеющей достаточно широкое применение в социальных науках.

К примеру, Л. Н. Гумилёв применил в своей теории этногенеза волновую теорию Р. Н. Элиота, объяснявшую циклические процессы в обществе и на финансовых рынках моделями, состоящими из групп волн разного типа. Для волн

характерно сохранение формы и принципиальная повторяемость, но необязательно сохранение определённой частоты во времени и амплитуды. Будучи связанными между собой, волны способны накладываться друг на друга, формируя более крупные аналоги. Работу волновой теории можно показать, к примеру, на пятиволновой модели: в ней нечётные волны: 1-3-5 являются последовательно движущимися импульсами, а чётные: 2-4 показывают возвратное, корректирующее движение. Волновые модели применяли экономисты Кондратьев и Китчина.

В социальной науке используются понятия волн: эмиграции, преступности, популярности, информации. Последнее говорит о развитии темы одной публикации – в последующих комментариях, разбиение её на подтемы с развитием нескольких из них, уходе дискуссии в одну из тем с последующим её исчерпанием и завершением темы. Поэтому представляется органичным ввести понятие дискурсивной волны [248].

Дискурс – ментальная волна, в форме которой выражается внимание человека к какому-либо феномену его жизни, а в содержании – когнитивное отношение к этому феномену. Одновременно, это волна актуальности (популярности) феномена в социальной жизни людей и осмысление его в социальном интеллекте. Социальный, сверхиндивидуальный характер интеллекта, проявляемый в дискурсе, определяется рядом факторов: средней способностью большинства людей к анализу актуальных событий; коммуникацией между ними; стремлением упредить нежелательное событие или уклониться от него; конкуренцией за обладание конъюнктурной ценностью; подражанием другим; специализацией и кооперированием в современных индустриальном и постиндустриальном обществах.

Дискурсивная волна выражает взаимосвязь актуальности феномена и его практического (социально-исторического) развития в поступках людей и исторических событиях. Эта взаимосвязь определяется когнитивным механизмом принятия решений, основанным на рефлексии и авторефлексии мышления, которое согласно Е.А. Янковской [349], нетранзитивно и рекурсивно замкнуто.

Эта особенность приводит к предпочтению традиционного, наиболее вероятного выбора поступка перед «разумным», «нравственным» или другим «наилучшим» его вариантом.

В целом, актуальность (популярность) идеи определяет её историю, возможность реализации в практических действиях и их конечность, подчиняющуюся динамике волны. Развитие событий подчиняется интеллекту людей, организующих эти события, а интеллект, степень осмысления событий в свою очередь, зависит от того значения, актуальности, которое придано данному событию традицией, коллективной памятью, в которой откладывается ментальный опыт.

Уникальность волны определяется наличием и взаимным сочетанием форм мышления: образов, идей, концепций, понятий. Внутренними правилами устройства, связывающими определённое содержание с формами выражения этого содержания. Но волны одновременно и типичны. К примеру, любой демократический дискурс плохо сочетается с идеологическими догмами и обличает пороки традиции: коррупцию, пьянство. Но при этом демократический дискурс Французской революции нёс в качестве главной идеи равенство всех граждан (осуществляемое путём равенства их представителей во власти – депутатов), тогда как аналогичный дискурс Английской революции нёс идею конкуренции с королевской властью, разделения полномочий (власти) между социальными группами, представленными отдельными партиями. Требование равенства – это идеальное требование, предполагающее принятие наилучших решений – для всех и острую борьбу за такие решения. Тогда как требование полномочий – это материальное требование, предполагающее дать возможность определённым группам лиц принимать любые (правильные с их точки зрения) решения. Типичность и уникальность дискурсов диктуют особенности протекания типичных исторических явлений: войн, революций, а также особенности коллективного поведения людей в ситуациях похода, эпидемии, стихийного бедствия.

Традиционные понятия философии, такие как смысл, истина, субъект под действием дискурсивных волн трансформируются, изменяя свою изначальную природу: так, понятие субъект, традиционно отождествляемый с человеком-учёным, в дальнейшем начинает ассоциироваться с социальным институтом (властью), а далее – с традицией, дискурсом. Эволюция понятия «объект» направлена иначе: от материальной вещи к идеализированному объекту науки и к обществу, становящемуся объектом манипулятивного воздействия дискурса. Для каждого дискурса, направленного, к примеру на познание мира, характерно свое представление о времени – длительности, массе, скорости, причинности, истинности и т.д. Отсюда мы знаем множество концепций времени: циклическую и линейную, абсолютную и относительную.

Категория времени в разное дискурсивное время противопоставлялась: вечности, пространству, бытию, внутреннему чувству субъекта и т.д. Так что можно сказать, что у каждого времени свое «время», своя идея времени. Аналогично, для каждого из социальных дискурсов характерно свое представление о личности, индивиде и обществе, а также постановка проблем и представление о самом пространстве социального. Свои проблемы ставят и решают этические дискурсы конкретных профессий: врачей, ученых, журналистов, политиков, работников рекламы. Причем, эти проблемы не могли быть поставлены раньше или позже того срока, когда они были поставлены. Именно это время – их время. Раньше не существовало условий для возникновения проблем: клонирования, эвтаназии, искусственной жизни. Позднее, эти проблемы будут ассимилированы культурой, общество даст ответ на их существование или просто привыкнет к ним. В результате, на первый план выйдут другие проблемы, вокруг которых возникнет новый профессионально-этический дискурс.

Дискурс, как метод исследования современности складывается, когда мы принимаем за основу иной, отличный от классического, взгляд на реальность и знание о ней. Реальность – не «мертвые» объекты, а живые, изменяющиеся процессы природы и отношения между людьми. Причем, изменяющиеся быстро,

иногда – внезапно, под действием как внешних, так и внутренних факторов. В результате «клиповое» сознание, формируемое повторяемым мгновением события, разрывает целостность «я» на поток атомарных «я», готовых занять место в каждом эпизоде мгновенных дискурсов. Каждый «я» - другой другому «я». Их поток – поток сознания, уносимый временем, обращающим личность в безличную судьбу. Фуко писал о человеке, исчезающем, как «лицо, нарисованное на прибрежном песке». Хуже, если человек может исчезнуть так же внезапно, как и появиться. Языковая форма дискурса это вербальная часть целого дискурса – события, либо его след – «круги на воде», влияние на другие события, либо рефлексия: дискурс по поводу дискурса. В последнем случае, в социальных дискурсах, мы имеем дело с актуализацией множества интерпретаций реального события с последующим выбором той интерпретации, которая станет правилом формирования нового дискурса-события и будет обращена в реальные жизненные отношения между людьми. Т.е. с процессом дискурсивной бифуркации, ветвления.

Дискурсивное единство подвижных правил, отрицающее абсолютизм в познании классических идей и понятий, явно выражается в единстве языка, мышления и действия человека. М.М. Бахтин, характеризуя высказывание как источник экспрессии, утверждал: «только контакт языкового значения с конкретной реальностью, только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии: ее нет ни в системе языка, ни в объективной, вне нас существующей действительности» [43, с. 282]. Речь рассматривают как вид деятельности, а любая деятельность преобразует действительность.

Динамику дискурса можно представить как единство упорядочивающей и переупорядочивающей сил, которые можно назвать сортировка и сервировка, последнее – от слова «сервис», обслуживание конкретных задач, подборка «рассеянных» объектов, понятий, методов для описания ситуации. Эти силы часто чередуются между собой, действуя поочередно, но могут действовать и совместно, согласованно. Как писал Д. Келли, один из авторов когнитивной

теории личности, «любое установленное событие открыто для множества альтернативных интерпретаций». Келли считал, что большинство используемых нами толкований, подвержены непрерывному исправлению, уточнению и замене более полезными для нас.

Это может осуществляться когнитивным механизмом, описанном У. Маккалоком и Е.А. Янковской: когнитивная система нетранзитивна и рекурсивно замкнута, что выражается в так называемой «оценочной аномалии», в которой А более предпочтительно, чем В, В более предпочтительно, чем С, но С более предпочтительно, чем А. Что можно выразить формулой « $A > B > C > A$ ». Согласно У. Маккаллоку, «...такой парадоксальный способ выбора является основой устойчивого человеческого поведения» [349, с.31]. Свойства рекурсивной замкнутости и нетранзитивности приводят когнитивную систему к необходимости обработки нового знания на основе прошлого опыта, предпочтения старых, проверенных опытом решений, а также принятия решений, менее рискованных, более вероятных, но не наиболее выгодных. Об этом говорит известный экономический парадокс лотереи. Такое свойство интеллекта приводит к спаду волны актуальности, замыкает процесс мышления человека над определённым вопросом, проблемой несмотря на возможность решить его и на выгоду для человека решения проблемы. Келли предположил, что каждый человек развивает уникальную систему иерархически организованных конструктов для интерпретации и антиципации событий. Эти конструкты служат основой воспринимаемых сходств и различий между событиями, к которым они применяются. А дискурс, как волна актуальности этих событий, «переключает внимание» человека от одного – к другому.

Дискурсы не плохи и не хороши сами по себе, они – автоматы мышления, защищающие его от фатальных ошибок, предлагая наиболее вероятных выбор из имеющегося набора в каждом дискурсе. Осознание дискурса как психокогнитивного [57, с.58] процесса помогло бы нам осознанно переходить от одного дискурса к другому, не дожидаясь, пока пленивший нас дискурс «свалится в наиболее вероятный вариант или «лопнет».

При этом дискурс, как правило, имеет речевую, лингвистическую сторону своего существования, которую можно изучать в понятиях формы и содержания. Проблема соотношения формы и содержания имеет прямое отношение к построению дискурса. Исторически, это соотношение развивалось в определенной последовательности, «дискурсе формы»: у Платона формы – постоянные объекты идеального мира; в традиции интерпретирующей Аристотеля – формы – активные, человеческие идеи, применяемые к пассивному миру. Г. Гегель произвел разграничение форм на внешние и внутренние: нерелефированные в себя, безразличные к содержанию и, рефлектированные, единые со своим содержанием, неотделимые от него. «...внутренняя форма и есть само содержание» [94, с.298]. Форму и содержание Гегель рассматривал как пару диалектических противоположностей, могущих находиться в различных отношениях единства/противоречия друг с другом. В дальнейшем, как пишет Т.Б. Кудряшова: «в структурализме Леви-Стросса с целью преодоления безразличности формы к содержанию – произошла переориентация на изучение не внешних форм, а на так называемые структуры... По сути дела, под категорией структуры и понимается категория внутренней формы, в значении внутренней организации содержания. Именно так, в свое время, рассматривал отношение форма – содержание в языковом контексте Г.Г. Шпет». [152, с.32-33]. Необходимость трансформации (внешней и внутренней) формы высказывания для трансформации его содержания объясняется тем, что все общеупотребительные «естественные» языки являются семантически замкнутыми, т.е. обоснование истинности их утверждений осуществляется в их собственных рамках. Соответствие трансформации формы и содержания, их внутреннее единство можно обосновать, к примеру, тем, что структуре четырех фигур силлогизма соответствуют четыре типа структуры понятийного аппарата разных наук. Хотя возможны и другие классификации понятийных систем, следует отметить, что указанные понятийные системы не противоречат друг другу и не сменяют одна другую, но имеют разные предметы исследования и, на этой основе являются взаимно дополняющими. Поэтому, мы можем говорить о

трансформации формы, имея ввиду сопряжённую с этим трансформацию содержания и наоборот.

Философская теория дискурса – это позиция, позволяющая изучать реальные отношения людей, вещей, слов (берущая эти отношения в качестве начальной точки) и силу отношений, а не абстрактные (рефлексивные) понятия, производные от этих отношений. М. Фуко в этом замысле продолжает этическую мысль И. Канта, говоря об «исторических априори». А кантовские ноумены становятся участниками гегелевского диалектического процесса саморазвертывания идей. За отношениями, определяемыми структурой сил, стоит проблема, т.е. противоречие, которое не может быть преодолено полностью в очевидной перспективе, но должно быть преодолено частично в конкретных условиях.

Классическая философия предлагала перейти от отношений к понятиям, нормирующим эти отношения и уменьшающим их многообразие [275]. Утверждая понятия в качестве норм и законов отношений, мы контролируем отношения и, познавая их, формируем новые способы контроля. Противоречие классического и дискурсивного подходов состоит в предмете, который мы считаем объективным, т.е. таким, который подлежит изучению и поддается изменению только с помощью наших внешних усилий. Классика, история идей, таким предметом считает только физическую реальность. Дискурсия рассматривает в качестве объективной реальности отношения людей, психику человека, когнитивные и коммуникативные процессы, в том числе, осуществляемые посредством знаков языка. Классика считает возможным не только познавать, но и прямо воздействовать, нормировать, приказывать нечто «субъективной реальности». Не только управлять ею как чем-то внешним для нас, но и подчинять многообразный и сложный мир мысли какой-либо одной сверхценной идее. Смещение «центра внимания» с понятий на отношения и стоящие за ними «вечные» проблемы-противоречия, осуществляемое дискурсией связано с осознанием ценности отдельного человека, его психики, способностей,

отношений с другими людьми и миром в целом. Такими противоречиями являются:

- противоречие между единством образа (мыслью) и линейностью языка;
- между людьми в обществе, различающимися по способностям, имущественному, социальному, властному положению и т.д.;
- между речевыми актами, словами, высказываниями и упорядочиванием их грамматикой, синтаксисом, семантикой языка;
- между структурами и содержанием мышления;
- практическими действиями и целями людей в физическом мире;
- техническим прогрессом и развитием экономики;
- жизнью и смертью человека, т.е. конечностью существования индивида и бесконечностью существования общества и т.д.

Многообразие отношений, в которые вступают их участники, отражает вариативность этих отношений (способов, попыток преодоления названных противоречий). Каждое из отношений формирует идеи (понятия) складывающиеся в теории (интерпретации понятий). Отношения между теориями (дискурс) обнаруживает новые проблемы.

Дискурсивный подход позволяет:

- осознать процессы, в которых мы участвуем, не являясь субъектами этих процессов, т.е. автоматически;
- осуществить контроль языка;
- возможность «покинуть дискурс» и начать формировать другой;
- понять имплицитную цель дискурса;
- видеть за «идеями» и «открытиями», проблемы и отношения, вызвавшие их к жизни;
- перейти от абстрактных категорий гуманитарных и социальных наук к конкретным, связанным с отношениями и дискурсом;
- сблизить, сопоставить предметы исследования гуманитарных и естественных наук, применить сквозные, интеграционные методы в гуманитарных и социальных науках;

- анализ правил и практик в их взаимосвязи позволяет построить целостную концепцию дискурсивной философии, свободной от субъектно-объектной дихотомии.

Сближение классики и дискурсии происходит, когда мы наблюдаем воздействие теоретической нормы, правила интерпретации в качестве актуальности на первичные процессы отношений и их противодействие этой норме. Цель нормы уменьшить многообразие отношений, объектов и субъектов ансамбля дискурса путем цензуры, «прореживания», исключения и других подобных им механизмов. В результате таких отношений возникает оценочный, вторичный дискурс истины и истинности. В современной эпистемологии происходит процесс переориентации познавательных процессов с истины и нормативности (в связи с их исторически изменчивым характером) на различные виды ценностей. В связи с этим возникает необходимость учитывать взаимосвязь методологии научного исследования с её мировоззренческими предпосылками. Как пишет С.Н. Коськов, происходит «формирование полиарности моделей познания», для чего нужен «анализ эволюции методологического сознания, природы знания и статуса познавательного субъекта» [170, с.23]. Для философии это означает рефлексивную направленность исследований, определенное самопознание. Дискурсия открывает пространство разноуровневых альтернатив в познании, и мы можем, как обосновывать преимущество одной из сторон этого единства, так и попытаться учитывать их связь, совместное действие.

Отечественным аналогом и предшественником философии дискурса выступала диалогическая философия. В ней была выявлена важная составляющая дискурса – динамика ситуаций, что повлекло за собой появление инвариантного набора понятий: проблема – отношение (правило) – ситуация – преобразование (ситуации). Причем это происходит независимо от того, какой идейной позиции придерживается философ, и какую «точку отсчета» своей теории он избирает. В монологической философии исходным пунктом, как правило, служит идея (аксиома или система аксиом), соответствующая правилу в философии диалога, но оторванная от своего объекта, не специфичная для него. Такая идея часто

возводится в абсолют и применяется неограниченно широко. Кроме того, монологическая философия часто рассматривает мир как «мертвый» объект, предполагая его анализ и переустройство в соответствии с предлагаемым ею идеалом. Философия дискурса и диалога, напротив, стремится не к переустройству мира, а к взаимопониманию с ним, рефлексивному осознанию наших отношений с миром, мягкому управлению естественными процессами.

Принцип диалогизма может служить интегрирующей силой для столь разных направлений, как идеализм М. Бубера и позитивизм М. Мински, философия языка Г.Г. Шпета и экзистенциализм С.А. Киркегора, Ж.-П. Сартра, А. Камю. Монологическая философия не обладает этой способностью, её понятийные системы как правило, не когерентны, а часто и не соотносимы между собой. При этом едва ли не каждый философ при построении своей системы вынужден обращаться к элементам диалогизма, таким как отношения и ситуации. Это можно заметить у М. Шелера в отношениях между душой, телом и духом, у З. Фрейда в отношениях «Я», «Оно» и «Супер-эго», у К.Г. Юнга, где образы, составляющие «коллективное бессознательное», фактически образуют структуру дискурса. Нормализованное, сокращенное многообразие отношений мы наблюдаем у Г. Гегеля (между объективным, субъективным и абсолютным духом), К. Маркса (между классами), С.А. Киркегора (между человеческим «Я» и идеей Бога). Диалектика Н. Кузанского предполагает отношения между абсолютным максимумом и абсолютным минимумом, микро- и макрокосмом, человеком и Богом, причем эти отношения развиваются в нескольких планах одновременно, создавая многообразие ситуаций. Религиозная философия от А. Августина до Ф. Аквинского, развивается в диалоге и споре с очевидными альтернативами и в последующем развитии к М. Лютеру и Ж. Кальвину трансформирует ситуацию, в которой рассматривается человек, меняя его систему ценностей, приоритетов [272].

По Гегелю, объективный дух имеет в себе становящиеся конструкты мысли прежде, чем обретёт их установленными для себя. Если под объективным духом понимать интердискурс, то процесс объективации субъективного духа – это

восхождение от «нулевого» дискурса – случайного набора знаков, к упорядочению и обобщению более высоких ступеней рефлексии. Локальный дискурс получает легитимность, возможность своего существования на фоне интердискурса – транс- временной цикличности всех дискурсов. Не удовлетворяясь описанием дискурса и его диалектической интерпретацией, М. Фуко стремился преодолеть диалектику Гегеля, считая диалектическое отрицание недостаточным для подлинного развития – трансформации вещей и дискурсов. Хотя он не создал замены диалектике, он говорил о трансгрессии – выходе за пределы локальных вещей и явлений, устранении самих критериев различия между ними.

Рефлексия дискурса может служить предметом как философского, так и конкретно-научного знания. Как связаны между собой кодексы профессиональной этики одного исторического дискурса (к примеру, десятилетия 2000-х гг.)? С чем связана практика ужесточения уголовного наказания в те же годы? Чем обоснована и как обеспечена централизация образования и здравоохранения? Это предметы рефлексии предметной области дискурсов социологии, права, этики. Собственно философская рефлексия современности должна мыслиться шире: нам следует говорить о реальности, открывающейся за границей конкретно-исторических форм морали, права, образования. Современность, сводящая себя к последнему акту современности, сиюминутности, мигу – случайна и пуста. Философия должна видеть вечное в каждом моменте современности, и делать современным то, что можно считать вечным, транс- временным. Дело философии дискурса – сближать современность с вечностью.

2.2 Правила построения дискурса

Первым правилом высказываний становится репрезентация примера, подвига (практики), который может быть понят и повторён благодаря удачной репрезентации. Если философия идей часто конструировала и предписывала

правила своим высказываниям, таковы: «идея вещи», «вещь в себе». А затем она обосновывала их как «естественные» и объективные, то философия дискурса должна обнаруживать множество «чужих» правил, как возникших в самой жизни, так и созданных авторами, поскольку именно высказывания с их обусловленностью, целями, следствиями, содержанием представляют собой элементарные структуры дискурса.

Правила высказываний могут являться моноправилами: едиными для практики и её описания; системами правил, предписывающими применение специфичных правил в особенных обстоятельствах; рефлексивными, аналитическими системами; рефлексивными системами второго порядка, т.е. синтетическими, предписывающими формирование новых правил; и авторефлексивными – предписывающими самоанализ и остановку применения некоторых правил.

Прежде чем говорить о правилах формирования конкретных дискурсов, нужно сопоставить уровни рефлексии о которых говорилось в первой главе, конструктивные правила построения текста и собственно дискурсивные правила. Последние можно представить как стратегии, определяющие, в частности, хрестоматийный пример в области медицины: ориентацию на лечение единичных пациентов, затем – массовых заболеваний и массу больных, а как следствие специализацию врачей на лечение отдельных органов человеческого тела. Это разные стратегии построения медицинского дискурса, предполагающие разные стратегии лечения и разные конечные цели. Аналогично, разными стратегиями (и целями) можно руководствоваться при переводе текстов, построении системы образования, науки, экономики, уголовного и гражданского права и т.д. Сопряжение трех видов правил необходимо, чтобы соотнести стратегии со способами их формирования и представления (правила текста) с одной стороны и с направленностью рефлексии на причины актуальности – с другой. При этом надо учитывать, что классическая рефлексия как и правила текстов могут по отдельности выявлять нечто в конкретном дискурсе, при этом являясь «пленниками» другого дискурса.

В своей «Критике способности суждения» И. Кант сопрягает рефлектирующую способность суждения с телеологической способностью, способностью целей, имплицитно утверждая, что человек действует не «как угодно», а направляя свою деятельность на великое и прекрасное, т.е. находится под руководством определенных идеалов. Дискурс – один из способов эффективного задания определенных идеалов и антиидеалов, способ ориентации человека в мире с помощью готовых, ярких и точных схем. Но поглощенный дискурсом человек перестает самостоятельно мыслить, процесс его мысли сводится к сравнению вербальной схемы и невербализованной реальности. Его общение, коммуникация с другими людьми так же сводится к сравнению его результатов схематического сравнения с результатами других людей, уточнения этих результатов и удовлетворения, зависящего от степени совпадения.

Но человек, как правило, не «захвачен» дискурсом целиком: его чувственность, рациональность, практический разум открывают ему те грани реальности, которые не охвачены конкретным дискурсом, свободны от него. Мы опираемся на те, теории дискурса, которые рассматривают его как один из социальных механизмов, так как абсолютизация дискурса в качестве единственной реальности противоречит методологии исследования, лишает дискурсивный подход значительной доли оригинальности, ставит в ряд с любой из предшествующих ему теорий.

Если рассматривать правило как соединение факта (события) и слова (точной репрезентации этого события), то совокупность правил, которым подчиняется конкретный человек, будет представлять аналитику истолкованных определенным образом фактов. Если те же факты истолковать иначе, мы получим другую систему правил на общей фактической основе. Правила произвольны по своему содержанию и форме в силу своего происхождения, но мы, как правило, не можем истолковать их иначе, чем они уже истолкованы, поскольку точное слово прочно «привязало» к себе конкретный факт. Нам легче найти другие факты и подобрать к ним другие слова, что и будет означать построение нового дискурса.

В рамках мировоззрения правила структурированы друг относительно друга, т.е. они являются идеальной/реальной структурой того, о чем мы говорим: текста, дискурса, общества. Правило это свёрнутый образ действий, мышления, структуры события, высказывания, акта коммуникации. Сложность правила и сфера его применения в простейшем случае, в дискурсе, зависят от уровня рефлексии: типа дискурса: Д-0, Д-1, Д-2... и могут быть выражены волнах актуальности: А-0, А-1, А-2.... Правило формирует элемент дискурса и отличает один дискурс от другого. В простейшем случае в дискурсах действуют следующие виды правил:

- правила высказываний: соположение, отождествление и подчинение макролокуций дискурса. Соответствуют рефлексии Д-0 и выражают актуальность волны А-0.

- правила отношений между высказываниями: различие, сходство, противоположность; Соответствуют рефлексии Д-1 и выражают актуальность волны А-1.

- эвристики: предпочтения некоторых правил, исключения определенного правила, выбора наиболее точных (частных) условий и т.д.; Соответствуют рефлексии Д-2 и выражают актуальность волны А-2.

- стратегии: выбор в пользу нескольких привилегированных объектов, большинства, каждого; Соответствуют рефлексии Д-3 и выражают актуальность волны А-3.

- правила, соединяющие все правила в схему целого дискурса. Соответствуют рефлексии Д-4 и выражают актуальность волны А-4.

Любое высказывание, не являющееся правилом, а выступающее, к примеру, констатацией факта (декларативным знанием), может стать правилом одного дискурса и перестать быть правилом в другом дискурсе. Философский вопрос здесь может быть сформулирован так: почему некоторые высказывания становятся правилами для других? Дискурс сам конструирует свои внутренние правила, но некоторые правила трансдискурсивны, характерны для многих дискурсов. С одной стороны, правила конкретного дискурса случайны, с другой –

в каждом дискурсе должно быть хотя бы одно необходимое правило, различающее истинные и ложные суждения относительно данного дискурса. То есть каждый дискурс должен содержать некий априорный элемент, иначе всё знание о нем «рассыплется». Один дискурс должен утверждать существование времени, другой пространства, причины и т.д. Иначе говоря, событие дискурса утверждает и обосновывает собственное существование с помощью правил, абстрактных категорий, понятий, которые он конструирует сам и необходимость которых обосновывается в его рамках.

Материалом для формирования правил служат сами декларативные знания, т.е. структуризация дискурса идет из самого события, вызвавшего этот дискурс. Воздействие на дискурсивную среду некоторого события вызывает инерцию, «волну сопротивления», которая распознается и фиксируется рождающимся дискурсом как основной принцип этого дискурса. Содержательный принцип события копируется и повторяется как принцип существования и анализа этого события. Происходит самозарождение принципа, который утверждает данное событие как свою истину, образец. Описание актуальной реальности, т.е. как-либо соотносимой с данным событием, отождествляется дискурсом, возникающим вокруг события, со всей реальностью, а её структура – с законами этой реальности. Таким способом, в определенных исторических условиях возникают концепты: «консервативная революция», «национальная демократия», «красно-коричневые», отвечающие на события: поражение в Первой мировой войне, распада СССР, приватизации в России. Бесмысленные для других условий, где господствует иной дискурс, эти концепты репрезентируют характерное отношение к событиям социальных групп и служат элементами событийных дискурсов. Отсюда и спор между людьми – сторонниками разных взглядов, становится невозможен, если они принадлежат разным дискурсам. Они фактически говорят на разных языках, со своей особой лексикой и правилами соподчинения этих лексических единиц. Другая группа может не знать правил «чужого языка», а слушатель, зритель, чтобы понять суть спора, вынужден выступать переводчиком этого спора «глухих со слепыми».

Под структурой дискурсов обычно понимают родовидовое деление: порядок (строй) дискурса – конкретный дискурс (данного порядка). Различия между порядками – это традиционные хронологические и предметные границы: право, медицина, биология, Новое время, Возрождение и т.д. Тогда как границы между дискурсами определяются не временем и предметом, а фиксацией значений конкретных понятий, наличием определенных объектов и методов их изучения. То есть дискурсы – замкнутые, самосогласованные системы, описывающие характерное содержание характерным для них способом. К примеру: националистический дискурс, феминистический, буддийский, постмодернистский, дискурс модерна. Такая родовидовая классификация, будет естественно включать случаи, когда род (порядок дискурса) и вид (дискурс) совпадают, что во многом зависит от выбранного исследователем масштаба, уровня обобщения. Содержание дискурсов обычно включает:

- аспекты реальности, актуальность которым приписывает конкретный дискурс;
- специфические способы обоснования этой актуальности;
- точки бифуркации, конфликта между различными дискурсами;
- фон, условия, фиксируемые «здравым смыслом» каждого дискурса.

Соединяя элементы содержания, дискурс стремится зафиксировать идеальные значения. К примеру: здоровье, болезнь – в медицинском дискурсе. Соединив эти значения их «узловыми точками», фактами, такими как тело, орган, опухоль. В тоже время на эти узловые точки может претендовать и другой дискурс, к примеру, религиозный. Таким образом, борьба за определенную интерпретацию одних и тех же фактов, как и за важность, значимость этой интерпретации, развивается как в рамках дискурсов одного порядка (медицинских, социальных) так и разных порядков: научного, политического, идеологического. Воздействовать на дискурс, трансформировать его можно двумя способами: во-первых, извне, создав новый конкурентоспособный дискурс и, во-вторых, изнутри, путем трансгрессии – выхода за пределы, устранения или размывания критериев различия традиционных дихотомий, обеспечивающих

движение, процессуальность дискурса. В последнем случае, растворение различий может сделать дискурс тотальным, подобным Бытию. Это будет переопределением значений узловых точек (фактов). Так, дискурс, основанный на различии мужчина/женщина, может быть размыт понятием «киборг», тождественного человеку вообще, безразлично от пола. Значения узловых точек – человеческих тел сместятся с общего (пол) на индивидуальный уровень (этот, конкретный человек). Для некоторых дискурсов, к примеру, профессиональной этики, такое смещение может быть благом, так как не затронет основной для данного дискурса дихотомии: профессия/нравственность. Тогда как для других дискурсов: науки, образования, смещение границы основной дихотомии: учитель/ученик, ученый/предмет исследования, может радикально изменить существующий дискурс и даже разрушить основанный на нём социальный институт.

Социальная реальность людей: структура профессий, организация труда, управления, социальный статус – изменяется достаточно редко, ставаясь постоянным порой многие столетия. Но когда изменения наступают, они могут происходить быстро и радикально, ставя перед обществом фундаментальный вопрос: зачем нужна эта профессия и каков её новый статус? А перед человеком не менее фундаментальный вопрос: почему теперь он должен теперь жить и работать иначе? Отвечает на эти вопросы дискурс, иногда вместе с новой практикой, вызвавшие необходимость изменить существующую реальность.

В теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [312, с.61-62] «узловые точки» - это объекты и факты, бессмысленные сами по себе, но значимые для дискурсов. В конкретном дискурсе они выступают как «узловые точки», а в борьбе между дискурсами – это «изменчивые знаки». Дискурс обладает определенной закрытостью, замкнутостью значений своих знаков друг на друга относительно других дискурсов. Однако все его знаки остаются потенциально полисемичными и могут быть интерпретированы иначе. Дискурсы остаются незавершёнными структурами и борьба за переинтерпретацию их знаков другими дискурсами ведется всегда. К примеру, вначале XX века за господство над сознанием людей

боролись два политических дискурса: один определялся классовым противоречием рабочие/капиталисты, без различия национальности, другой – национальной идентичностью буржуазного общества. Второй дискурс возобладал. В современном образовании на интерпретацию одной и той же области фактов претендуют дискурсы – предметы: «половое воспитание» и «нравственное воспитание».

Дискурс, являясь сложной знаковой системой, наполненной содержанием, которое интерпретировано определённым образом, приобретает рефлексивные свойства. Благодаря им дискурс отчуждает значения предметов, таких как: человек, природа, общество, культура, образование, наука и т.д.; которые придал им другой, предшествующий дискурс. Новый дискурс присваивает вещам другие значения, тем самым присваивая их себе, осуществляя перекодировку мира. Критерием этого присвоения служит обратная связь между предметом и дискурсом: присвоенный предмет занимает определённое ему место и выполняет в дискурсе строго отведённую ему функцию. Что имеет как практическое, так и знаковое выражение, которое распознаётся дискурсом по признаку: «свой» - «чужой». Когда все ключевые для данного дискурса предметы оказываются присвоены – интерпретированы им, дискурс обращает рефлексю на себя, становящуюся авторефлексией и останавливается, прекращает свою работу.

Авторефлексия (по А. М. Пятигорскому) это рефлексия над рефлексией, т.е. возвращение назад, в дорефлексивное состояние. У человека это проявляется в анализе его собственного мышления, фиксирующего, останавливающего мышление на определённой точке, которую он подвергает анализу. Аналогично – анализ собственных состояний сознания, фиксирующий одно, определённое состояние. Пример дискурса, совершившего авторефлексию: дискурс, связанный с теорией «официальной народности», существовавший с 1830-х по 1917-й годы. После революции власть, официально, стала «принадлежать народу», что было записано в Конституции и других документах. А народность, как определённая связь противопоставленных друг другу народа и власти, потеряла смысл вместе с самим противопоставлением.

Дискурс, способный к рефлексии и авторефлексии можно считать аналогом группового интеллекта, реализующим на предметной реальности определённые идеи своим, особенным способом – посредством социального присвоения значений. Поэтому становится важным содержание идей, реализацией которых занят дискурс. Наряду с «обычными» идеями, связанными с переструктурированием какой-либо деятельности людей, дискурсу могут принадлежать и необычные идеи типа: антиплагиат – тотальная проверка всех текстов на оригинальность/заимствованность; антикоррупция и т.д. Столкновение идеи и антиидеи, осуществлённое с помощью двух разных интеллектуальных систем: индивидуально-человеческой и групповой-дискурсивной может привести к остановке мышления – авторефлексии обеих интеллектуальных систем. Или, как минимум, затормозить процесс творческого воображения, как правило связанный с нарушением многих предшествующих норм – ради становления новых.

Содержание дискурса обретает свои границы благодаря правилам. Правила формирования высказываний – нижняя граница возникновения дискурса. М. Фуко стремится поставить вопрос о правилах формирования высказываний на уровне дискурса, способного производить понятия и выделять эти правила. «Приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие — вот фундаментальная задача классической «дискурсии» [318, с.153]. Позднее А-Ж Греймас и Ж. Фонтаний находят правила формирования таких элементов (этического) дискурса как гнев, гордость, стыд, честь, соперничество, привязанность и т.д. [61]. Они соотносят на схеме логического квадрата, как модального устройства, понятия: могу, должен, хочу и знаю. Линии, соединяющие каждую пару понятий, образуют четыре модальных оси, выступающих синтаксисом для образования содержательных правил формирования высказываний и понятий в конкретных условиях. К примеру таких, как: уверенность – робость – спонтанность – сдержанность, описывающие мораль самообладания.

Любое правило должно снять противоречие последовательность / одновременность языка и мысли [363]. Т.е. представить фигуру языка как символ, тождественный мысли. «Язык анализирует представление согласно строго последовательному порядку: в самом деле, звуки могут артикулироваться лишь поодиночке, а язык не может представлять мысль сразу в ее целостности; Именно в этом строгом смысле язык оказывается анализом мысли: не простым расчленением, но основополагающим утверждением порядка в пространстве» [320, с. 114-115]. То есть правило построения высказываний одновременно оказывается правилом понимания и упорядочения мысли.

Причиной появления новых понятий является требование теории, соединяющей с их помощью разнородные явления в единую систему. Это требование, в случае формирования таких понятий, как эволюция, относительность, дополнительность не было случайным, а напротив, было единственно возможным. Это было конкретное требование, но Фуко говорит не о требовании теории, а правиле дискурса, то есть об общем синтаксисе, предписывающем определенный тип правил для каждого исторического времени (его эпистемы). Появление новых сфер деятельности, профессий, иная общественная организация требуют формировать особые понятия и пересматривать мировоззрение, формируя онтологический, синтаксический, семантический и прагматический уровни осмысления действительности. Пример этого процесса: формирование понятий «благородство», «благородный муж» (человек, служащий общественному благу) у Аристотеля и Конфуция, связанное не с их коммуникацией или хронологической близостью, а с одним историческим процессом формирования больших государств. Причем мировоззрение, сформированное в других социальных условиях, будет «сопротивляться» любым попыткам трансформации, будет пытаться сохранить как себя, так и исторические условия. Примером чему служит последняя история Калевалы «Вяйнемейнен покидает Калевалу». В ней первый человек – Вяйнемейнен признает поражение в символической борьбе с христианскими проповедниками, но покидая Родину, обещает вернуться, когда «настанут иные дни». Заканчивается героический век,

но герои остаются жить в песнях, рассказах о подвигах, праздниках, именах музыкальных инструментов и т.д. Потребуется столетия истории, реформы языка, интеллектуальные и образовательные усилия, чтобы сформировать новые понятия о полезных инновациях и закрепить их в сознании людей. Если это удастся, то инновации не будут потеряны при наступлении очередного природного или социального катаклизма: они (в качестве возможности) будут сохраняться в памяти людей. Такая трансформация языка, инициированная материальной действительностью, идет в направлении индукции: от метафор и образов – к слову, а от него к понятию и применению этого понятия в языковой практике.

Возможно, дискурс эпохи был сформирован не одним элементарным дискурсом, а ансамблем элементарных. Правило каждого создает элемент, отличный от других по содержанию и подобный по правилу формирования. Таковы в классической эпистеме: «объект», «субъект», «научный факт», «очевидность», «радикальное сомнение». Каждому из них соответствует правило его формирования, а ансамбль элементарных дискурсов эпистемы формирует идейно-понятийное поле новой культуры в целом. Дискурсы внутри ансамбля, как кажется, не требуют особого упорядочения – они отсылают друг к другу и упорядочиваются своими элементами, вступающими в отношения на стадии формирования научного (понятийного) высказывания, говорящего «истину» и «знание». Единицы дискурса складываются в предложение научного языка, часть любой из теорий эпистемы, сформированной данным дискурсом. «Предложение есть представление; оно сочленяется теми же способами, что и представление; но оно обладает возможностью тем или иным способом сочленять представление, которое оно превращает в речь» [319, с.133]. Более ясно эту мысль можно выразить следующим образом: выражая свои представления, мы строим конструкции языка, способные адекватно их передать, что делает наши представления и эти конструкции актуальными. Когда наши представления приобретают устойчивый, повторяющийся характер мы формируем понятия этих

представлений, начинаем рефлексировать, осмыслять их, пользуясь не только языком, но и другими системами знаков.

Правило это свёрнутый образ действий, мышления, структура события, высказывания, акта коммуникации. Правило формирует элемент дискурса и отличает один дискурс от другого. По этому принципу можно выделить элементарный дискурс, построенный на одном правиле. Примерами таких дискурсов (поддискурсов), могут быть: дискурс Ф. Бэкона, Р. Декарта, Д. Локка, создававших поэлементно классический дискурс (эпистему) Нового времени. Но для того, чтобы этот дискурс состоялся, нужен был еще один уровень правил – «общий синтаксис», регулирующий отношения между уже сформированными элементами. Следовательно, мы должны говорить о двух видах правил: правиле элемента (Пэ) и правиле дискурсивного отношения (По).

Событие дискурса утверждает и обосновывает собственное существование с помощью правил, абстрактных категорий, понятий, которые дискурс, подобно гегелевскому самосознанию, конструирует сам, и необходимость которых обосновывается в его рамках. Элементарные высказывания, утверждающие реальность некоторого факта, именующие его, несут правило типа «делай так»; «существует»; «это есть». Они соответствуют рефлексии Д-0 и выражают актуальность волны А-0, содержащей одно элементарное высказывание. Так, например, на элементарном уровне актуальности один дискурс должен утверждать существование времени, другой – пространства, причины и т.д.

Если правило элемента жестко фиксирует предмет речи, то правила отношения элементов достаточно вариативны, они могут показывать степень профессионализма говорящих на определенную тему, такие правила как диалектика Гегеля могут зависеть от искусства их применения, могут являться предметом «языковой игры», когда речь идет о формулировке новых гипотез. Второй уровень правил может быть выражен как формула отношений, соотносящая между собой агентов, зависимость между ними и качественно/количественные характеристики их зависимости, имеющие следствием определенный результат. Можно сказать, что для каждого

исторического времени характерен общий (познавательный) язык, имеющий все признаки общеупотребительного языка, но в отличие от последнего, являющийся по преимуществу имплицитным, не выраженным явно.

Его производные правила могут быть достаточно разнородны: формы макролокуции, риторические приемы, стилистика текста, логическая конструкция (формально- или диалектически выстроенная), формы отношений между текстами. Некоторые характерны для эпохи в целом, другие – для короткого периода истории, третьи – для профессиональной речи. Чтобы на основе этих частных признаков выявить общий познавательный язык, нужно вначале выявить способ связи существенных элементов для языка конкретной теории – её правило. А затем соотнести этот способ с практическим отношением и действием, соответствующими этому способу. Греймас и Курте выделяют две взаимодополняющих совокупности условий, необходимых для производства высказывания: семиотико-нарративную и дискурсивную. Семиотико-нарративная компетенция рассматривается как форма человеческого сознания и описывается как «базовая грамматика высказывания-дискурса», данная до акта высказывания и предполагаемая им. Дискурсивная компетенция действует, начиная с момента акта высказывания, регулирует и моделирует дискурсивные формы высказываний-результатов. И в итоге, «перевод в дискурс, или дискурсивизация, заключается в использовании семиотико-нарративных структур и их трансформации в структуры дискурсивные... которое дает прирост семантически значимых членений» [108, с.209]. Благодаря единству дискурса ограниченное число правил имплицитного синтаксиса порождает бесконечное число высказываний определенных типов. Эти высказывания определяются не только «базовой грамматикой», но и употреблением, прагматикой, игрой точности выражения с одной стороны и его понятности – с другой.

Ученые классического периода оказались перед выбором: утверждать универсальный язык или универсальную дискурсию: первое – как общую (формальную) основу всех языков, универсализм субъекта, объекта и научного понятия, опосредующего их отношения. Второе – как деятельностная основа

этого языка. Универсальный язык отвечал потребностям эпистемы классического периода. Можно сказать, выбор в пользу универсального языка был мотивирован идеологически. Дискурсия, понимаемая как последовательность словесных знаков всюду обнаруживала свою уникальность употребления. «Эта последовательность по отношению к одновременности представлений является искусственной, и в этой самой мере язык противостоит мышлению как обдуманное — непосредственному» [318, с.115]. По-видимому, существует когерентная связь между правилом отношения элементов дискурса и прагматикой языка, использующего эти элементы, находясь в «русле» дискурса. Отношения, как было сказано выше, имеют сквозной характер: отношения между элементами дискурса содержательно соответствуют отношениям между людьми, находящимися (использующими) этот дискурс.

В пользу универсальной дискурсии сегодня говорит «эволюционная» теория происхождения языков. Она утверждает их независимое происхождение в разных регионах планеты. В доказательство этой теории приводится довод о делении речевого потока на отрезки разной длины, соответствующие высказыванию мысли (предложению, слову) – в языках различного происхождения [38, с.214]. Аналогичное учение о происхождении различных дискурсов пока не создано. Но черты такого учения содержатся в сравнительном языкознании. В частности, А. Вежбицкая писала о частотности определенных слов, выражающих эмоции в разных языках: японцы чаще извиняются, но реже благодарят, для русских характерна эмоция печали и т.д. Из таких исследований можно вывести «картины мира» национальных языков, а можно выйти и на характерную ситуацию речи, вызывающую эту эмоцию, а отсюда найти правило дискурса. Материалом исследования А. Вежбицкой служила русская классическая литература XIX века. Можно предположить, что такое мировоззрение не типично для VII и XX вв. и даже для всего XIX века. Для дискурса характерна большая дробность, хотя отдельные черты, к примеру душевность и фатализм могут оказаться транс- дискурсивными.

Дискурс, в отличие от языка одновременно более и менее темпорален: актуальность выбирает средства своего выражения из всех как прошлых, так и современных дискурсов. Поэтому некоторые слова, к примеру, устаревают и теряют актуальное значение через 10–15 лет после их актуализации, другие через 100–200 лет. А некоторые, не только слова, но и стихотворения живут, воспринимаются современными даже спустя 300 и более лет. Их можно отнести к категории «вечных», транс- дискурсивных. Архаичность их восприятию может придать только радикальная реформа языка, которая может вызываться дискурсом, но существовать как внешнее условие для всех последующих языковых дискурсов – до следующей реформы.

О связи языка и мировоззрения (их совместной эволюции) писал А.Ф. Лосев. Для него речевая фигура и грамматическая категория выражают социальные отношения и степень зависимости индивида от общества. Ту же тенденцию обнаруживает М. Фуко в концепции «эпистем»: «В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ). В эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно — через мышление, в пространстве представления (не в психологическом смысле!) слово-образ. В современной эпистеме слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом»...» [5, с.31]. В дальнейшем, замкнутое на себя Слово – дискурс, становится самодовлеющим и начинает определять отношения между людьми, культуру, цивилизацию.

2.2.1 Правило как отношение между высказываниями

Дискурс, как информационная, знаково-символическая система возникает в процессе взаимодействия, коммуникации недискурсивных материальных систем: людей, социальных институтов, текстов. Единицами отношений этих систем выступают идеи, образы, символы, образующие самостоятельные (информационные) системы, такие как дискурс. Отличие дискурсивных правил

(законов) от всех остальных состоит в их вторичном, производном характере. Первичные законы материальных систем изучают естественные и социальные науки, законы информационных систем изучает лингвистика, и гуманитарные науки, а вторичные законы отношений информационных систем мы наблюдаем в философии, кибернетике, литературоведении, когда, к примеру:

а) тексты взаимодействуют друг с другом, причём один текст меняет смысл другого;

б) ряд текстов создают кольцевую структуру последовательной рефлексии промежуточных результатов решения общей проблемы;

в) взаимодействие двух кольцевых структур может приводить к распаду одной из них или её новому истолкованию.

Примером первого взаимодействия является «текст в тексте», такой как эпизод «птица-тройка» в тексте «Мёртвых душ» Н. Гоголя. Этот эпизод не только придаёт масштаб, глубину всему произведению, но и переключает восприятие из сатирического, в трагический план. Добавление к данному сочетанию текстов контекста анекдота, что делает В. Розанов в «Опавших листьях», смещает смысл, в трагикомический план, т.е. рефлексия цепочки текстов рассматривает последний текст как причину, основание ряда предшествующих. Она всегда стремится от следствия – к причине, от события – к его актуальности.

Отношения, действующие в этой системе, зависят от вторичной, знаковой реальности. Законы знаков независимы от законов вещей, но действие этих законов мы наблюдаем в условиях внешней, недискурсивной актуальности событий. Эти законы мы должны рассмотреть не как результат, а как предмет рефлексии нашей теории. То есть выявить их сходства и различия, рассмотреть причины этих различий, их зависимость от общесистемных законов и внешней актуальности.

М. Фуко в «Археологии знания» представляет правила отношений между высказываниями как «единства дискурса». Он показывает четыре способа обнаружения этого единства: тождество тем, единство объектов, стиль (метод) и «тип сцепления», форма [319, с.126]. Последняя категория близка к нашей

категории актуальности, но без деления последней. Можно выделить и другие типы отношений, выражаемые в дискурсе это: социальные отношения между людьми, отношения между сравнимыми понятиями по объему и содержанию и, собственно отношения между высказываниями, выражающими отношения между имплицитными правилами этих высказываний.

Отношения людей создают направленность коммуникации, структуру позиций, занимаемых участниками и их речевыми актами. Такие отношения определяются как служебной этикой, так и моралью общества и индивида. Они, как правило, не симметричны, т.е. отношение одного человека к другому не тождественно отношению другого к нему. Следовательно, их можно рассматривать как индивидуальные позиции, роли в социальной (управленческой) среде. В зависимости от характера взаимосвязи между руководителями и подчиненными социальные отношения могут быть представлены в четырех основных разновидностях: бюрократические (формальные), патерналистские (отец – хозяин), фратерналистские (лидер) и партнерские (равные, демократические) отношения. Формирование новой структуры макролокуции (управления элементарным речевым актом) связано с изменением характера этих отношений, переходом от одного типа к другому. Важна структура отношений и сила воздействия (ситуация), приводящая через ряд шагов к её изменению, трансформации.

В основе любых норм и правил, которыми руководствуются люди, лежит практика ежедневных и повторяющихся отношений их между собой. В юридической литературе она выражена в понятии конкретного жизненного отношения. «Что касается норм или правил, которыми руководствуются люди в своих взаимных отношениях, то нетрудно убедиться, что они уже предполагают наличие известных реальных отношений... Эти отношения и соответствующие правила могут приобрести различное значение... наряду с первичными могут возникнуть, так сказать, производные отношения и правила по защите или по борьбе с подлежащими первичными отношениями» [111, с.303-304]. Наличие как первичных, так и вторичных правил (отношений) между людьми, как

формальных, так и неформальных, приводит к сложной организации жизни, подчиняющейся иерархии соотносимых между собой правил. К примеру, в экономике «результаты зависят не только от формальных правил, но и от действия правил неформальных... Исторический опыт говорит о том, что одни и те же формальные правила, принятые в разных странах, приводят к различным результатам...» [230, с.25]. Отношения между формальными и неформальными правилами в экономической практике могут быть гармоничны, тогда они усиливают друг друга, сложными, но направленными к общей цели, несогласованными, параллельными – тогда принятие формальных правил будет бессмысленным и приведет к пустой трате ресурсов и, наконец, конфликтными, тогда неформальные правила будут подталкивать людей на сопротивление формальным. Противоречие формальных и неформальных правил приводит к большим затратам на процедуры контроля и принуждения к соблюдению формальных правил.

В отличие от отношений между правилами, отношения между понятиями ограничиваются критерием сравнения: говорить об отношениях можно только между сравнимыми понятиями. В реальном дискурсе мы, как правило, имеем дело не только с непустыми понятиями, но и понятиями в их отношении к объекту или субъекту. При этом эти понятия соотносятся друг с другом через посредство субъекта или объекта. А отношение между этими понятиями выражает изменение состояния субъекта.

Пример подобного отношения дает О. Ф. Левичев. Он строит «дерево» из сопряженных нравственных понятий, располагая их по степени общности и по наличию общих «корней»: «Рассмотрим процесс перехода самолюбия в себялюбие. Самолюбие лежит в основе достоинства и высокомерия... Если перевес получает личностная, себялюбивая сторона самолюбия, то оно трансформируется в эгоизм, честолюбие, тщеславие, высокомерие, в которых на первое место выдвигаются собственные эгоистические интересы данной личности. Если же в самолюбии возобладают общественные моменты, оно переходит в честь и достоинство» [185, с.57]. Взаимосвязь эгоизма и альтруизма,

коллективизма, составляющая основу сквозного нравственного дискурса, не разрывается, а многообразно проявляется и развивается в практике применения нравственных понятий к реальным жизненным ситуациям.

Различие этических норм и практики применения этих норм в прагматике языка и повседневности жизни показал в начале XIX века Г. Гегель. Он писал: «Человек всегда и при всех обстоятельствах думает, в первую очередь, о самом себе; вопрос тут не в том, вполне ли хорошо то-то и то-то само по себе, а в том, прилично ли оно для него, соответствует ли его чести заниматься этим делом или от него отказаться» [92, с.75]. В этическом смысле Гегель здесь показывает эгоистическую основу чести, а в прагматическом – простоту и первичность правила «приличия» по отношению к писаной этической норме, близость её к конкретному жизненному отношению между людьми лежащему в основе обоих правил.

В текстах одно высказывание может состоять в равноправных, или в неравноправных отношениях с другими. Равноправные и доминантные отношения могут чередоваться в последовательности высказываний, создавая древовидную иерархическую структуру, служащую пониманию авторской мысли [31, с.37]. Кроме этого, выделяют отношение дополнительности: одно высказывание может являться детализацией, свидетельством, обоснованием другого. Что говорит о коммуникативных намерениях говорящего. Связность устной речи обеспечивается еще и внешними формами, такими как интонация, жест. Совокупность различных отношений образует макроструктуру, имплицитный синтаксис дискурса. Согласно Ван Дейку, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания.

Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т.е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам. К числу таких правил относятся правила сокращения несущественной информации, обобщения двух или более однотипных пропозиций и комбинации нескольких пропозиций в одну. Что в целом соответствует правилу свертки языка.

Макроправила применяются рекурсивно, многократно, поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Макроструктура называется рефератом или резюме. Построение макроструктур – одна из разновидностей стратегий понимания дискурса. Стратегия – способ достижения цели, который является достаточно гибким, чтобы можно было сочетать несколько правил. Помимо макроструктуры Ван Дейк выделяет также понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы. Суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром. Структуры такого типа называют нарративными схемами.

Одной из таких структур является структура SMS сообщений. Она возникает в дискурсе по причине широкого использования языкового правила свёртки. Начало ему было положено общением телеграфистов США в годы Второй мировой войны. Война стала необходимым условием для возникновения этого дискурса. Поскольку срочность и важность сообщения солдата сужали его содержание до нескольких простых идей: «жив, здоров, помню о доме, люблю, жду возвращения». В этом дискурсе возникающие формы и стиль общения становятся предельно простыми и обезличенными. Эмоции выражаются с помощью картинок – смайликов, а не слов. Сегодня, использующие СМС школьники также начинают мыслить короткими, навязанными им штампами. Их речь теряет эмоциональную окраску.

У. Манном и С. Томпсоном был предложен единый подход к описанию макро- и микроструктуры дискурса на основе теории риторической структуры. Она основана на предположении о том, что любая единица дискурса связана с другой посредством некоторой осмысленной связи - риторического отношения. Что указывает на целесообразность добавления говорящим одной единицы к другой. В число риторических отношений входят: последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива. Отношения содержат реальное действие и его условие, обстоятельство или правило, поясняющее причину этого действия. К примеру, «Петр вышел рано, чтобы успеть на поезд». Другие отношения могут быть симметричны и соединяют два

ядра. В теории риторической структуры разработан формализм, позволяющий представить дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. Отсюда возникает возможность альтернативных трактовок одного и того же текста. Применение данной теории к анализу реальных текстов демонстрируют множественность решений.

Высказывание, само по себе являющееся правилом и принуждающее субъекта к определённым действиям рассматривается М. Фуко. «Как сформировались – через, вопреки или с опорой на эти системы принуждения – различные серии дискурсов; какова была специфическая норма каждой серии и каковы были условия их появления, роста, изменения» [319, с.241]. Такую цель ставит М. Фуко перед теорией дискурса. Средствами достижения этой цели могут служить как риторика, так и логика.

Попытку построить особую логику – логику отношений, предпринимают в начале XX века. Если классическая логика рассматривала суждение как высказывание о классах, логика эта была и логикой отношения, так как принадлежность класса к классу является формой отношения. «Обобщить, — говорит Серрюс, один из авторов логики отношений, — это значит — превзойти, обогатив форму, вводя в нее новые элементы способом, в результате которого старая форма становится приложением новой» [28, с. 121]. Аристотелевская логика сводила суждение к формуле $S—P$, логика отношений сводит его к формуле aRb . В этой формуле R противопоставляется своим терминам a и b именно в качестве основания предикации. Аристотелевская логика все суждения сводила в последней инстанции к атрибутивным суждениям. В логике отношений мы можем судить не только о принадлежности субъекту определенного свойства, но и о действиях этого субъекта, а также и о причинах этих действий. Логика отношений отличает взгляд на суждение как на форму, главенствующую над понятием.

Развитие логики отношений привело к переработке аристотелевской теории суждения [260, с.144]. Согласно логике отношений, суждение, вообще говоря, не есть атрибутивная связь предиката с субъектом, но образует в целом предикат:

оно развивается и проверяется в плане предиката, то есть в плане отношения. Отношения образуют самостоятельную, организованную структуру, **не требующую субъекта**. Так, в математическом суждении $a = b$ предикатом этого суждения будет все в целом отношение равенства a и b . **«Реальный субъект мысли стоит вне суждения, а не заключается в нем...** Вместо того, чтобы говорить, что субъект находится внутри суждения, мы охотно скажем, что суждение находится внутри субъекта» [28, с.153]. Можно предположить, что таким субъектом является дискурс, а точнее – его правило. Субъект предполагается логикой отношений в том смысле, «в каком говорят о сюжете книги, т. е. в смысле предварительного полагания некоторой вещи, о которой идет речь и без которой не могло бы быть ни истинного, ни ложного» [там же, с.220]. Субъект в логиках такого типа «раскладывается» на функции: причины – принятия решения об определенном действии, последовательности и, рефлексивного наблюдателя над этими действиями. Внутри последовательности действий действует не субъект, а правило или организованная система правил.

Учение о внеположности субъекта по отношению к суждению и учение о познании как о ряде, или серии актов предсказания, последовательно раскрывающих для знания все большее и большее число сторон и свойств предмета, а в пределе адекватно постигающих его бытие соответствует «правилу внешнего» в методологии М. Фуко. «Дедукция лишь использует порядок, который не ею был создан. Логика отношений, напротив, исходит из мысли, что позади дедуктивных теорий всегда существует структура, определенная предметом, а также из мысли, что существует установка знания, простирающаяся на этот предмет» [282, 4, 87]. Понятие отношения, более общее и более фундаментальное, чем понятие класса. То, что в умозаключении есть плодотворного, относится к отправным понятиям и к определяющим отношениям....[28],- писал Асмус.

Одно высказывание может состоять в равноправных, или в неравноправных отношениях с другими. Равноправные и доминантные отношения могут чередоваться в последовательности высказываний, создавая древовидную

иерархическую структуру. Кроме этого, выделяют отношение, когда одно высказывание может являться детализацией, свидетельством, обоснованием другого. Все эти виды отношений создают синтаксис высказываний, соответствующий рефлексии предметной области Д-1 и выражающий актуальность волны дискурса А-1, содержащей правило связи двух элементарных высказываний. К примеру: «это верно, а то – нет»; «бытие есть, а небытия нет». Характерная область этих высказываний – фольклор. К примеру: «Любишь кататься – люби и саночки возить»; «Не было ни гроша, да вдруг – алтын»; «Не было счастья, да несчастье помогло». Таким образом, мы выходим на систему правил, регулирующую отношения высказываний в дискурсе, в основе которых лежат конкретные жизненные отношения между людьми.

2.2.2 Ситуации: правила отношений между правилами

Следующий уровень сложности отношений дискурсивных единиц – это правила отношений между правилами отдельных высказываний, которые можно охарактеризовать как ситуацию дискурса. Под ситуацией мы понимаем систему постоянных (фиксированных) и непостоянных, ситуативных отношений между элементами, характеризуемых внешней и внутренней структурой и имеющей собственное имя. Кроме устойчивых значений, с которыми элемент может входить в различные ситуации, он может иметь значение, определяемое преимущественно ситуацией, то есть системой связей с другими элементами. Исследователи мышления говорят о нем как о роли элемента в заполнении «комплекса» (О. Зельц); идее манипулирования элементами ситуации с точки зрения цели (К. Дункер), функциональных и латентных свойств (Л. Секей), стационарной — оперативной структуры свойств предмета (В. А. Мазиллов).

Считая, что отношения элементов ситуации описывают правила этих отношений, мы утверждаем тождество отношений и правил и можем рассматривать ситуацию как систему правил разного уровня. В структуре ситуации рассматривается связь одних элементов в зависимости от связей других,

вне которых они не могут стать актуальными. В результате условие, существенное в некоторой модели ситуации, будет несущественным даже при незначительном изменении в её структуре. Так, элемент С имеет значение постольку, поскольку имеет место элемент В, который в свою очередь может обосновываться через элемент А.

Типичные ситуации – это состояния человека или состояния дел: знакомы – не знакомы, здоров – болен, проблема личная – деловая. Ситуация, как и любой из её элементов могут быть рассмотрены со стороны их внешней и внутренней структуры. В первом случае речь идет о собственной абстрактной модели элемента, взятого вне всякой связи с каким-либо контекстом. Так, элемент «болезнь» в определенном смысле есть самостоятельный объект с набором характеризующих его существенных признаков. Анализ внутренней структуры ситуации «болезнь» предполагает выделение причины заболевания, симптомов, состояния больного. А признак (например, квалификация и зарплата врача), несущественный с точки зрения внутренней структуры ситуации, может оказаться существенным в рамках её внешней структуры. Внешняя структура элемента и представляет собой систему (пространство) возможных событий в рамках его ситуаций. С одной стороны, это задаёт потенциальную существенность любого признака элемента, с другой, — двунаправленность процесса построения ситуации. Благодаря внутренней структуре ситуации выстраивается общая схема связей её элементов, в то время как благодаря внешней — частная модель ситуации задаёт структуру общей.

Строя ситуационная модель реальности, человек ищет и получает информацию, которая рассматривается им как потенциально значимая, но проверить это он не может иначе, чем соотнеся с будущей моделью ситуации. В результате получается, что он одновременно использует информацию, чтобы построить общую модель и, в то же время, использует последнюю для того, чтобы оценить значимость информации. Что говорит в пользу существования некоторых заготовок синтеза, которые можно назвать «обобщёнными ситуационными моделями».

Основой построения модели является описание объекта в виде совокупности элементов, связанных между собой определенными отношениями, отображающими семантику предметной области. Чем богаче информационная модель объекта и выше возможности манипулирования ею, тем лучше качество принимаемых человеком решений. Если за исходную реальность дискурса мы примем не язык (высказывание) а ситуацию: войны, плена, похода и т.д., обуславливающую появление и применение специальных правил для совершения повседневных и необходимых действий, мы должны будем руководствоваться этими новыми, ситуационно обусловленными правилами. Ситуация в этом случае выступает классификатором состояний мира и положений дел в нем. Выбор поступков и стратегия поведения человека для достижения обычных целей в зависимости от конкретной ситуации будет смещаться от нормы и ограничиваться правилами каждой из действительных ситуаций.

Рассматривая дискурс как машину мышления, мы должны исследовать связь между входными условиями (ситуацией, набором отношений) и выходными решениями. Достигая обычных целей в специальных условиях, мы должны будем формулировать, и фиксировать рефлексивный уровень правил, соответствующих как условиям, так и результатам, т.е. помогающий достигать результата при данных условиях. Это могут быть функциональные правила, такие как: просьба/требование, т.е. к людям, находящимся в определенном отношении к нам будет обращена просьба, а к тем, кто находится в другом отношении – требование. Правило элемента – нашей позиции в ситуации будет выглядеть как доверие/недоверие; игра/закон; свой/чужой; взрослый/ребенок; счастье/горе, истина/ложь. Источником этих правил будет структура ситуации, предписывающая конкретные позиции, занимаемые человеком в системе имеющихся в данной ситуации: позиция предполагает место в структуре отношений и возможность сменить это место, реализовав правило. Позиции состоят из групп отношений, соединяющих одну позицию с другими в структуре ситуации. Изменение отношения одной позиции по отношению к другой изменяет место данной позиции в общей структуре, что равносильно перемене мест героев

в сюжете, т.е. движении ситуации. Подобно изменению мест отдельных кубиков в кубике Рубика.

Ситуация может «двигаться», не трансформируясь в иную ситуацию, т.е. не изменяя отношений между участниками ситуации, тем не менее с каждым из них могут происходить изменения. Подобное мы наблюдаем в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: события романа развиваются параллельно в четырех планах повествования, причем события одного плана «отражаются», осмысляются в событиях другого плана, могут иметь продолжение в событиях третьего, порождая особый дискурс. Но это не меняет фундаментальной «расстановки сил», не приводит к смене окружающей обстановки и взаимного положения героев. Развитие, трансформация ситуации это перемена мест сил «добра» и «зла», победа одной стороны и поражение другой, смена реальности, в которой живет и действует герой. Такое развитие мы наблюдаем в романах В. Пелевина: «Лиса А», «Поколение П»: события, развивавшиеся в нескольких планах реальности, к концу повествования сосредотачиваются в одном плане и там происходит кульминация и развязка. Если в начале человек играет, «превращаясь» в своем сознании в лису, то к концу романа он, в глазах читателя действительно становится лисой, т.е. читателю дается описание «облезлой лисы» - старого и больного животного. Если Вавилен – герой «Поколения П» в начале ищет богов Вавилона и примеряет мифологию к своей жизни (оставаясь рекламистом – «криэйтором») то к концу он сам становится одним из богов Вавилона и читателю демонстрируется соответствующий ритуал. При этом контекст данной ситуации, её «условие возможности» остается неизменным.

Ситуация соответствует типу рефлексии Д-2 и выражает актуальность волны А-2, содержащей правило связи трёх элементарных высказываний. В ней два противопоставленных высказывания соединяются с третьим, выражающим мотив или причину, обосновывающую правомерность применения второго высказывания по отношению к первому: «утверждение «Х» неверно, потому, что «У». Подобно тому, как философское понятие действует в отношении других (например, конкретно научных) понятий, правило ситуации действует в

отношении других правил. В структуре ситуации рассматривается связь одних элементов в зависимости от связей других, вне которых они не могут стать актуальными. Решением проблемной ситуации является её трансформация.

Существует несколько алгоритмов разрешения конфликтного множества правил, однако не существует общих, годных для любых ситуаций. «Эвристический путь предполагает решение проблемной задачи с неполным объемом информации, задач, требующих восполнения недостающей информации посредством интуиции. Таким путем сокращается область поиска решений в отличие от лабиринтного характера решения, основанного на переборе всевозможных действий» [289, с.15]. Выделяют следующие эвристики: предпочтения некоторых правил, исключения определенного правила, выбора наиболее точных (частных) условий, постановки стратегической задачи. Дискурс, как правило отношения ко многим ситуациям, рассматриваемым в данном дискурсе, выступает субъектом действия и навязывает нам выбор определённой эвристики. Эвристики соответствуют рефлексии Д-2 и выражают актуальность волны А-2.

Но ситуация, рассмотренная как система правил, предполагает также возникновение конфликтов между этими правилами, основанных на противоречиях между элементами ситуации, их целями и позициями и т.д. Если в качестве ситуации мы рассматриваем ситуацию на шахматной доске, где любое из возможных правил (вариант хода) может актуализироваться в данный момент, может возникнуть конфликт равновозможных правил и как результат – заикливание ситуации – повторение её неограниченное число раз. Для того чтобы избежать подобного, требуются правила, действующие не в отношении элементов, а в отношении правил и их конфликтов, т.е. правила второго порядка. В качестве таких правил рассматривают стратегии и эвристики. Самая простая стратегия разрешения конфликтов сводится к тому, чтобы (в шахматах) выбирать первое соответствующее перемещение, которое ведет в еще не посещаемое состояние. Конфликтное множество правил можно рассматривать как базу целей, т.е. правил, имеющих не строго ситуационный, а стратегический характер.

Стратегии соответствуют метарефлексии Д-3 и выражают актуальность волны А-3. Метарефлексивные высказывания (Д-3) возникают спонтанно, они не имеют логического или языкового основания в той дискурсивной ситуации, по отношению к которой они применяются. То есть, они приходят извне, от субъекта не стеснённого данным дискурсом.

Хотя в настоящее время к сфере сугубо человеческой деятельности относят: постановку задачи; выбор методов её решений и построение моделей и алгоритмов, выдвижение гипотез и предположений; осмысление результатов и принятие решений, но сложные информационные системы, такие как дискурс, способны подменять человека в них. Важной особенностью именно человеческой деятельности является наличие в ней элемента случайности: необъяснимые поступки и сумасбродные решения лежат в основе оригинальных и неожиданных идей, тогда как влияние дискурса способно свести эту оригинальность на нет. Само существование эвристических правил означает внешнюю, рефлексивную позицию субъекта (рефлексивную свободу) по отношению к «игре» конкретных правил и дискурсивных ситуаций. Но будучи практически, актуально обусловленной, эта «игра» попадает в пространство дискурса.

Дискурс сохраняет и развивает определённые идеи на протяжении истории, не допуская их существенного пересмотра. К примеру, Индийская и Западная философские традиции утверждали единство человеческой личности, «я», души, самости человека, тогда как буддийская концепция дхарм утверждала единство человека только «здесь и сейчас». Только в XX веке человек обретает свободу от культурно-дискурсивной традиции: не быть тождественным «себе в прошлом» и «себе в будущем», обретает право изменять себя, становиться другим, отменять ненужные правила и формулировать новые, более соответствующие новому уровню реальных отношений между людьми. Свободу, аналогично можно представить как эвристическую функцию дискурса, потребность в которой возникает на высоких ступенях организации информационных систем. Такую свободу следует понимать как стратегическое правило, направленное на дальние цели, разрешение конфликта правил или на саморефлексию.

Ситуационная модель анализа дискурса предполагает рассматривать процессы взаимодействий элементов как гибкую стратегическую процедуру. Как подчеркивает Ван Дейк, «Когда дискурсы получают определения как единицы вербального общения или как коммуникативные явления, к их реальной обработке или использованию в социальных и коммуникативных аспектах следует обращаться с позиций целостного, интегрированного подхода» [127, с.164]. Дискурсивный подход к предмету гуманитарных наук симметричен фреймовой модели представления знаний. Отличием их обоих от классической философии является уровень объективности: «демоны» правил, процедурные знания, такие, как и эпистемы и дискурсы не являются всеобщими «ценностями» и достижениями, как отдельных людей, так и человечества в целом [215]. Они выполняют служебную роль метода, сервиса в сложившихся социальных условиях и когнитивных практиках, а порой и сами формируют эти практики.

Процедурные знания, категории и правила дискурса нельзя смешивать с декларативными: предметно-практическими и конкретно-научными. В дискурсивном подходе оба вида знаний получают объективный статус, но только последний вид знаний является знанием по существу, а первый является механизмом познания. Важность различения процедурных правил рефлексии и дискурса, и декларативных знаний, включающих в себя правила реального мира, можно показать на следующем примере. Р. Декарт соединил разум с телом, показав, что наши чувства не обманывают нас и не являются просто иллюзиями. Они, так же как и разум, открывают путь достоверного знания о мире. Во сне чувства могут удваивать реальность, прибавляя к ней воображение, но картины, которые рисуют чувства во сне, принципиально отличаются от идей тех людей, чей разум отвергает реальность. Серьезность этого различия обсуждали М. Фуко и Ж. Деррида, ставя вопрос о критериях и границах рациональности. С позиции рефлексии дискурса это не два вида идей – истинных и ложных, а два вида эвристических правил, примененных разумом к схожим ситуациям: проснувшийся человек ОТДЕЛЯЕТ воображаемую реальность сна от действительности, в которой он находится. Тогда как разум других людей

ЗАМЕЩАЕТ воображаемой реальностью – действительную. В результате человеческий разум оказывается в новой (воображаемой) ситуации, где рациональность его действий обоснована новыми условиями, но не согласована с действительностью.

Актуальность ситуативного видения мира подчеркивал Л. Виттгенштейн. Он писал: «...Вещь самостоятельна, поскольку она может наличествовать во всех возможных ситуациях, но самостоятельность такого рода есть форма взаимосвязи с событием, некая форма несамостоятельности.... Каждый предмет существует как бы в пространстве возможных событий» [77, с.6-7]. Другая форма самостоятельности – само-творчество, само-творение человеком себя и окружающего мира. Каждая ситуация отношений между людьми является частью их этического бытия. А совокупность ситуаций можно рассматривать как основу этической действительности [370, с.35]. Следуя мысли Гартмана, можно сказать, что человеческая свобода состоит во внешнем положении человека по отношению к высказыванию.

Дискурс, дискурсивная формация проявляется в сочетании коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса. «К коммуникативной составляющей относятся возможные позиции и роли... К когнитивной составляющей относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении. Дискурсивные формации переплетаются между собой, частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам» [274, с.67]. Дискурс побуждает только к принятию определённого отношения, но и к возможно широкому применению этого отношения на множестве жизненных ситуаций.

К примеру, дискурсивные высказывания могут быть «прочитаны» двояко: к примеру, с одной стороны система И-цзин может быть представлена как набор ролей и варианты схемы их сочетания. С другой стороны, она же может быть понята как определенное знание о мире, мудрость, толкующая о том, как следует поступать тому, кто занимает определенное положение в обществе. Если И-цзин рассматривает 64 ситуации в «покое», предлагая человеку выбор поступка и обосновывая лучший вариант этого выбора, то «Стратагемы» говорят о 36

динамических ситуациях, как моменте действия, где выбор нужно сделать мгновенно. И они прямо предписывают, как следует поступить, т.е. предлагаемое решение является единственным.

У Ясперса [350], ситуация характеризует способ бытия человека в мире. Это слово указывает, что человек «уже есть» в мире, уже «здесь». Изначально человек (Dasein) — невыделенная часть реального мира. На этом уровне он есть лишь событие, случай объективной природы, а не творец собственной судьбы. Однако, будучи такой невыделенной частью всеобщего «здесь», человеческое бытие (Dasein) обладает определенной исключительностью; во-первых, ему присуще “внутреннее беспокойство”, отличающее способ его бытия от любого другого сущего; во-вторых, оно является центром сознания, благодаря которому может сделать предметом вопрошания факт своего “бытия-здесь”. Когда неартикулированное внутреннее беспокойство превращается в отчетливое сознание, ситуация человека в мире изменяется, однако как Dasein человек всегда находится в той или иной ситуации. Пример этому дают «пограничные ситуации» рассмотренные К. Ясперсом.

Принцип ситуативности используется при анализе дискурса в частности, в психологии. Он связан с принципом конструирования и воплощения психических объектов, в теле субъекта (принцип «власти в теле» у Фуко) и осуществляется посредством определенного порядка развертывания дискурса. Как отмечает Дж. Поттер, в своих воззрениях дискурсивная психология опирается на критику идеи частного языка (поздний Л. Виттгенштейн), социологию сознания Дж. Култера, а также интеракционизм Х. Сакса [266, с.742]. Действия субъекта здесь рассматриваются не с точки зрения когнитивных состояний или процессов, а с точки зрения самого языка в структуре интеракции. Принцип ситуативности дискурсивной психологии реализуется в трех плоскостях. Во-первых, дискурс последовательно ситуативен. Имеется в виду, что предыдущая фраза, сказанная в рамках какого-либо дискурса формирует контекст фразы, произносимой сейчас, а также может определять содержание фразы, которая последует за произносимой.

Дискурс обладает особым порядком развертывания, являясь репертуаром интерпретаций - некоторым набором возможных фраз, которые могут быть сказаны в определенной ситуации в рамках данного дискурса. Во-вторых, дискурс ситуативен институционально. К примеру, в образовании, преподаватель и студент приобретают новые институциональные идентичности, для каждого из которых характерно определенное поведение. В-третьих, дискурс ситуативен риторически, что означает использование риторических приемов для доказательства своей мысли и опровержения чужой. В четвертых он ситуативен научно и философски: мы можем сконструировать и обосновать статическую и динамическую картины мира, сделать понятия абсолютными, субстанциональными или относительными, процессуальными.

2.2.3 Правило как средство трансформации

Правила дискурса – это условия, действия и исключения для обработки и упорядочения высказываний. Каждое правило может состоять из трех элементов: условий, описывающих предметное знание, к которому применяется данное правило; действий, определяющих операции, которые нужно выполнить с высказываниями, содержащими знание, удовлетворяющее условиям, и исключений, указывающих, к каким высказываниям не должно применяться это правило. Есть множество видов правил, которые действуют внутри дискурсивных систем: служат обработке предметного знания или обеспечивают устойчивость, самосогласованность дискурсивной системы. Но есть и те, которыми обмениваются дискурсивные системы, правила, служащие преобразованию одной дискурсивной системы в другую или в не дискурсивное знание.

Познавательная мощь метода, правила, определяется тем, сколько факторов, условий может быть одновременно учтено в самой структуре нашего правила. Хотя структура правил дискурса сложна, «живая» предметность содержания всегда будет обладать большей сложностью, чем наши методы её познания. Используя сложный метод, мы приписываем внутреннюю связь внешне

разрозненным процессам, создаем самосогласованные системы знания и избегаем противоречивости множества описаний, даваемых «линейными» методами. Такой самосогласованной и возникающей в общении людей системой является дискурс.

Дискурс обладает значительной устойчивостью к трансформации, иначе о его «единствах» не стоило говорить всерьёз. Для трансформации дискурса в дедуктивную теорию или другой дискурс нужно допустить нарушение правил или преднамеренно их нарушить, как это делали Ф. Бэкон и Р. Декарт в отношении дискурса Возрождения. Средством трансформации дискурса выступают высказывания метарефлексивного типа Д-3 выражающие актуальность волны А-3, заключающей знаково-символическую реальность симулякров, мэмов, брэндов, копиров. Они, в свою очередь, несут имплицитный смысл, актуальность других знаков в «снятом» виде.

Кроме того, это нарушение должно было некоторое время оставаться скрытым, чтобы не быть распознанным как ошибка. Объекты такого нарушенного дискурса – высказывания, сформированные по новому правилу, должны были сформировать множество противоречий и парадоксов в сочетании с традиционными, нормальными высказываниями данного дискурса, «сеять хаос и разрушение», выступать «триггерами» - индукторами абсолютных событий [311], до тех пор, пока новые высказывания не смогли бы сформировать основу нового порядка. Тогда прежний дискурс будет отвергнут как хаотический, противоречивый и ошибочный, а новый станет восприниматься как единственно возможная форма порядка.

Примерами подобных, трансформирующих дискурс высказываний, могут служить: «мыслю, следовательно, существую». А не «существую, следовательно, могу мыслить», как было принято ранее. Высказывание имитировало сужение значения второго высказывания, т.е. представлялось как «существую одной лишь мыслью», тогда как могло быть прочитано и в широком смысле: «что мыслю, то и утверждаю как существующее». Вторая интерпретация, существование, приписываемое мысли, в том числе мысли о несуществующем, утверждает свободу мысли, неограниченную никаким реальным существованием.

Аналогичный пример – бритва Оккама: «не изобретай сущностей сверх необходимого». Двусмысленность этого правила, возможность двойного его применения очевидны: узкий смысл – не изобретай новых сущностей, т.к. все уже «изобретены» - открыты. Широкий смысл: сущности изобретаются – выдумываются из головы, они фальшивы – все. Ты не должен ничего изобретать. Полагайся только на реальное, опыт. К этому классу двусмысленных высказываний, направленных «векторно» на критику и разрушение дискурса Возрождения, можно отнести и актуальную бесконечность, парадоксы, переворот Коперника.

Для утверждения нового в частном, требовалось согласовать его с традицией понимания – выдать за расширение старого. Но это была именно имитация, которая имитируя старое, утверждала новое и, тем самым уничтожала старое. Здесь стоит вспомнить и особый класс слов, содержащих внутреннее противоречие, найденный Ж. Деррида: гимен, фармакон и им подобные могут являться свернутыми двусмысленными правилами – идеального оружия и идеальной маскировки, используемых для трансформации дискурсивных систем. Иногда, к примеру, в современных условиях дискурсы могут открыто конфликтовать друг с другом. Предметом их спора служат «изменчивые знаки» [312, с.55-107]. Такие, как «демократия», «свобода», «права человека». Средством борьбы выступает интерпретация значения этого знака, не зафиксированного конкретным дискурсом в качестве единственно возможного. Другие дискурсы, интерпретируя изменчивые знаки, наполняют их своим содержанием и встраивают в свою структуру отношений.

Внешняя альтернативность противоречащих друг другу правил может не приводить к сознательному выбору одного из них в качестве «истины», а только к отбрасыванию менее привычного. Тогда как внутренняя двусмысленность «перевернутого» правила приводит к стандартному его применению всеми в силу его «правильности» и при этом к получению неожиданных результатов. Такие высказывания «лгут врагам», не обманывая друзей и не противореча желанию их авторов. Средства трансформации дискурса это особые высказывания, как

говорил Фуко, «структурирующие пространство», некоторые срединные правила, задающие алгоритм понимания. Средством трансформации они часто становятся, когда теряют собственное содержание, рассматриваются строго формально, как схема, применяемая к множеству других высказываний.

От того, какая из сторон двусмысленного правила будет актуализирована, зависит результат его применения в дискурсе. Если наша цель – трансформация дискурса или одной из его производных теорий, нам будет полезно показать парадоксальность, противоречивость этой теории. Это достижимо, в частности такими средствами: «поскольку источником парадоксов часто являются необоснованные положения теории, то для получения парадокса вполне целесообразно отыскивать такие положения... Вполне возможно, что какое-либо из положений окажется дефектным и, следовательно, приведет к парадоксу;...» [198]. К парадоксу приводит и применение традиционного метода к новому, не характерному для него предмету познания.

Сформулированный нами парадокс должен проблематизировать определенный дискурс, теорию, показывая недостаточность объяснения ею предметной области. К примеру, как это делают суждения с противоположными предикатами: «материя прерывна и непрерывна», «свет есть корпускулы и волны»; «вещество состоит из частиц и античастиц». Так же можно проблематизировать и метод, к примеру, категорический силлогизм Аристотеля. Силлогистика представляет собой замкнутую систему высказываний определенного типа, соотнесенных между собой. Следовательно, любой правильно построенный силлогизм приведет к выводу известного типа. Как пишет О.М. Фрейденберг, [316, с.280] «силлогизм есть уподобление: два члена, объединенные одним понятием. В образном фольклоре таков агон: два его члена имеют общие черты, а третий объединяет их обоих».

Первая фигура категорического силлогизма:

Все люди (М) одинаковы (Р).

Все государства (S) состоят из людей (М).

Все государства (S) одинаковы (Р).

Данный пример может демонстрировать формационную концепцию истории, следовательно, применение силлогизма здесь корректно. Если же заменить содержание первой посылки на противоположное, получим:

Все люди – разные.

Люди – граждане государств.

Следовательно, государства – разные.

Полученное высказывание – банальность, прямо противоречащая любой исторической теории, а силлогизм работает в первом и во втором случае одинаково хорошо. Разбиение, отбор и структурирование содержания некоторой предметной области формальным методом приводят к выделению типовых «порядков» рассмотрения данной предметной области принимающих вид подходов к исследованию или типов теорий. К примеру, первая фигура категорического силлогизма говорит об объектах имея ввиду их отождествление, следствием которого является функциональный подход к их анализу: зависимость этих объектов от какого-либо одного, ведущего фактора. Примером этому является периодическая система химических элементов, где разные элементы связаны между собой общим свойством – атомной массой, изменяющейся периодически, пропорционально их порядковому номеру в таблице.

Очевидно, что применив вторую фигуру силлогизма к тому же содержанию, мы не получим функциональной зависимости, а получим выделенные особенности отдельного объекта. Аналогичный пример из области биологии: известно, что законы генетики имеют статистический характер, т.е. они действительны по отношению к множеству растений в целом, но не к отдельному растению. Когда лаборатория Т.Д. Лысенко решила поставить опыты с целью опровержения этих законов, она стала исследовать передачу наследственных признаков в ряду потомков отдельных (!) растений – изолированно и не обнаружила известных генетических закономерностей. Т.е. она применила не статистический, а динамический подход и в результате получила «рассеяние» признаков, а не проявление их под действием законов генетики.

Отсюда видно, что различные фигуры силлогизма, в зависимости от содержания первой посылки, могут как «собирать» факты вокруг определенного в них порядка, «идеи», так и «рассеивать» те же факты. Аналогично, собирать и рассеивать значения понятия. Единство формы и содержания дискурса позволяет учесть эту особенность работы логических систем. К примеру, как утверждают современные генетики, Г. Менделю очень повезло с выбором объекта наблюдения: горох обладает небольшим набором различающихся признаков, причем эти признаки кодируют не сцепленные, а легко расщепляющиеся гены. Другие растения имеют более сложно устроенный генетический аппарат. Специфичность социальных идей для исторически определенных обществ доказывается сегодня на практике – трудностью внедрения даже хорошо зарекомендовавших себя «рецептов» в странах с иной историей и культурой. А возможность появления в истории человечества иных наук, чем мы имеем сейчас и иных законов в этих науках была рассмотрена на формальном уровне – как проблема множественности описаний одного явления на разных языках и, меньше, на содержательном, в обсуждении вопроса: «могло ли не существовать теории относительности в современной физике?» [176]. Внешне противоречат этой специфичности идей факты независимого открытия учеными одних и тех же естественнонаучных законов, как бы подтверждающих объективное единство и истинность положений науки. Но такие открытия, как правило, были разделены коротким промежутком исторического времени и идеи этих открытий «носились в воздухе».

Идеи, как утверждения порядка, структурирующие определенное содержание, без данного содержания могут быть не только бедны (по Фуко), но и пусты. Единства дискурсов, напротив, подразумевают развертывание обоснования (контекста) идеи, дающего ей «жизнь». Возможно именно эти единства, а не совокупности идей, следует считать подлинным знанием, основанным на опыте, «практике». Идею можно рассматривать как метод преобразования (трансформации) определенного материала, содержания.

Такое развертывание дискурса подразумевает последовательность: проблема – отношение – ситуация – трансформация. Правила, появляющиеся на уровне отношений и трансформаций, отличаются друг от друга. Первое – правило, имеющее предсказуемый результат, а второе – двусмысленное, могущее служить для обмана, получения иного результата. К примеру, силлогизм, как определенное правило трансформации был сконструирован Аристотелем для доказательства онтологической гипотезы единства идеи и вещи как единичного, общего и особенного. Он был призван демонстрировать другую идею, чем он сам, служить её обоснованием. Возможно, другие трансформационные идеи (вещь-в-себе, отчуждение) так же служат для демонстрации – обоснования онтологических гипотез их авторов, не являясь при этом «истинными» и самоценными.

2.3 Методы развертывания дискурса

Классические и постмодернистские методы построения дискурса могут быть сопоставлены как коммуникативные схемы, имеющие разные исходные точки: «единство субъекта» - классика и «единство речевого акта, позиции» - постмодернизм. В литературоведческом примере, анализирующем роман В.Пелевина «Чапаев и Пустота» они перекликаются так: «Тема революции вводится как совокупность дискурсов, которые она определяет в культуре. Революция представлена не как объект, на который направлена интеллектуальная деятельность автора и героев, а как перечень всех рядов, которые связаны с ней в современной культуре» [336]. Следуя классической позиции, читатель соотносит себя с героем и, как правило, разделяет позицию автора по отношению к нему. Автор – герой – читатель сливаются в одно лицо, убеждающее или «околдовывающее» весь остальной мир произведения своим монологом. Победить трудности, зло, судьбу, несправедливость – преобразовать мир или погибнуть, такая миссия предписана герою – автором классики. Но времена меняются, а вместе с ними меняются образы зла, понятия справедливости и т.д.

произведение теряет свою актуальность. В постмодернистской схеме автор уходит от обусловленных временем понятий, создавая произведение «на переломе эпох», где читатель сам может выбрать героя, с которым соотнесет себя, может наполнить игру-произведение новыми знаниями и смыслами и, в конце, решить нерешенную автором нравственную или мировоззренческую задачу. Дискурс постмодерна несёт не отказ от истины и нравственности, а расслоение и согласование принципов их установления на общие, «вечные» и частные, действующие «здесь и сейчас». В этом смысле истина дискурса получает более глубокое теоретическое обоснование.

Актуальность современности иначе, чем прошлого, соединяет цели, мотивы и ценности человека: в 30-50-е годы XX-века успешным считался человек, избежавший тюрьмы, получивший высшее образование и занимающийся любимым делом на сравнительно лёгкой работе. В 60–80-е критериями успеха становятся материальный достаток и карьерный рост, а в начале XXI века – работа в Москве или за рубежом, наличие недвижимости и престижного автомобиля. Что, зачем и почему желает человек определённой эпохи? К каким средствам считает возможным прибегать для достижения своих целей? Ответы на эти вопросы определяются социальным дискурсом его времени. Смена актуальности определённых ценностей и целей общества происходит под влиянием других дискурсов (экономического, политического, информационного) и принятия под их влиянием управленческих решений и действий конкретных людей.

Философская рефлексия дискурса складывается из последовательности методов: анализа высказываний и текстов, выявляющих структуру и принципы их построения, критики, выделяющей общие правила построения подобных высказываний, конструирования элементов нового дискурса. Анализ высказывания может быть имплицитным и не выделяться как специальная процедура, но, тем не менее, присутствовать как предварительная оценка, внутреннее согласие или не согласие с теорией как определенным суждением о чем-либо. Это один из основных методов построения «теории дискурса» М. Фуко.

Его анализ развивает субстантивацию: вначале определяется свойство, а затем предмет – носитель этого свойства. Свойство «дискурсивности» высказываний выражает идею продуктивного принципа, применяемого, без изменений к широкой предметной области и, имеющего форму мэма, копира, сжатого информационного блока. Такие блоки – «высказывания» могут не являться правильными предложениями и даже не быть объектами логики и лингвистики. Это могут быть: карта, на которую ссылаются, формулируя национальную идею, диаграмма (рождаемость – смертность), схема (у-син, и-цзин). Высказывание по форме – случайно, а по содержанию определено внешними обстоятельствами [373]. Оно «невидимо и не сокрыто». Высказывания, выступая средствами трансформации внешнего мира, не трансформируемы сами, они повторяются, тиражируются или забываются, в зависимости от условий актуальности. Каждое из них способно структурировать пространство идей (осуществив постановку проблемы) и в нем сконструировать объект дискурса. Как пишет Р.В. Зимин, высказывание, подобно аттрактору, «онтологизирует случайность» [144, с.61]. Высказывание это «топологема» по Азаренко, бессубъектная диаграмма (Подорога). Оно подобно «отношению без отношения», «обществу без общего» (Керимов). Анализ высказываний в дискурсе вычленяет новое отношение к объекту, новое качество или новый объект, вокруг которых строится система взаимозависимостей, которая и представляет структуру дискурса.

Объединяя идеи лингвистического и философского анализа высказываний, необходимо подчеркнуть их дополнительность: дискурс не может состоять только из «редких и бедных» высказываний, выделенных М. Фуко, а тем более из одного, растиражированного высказывания. Хотя в английском языке иногда можно построить правильное предложение из повторения одного слова, к примеру, buffalo [252, с.337], но, для его понимания отдельные слова должны быть отмечены прописной буквой и, как правило, таких предложений не строят в речи. В дискурсе мы должны сочетать высказывания и предложения, теории и их следствия, обоснования или разные виды высказываний. Реконструировав

дискурс, мы можем перейти от анализа его ключевых высказываний к анализу причин, «вызвавших к жизни» данный дискурс и следствий из него.

Философская критика, следующая за анализом высказываний, подразумевает не только формальное, но и содержательное рассмотрение предлагаемой теории или дискурса в целом [2, с.118]. Критика, как правило, не ограничивается суждением о данном объекте. Она стремится найти правила, методы целесообразного суждения о тех или иных категориях объектов. Кроме этого она ищет методы правильного конструирования таких объектов. Целью критики может являться как разрушение существующего дискурса, так и обнаружение его «условий возможности», основы, на которой мог бы возникнуть и другой дискурс, которую следует рассмотреть, чтобы избежать повторения ошибок при «постройке» другого дискурса.

К примеру, целью критики Ф. Бэконом существовавших до него методов познания, являлось не опровержение, а полное разрушение критикуемой теории, так как: «если мы не согласны ни относительно оснований, ни относительно доказательств, то невозможны никакие доводы к лучшему» [85, с.56]. Аналогично, «декартовское сомнение призвано снести все здание прежней, традиционной культуры и отменить прежний тип сознания, чтобы тем самым расчистить почву для постройки нового здания - культуры рациональной в самом своем существе» [там же, с.56]. Это разрыв с прежней эпистемой, попытка выйти из одного дискурса и создать другой.

Однако, критика прежнего дискурса часто выступает методом конструирования элементов нового. Теоретическое основание критики обнаруживает противоречия в высказываниях конкретного дискурса, по линиям которых они должны быть разъединены и соединены вновь уже по другим линиям, перестроены в новую (представляющуюся непротиворечивой) структуру. «Срез» исторического «наслоения» дискурсов представляет структуру, подобную кирпичной кладке: границы высказываний, объектов, понятий каждого последующего слоя не совпадают с границами предшествующего и последующего слоев. Сама необходимость последующего слоя этих конструкций

вынужденно отрицает границы, а, следовательно, и теоретическую установку предшествующего слоя. Так, к примеру, соотносятся методы познания Возрождения (поиск сходства) и Нового времени (обнаружение различий). Традиционно понимаемая критика и «критика» как метод М. Фуко соотносятся как критика содержания и её социальная обусловленность, позиция, выражающая цель и смысл этого содержания. Дополнение теории обоснованной, в том числе социально, критикой создает динамическую систему оппозиций, раскрываемую, как правило, в научной дискуссии. Генеалогия, как предельное основание теоретической оппозиции, открывает «истинное» - идейное и терминологическое поле, в котором любое предметное высказывание может быть оценено как «истина» или «ложь».

Кроме критики, для построения нового дискурса оказывается недостаточно введения новых понятий и представлений о мире, нужно изменение речи, структуры высказывания, новой комбинации элементарных речевых актов, формирующих элементы нового дискурса. Ассоциация новых элементов формирует «лексику» эпистемы (дискурса). Но система этих элементов подвергается нормированию языком, логикой, риторикой, чтобы адекватно представлять новую мысль, она становится предметом постоянной «языковой игры» говорящих. Поэтому не существует универсального метода построения дискурса. Каждый дискурс индивидуален.

К примеру, социальный, художественный, религиозный, а затем и повседневный дискурс Нового времени, как и ряд внутренних для него, конкретных дискурсов со своими особенностями находились под серьёзным влиянием научного дискурса, интеллектуальной моды, так что качества и принципы одного заимствовались другими: познание природы воспринималось как общезначимое, почти сакральное знание. Остросоциальные пьесы Мольера, публицистика Монтеня и Руссо, труды Спинозы, Декарта и Бруно, рассмотренные не как философские, а как теологические труды, создавали интеллектуальный климат эпохи, в котором становились всё более редкими рецидивы прежнего феодально-средневекового дискурса.

Эта интеграция соответствовала внутренним принципам самого нового дискурса: критерии общезначимости, ясности, очевидности принимали сквозной, транс-дискурсивный характер. Они работали в интеллектуальной сфере как правила – приказы прямого действия. Можно предположить, что открытие принципов относительности в физике начала 20-го века было воспринято обществом аналогичным образом и вызвало ощущение кризиса, упадка, хаоса. Реакцией на этот «кризис» стали поиски оснований достоверного научного знания в языке (аналитическая традиция), в основаниях логики, сознании и интуиции (феноменология, философия жизни). Интересно, что внутреннее правило метода (правило решения задачи) одного дискурса (относительность) может расцениваться как смысл, итог решения других задач (всё относительно) для современных ему дискурсов.

Развертывание научного дискурса Нового времени шло с разных сторон и сопровождалось большими социальными и научными дискуссиями. Один из путей – критика «идолов разума» и создание аналитических методов, открывших «научный факт» как атомарное событие – элемент нового дискурса. Другой – создание критериев научности, научного метода и принципа радикального сомнения, результатом которого стал субъектно-объектный метод. Метод Декарта, открывающий в качестве элемента нового дискурса индивидуального субъекта, был так же прибавлением к «внешнему», эмпирическому субъекту «внутреннего», теоретического. «Невозможно, - пишет Декарт, - полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит» [48, с.61]. Преемственность играет двоякую роль в эпистеме: Декарт опирается на теорию Августина, чтобы снять принцип логического ограничения, наложенный прошлым дискурсом на все мышление. И, благодаря этому строит новый дискурс. Говоря о дискурсе-событии, стоит интерпретировать преемственность как цикличность: отрицая прошлое, мы возрождаем прошлое нашего прошлого, как некий идеал, «золотой век». Такая связь – через поколение – прослеживается у дискурсов: Возрождение есть отрицание Средневековья и утверждение (возрождение) Античности. Таким образом, транс-дискурсивно, можно

предсказывать некоторые черты будущего дискурса: он «возродит» отринутое нами прошлое.

Аналогично, новый дискурс, строится Бэконом «от противного», исключений прежнего дискурса, т.е. считая положения, противоположные опровергаемым – верными. Одновременно Бэкон пытается объяснить причину привычного, но неверного рассуждения, найти оправдание, чтобы окончательно отделить им и обозначить прежний ход мысли как ошибочный. «Человеческий ум естественно склонен предполагать в вещах больше порядка и сходства, чем в них находится; и в то время как природа полна исключений и различий, ум повсюду видит гармонию, согласие и подобие» [70, с.32]. Бэкон строит научную речь, используя модель тождества макролокуций дискурса, показывая логическую взаимообусловленность микроречевых актов: демонстрируя «естественную» ошибку мышления, указать правило верной мысли, а затем доказать его самой мыслью. Аналогичную структуру воспроизводит идея Декарта: требование проверки всякого знания с помощью естественного света разума, тождественно, принципу очевидности и предполагает отказ от всех суждений, принятых на веру. Таким образом классическая наука строит новый дискурс. Метод формирования нового дискурса складывается в процессе оперирования с его элементом, как формой, в которую будут впоследствии помещаться объекты исследования.

Новые объекты, понятия, методы и речевые конструкции объединяются правилами, упорядочивающие всё это в единую динамическую систему. Здесь начинает работать концепция «языковых игр», введенная в философский оборот Л. Виттгенштейном и продолженная Ж. Дерридой, Р. Рорти и рядом других философов. Практика оперирования с новыми интеллектуальными конструкциями как с единицами языка, должна была привести к установлению компромисса точности передачи содержания и очевидности его понимания. Кроме того, этот компромисс должен быть подвижен, чтобы применяться не к одному, а многим, более и менее сложным, случаям использования новых конструкций.

Языковые игры это не платоновские идеи, отличающиеся постоянством всеобщих законов и не аристотелевская «сущность вещи». Это третье решение проблемы «идей»: внешние по отношению к игрокам и полагаемым ими смыслам, игры предлагают наборы правил в качестве условий, обуславливающих возможность выбора игроками определенных действий в конкретной ситуации, положении в игре. Идею «языковой игры», Витгенштейн прорабатывал до конца своих дней, находя ей все новые и новые применения. «Своего рода "элементарным введением" в концепцию языковых игр можно считать методику развития данной темы в "Коричневой книге" [79]. Именно здесь Витгенштейн вводит свои хорошо известные примеры игр-коммуникаций, начиная с простейшей и шаг за шагом восходя к более сложным. Действующие лица в игре (1) - строитель и его подручный; первый, используя лишь названия строительных элементов, выкрикивает команды: "плита", "куб" и др., что означает: "подай плиту", "принеси куб" и пр. Затем в игре (2) в коммуникацию вводится новый тип инструмента – числительные. Далее (3) добавляется такое средство коммуникации, как собственные имена (этот блок! та плита!)... Он пояснил: системы коммуникации (1-5) мы будем называть языковыми играми. При этом указывается, что их реальным аналогом могут быть простые языки примитивных племен или способы обучения детей их родному языку [там же, с.19]. В дальнейшем к этим практикам добавляются новые, игры усложняются. В целом их число было доведено здесь до 73, а идея и метод игр были представлены в действии» [167, с.16]. Л. Витгенштейн применил игровую методику к наиболее сложным, философским концепциям и понятиям, выявив их принципиальную многозначность и возможность отклонения от традиционных толкований. Эти ситуации он назвал «концептуальными замешательствами».

В последней работе Л. Витгенштейна "О достоверности" языковые игры представляются «формами жизни». Та же аналогия позднее была применена к компьютерным вирусам. Как писал Стивен Хокинг: «Я думаю, что компьютерные вирусы можно называть жизнью. Жизнь, созданная людьми искусственно, оказалась чрезвычайно разрушительна, и это многое говорит о нас с вами. Мы

сотворили жизнь по образу и подобию своему». Компьютерные вирусы появились сравнительно недавно и на наших глазах прошли заметную эволюцию. Они размножаются, активно взаимодействуют с окружающей средой. В результате компьютерных сбоев они способны эволюционировать. Наконец, подобно обычным вирусам, они в состоянии вызывать эпидемии.

Под языковыми играми в целом понимаются модели работы языка, включающие его фиксирующие и динамические функции: «содержание сознания следующего правилу человека не является основанием для объяснения того, что означает следование правилу.... Объясняющим и детерминирующим принципом не является также и смысл (интерпретация) правила как особый идеальный объект.... Правило "живет" практикой его применения....» [там же, с.21]. Как уже было сказано выше, принцип решения задачи одного дискурса может «мигрировать» и стать смыслом, принципом объяснения и постановки задач для других дискурсов. Причем обосновать эту «миграцию» трудно чем-либо кроме нежелания людей решать старые задачи старыми способами и т.п., то есть взаимосвязями современных дискурсов через интердискурс.

Говоря о «языковых играх», Л. Витгенштейн имеет ввиду аналогию между поведением людей (в том числе в играх) в социальных системах и употреблением ими языка. Во всех этих случаях предполагается, что люди руководствуются имеющимися конвенциями или правилами предполагающими последовательность и направленность действий. Этими правилами задаются возможные в конкретных играх системы поведения, выраженные комбинациями ходов. «Игра без правил - не игра: резкое изменение правил способно парализовать игру» [79]. Вместе с тем правила определяют «логику» игры не жёстко, предусматривая вариации, творчество. Концепция «игр истины» М. Фуко продолжает мысль об игровом: управляемом вариативными правилами процессе познания, дискурса, образования, формирования социальных институтов и власти в целом.

Теория игр, в её применении к проблеме дискурса, это теория математических моделей принятия решений в условиях неопределенности, когда

принимающий решение субъект (игрок) располагает информацией лишь о множестве возможных ситуаций, в одной из которых он в действительности находится. О множестве решений (стратегий), которые он может принять, и о количественной мере того "выигрыша", который он мог бы получить, выбрав в данной ситуации данную стратегию. Теория игр является естественным развитием теорий решения экстремальных задач в условиях вероятностной, статистической неопределенности. В частности, в рамках теории игр естественно рассматривать модели конфликтов – явлений, в которых участвуют различные стороны, наделенные различными интересами и возможностями выбирать свои стратегии в соответствии с этими интересами. Кроме «конфликтующих структур», о которых писал Лефевр, это и ситуации (игры) типа войны, похода, плена, оккупации, рассмотренные с позиции одной из сторон конфликта. Для них характерно сочетание жестких правил-запретов с одной стороны и импровизация, отсутствие правил – с другой.

В предельном случае игра приводит к аннуляции реальности, исчезновению из дискурса определённых объектов и понятий. Как её представил Ж. Бодрийяр в книге «Символический обмен и смерть»: суть анаграмматического письма не в том, чтобы под прикрытием видимого текста стихов тайно выразить дополнительное сакральное означаемое, имя божества, а в том, чтобы, напротив, без остатка разрушить это имя по строгим правилам поэтической игры звуковых соответствий и перестановок. Результатом такой аннигиляции становится очищение языка и мысли от привычных (ставших пустыми штампами) означающих. Стихотворение приобретает легкость, свободу, искренность, свежесть взгляда, новизну.

Новый дискурс освобождается от старых форм: объектов, символов, понятий, стратегий, методов. Но создавая свои аналоги этих форм, он может повторять прошлые решения. Исследуя дискурс, мы интересуемся не законами выигрыша/проигрыша в той или иной игре, это задача теории вероятностей, теории игр или военной стратегии. Нас интересует возможность этих игр, распространение, трансформация их правил. Определенная философская

рефлексия над всеми играми способна показать не только отношения между участниками игр, но и отношения между применяемыми правилами, приемами и, как следствие – трансформацию этих правил и самой игры.

Дискурс как фрагмент истории, может быть, и не быть игрой одновременно: в реальности дискурса мы имеем дело с актуальным событием, его следствиями и структурой этих следствий. Человек, находясь внутри дискурса, может занять позицию в его структуре. В качестве агента дискурса совершить некий поступок в развитие этого дискурса. Но дискурс может закончиться, прерваться, затухнуть, смениться другим дискурсом раньше, чем наступят последствия этого поступка. Человек представляет, какими могли бы быть последствия его действий, если бы «миг истории» не прервался раньше. Он многократно проигрывает свои действия, ответы на них, следствия этих ответов и в следующий «миг истории» другого дискурса совершает то, что сформулировал раньше. По аналогии с сеансом одновременной игры в шахматы, в дискурсе у него есть только один ход на одной из досок реального дискурса, тогда как он играет «вслепую» и, не успевая следить за ходами «противника», представляет все партии на всех досках как одну большую и сверхсложную игру. Его ошибки создают колебание фона, метаисторию и «игру» дискурсов друг с другом. В пространстве дискурса человек двухслоен: он живет в двух параллельных мирах, в двух реальностях: социально-дискурсивной и индивидуально-игровой. Причем в обеих он стремится жить полной жизнью. Оба слоя, как правило, независимы друг от друга только их совпадение человек переживает как счастье, исполнение желания, единство собственного «я».

Наиболее близки к проблематике дискурса метаигры – такие игры, результатом которых является набор правил для другой игры (называемой целевой или игрой-объектом). Цель метаигр – увеличить полезность выдаваемого набора правил. Теория метаигр связана с теорией оптимальных механизмов (дизайна механизмов), применяемой в экономике. Хотя и здесь позиция дискурса будет иметь преимущество: развертывание дискурса связано не только со сменой правил, но и сменой отношений участников в процессе игры, импровизацией, а

также сменой проблем, лежащих в основе конкретной «игры». Результатами игры могут быть не игровые, жестко детерминированные или хаотические процессы, которые разрушают существующую практику (игру), нарушая её «условие возможности» и вынуждают людей создавать другие игры.

Итогом четырех методов развертывания дискурса: анализа высказываний, их критики, конструирования новых элементов и установления прагматических игр-правил использования и сочетания новых элементов становится новый дискурс со своими индивидуальными особенностями. К примеру, в строении типичного дискурса, рассмотренного как последовательность речевых актов, выделяют три основные модели соотношения этих актов между собой: «Модель соположения макролокуций дискурса предполагает при его вербализации такую связь локуций, которая осуществляется путем линейного нанизывания (соположения) и простого суммирования макролокуции дискурса. Данную модель можно представить так: $L_1 + L_2 + L_3 + \dots + L_n$. Модель тождества макролокуции дискурса характеризуется логической взаимообусловленностью микроречевых актов, представленной соотношением макролокуции как эксплананса и экспланандума, что может быть описано как отношение тождества. На когнитивном уровне данные взаимоотношения представляются следующим образом: $L_1 = L_2 = L_3 = \dots = L_n$. Модель подчинения макролокуции дискурса характеризуется логическими взаимоотношениями между тезисом и аргументом, базирующимися на причинно-следственной связи. Эта модель представляется как: $L_1 \wedge L_2 \wedge \dots \wedge L_n$. Базовая когнитивная модель развертывания локутивного акта в дискурсе является главным механизмом реализации иллокутивной силы дискурса» [121, с.30]. С помощью этих моделей высказывание встраивается в дискурс, вступает в отношения с другими высказываниями. Показанные модели можно назвать простыми, характеризующимися сочетанием одинаковых элементов и одних и тех же отношений между ними. Но реальные, становящиеся дискурсы могут соединять разнородные объекты в одно высказывание и соединять их с помощью различных отношений (правил). К примеру: $(L + M) = (M - O)$; $M = N + L$ и т.д. Отсюда

возможна математизация дискурса, выраженного вербально. Более глубокая и в то же время, делающая его более понятным, формализация. Для эпистемологии 16 века была характерна модель соположения макролокуций, для Нового времени это уже модель тождества, а для современности – модель подчинения, предполагающая логическую взаимосвязь между, к примеру, математическими моделями и теоретическими положениями конкретного предметного дискурса. Общим методом развертывания познавательного дискурса выступает единство теории, как нормирующей, классифицирующей силы и её критики, как силы переупорядочения, проверки и поиска альтернатив для объяснения фактов одного ряда.

Мы предлагаем упорядочивать различные дискурсы относительно: уровней рефлексии (анализа содержания наших знаний), относительно элемента дискурса (структуры объекта высказывания) и относительно правил отношений между элементами. Идеалом дискурсивного метода можно считать некий универсальный процесс производства утверждений, применимых для моделирования жизненных ситуаций, конструирования их смысла и контекста. Близка к такому методу «майевтика» Сократа. Мы не можем утверждать, что Сократ в ранних диалогах Платона занимается анализом каждой конкретной ситуации, по поводу которой ведет речь с собеседником, что он всякий раз строит некую теорию, занимается психологией и т.д. Нет, скорее он применяет свой, опробованный метод и достигает (иногда не достигает) заданных изначально результатов (ошибочно понимаемых как цели). Ведя этот заданный диалог, подобный интеллектуальной игре, он нередко игнорирует особенности ситуаций и своих собеседников: психологические, контекстуальные, смыслообразующие, чем и вызывает на себя их возмущение. Критика Сократа направлена против роста слабо обоснованного, наивного знания, происходящего из опыта и здравого смысла. «Я знаю, что ничего не знаю» - говорит Сократ – «а другие не знают даже этого». Дискурсивный метод строится им в качестве «игры», имеющей метапредмет – проблему определения исходного слова в качестве понятия, и метарезультат –

трансформацию, преобразование исходной проблемы в структуру других понятий, ограничивающих значение искомого.

2.4 Трансформации ситуаций и дискурса

Трансформацией называют изменение значения, смысла высказываний и понятий, используемых в дискурсе, позиций участников, правил, предполагающих определенное развитие дискурсивной ситуации, а также изменение самого дискурса, смену его другим. Трансформацию понимают так же как особый вид ситуации, характерной чертой которой является внутреннее изменение. М. Фуко выделял следующие виды трансформаций:

- деривации (внутридискурсивную зависимость), т.е. трансформации, связанные с адаптацией или исключением тех или иных понятий и обобщений;
- мутации (междискурсивные зависимости), т.е. трансформации позиции говорящего субъекта или предметности (смещение границ объекта);
- редистрибуции (внедискурсивные трансформации), т.е. внешние по отношению к дискурсу, но влияющие на его эволюцию и метаморфозы» [318, с.64].

Первый вид трансформации осуществляется как выполнение нового (эвристического) правила, преобразующего ситуацию к примеру, обычного государства, где способности людей и их профессиональная деятельность связаны опосредованно, в «идеальное», где эта связь осуществляется прямо. Такую трансформацию обосновывает дедуктивная логика теории. Так Платон, в своей теории идеального государства преобразует государство как систему (ситуацию) соединяя при помощи понятий личные качества людей и социальные функции государства, наполняя социальные институты (управление, армия, торговля) людьми, обладающими соответствующими способностями. Человек не приобретает новое качество в процессе жизни в государстве, а осуществляет имеющееся у него изначально: мудрец становится мудрым правителем, смелый – смелым воином, справедливый – честным, справедливым торговцем. В процессе

трансформации ситуации имплицитное становится эксплицитным, метафорическое значение ключевого слова, высказывания, (средства трансформации), переключается, становясь прямым, не метафорическим. Ситуация меняется, когда тайное становится явным, а внутреннее – внешним. Суть изменения в переносе проблемы из, субъективного: правитель не мудр, воин не смел... в объективный план: как правитель применил свою мудрость? В чем выразилась смелость воина? Где была честность торговца?

Трансформация дискурсивной ситуации иногда предполагает не только реализацию определенного правила, но и смену этого правила другим, в результате чего меняется взаимное положение субъектов: герой побеждает злодея и получает приз, золушка становится принцессой, понятие «вид» в биологии из абсолютного, становится относительным и т.д. В этой ситуации новое правило вводится непосредственно, меняя саму ситуацию, так как ситуация здесь определяется расстановкой действующих сил (правилами их отношений: подчинения/господства и т.д.). К примеру, правило послушания старшим в дискурсе сказки меняется на правило справедливости как справедливое вознаграждение за прошлое послушание. Принципы первоначальных форм и сохранения благоприобретенных признаков в биологии меняются на принципы происхождения видов и вероятностного распределения признаков.

В качестве примера междискурсивной трансформации, осуществлённой с помощью особых высказываний можно рассмотреть текст М. Хайдеггера: «Что вообще такое метафизика в своей основе? Она мыслит сущее как сущее. Повсюду, где спрашивают, что есть сущее, в поле зрения стоит сущее как таковое. Метафизическое представление обязано эти зрением свету бытия. Свет, т.е. то, что воспринимается этой мыслью как свет, сам уже не входит в поле зрения этой мысли: ибо она представляет сущее постоянно и исключительно в аспекте сущего» [326, с.27]. Хайдеггер переводит разговор о предмете метафизики на рефлексию метафизики, её «условие возможности», в качестве которого рассматривает другое высказывание «свет бытия». В результате дискурс идей в котором каждому понятию уготовано место в логико-теоретической системе

других понятий, сменяется дискурсом, не предполагающим «логику теории». Новый дискурс строится как грамматика, речь о словах, прояснение смысла неясного термина с помощью других, более ясных, которые просто прибавляются к данному, расширяя его значение. Текст Хайдегера напоминает не теорию с изложением идей, а статью в толковом словаре, проясняющей смысл термина перебором и сочетанием различных значений этого термина. Движение мысли в такой системе осуществляется не с помощью логических доказательств, а внутренних, грамматических трансформаций: перестановки слов, расширения или сужения их значений, преобразования предложений как бы из одного языка – в другой.

Третий вид трансформаций хотя и является внешним по отношению к конкретному дискурсу, формирует сквозной, единый дискурс из внешне не связанных между собой. Она является средством трансформации предметного содержания путем изменения дискурсивной ситуации. Примером этого может являться дискурс трёх, исторически следовавших друг за другом произведений: «Страсти по Лейбовицу» У. Миллера, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери и «Враг мой» Б. Лонгиера. Ситуация, рассматриваемая этими произведениями – драматическая взаимосвязь книжной культуры (догмы) и неизбежного конфликта, войны между представителями разных «ветвей» этой культуры. Трансформацией этой ситуации выступает ситуация второго произведения, где ради сохранения мира цивилизация пожертвовала книжной культурой, следствием чего стал тоталитаризм. Третье произведение стремится «снять» как противоречие двух первых между собой, так и их внутренние противоречия. Это достигается путём придания «истинам» противоречащих друг другу книг исторически конкретного, ситуационного характера. Что можно выразить фразой: «каждому времени – свои песни». Трансформация формы ситуаций – от первой к третьей сопровождается трансформацией содержания произведений: от хранения «вечных» ценностей к самоценности личности и человеческим отношениям, которые можно зафиксировать в новых книгах и ценностях. Актуальность дискурса войны также трансформируется: от констатации факта «война ужасна» к показу потери

человеком и обществом человечности (в тоталитаризме) и показу причин взаимного непонимания, конфликта как такового и способов их разрешения.

Дискурс, основанный на взаимосвязи войны и догмы, т.е. конфликта убеждений, развивается подобно самосознанию у Гегеля: на первой стадии этого процесса рефлексивное «я» позиционирует себя по отношению к догме и полностью подчиняется ей, но в процессе рефлексии обобщает образ себя в качестве «подчиняющийся», чем удостоверяется в исполнении своих намерений. Далее, рефлексивная над этим образом вторично, «я» позиционирует себя по отношению к нему, независимо от содержания догмы, и обнаруживает себя в ином, доминирующем положении по отношению к первичному образу. Рефлексия над доминирующим и подчиненным образами приводит к идее их равенства в качестве образов «я», их взаимоотрицанию в равенстве. Первичное отношение подчинения, преклонения перед авторитетом трансформируется, через самоотрицание, в отношение равенства достоинств независимо от содержания авторитета. Дискурс в этой трансформации обнаруживает динамику реализующейся страсти, реализация которой проходит в процессе циклического самоотрицания.

Трансформации подвергается как содержание знания, так и его форма. Знание можно представить в виде дедуктивно-логической структуры, в которой понятийное знание предмета неотделимо от метода его получения; грамматики предметного языка (Гуссерль, Хайдеггер), где знание отделено от метода, а метод является методом «очищения» знания. А также как систему, где знание опосредовано методом, правилом, социальной нормой (Виттгенштейн, Фуко), но отделимо от этой нормы. Последний вид знаний рассматривает мир как комплекс фактов или системы ситуаций, описывающих некоторые опыты. Система правил, конкретных условий с одной стороны и локальность объектов с другой ограничивают применимость общих законов, понятий, обнаруживаемых дедуктивной теорией предмета, открывают прагматическое измерение этой теории. Как первому, так и третьему способу познания присущи статика и динамика, но направленность познания в первом случае подразумевает

сохранение единства предмета и метода, а в третьем – рефлексии метода и многогранность предмета. Каждый из этих типов описаний можно рассматривать как определенный тип дискурса. Тогда классификация трансформаций М. Фуко приобретает конкретный смысл: возможны как внутри дискурсивные трансформации (пример Платона) междискурсивные (пример Хайдеггера). Знание в качестве опытной ситуации представляет сам М. Фуко в «Словах и вещах», показывая смену этих знаний в качестве смены «эпистем». Логически представляет ситуационное описание знания В.И. Моисеев [219], показывая плероны (полные единицы) знания и механизмы их трансформаций. В силу своей полноты и законченности, сформированности, плероны могут изменяться только под действием внешних факторов.

Рассмотрение вопроса о трансформациях самого дискурса предполагает уточнение термина «дискурс», его единства. Мишель Фуко рассматривал дискурс как систему правил, ориентируясь в конкретных условиях на уровень дискурсивных событий и отличный от него уровень анализа языка. Различие этих уровней важно для того, чтобы исключить из рассмотрения наши операторы синтеза, имеющие психологическую природу и выделить типы связей, характерные для самих высказываний и самих ситуаций. В результате мы могли бы составить представление о дискурсе предмета независимо как от самого предмета, так и от намерения субъекта. К примеру, совокупность высказываний гуманитарных наук предполагают в качестве своего объекта – субъекта классической науки и разворачивают его как поле своих познаний.

Источником движения дискурса является противоречие, взаимосвязь как минимум двух сил. «Внутреннее противоречие – закон дискурса», - говорит М. Фуко. Противопоставления элементов в речевой ситуации, их соподчинение и управление осуществляется с помощью системы оценки (актуальности или этико-эстетического измерения), создающей «сюжет» с заданной логикой его развития. Фуко называет это «стратегией». К примеру, в «Семиотике страстей» [109] А-Ж Греймас и Ж. Фонтаний выводят дискурсивные схемы страсти, следуя логическому квадрату. Они строят квадраты значений для каждой из страстей,

считая её законченным дискурсом: ревности, скупости и т.д. К примеру, «умение быть» (правило гордости) собеседника А, транслируется собеседнику Б как «долженствование быть». То есть, совершается манипуляция: способность первого собеседника представляется второму в качестве социальной нормы. Если это требование принимается, оно вызывает модализацию (привязанность) второго собеседника к первому, поскольку, для того, чтобы следовать некоторой норме, он должен видеть образец этой нормы. При этом в глазах собеседника А, собеседник Б рассматривается как единство двух «актантов»: объекта манипуляции и субъекта действия (принимающего или не принимающего данную манипуляцию). Трансформация значения переданной и принятой информации в процессе понимания (манипуляции), совершающаяся внутри субъекта и может состоять в «превращении»: подмене гордости за свой поступок – стыдом за него же, рассмотренного рефлексивно с другой позиции. Такие, последовательно противоречивые чувства испытывает герой романа Ф. Кафки «Замок», герой «Соляриса» С. Лема. При этом «семиотика страстей» объясняет явления на уровне смысла, но не на уровне бытия. Это описание «игры страстей», а философию дискурса интересует большее – условие возможности этой игры. Одним из таких условий является трансформация содержания идеи разума (цели) в практических понятиях рассудка. Социальная норма, как иное практическое понятие, может изменить как характер действий людей, так и некоторые из их целей. Отсюда, человек участвует в дискурсе, находясь «вне его» и является только ограниченно «программируемым» правилами производства и отношений между высказываниями.

Содержательную трансформацию дискурса, предполагающую такое изменение его содержания, которое меняет форму дискурса и приводит к его вырождению в дедуктивно-логическую систему, можно рассмотреть на примере диалогического процесса, описанного М. Бубером. Он рассматривает в качестве фундаментальных, два типа отношений, задающих разные правила образования дискурсов: отношение «я – ты» и отношение «я – оно». Первое из этих отношений можно считать собственно дискурсивным, поскольку из него Бубер дедуцирует

возникновение второго, субъектно-объектного отношения. Отношение «я – ты», по мнению Бубера, первобытный человек распространял на объекты живой и неживой природы, придавая их образам символический смысл и растворяя собственное «я» в отношениях с этими образами. С развитием познания эти образы теряли свое символическое содержание, которое заменялось предметно-практическими знаниями и образы объективировались, становясь «мертвыми» объектами. Отношение «я – ты» это «отношение ради отношения» в котором элементы «я» и «ты» растворяются, исчезает различие между ними. Структура элементов такого дискурса становится структурой правил, позиций и переходов любого элемента по правилам от одной позиции к другой. Бубер рассматривает такое отношение как «дух», аналогом ему может служить дхарма или особое состояние сознания. Понятно, что поддерживать такое состояние в себе в течение длительного времени – трудно. Утрата образа «ты» у «я» приводит к смене ведущего отношения «я – ты» на познавательное, субъектно-объектное отношение «я – оно». Что, в свою очередь, приводит к трансформации (вырождению) дискурса в монолог дедуктивной теории объекта. Дискурсивный процесс осуществляется в данном случае при обязательном условии существования «я – ты» отношения.

Здесь стоит рассмотреть различие дискурсивного и не дискурсивного обмена, оперирования с некоторым предметным содержанием. Чистый дискурс должен представлять систему взаимосвязанных позиций (точек), соединенных правилами отношений между этими точками, представляющих определенную последовательность, подобную математической системе, описывающей геометрическую фигуру. При этом позиции равноценны и равноправны по отношению друг к другу. Различие между ними состоит в последовательности познавательных (преобразовательных) операций, совершаемых с предметным содержанием. Элементы дискурса (идеальные субъект и объект) «растворены» в дискурсивном процессе отношений и обеспечивают последовательное исполнение правил, не принося в них что-либо «от себя». Правила присущи позициям и исполняются любым элементом, занимающим эту позицию. Сутью

исполнения правил является преобразование предметного содержания, а результатом становится понимание предмета, участвующее в последующем понимании. Дискурсивный процесс оказывается бесконечным движением, «вечным возвращением», коммуникативным по форме отношений и предметным по их содержанию.

Не дискурсивный обмен предполагает иерархическую мультипликацию первоначальной геометрической фигуры, по граням (поверхностям) которой осуществляется преобразование предметного содержания. Т.е. здесь мы имеем дело с множеством отчасти самостоятельных уровней: элементов, позиций, символов (идей, концептов, понятий, в которых мы формулируем предметное содержание). Для такой системы характерно многократное дублирование и параллелизм правил, отношений: субъект – позиция; субъект – объект; субъект – символ. Обмен, т.е. преобразование содержания, осуществляется внутри сложной и статичной структуры, для которой характерны два акта действия: во-первых, передача его на нужный уровень, а во-вторых, его реализация (исполнение правила). Так же для этой системы характерна вторичная трансформация правил в качестве информации, «переводимой» с языка одного уровня структуры на язык другого. Результатом такого обмена оказывается символическое знание предмета, выходящее за пределы процесса познания, требующее последующей интерпретации в другом (дискурсивном) процессе.

Различие двух этих способов познания выражается в их продуктах: процесс понимания завершается освоением человеком предметно-практического отношения к познанному содержанию, а дедуктивная теория объекта представляет знание в понятиях, которые человек запоминает и произносит. Понятие, как и слово, прежде всего способ сказать, продемонстрировать своё знание с помощью терминов, а затем уже применить к реальному миру. Понятийное знание носит нормативный, теоретический характер усвоения некоторых правил, тогда как дискурсивное понимание нацелено на прямую связь знания и его применения на практике [379].

Проблемой трансформации дискурса становится перевод дискурсивной системы обмена в не дискурсивную и обратно. Обе эти системы подобны двум логическим картинам мира, предложенным Л. Витгенштейном: не дискурсивная характерна для Логико-философского трактата, а дискурсивная – для языковых игр. Дискурс оказывается «точкой схождения» обеих концепций, общей основой, способной объединить случайность игры и закономерность фактов, событий, обуславливающих правила этой игры. Частной проблемой дискурса является переход одной дискурсивной системы в другую и условия, правила такого перехода.

В качестве причины и механизма трансформации дискурса стоит рассмотреть его свойство соединять единством условий развития ситуаций и правил формирования высказываний теории, альтернативные по своему предметному содержанию. М. Фуко рассматривает их как точки дифракции дискурса: несовместимости, эквивалентности и систематизации [3, с.147]. В связи с этим необходимо рассмотреть познавательный ресурс учёта альтернативных теорий. Теория, как правило, объясняет некоторый набор ситуаций, находясь в «облаке» критики со стороны другой теории того же дискурса и одновременно может служить образцом, формальной схемой или аналогией для другого дискурса. Дискурсу безразлично содержание теории: неявно, сам факт дискурса (как диалога, диспута) предполагает: опираться на знание возможной альтернативы и допускать возможность иного теоретического выбора. Такое знание как минимум, должно предотвратить обратный эффект и злоупотребление нашей теорией: хотя мы доказываем её истинность, мы допускаем возможность ошибки и отказываемся от права на владение истиной. Наша теория всего лишь должна быть в «истинном» её дискурса. А как максимум, теоретический дискурс должен давать начало многим теориям и служить базой их совершенствования. Теория, соединяясь с критикой, утрачивает яркость претензии на истину, но взамен получает «мудрость», дискурсивную легитимность.

Трансформация дискурса конкретной науки, которую можно наблюдать в пространстве интердискурса, предполагает параллельное соревнование двух

альтернативных теорий, моделей мира. Если каждая из теорий имеет границы применимости и область истинностных значений, две альтернативные теории одного дискурса могут иметь качественно более широкие границы, подобно тому, как два телескопа, поставленные в противоположных точках земного шара, в случае совместной работы образуют систему, работающую как один телескоп размером с планету. Они проходят одинаковые «испытания», отвечают на одни и те же вопросы и получают в результате разные интерпретации и оценки в «возможных мирах» вторичных моделей. Теории, выступая агентами дискурса, взаимодействуют опосредованно, применяя свой познавательный аппарат к одним и тем же внешним ситуациям, предлагая свои «рецепты» преобразования. Они соревнуются дважды: с самими собой (собственной устаревшей интерпретацией) – в объяснении мира и друг с другом: в полноте, «красоте», глубине объяснения, а также в верности распространенным идеям или «революционности» их ниспровержения. Это двойное соревнование может быть как полезным, так и порочным: актуальность теории должна быть связана с её предметным содержанием, а не идеологическим противостоянием другой теории. Примером этому может служить соревнование дарвинизма и креационизма, проанализированное М. Фуко, генетики и мичуринской биологии (Н. П. Дубинин), теорий, объясняющих причины глобального потепления, движения литосферных плит, экономических систем социализма и капитализма и т.д.

Один и тот же, интересующий нас набор признаков объекта в теории мы можем упорядочить множеством способов, привлекая к этому как реальные, так и виртуальные величины, используя формы логики и языка, т.е. структуры дискурса. Так, пять различных теорий квантовой физики в 1995 году стали отдельными решениями одной «М-теории» струн. Это говорит о том, что теория, как и высказывание языка, имеет только соотносительный объем с другими теориями. Теории, имеющие общую структуру и примененные к некоторому предметному содержанию, могут замещать друг друга, соединяться, соподчиняться, выступать частями одной теории и т.д. Следовательно, альтернативность теории может быть мнимой, а за сохраненными вариантами

может стоять теоретическая область (возможное знание), требующая понимания. Различные теории выступают способами интерпретации этой теоретической области, различаясь степенью общности своих положений, точностью результатов и т.д.

Пары связанных, взаимодействующих теорий рассматривают такие науки, как: «Кибернетика, базирующаяся на принципе обратной связи, или круговых причинных цепях, и вскрывающая механизмы целенаправленного и самоконтролируемого поведения. Теория информации, теория игр, теория решений, топология, факторный анализ, общая теория систем в узком смысле, пытающаяся вывести из общего определения понятия «система», как комплекса взаимодействующих компонентов, ряд понятий... и применяющая их к конкретным явлениям» [56, с.23]. Причем элементами информации являются не факты двух теорий, а связи, отношения между фактами. Эти связи становятся основой новой, информационной теории.

Если мы установим тип связи между двумя теориями, составляющими один дискурс, то рассмотрев одну из них, мы сможем предположить у другой аналогичные системные достоинства и недостатки. Дискурс, объединяя альтернативные теории, обнаруживает четыре типа ситуаций:

- 1 те, где обе теории работают хорошо;
- 2 те, где работает первая, но не вторая;
- 3 те, где работает вторая, но не первая;
- 4 те, где перестают работать обе теории.

В первом случае различие между теориями несущественно. Во втором и третьем мы обнаруживаем плюрализм: вторая теория не может быть объявлена ложной и просто отвергнута, так как она указывает на явления, необъяснимые первой теорией. К примеру, неочевидность основных законов генетики в применении к отдельному организму. Либо вторая теория объясняет некоторые другие явления, относящиеся к той же предметной области (волновая и корпускулярная теории света; генотип и его реализация в фенотипе). Соединение обеих теорий в дискурсе позволяет творчески развить проблемную ситуацию, а не

«решить вопрос» методом исключения: к примеру, две теории могут соединиться в одну принципом дополнительности; одна из них получит богатые интерпретации и даст начало двум другим соревнующимся моделям, а другая, «проигравшая» получит конечную интерпретацию и область применения. В четвертом случае не только теории, но и поддерживающий их дискурс попадает в тупик – парадокс: он не может сформулировать с помощью критики другую альтернативную теорию, т.к. альтернативы уже исчерпаны и он не может объяснить ситуацию, которую он призван объяснить. Такой дискурс только умножает копии – имитации исчерпавших себя теорий. Для выхода из этих ситуаций нужно пересмотреть фактическую и логическую основу дискурса и сформулировать новый дискурс, способный обнаружить теоретический путь к решению назревшей проблемы.

В психологии идею учета альтернативных теорий развивал Джордж Келли. Он считал, что Вселенную нельзя рассматривать с точки зрения универсалий или абсолютов. Идея Келли состояла в том, что учёные, как и другие люди, активно конструируют интерпретации мира. Она резко контрастирует с конвенциональной идеей, что учёные каким-либо образом «открывают» или «раскрывают» кусочки абсолютной истины, которые ожидают их, как если бы мир был «заброшенным памятником». Подход, согласно которому познать абсолютную истину Вселенной можно, механически собрав все такие кусочки, Келли описал как «аккумулятивный фрагментализм» [157], и рассматривал его в качестве предпосылки, антагонистической его собственному конструктивному альтернативизму.

В философии Нового времени, у Декарта дуализм субъекта и объекта породил дуализм последующих теорий объекта: кантовский априоризм и самодостаточность вещей самих-по-себе, самозаконность вещей с одной стороны, и гегелевскую подчиненность вещи абсолютной идее, познание их через диалектику понятий – с другой. Критерием этого разделение было максимальное сохранение контекста вещей у Канта и принципиальное ограничение этого контекста у Гегеля. Субъект становился надмирным наблюдателем у Канта и

принципом ограничения, целесообразности вещи у Гегеля. Разум, как свойство субъекта, выступал (объективным) законом у Канта и конструктором, преобразователем реальности у Гегеля. Эти концепции породили два способа мышления и, во многом, оказались несовместимы. Но ясно, что объект – это агент субъекта и субъект наделяет его либо активностью, либо объективной данностью. Один и тот же субъект («единственный») стоит и за кантовским априоризмом, и за гегелевской диалектикой. У Канта он ограничивает себя, давая свободу вещам, у Гегеля, ограничивает вещи, забирая свободу себе. Отвечая на внешние вызовы, этот субъект будет действовать по обстоятельствам, видя перед собой только закон вещей, который он же и открыл. Делая субъекта противоречивым, модифицируя его или онтологизируя результаты его деятельности (структуры рассуждений) нельзя выйти из проблемы этого дискурса. Новый дискурс должен строиться вокруг другой проблемы и вне субъектно-объектной проблематики.

В области социально-политических учений известную альтернативу представляли мыслители правых и левых взглядов: Ф. Ницше, Б. Кроче – справа; Ж-Ж. Руссо, К. Маркс, П. Кропоткин, Бакунин – слева [168]. Общей основой для обоих течений были: социальная критика христианства, критика буржуазной морали, существующего государства, требование преобразований. А различиями служили: отношение к человеку и обществу в их взаимодействии друг с другом. Подобную ситуацию альтернатив представляли социально-политические учения славянофилов и западников 19-го века в России и их аналоги в Турции, Японии и ряде других стран в период их политической трансформации.

Таким образом, дискурсивная трансформация является средством трансформации предметного содержания путем изменения дискурсивной ситуации. Дискурс при этом может изменяться разнонаправлено: вырождаться в не дискурсивные системы знания или создавать «понимающие» системы бесконечной интерпретации предметного содержания. При этом «понимание» можно рассматривать как приобретение компетенции, предметно-практическое освоение содержания, т.е. прямой, не опосредованный дополнительными символическими системами путь образования.

Рассмотрим результаты трансформации высказываний и дискурса. Если существует прямая связь, на которую указывает Фуко и другие исследователи дискурса, между условиями формирования и правилами действий в дискурсе, то в ходе трансформации данного дискурса, вызванного внешним воздействием другого, мы никак не затрагиваем условий формирования первого дискурса. Полученный таким образом новый, производный дискурс оказывается в конфликте с условиями (распространенными практиками различных сфер деятельности), которые сформировали его предшественника. Дискурс, оказавшись во враждебных условиях, будет вынужден начать вторичную войну с этими условиями и может выйти из неё победителем или погибнуть. В первом случае дискурс сформирует новые практики, которые будут его поддерживать. Во втором, погибающий дискурс может изменить, отчасти существующие практики и исчезнуть. В этом случае практики сформируют третий по счету, «кризисный» дискурс, нацеленный не столько на преобразование предметного содержания (как все «нормальные» дискурсы), сколько на самосохранение и сохранение имеющихся практик.

Отношения между практиками, формирующими дискурс, и самим дискурсом характеризуются (глобально) как динамическое равновесие. Это в некотором смысле производственно-практический «базис» и социально-мировоззренческая «надстройка». Они взаимно обуславливают существование друг друга и каждый из них способен принципиально изменить другого. Дискурс и условия его возможности (практики) являются двумя сторонами единой социально-практической и познавательной деятельности. Их различие не составляет различия сознания и бытия, скорее единство человеческого бытия состоит из сознания и практики, взаимно обуславливающих друг друга. При этом дискурс и практики обладают значительной самодостаточностью и способны к самостоятельному развитию, изменяющему, в конце концов, друг друга, приводя единую систему в новое равновесие. Самостоятельность дискурса и практик обусловлена тем, что в их основе лежат два базовых отношения между людьми: деятельностно-практическое и сознательно-рефлексивное. Благодаря первому

отношению человек трудится, а благодаря второму осознает и корректирует свою деятельность, подчиняется социальным нормам. Между ними нет первенства, но есть взаимность понимания или непонимания, осуществляющаяся благодаря правилам деятельности, формулируемым дискурсом на основе успешного опыта и распространяемого на все практики. Т.е. конечной практической направленности всех правил. Так, практика организации сельскохозяйственного производства в России 19 века была принципиально изменена аграрной реформой, что сказалось не только на способе управления, но и на экономической эффективности, социальных отношениях и т.д.

Можно выделить несколько уровней существования правил: на нижнем, предметно-практическом уровне правила – это техники и технические инструкции, отвечающие на вопрос: как делать нечто? На высшем, социальном уровне правила существуют как социальные смыслы, отвечающие на вопрос: зачем это делать? Зачем существует та или иная практика? Это рефлексивные правила, обосновывающие само существование практик. Между ними существуют собственно дискурсивные правила: приоритеты деятельности, правила актуальности, отвечающие на вопрос: почему нечто нужно делать так, а не иначе? Они, в силу своего промежуточного характера чаще модифицируются, видоизменяются, отвечая актуальным потребностям, как мировоззрения, так и развивающейся практики. Знание, как продукт теоретической деятельности (и соответствующей практики) подвергается действию многих правил, как срединных, дискурсивных (таких, как профессиональная этика) так и внешних, не дискурсивных. Знание, обнаруживаемое вне всяких внешних правил и традиций, представлял Э. Гуссерль. Но его метод редукции и интуиции представляет определенную технику получения знаний, т.е. когнитивную практику.

В целом, любое утверждение декларативного характера может в определенных условиях быть интерпретировано, как правило деятельности и применено на практике. В этом смысле все утверждения являются правилами, потенциальными или актуальными. Теоретические следствия из этих утверждений, а также выводы из их применения в практике также являются

правилами, руководствуясь которыми люди корректируют как теорию, так и практику. На эту особенность следствий – быть критериями истинности теорий указывали прагматисты: Ч. Пирс, Дьюи. Понимая дискурс как историчную систему правил, действующих в обществе и определяющих понимание мира и целей деятельности в нем каждым членом этого общества, можно поставить ряд вопросов, открывающих проблематику дискурсивной философии. Изучая конкретные дискурсы, мы должны сделать явным, эксплицитным историчный характер определения основных социальных понятий и, возможно, представить их конкретное содержание в дискурсивной, а не дедуктивно-логической форме. Это означает: показ ограничений, накладываемых системой дискурса на каждое из понятий, входящих в его систему; описание роли отдельных понятий (ценностей и сверх-ценностей) в дискурсивной системе; влияние на эту систему новых понятий и концепций, внедряемых в дискурс внешними усилиями и т.д.

В качестве примера рассмотрим понятие отчуждения в его трактовках дедуктивными теориями и дискурсивной практикой. Г. Гегель понимал отчуждение как отделение сущности человека от его явления. Это отделение необходимый этап развития сущности и последующего соединения её с явлением, синтеза, преодолевающего отчуждение в процессе саморазвития человека. В дзэн буддизме отчуждение сущности человека от его явления необходимо для освобождения человека от (моральных) страданий в материальном мире и предполагает последующий синтез «просветленного» человека, освобожденного от этих страданий. У К. Маркса отчуждение означает объективацию человеческих качеств, способностей социальными институтами с превращением человека как явления в товар, игнорируя его человеческую сущность. Преодоление отчуждения рассматривается Марксом как проблема «присвоения» отчужденных благ и декларируется цель «освобождения трудящихся». Во всех этих теориях понятие отчуждения обосновывается в качестве проблемы, а теория представляет схему действий, систему правил направленных на решение проблемы, как реализацию теоретически решенной задачи. Похожий характер «проблематизации» отношения философских категорий между собой составляет соотношение

сознания и бытия в диалектическом материализме. Бытие, определяющее сознание, играло служебную роль иллюстративного примера, отличающего идеалистическое решение «основного вопроса философии» от материалистического.

Теория представляет интерпретацию некоторых предметно-практических отношений в качестве модели системы формальных и неформальных правил, регулирующих эти отношения с последующей оценкой характера этих отношений и формулировкой практических рекомендаций. Дискурсивный подход не предполагает проблематизацию каких-либо реальных, практических отношений между людьми, поскольку эти отношения поддерживаются многоуровневой системой правил, призванной регулировать, совершенствовать, «очеловечивать» эти отношения. Баланс практик и правил может поддерживаться как появлением новых правил, так и появлением новых практик. Мы не можем утверждать начальное или конечное состояние человека и общества и предписывать им это в качестве цели. Мы можем говорить о непрерывном совершенствовании норм и практик, ссылаясь на практическое правило выбора лучшего из возможного (насколько это известно) и поддержании глобального баланса практически-дискурсивного целого.

Дискурс, кроме того, выступает метатеорией конкретных наук, содержание которых формируется его методами и «коллективным рассудком» людей – носителей правил [204], мировоззренческой схемы этого дискурса. Дискурсы и практики ещё не рассматривались целостно, в качестве философской концепции. По-видимому, это предстоит сделать в ближайшем будущем. Одним из методов дискурса является проблематизация. Проблематизация некоторого явления в дискурсе означает выделение его в качестве актуального и проблемного, требующего вмешательства и изменения его роли для определенной сферы жизни. Она производится на основе утверждения результатов некоторого опыта, в качестве нормы (идеала) для этой сферы с последующей попыткой «исправления» других опытов под имеющийся идеал. Причем способ «исправления» становится, частью практики и такой же нормой, как и сам идеал.

Проблематизация выглядит как создание теорией некоторой искусственной проблемы и фиксация этой проблемы понятием. Особенностью любой «истории идей» является «драма» идей, которые вместо конечной реальности обнаруживают собственную конечность, познавательную и практическую ограниченность. Такую историю проходят философские понятия: «субстанция», «отчуждение», «субъект», «объект», подобную истории научных понятий: «эфир», «теплород» и ряда других. Фуко указывал на это, но сам не всегда мог преодолеть инерцию традиционных «логики» и «истории». Для глубокого и всестороннего исследования дискурсивных явлений оказывается недостаточно любого, узкоспециализированного метода, а требуется некий ансамбль методов, дополняющих друг друга. Так В.С. Библер обнаруживал единство философского дискурса, называя его «логикой культуры» или философской логикой: «Философская мысль всегда обладает склонностью легко вырождаться в какие-то иные формы духовной деятельности – в метафизические и религиозные Кредо, в этические Кодексы, в собственно художественные Интуиции. Обычно только средоточие философских произведений носит действительно философский характер» [58, с.15]. Дискурсивный подход максимально размывает различие физической и духовной, интеллектуальной деятельности, изучая не формы существования идей, а различия между ними и причины этих различий, т.е. высказывания/действия людей, отношения между ними в процессе деятельности и т.д.

Говорить о логике здесь можно только в метафорическом смысле: логика не более чем одно из средств, трансформации дискурса. Фуко и другие философы постмодерна боролись против логоцентризма классической философии, утверждая практический, опытный характер философии, как в прочем, и любой другой науки. Любая закономерность науки имеет происхождением опыт, реальный или мысленный, а теория обобщает ряд опытов, утверждая закономерный, т.е. подобный характер их результатов, полученных при тех же условиях. «Разум познающий, писал Библер, - лишь один из голосов в полифонии человеческого разума, я осмысливаю момент перехода, «трансдукции»

познающего разума в разум диалогический и тем самым осмысливаю замыкание познающего разума «на себя», оформление этого разума, как действительно самостоятельного и неповторимого Собеседника в диалоге культур» [там же, с.18]. Многообразие человеческой рациональности должно быть осмыслено путем диалога между видами и классами этой рациональности. Стихийные эволюционные процессы в области познания мира в этом случае приобретут осознанность и направленность.

Проблематизация некоторого явления в дискурсе означает выделение его в качестве актуального и проблемного, требующего вмешательства и изменения его роли для определенной сферы жизни. Она способствует пониманию чужой рациональности и трансдискурсивному, осознанному формированию своей.

ГЛАВА III. Следствия дискурсивных трансформаций: изменения форм знания в процессе познания

3.1 Понятия и категории как результат де-дискурсивизации знания

Здесь необходимо отделить дискурсивный процесс познания, рассмотренный выше от предметно-практического познания, характерного как для частных наук, так и для науки в целом. Дискурсивное знание отвечает на вопрос: что следует из определённого отношения к явлению, факту, миру в целом? Для него характерно единство субъекта и объекта, метода и цели, как и достижение поставленной цели, характерным методом. Предметно-понятийное знание отвечает на вопросы: как устроен предмет? Как он действует? Каково его влияние на другие предметы? Для него характерно единство предмета и метода и разрыв дискурсивных единств. Понятийное, конкретно-научное знание предметноцентрично. Если в дискурсе частное подчинено общему (цели), то здесь, напротив, общее подчинено частному.

Предметное знание представляет мир в обратной перспективе: не мы смотрим на предметы познания, а предметы «смотрят» на нас, требуют от нас, чтобы мы рассматривали их определённым образом, под определённым «углом». Но, как мы установили выше, предмет всего лишь часть объекта [105], промежуточный результат рефлексии, определённого отношения к явлению, т.е. дискурса. Концентрируя познание на предметах, мы делаем его вторичным, мы собираем, коллекционируем предметы разных дискурсов, игнорируя сами дискурсы и причины, вызвавшие «к жизни» эти предметы [315]. В парадигме предметного знания мы не можем построить свой дискурс, поскольку он будет изначально «беспредметен», а познавая предмет, строя теорию, мы вынуждены выводить следствия из чужих, дискурсивных следствий. Может существовать сколько угодно предметов – интеллектуальных конструкций, поскольку столь же

разнообразно может быть отношение субъекта к явлениям и миру в целом. Но в предметном знании мы вынужденно ограничиваем себя известным числом предметов, а межпредметное знание [332], строится с большим трудом. Предметное знание, доказывая свою истинность, вынуждено абстрагироваться от субъекта и обращаться непосредственно к вещам материального мира, ища себе оправдания в «объективности».

Можно представить, что многообразие мира явлений и плюрализм дискурсивных теорий его описания существенно затрудняли кумулятивную работу ученых, а их разрозненные произведения ставили под сомнение ценность и общезначимость результатов научного труда. Эклектичная, по сути, «единая наука» была востребована политическим дискурсом и служила той же дисциплинарной цели, что и единый язык, образование, религия, военный парад. Концентрации и систематизации разрозненного знания служил единый инструментарий: логика и, прежде всего, учение о понятии [105]. А для систематизации уже определённых понятий была необходима «точка отсчёта», метапонятие, к содержанию которого, как к цели могли стремиться все остальные понятия, а достигнув определенной ясности в описании явлений, сверять свое содержание с ним, как с образцом. Эта «точка отсчёта» сверх-предметна для конкретной науки: к примеру, смысл истории помещается вне исторического времени. Обоснованию поиска этого метапонятия служила метатеория науки, роль которой выполняла философия познания.

Дискурс европейской философии, опираясь на рефлексию, на каждом этапе последовательных трансформаций производил характерными для этих этапов способами новые понятия или менял значения привычных понятий идеи, материи, сущности, собственности, права, государства, свободы, нравственности [54]. Точнее, это были разные дискурсы, последовательно интерпретировавшие понятия своих предшественников, делая их своими. Так, противоречие порядка и произвола, единства и множества в дискурсе античности трансформируется в противоречие идей и вещей, делающее первое противоречие относительным и разрешается созданием формальной логики, «снимающей» это противоречие,

вводя формально-логический инструментарий. Некоторые локальные дискурсы, в своей попытке разрешить внутреннее противоречие индуцируют возникновение других локальных, продолжающих их работу другими средствами, в другой, трансформированной ситуации, создавая сквозной дискурс. Классическими примерами таких дискурсов, развивавшихся на протяжении XX-го века, являются марксизм и фрейдизм. Сквозными интеллектуальными дискурсами могут быть концепты, осмысленные в ряде научных и художественных произведений: война-догма, свобода-власть, любовь-желание, благо-знание.

А с помощью понятий строились и трансформировались онтологии: от объективного идеализма Платона к субъективному идеализму Канта, диалектике понятий Гегеля, материалистической диалектике Фейербаха и Маркса, далее к неклассическим концепциям Шопенгауэра, Ницше и постнеклассическим Фуко, Лиотара, Дерриды, выходящие за рамки конкретных дискурсов. Актуальность сквозного транс-дискурса постепенно смещалась от объективации и фиксирования идеалов в понятиях, к выражению в этих понятиях субъектности знания, его процессуальности, от абстрактности – к конкретности, от теоретизма – к эмпиризму и т.д. Аналогичную динамику мы наблюдали выше в последовательной смене ведущих макролокуций дискурса в его трансформациях от эпистемы Возрождения к классике Нового времени.

Первые философы Древней Греции создавали теории о первоначале всех вещей, искали метафору, адекватную существенным свойствам всеобщего, всех вещей сразу. Концепции Парменида и Демокрита решали эту проблему с противоположных позиций: бытия и атомов. Бытие утверждалось как единое во многом. Атомы, напротив, элементарное множество, составляющее все остальные множества, многое во многом, элиминирующее единство. Следуя Демокриту, за каждым «единством» можно было признать только формальную, идеальную операцию преобразования одного множества в другое и т.д. до бесконечности. Это разные решения, вытекающие из разного отношения к миру: плюралистического у Демокрита и монистического, тотализирующего у Парменида. Они опирались на один и тот же уровень знаний, методов и

теоретических представлений о мире, но приходили к разным итогам. Современная физика предпочла бы второе решение, а логика – первое. Но в то время это были равновозможные решения.

Долгое время в качестве метапонятия философии рассматривалось победившее в дискурсе Античности понятие бытия, затем его сменило понятие свойства. Природу свойства Платон полагал всеобщей, принадлежащей миру в целом. Тогда как Аристотель рассматривал свойство как принадлежность вещи, её «прилагательное». Созданием категорий общего, особенного и единичного с их логическими отношениями, Аристотель завершил дискурс единства в многообразии, основанный на постулировании единства как отношения к миру Парменидом.

В философии Нового времени проблема соотношения вещи и свойства была одной из основных. Свойства приобрели статус исходной предметной формы бытия, неких «истинных материй», лежащих в основе всех других реальностей. Философы-материалисты этой эпохи часто выступали против признания существования иных, чем свойства, начал. Ф. Бэкон критиковал прежних философов за то, что они «направляют усилия на исследование начал вещей и последних оснований природы», за сведение природы к «потенциальной, бесформенной материи» [70, с.32]. Даже идея атома представлялась ему недостаточно плодотворной. Согласно Гоббсу, «первая материя есть лишь имя, имеющее полезное употребление, а именно обозначающее представление тела независимо от любой его формы и любых акциденций» [102, с.24]. Гольбах, осознавая ограниченность понимания материи как первоначала вещей, писал: «Найти присущий материи принцип действия и начала вещей – это значит лишь отодвигать трудность и абсолютно отказаться от исследования ее нашими чувствами» [104, с.76]. В это время философами рассматривались вопросы: тождественно ли изучение свойств познанию вещей? Может ли существовать вещь в себе, полностью свободная от всяких определений и свойств? Что более существенно – вещь или свойство? Ответами на них были: теория первичных и

вторичных качеств, её критика Беркли, где отдав предпочтение свойствам, Беркли свел вещи к свойствам.

Таким образом, целью понятийного дискурса стал поиск свойств, качеств материальных вещей а понятие свойства стало рассматриваться как метапонятие. Позднее, Гегель, рассматривая в «Науке логики» диалектику понятий вещи и свойства, показал, что поскольку свойства служат средством взаимоотношений вещей, то их можно представлять в виде некоей находящейся между вещами непрерывной среды, в которую они как бы погружены и растворены. В связи с этим обычное отношение между вещью и свойством может быть перевернуто: «свойство – это то, что составляет устойчивость вещи, оно самостоятельная материя» [93, с.16]. Хотя, надо заметить, что аналогичная мысль, о «материи идей» была уже у Платона. Вещь же образуется из суммы свойств, т.е. разного рода материй. Гегель утверждал, что упомянутое перевертывание было характерно для науки XVIII в., когда такие свойства, как тепло, свет, электричество, магнетизм, приобрели статус отдельных материй – теплорода, светорода, электрической и магнитной материй. При этом он отмечал, что все эти виды материи ученые, тем не менее, остерегались называть вещами. Гегель пишет: «Необходимость переходить от свойств к материям или признать, что свойства – поистине материи, следовала из того, что они существенное и тем самым истинно самостоятельное в вещах» [там же, с.64]. Понятие «свойство» играло существенно другую роль в дискурсе Нового времени, чем в дискурсе Античности: из «особенного» в вещах оно стало «самостоятельным» в вещах, фактически их сущностью.

Это ещё одно важное отличие дискурсивного и понятийного знания: в разных дискурсах значение одних и тех же понятий может быть одним и тем же, тогда как их смысл, роль в системе дискурса будет различной. В претендующем на универсальность предметно-понятийном знании понятия должны означать одно и тоже всегда.

Когда же это понятие обнаружило собственную не универсальность, потребовался «коперниканский переворот» И. Канта, чтобы найти новое

всеобщее, универсальное понятие – вещь сама по себе. Вещь в себе рассматривалась им в качестве исходного начала, которому было противопоставлено все многообразие свойств. Позднее и вещь в себе была подвергнута критике Фихте, Шеллингом и Гегелем, каждый из которых стремился сформулировать свое универсальное понятие: «Я», «Природа», «Абсолютная идея». Но объяснить мир в понятиях, недостаточно для того, чтобы сделать его «своим». Необходимо показать причины, вызвавшие «к жизни» эти понятия.

Можно провести параллель между пониманием свойств вещей и пониманием свойств знаков: знак – носитель смысла, иногда – закрепленного традицией именно за этим знаком, а иногда произвольного, данного ему говорящим. Так же и вещь – носитель свойств, иногда природных, первичных, а иногда культурных, сверх-природных, полученных данной вещью от человека. Сущностью предметного значения, «наивного понятия о предмете» [162, с.23] является мотив, эмоция, потребность зафиксировать в знаке важное для субъекта свойство предмета или отношение к нему. Грамматика языка и логика предоставляют человеку набор способов «сказать», то есть указать другому человеку на данный предмет таким образом, чтобы вызвать у него те же эмоции, чувства, что испытал по поводу данного предмета говорящий. Вызвать когеренцию чувств другого человека. То есть конструкции, окружающие лексему, способы ее подачи собеседнику есть одновременно путь к верному пониманию предмета как говорящим, так и слушающим.

Внешние, «формальные» механизмы передачи значения часто создают уникальную комбинацию из типовых элементов «генетический код значения», который лексема только именуется, закрепляя его в памяти. Один предмет может отличаться от другого только одним свойством, степенью проявления свойства, сочетанием свойств и т.п. нюансами. А имя – слово именуется этот предмет как самостоятельный, уникальный. В сильной семантике понятие «смысл предмета» - широкое понимание знака субъектом», [там же, с.23], может быть определено как «значение значения», значение моего мотива, эмоции для окружающих, как

контекст значения предмета. Это значение можно назвать социальной актуальностью, к формированию которой приводят внешние события и социальные потребности, вызванные этими событиями. В Античности актуальность поиска всеобщего первоначала поддерживалась возникновением больших государств и необходимостью, в связи с этим, объединения греческих полисов. В Средние века актуальным стал идейный контроль за лично свободным человеком и централизация власти, в Новое время в управлении силами природы и машинном освоении мира.

Параллельно с содержательной работой по формированию метапонятия и метатеории познания должна была развиваться формально-методическая работа, «шлифовавшая» средства аргументации, приемы рассуждения, доказательства. Дискурс Платона и Аристотеля, в связи с утверждением теоретических понятий как главных средств познания мира, требовал развития абстрактного мышления, в то время необходимого, прежде всего, математикам. «Не геометр да не войдет» гласила надпись над входом в платоновскую Академию. Содержанием дискурса было представление о мире как многоэтажном здании, где один этаж – мир явлений – доступен чувственному познанию, а другой – мир сущностей – теоретическому (понятийному). Чтобы видеть невидимое – понятия, требовался метод их определения, а следовательно, люди, владеющие этим методом. Далее, для применения понятий на практике были необходимы учителя, разъяснявшие смысл понятий и обучавшие им учеников и ученики – пользователи, которыми могли стать свободные граждане полиса. В результате миф-дискурс структурировал общество в соответствии с потребностью познания. Наиболее явно и непротиворечиво платонический дискурс был сформулирован Плотинем и другими неоплатониками. Развитие его как средства познания приводило не только к формулировке новых понятий, но и «открытию» новых, промежуточных «этажей» реальности, опосредующих отношения вещей и идей.

Абстрактное мышление, ставшее традицией в поздней античности, перевернуло сознание человека: теперь уже не физическая реальность, а знак стал восприниматься как наиболее важное, актуальное бытие. Утвердилась мысль о

тождестве мышления и бытия, и, следующая из неё – о возможности познать бытие через мышление. На смену Космоса пришёл Логос, а «атомарную» онтологию вещей и идей сменила онтология понятий. Конструкция (структура) мира в представлении о нем человека, реализовалась в структуре значений слов так, будь-то вещь, играет в жизни человека ту роль, какую ее имя играет в его мировоззрении. Семиотика могла бы стать всеобщей преднаукой, но она слишком явно указывала как на источник на ту самую реальность, первичность которой должна была скрыть семантика. Знак как форма мысли – посредник между миром человеческого сознания и материальным миром стал самостоятельным и первичным для человека. В мире знаков «существовать – значит быть воспринимаемым в качестве знака», и человек начинает воспринимать внешнюю, объективную реальность только с помощью знаков, созданных им самим. Наибольшее существование – это восприятие наибольшим количеством людей (пример – популярность в СМИ, Интернет).

Вещь «сама по себе» ничего «не значит», не имеет значения, следовательно, носителем субъектного, человеческого значения выступает только ментальный знак. Значение, смысл, цель деятельности человека востребуют знаки. А мир как знак есть овеществленная значением мысль. Значение, обладающее формальными признаками знака «значение есть знак, более широкий по объему...» как писал Р. Якобсон, может быть поставлено в протограмматическую форму образа предмета, идеи, отношения, действия, математического символа... и т.д., которые вступают в отношения друг с другом, создавая высказывания о мире. Языковой факт, став онтологическим фактом, соответствует элементарной мысли о мире, выраженной языком. По мере роста объема информации и сложности ее структуры (новых, умопостигаемых значений) она свертывается в новые языковые знаки, что приводит к росту семантической сети и последовательному усложнению каждого нового типа знака. В семантическом мире, ставшем первичной реальностью, человек – субъект становится универсальным интерпретатором, чтецом знаков, чья свобода всегда ограничена законами знаков его языка.

Для семантики не важен метод интерпретации знака: их может быть много, важно, чтобы заданный заранее, предполагаемый смысл был найден в результате искусного сложения слов, важно «кто говорит?». Тогда как для практики важен именно метод, как определённое отношение теории и практики, во многом детерминирующее эту практику: будем ли мы искать «справедливость» и «благородство» вообще или ограничимся их соответствием для каждой из социальных ролей. Семантика превращается в бесконечную аналитику знаков [374]. Тогда как практика имеет ввиду конкретный результат. Человек семантический считает смысл первичным и переносит его на вторичную (по его мнению), предметную деятельность: познание, труд, социальные отношения. При этом, как писал М. Мамардашвили: «Мы не имеем никаких понятий, которые позволяли бы нам фиксировать именно реальность познавательных содержаний, отличную от самих этих содержаний, которую мы, чисто менталистским образом понимая, понимаем, находясь внутри них...» [203, с.21]. Надеясь наши знаки устойчивой «формой», мы лишаем их условности, т.е. лишаем себя свободы употребления этих знаков. Знак и без того «нагружен» значением, смыслом и, если мы прибавим к этому «багажу» еще некое формальное содержание, не затрудним ли мы, не запутаем ли окончательно наше понимание знаков? Достоинство знака вообще состоит в том, что он не имеет какого-либо «природного» содержания. Идя путем противоречивости многозначного знака, мы потеряли бы те устойчивые смыслы слов, которые у нас есть. То есть наши слова потеряли бы эмпирическое содержание.

Следует вести речь о методе конструирования новых знаков, понятий для специфических областей или даже конкретной личности. Такой метод может обладать самостоятельной формой, собственно говоря, в него и отливается «форма мысли», т.е. познавательное содержание. Результатом применения этого метода станет термин, обладающий прямым значением и более широким смыслом. Значение возьмет на себя эмпирическое содержание, а смысл – функцию управления, использования этого содержания. То есть, если мы хотим создать универсальный «ключ для всех замков» – универсальное понятие, которое

являлось бы и конкретным и абстрактным одновременно, нам не следует этого делать. Поскольку для достижения той же цели достаточно создать еще один конкретный метод «производства любых ключей», производства терминов по заданным к ним требованиям. Задача, поставленная М. Мамардашвили, состоит в том, чтобы «рассмотреть сами понятия как предмет эмпирии для какой-то возможной теории» [там же, с.17]. Созданием дискурсивного метода открывается перспектива решения этой задачи.

Категоризация мира Аристотелем проходит путем именованя реальных явлений большого масштаба (родов бытия), что сближает его позицию с последующим реализмом Средневековья. Одновременно он проводит линию формализации отношений этих категорий, давая основание для последующей номиналистической теории общих понятий. Аристотель, выделяя категории субстанции, количества, качества, места, времени, стремился учесть каждую из них в изолированном употреблении, а не в составе синтагмы (высказывания). По Канту, обращаясь к категориям, «мысль совершает переход в ту сферу, которая непосредственно опытом не обусловлена» [152, с.108]. При этом многие философские категории, как писал Э. Бенвенист [48, с.114], имеют языковую (грамматическую) природу. В этом случае категория «субстанция» по своей различающей способности оказывается эквивалентна «имени существительному», количество и качество – прилагательному и т.д. Все категории имеют лингвистическую природу. Они «оказываются сущностями языка, а не мысли» [там же, с.112], так как «язык благодаря своим категориям позволяет распознать и определить свойства вещей». В свою очередь, грамматические категории не только служат операторами лексики но и являются результатом устойчивого употребления слов для определенной цели. При этом категории, кроме функции оператора, выступают определенным содержательным фильтром, отбирающим и классифицирующим информацию о мире из общего потока данных. Мышление оказывается «в плену» языка, а точнее – дискурса, каковой вывод и был сделан в процессе «лингвистического поворота» в философии.

Аристотелем категории определялись, так: «Сущность... та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, - и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду "человек", а род для этого вида - "живое существо".... Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого» [20, с.55]. Вопрос взаимоотношения понятий имеет еще один важный аспект. Согласно концепции Аристотеля, взаимоотношения идей, противоположностей напрямую невозможны, т.к. противоположные понятия «взаимно уничтожат друг друга». То есть, следует признать, что отношения присущи только материальным вещам, а понятия, абстрагированные из них, в действительности не могут взаимодействовать. Они только соотносятся между собой формально, в человеческом уме.

Аристотель попадает в противоречие между языковой и реалистической онтологиями, не пытаясь гармонизировать их или построить третью: с одной стороны, он признает только единичное субстанциональным, а общее существующим в нем, а с другой стороны, учит, что понятийное познание имеет своим предметом общее и что определение понятия дает знание сущности; так что с первой точки зрения единичное есть собственный предмет познания, тогда как со второй — не единичное как таковое, а, скорее, общее есть предмет науки. Это противоречие Аристотель пытается разрешить путем различения двух значений категории субстанции: первой субстанции (единичные вещи) и второй субстанции (общей сущности). Единичные вещи, по Аристотелю, представляют собой единство формы и материи, но в этом единстве примат принадлежит форме. Форма, есть сущность единичных вещей, их понятие, точнее, онтологический аспект понятия. Познать сущность мы можем лишь на основе чувственного опыта, но обобщают его данные только понятия. Здесь Аристотель выходит за пределы одной проблемы, задавшей его дискурс: единство идеи и вещи и

надстраивает над ней другую: единство идеи и слова, понятия. Первый дискурс ведет его к построению онтологии, а второй – формальной логики.

Позднее Николай Кузанский в идее всеединства сближал разные понятия между собой в бесконечности. А Томас Гоббс делал попытку создать содержательную математическую логику: он считает возможным сложение и вычитание понятий. К примеру, сложение двух четырехугольников дает квадрат. Если мы знаем, что данный объект характеризует наличие определенных признаков, то теория этого объекта должна включать в себя понятия всех этих признаков в определенной взаимосвязи между ними. Если одно из этих понятий будет отсутствовать или иметь ненадлежащую связь с другими, мы получим неистинную теорию.

По Канту, познание опирается на созерцания и понятия. И те, и другие бывают эмпирические и чистые. Чистыми созерцания и понятия бывают тогда, когда к ним "не примешиваются ощущения". Но когда созерцаю, мы не ощущаем, как мы можем убедиться в том, что созерцаем нечто реальное, а не просто фантазируем, вспоминаем, анализируем? Кант отвечает на этот аргумент, говоря, что чистые понятия представляют собой "только форму мышления о предмете вообще" и являются "априорными", то есть не зависят от опыта и предшествуют ему. Более того, "должна существовать логика, отвлекающаяся не от всякого содержания познания". Призванная «Исследовать происхождение наших знаний о предметах, если только оно не может быть приписано предметам» [152, с.109]. Решением Канта этой проблемы, как известно, стала «наука о чистом рассудке». Ее непосредственным предметом являются априорные чистые рассудочные понятия, которые Кант и называет категориями. Но история философии, как и история науки, показали, что категории, являясь чисто рассудочными, при этом не всеобщие, а скорее случайны, субъективны и подвержены влиянию традиции. Они, как заметил Кант, создаются силой воображения, но не трансцендентального субъекта, раз и навсегда, а едва ли, не каждого конкретного субъекта, каждый раз – заново. Гегель истолковал трансцендентальную логику совершенно иначе, превратив ее в диалектику, а понятия соединил так, что необходимость в

определении категорий сошла на нет. Исследования Канта и Гегеля представляют альтернативу, входят в конфликт друг с другом в традиционной философии – «истории идей». В философии дискурса они представляют разные методы решения одной проблемы, имеющие общий (Аристотелевский) концептуальный исток, но руководствующиеся разными стратегиями, понятиями, предметами и приходящие к разным результатам.

Понятие, ясное и отчетливое, непротиворечивое, имеющее определенный смысл не всегда является целью мышления. Диалектика Гегеля была задумана как «теория саморазвития понятия», в ней все понятия должны быть связаны между собой не только в рамках конкретной теории, но и в пределах человеческого разума вообще. Если бы мы вообразили такое понятийное поле, мы бы заметили, к примеру, что содержательным синтезом желтого и синего должен стать зеленый, а таким же синтезом всех цветов видимого спектра – белый, в тоже время совокупность всех цветов мы называем «радуга», а их синтез «цветом вообще». С другой стороны, диалектика Гегеля, как и учение о категориях Аристотеля, испытывают определенное влияние грамматики языка. К примеру, категории, выражающие «синтез», грамматически указывают на активность, действие, связующее два тезиса: синтезом бытия и не бытия является становление, синтезом свободы и необходимости – осознанная необходимость.

Мысль Гегеля направлена на реальность за пределами конкретных наук, языков и в том числе каких-либо понятий, но при этом она не разрывает связь с традиционным понятийным знанием. Гегель стремится к синтезу дикурсивного и предметного знания. Говоря об абсолютной идее и её модусах, таких как субъективный, объективный и абсолютный дух, он не хочет «упустить из виду» предмет и понятие о нём, настаивает на объективном характере собственной диалектики. В тоже время, приводя естественнонаучные примеры диалектики категорий, Гегель фиксирует в понятии противоречие и стремится не избавиться от него, а напротив, сохранить и развить. Он [93, с. 20], говоря о «бинарной структуре логики» на уровне понятий, лишает понятие ясного (в декартовском

смысле) и устойчивого содержания. «Бинарность» гегелевской логики можно интерпретировать в языковом (значение и смысл) и рефлексивном смыслах.

Рефлексию Гегель рассматривает в «Науке логики», анализируя сущность и видимость. В учении о сущности, которое Гегель отрывает от учения о понятии, говорится об отношениях парных категорий, «каждая из которых рефлектируется – отражается, светится в другой» [93, с.195]. Рефлексия рассматривается Гегелем как способ объединения противоположностей, продуктивной деятельности духа. Но в отличие от современного (семиотического, моделирующего) понимания рефлексии, он включает человеческое «я» в операцию рефлексии, а поскольку «я» не может преобразоваться во что-то иное в этой операции, Гегель считает процесс рефлексии бесконечным. При этом то, что является общим в гегелевском и семиотическом понимании рефлексии, это *двойное последовательное отрицание* понятия, *преобразующее его* в диалектическое третье.

Ранее мы говорили о первичной и вторичной (полных) рефлексиях, в которых моделируется (в первичной) и преобразуется (во вторичной) наше отношение к определённому факту, явлению. Аналогичное понимание процесса познания Гегель считает основой диалектической логики и истинного познания вообще. Рефлексивно-диалектический процесс можно схематизировать как триаду: категория – антикатегория – метакатегория, представив знание как систему триад. К примеру, в дискурсе «догма-война» триадой будут выступать категории: догма – война – любовь (к «врагам», носителям иной, «снятой» догмы). Такое рефлексивно-моделирующее познание рассматривается Гегелем как способ получения знаний об объектах «прямо от них». С чем мы не можем согласиться. Объектом рефлексии, по нашему мнению, выступает не объективное знание, а отношение субъекта к познаваемому объекту, опирающееся на опыт.

Дискурсивный путь мысли направлен аналитически: от следствий – к причинам, от фиксации фактов – к процессам и причинам этих процессов. Обнаружив причину, мысль обращается к другим фактам, образуя некий круговорот способов отношения к реальности. Дискурс, как явление крупного

масштаба, был доступен таким философам, как Г. Шеллинг, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Н. Гумилёв, Д. Андреев [84]. Но ими не были выделены логические и лингвистические границы этого явления. Их увлекала либо «игра» одного из дискурсов, захватывающего все остальные, либо иерархия и «одушевление» взаимодействующих между собой дискурсов.

К примеру, в философии Шеллинга мир не разделяется на сущность и явление, а является единым живым целым, универсумом, в котором действует (безличная) Мировая воля. Русский последователь Шеллинга, Тютчев не просто соединяет, а буквально сливает себя и природу, устраняет понятие о «субъекте», «объекте»... далее должно следовать устранение грамматических форм. Поэты – символисты, такие как В. Хлебников, «играя» со словоизменением, невольно разрушают устойчивость словесных форм, делая «бездомными» их смыслы и само бытие. Смысл текста начинает поглощаться контекстом речи, личное и субъективное – безличным. Но соединить части в новое единство не означает разрушить их границы, «слить» в безразличную, хотя и живую массу. Подобные модели, хотя и объясняли нечто в реальности, были трудно доказуемы и напоминали современные мифы. Соединить слова и высказывания возможно, установив новый порядок единства, который не был найден в то время.

Романтизм, излишний плюрализм, беспорядочность и мифологизм философии дискурсов модерна привёл к разочарованию в её конструктивных возможностях. Последующая философская традиция обратилась к поиску более «мелких» форм, начав изучать историю метафор, контекстов, идей, понятий. В период постмодерна была начата деконструкция традиционных познавательных схем, как содержательно-онтологических, связанных с субъект-объектной парадигмой, так и формально-семантических, связанных со знаком и смыслом. Деконструкция начинает обратный путь мышления: от обобщений к их разбиению на части. В ней целенаправленно разрушаются существующие теории мира, «центризмы»: метафизика, формальная логика, мифология. «Знак перестает замещать вещь, он предшествует вещи.... Разница между чувственным означаемым и интеллигибельным означающим исчезает, и знак становится

чувственно-интеллигентным. Возникают не смыслы, но эффекты, грань между знаком и мыслью стирается» [134, с. 20-21]. Знак более не связывает традиционно понимаемые практику и теорию. Движение от знаков, отождествляемых классикой с бытием, оказывается не столько движением «назад к вещам», сколько движением к другим знакам, оторванным как от бытия, так и от вещи. Результатом деконструкции знака является сужение его функций и одновременно обретение нового качества – оригинальности вторичного «симулякра».

Могут ли существовать категории более высокого порядка, чем порядок грамматики, к категориям которого сводимы «высшие виды бытия» Аристотеля? Если мы не можем с уверенностью постулировать такие категории, нам остается обратиться к наиболее фундаментальным процедурам, способам познания и онтологизировать некоторые из них. В частности, такие как повторение и различие. В работе «О грамматологии» Ж. Деррида различает желание Ж-Ж. Руссо и его тексты, т.к. «чистота девственного начала всегда инфицирована различием» [133, с.23]. Анализ ищет корни, мотивы «начала» содержательной работы философа, делая это начало вторичным и производным. Деконструкция разворачивается как борьба с противоречивостью, а следовательно, неистинностью существующих понятий и категорий. Выявление их искусственного и насильственного характера.

Как считали постмодернисты, метафизические понятия и системы конституируют философский дискурс, но они же его и подрывают, делая уязвимым для критики, так как содержат внутренние конфликты. Противоречия становятся очевидными, если довести до логического конца процесс концептуализации. Деррида так формулирует этот процесс: «Руссо говорит «А», далее по причинам, которые мы должны определить, он интерпретирует «А» в «В». «А», будучи уже интерпретацией, переинтерпретируется в «В». Признав это, мы можем, не отходя от текста Руссо, изолировать «А» от его интерпретации в «В» и обнаружить возможности и ресурсы, принадлежащие в действительности к тексту Руссо, но им самим не используемые... которые, по вполне законным мотивам, он предпочитает отсечь...» [там же, с.27]. Интерпретацию Руссо

собственных утверждений и иную интерпретацию этих утверждений другими людьми, приводящую к иным выводам, можно рассматривать во взаимосвязи, как содержательную логику, сеть равновозможных в данных условиях утверждений, которые мы могли бы рассматривать в целом, но вместо этого предпочитаем соглашаться с Руссо или критиковать его – линия анализа, намеченная М. Фуко. Ж. Деррида не следует этой линии, предпочитая ей гегелевскую традицию поиска противоречий как таковых, источник которых он видит в особых словах. При этом «микро» масштаб исследования предпочитается обоими.

Есть слова, для которых естественно наличие противоречия и включение которых в философский лексикон делает его фатально противоречивым. Это слова «неразрешимости»: *differance* (различие), след, дополнительность, итеративность, фармакон, гимен, грань, почин и другие. Длинный ряд подобных слов говорит о безразличии языка к законам аристотелевской логики. «Неразрешимости» организуют и регулируют игру противоречий, различных конфликтующих возможностей. Это и конфликт страстей в человеке, и конфликт социальных групп в обществе. Производство «неразрешимостей» нацелено на нечто иное вне деконструируемого текста или дискурса. А именно, на поиск решений реальных противоречий или внушение (по аналогии) готового, найденного говорящим решения – всем его слушателям. Так, Деррида деконструирует «тайнство», которое, в результате совсем лишается компонента «тайны», превращаясь в традиционный ритуал. Понятие «богатство», к которому стремятся не ради наслаждений, которое оно может дать, а из страха перед бедностью. Такое «богатство» превращается в комплекс неполноценности тех, кто его еще не достиг и бремя тех, кто его имеет. Понятие дружба, как «обязанность действовать не по обязанности», предполагающее значение «не действовать», «не навязывать свое действие» и не обязательность, легкость, не нужность самой дружбы. Таким образом все традиционные ценности – понятия обесцениваются, превращаясь в ничто. Операция деконструкции всякий раз обнаруживает контекст, в котором понятие – ценность теряет значение.

Определение деконструкции как внутренне присущей тексту операции не предполагает возможность её завершения. Потому, что «неразрешимости» как структурные возможности метафизического дискурса сами неразрешимы. С другой стороны, противоречивость текста открывает перед критиком «бездну» возможных смысловых значений. Это «ницшеанское утверждение свободной игры мира без истины и начала», которое дает «активная интерпретация» [там же, с.264]. Так, «Дон Кихот» рассматривается как одна из первых в истории литературы сознательных попыток драматизировать проблему «интертекстуального авторитета» письма.

В прологе романа Сервантес по совету друга снабдил свое произведение вымышленными посвящениями, приписав их героям рыцарских романов. Таким образом он создал «иллюзию авторитета». Автор, полностью отдавая себе отчет в противоречиях, возникающих в результате «риторических поисков лингвистического авторитета», тем не менее, успешно использовал диалог этих противоречий в качестве основы своего повествования, тем самым создав модель современного романа. Ярким примером которого в русской литературе стали романы В. Пелевина. В них герой, как и автор «рассеяны» на множестве вещей, на которые направлена их деятельность. Вещи обманчивы: они манят, но не дают герою овладеть ими. Перед читателем открывается не «картина» и не «путешествие» героя-личности к определенной цели. Это калейдоскопическая смена образов, которые «сами» взаимодействуют между собой, как сообщающиеся сосуды, под действием «пустоты» - давления обстоятельств, смены масок приклеивающихся к герою. Главную функцию произведения – порождение смысла, автор разделяет с читателем, стремясь занять не свою (верхнюю), а его – поверхностную, пограничную разным реальностям точку видения мира и поделиться своими знаниями – образами, сделав чтение занимательной игрой.

Но игра предполагает ещё и победу одной из сторон и поражение другой. В игре, «рассеивая» и «собирая» мелкие детали, мы преследуем этот, очевидный и мелкий смысл: победа, сводимый к выживанию, обогащению, удовлетворению

страсти. Игра как смысл жизни не удовлетворяет человека, поскольку он не знает последних причин и мотивов, движущих сил этой игры. Что измениться в мире после его победы? Если ничего – то какой в этом Смысл?

Текст не есть в таком случае цепочка означающих, несущая определенный смысл. Один элемент текста несет на себе отпечатки других элементов, как воспоминание, поэтому он продуцируется в порядке трансформации другого, бесконечного текста. В каждом конкретном случае возможен поиск очага несамотождественности. К примеру, в «Платоновой аптеке», играя со словом «фармакон» (одновременно и яд, и лекарство, и дар), Деррида выводит Сократа как фармакевса (колдуна, мага), чья смерть от фармакона (яда) сделала его фармакосом (козлом отпущения). [134, с.96]. Простой вывод из этой цепочки: смерть Сократа, не меньше, чем его жизнь, изменила Античный мир. Но это уже переход на большие масштабы мысли.

Иное, плюралистическое решение проблемы видит Сэмюэл Уэбер. Он связывает это решение с либеральной традицией, которая совершенно иначе относится к конфликту: «она делегитимирует конфликт во имя плюрализма» [401, с.249]. Отсюда, «плюрализм допускает наличие сосуществующих, даже конкурирующих интерпретаций, мнений или подходов; он, однако, не учитывает тот факт, что пространство, в котором имеются данные интерпретации, само может считаться конфликтным» [там же]. Постулируемое им знаковое «пространство» С. Уэбер называет «институтом» или «институцией», понимая под этим не социальные институты, а дискурсивные практики и дискурсивные формации. Таким образом, «американская национальная культура функционирует как трансформация дискурсивного конфликта, представляя его как способ чисто личностной интерпретации, скорее еще одного конкурирующего выражения автономной субъективности, нежели социального противоречия» [там же, с251]. Противоречащие друг другу теории к примеру, «правды» и счастья, богатства и бедности, трансформируются в личный дискурс образа жизни, компромисса многих модусов индивидуального существования.

Таким образом, понятие и категория являются результатами де-дискурсивизации знания, распада дискаурса как целого на части, элементы, аналогичные грамматическим категориям и словам языка. Дальнейший анализ «измельчает» и обесмысливает их, а возможный синтез в дискурсивные единства должен предусматривать особый порядок их соединения.

Действие дискаурса напоминает парадокс Гемпеля – парадокс применения теории к реальному миру по аналогии, с другой, верной [96]. Решение его таково: убеждение в истинности одной, теории не делает более убедительной другую, подобную первой, но её решение, по аналогии, кажется нам более вероятным. Таким образом, мы как бы вынужденно принимаем решение, которое нас не удовлетворяет, но мы принимаем его постольку, поскольку не видим других вариантов. Поскольку мы «захвачены» бинарной системой дискаурса: «война-догма», «благо-знание», «свобода-власть» и т.д. Мы якобы свободно определяем один из компонентов системы в качестве понятия, но забываем о том, что второй компонент мы приняли без всяких определений и доказательств, как «очевидный». Сделать очевидными сами дискаурсы как варианты поведения и, тем самым, расширить сферу нашей свободы и творчества – одна из целей, которые ставит М. Фуко в исследовании дискаурса.

Дискаурс, как единство объекта, метода и инструмента (понятия), обусловленные традицией и внешними для дискаурса факторами, будет одновременно продуцировать проблемы и ограничивать возможные варианты их решения. Такое сочетание, характерное для прикладной науки, обуславливает исчерпание теоретических средств и делает неизбежным трансформацию (переформулировку) проблемы, возникновение новой проблемы в результате частичного решения предшествующей, квантификацию работы ученого, т.е. разбиение процесса познания на отдельные дискаурсы с разрывами между ними. Примерами таких дискаурсов могут служить: Античный дискаурс, рассматривавший проблему единства мира при условии постоянства его бытия; диалектический дискаурс, занятый проблемой эволюции, прогрессивного развития в условиях упорядоченного многообразия мира. Современный познавательный

дискурс рассматривает проблемы хаоса, нелинейной динамики, фракталов в условиях применения принципов относительности, дополнительности и детерминизма (причинности) к любым теоретическим построениям. На эту тему создаются как специальные естественнонаучные, так и философские работы [30]. Следствием трансформации такого дискурса, является отказ от принципа ограничения (замена его другим ограничивающим принципом) и ветвление (бифуркация) исходной теории-проблемы на две альтернативные теории, имеющие общую фактическую и теоретическую базу. Каждая новая трансформация сопровождается явлениями теоретического раскола и мировоззренческого хаоса. Примерами таких трансформаций могут служить научные революции XX века в физике и биологии.

Следствиями разных дискурсов являются альтернативные понятия, выполняющие в них похожие функции. К примеру: верховный совет, парламент, дума, национальное собрание, вече, рейхстаг, конгресс. Число функций, выполняемых этими понятиями, может быть различно, но хотя бы одна из них будет общей для всех, поскольку общим концептом для них является народное представительство. Несмотря на это, эти понятия могут быть построены и определены различным образом. Термин «альтернативная конструкция» принят в философии техники, где он означает устройство, выполняющее те же функции, что и данное, но не получившее массового распространения. Альтернативная конструкция, предполагаемая структурой дискурса, могла бы способствовать выработке правил соотнесения неэквивалентных, нетождественных, но близких по содержанию и выполняющих аналогичную роль в теории, понятий.

В отличие от понятий отдельных теорий, понятия одного дискурса, принадлежащие альтернативным теориям, могут выстраиваться в «упорядоченности рядов высказываний» [319, с.121], иметь общее «поле» и «формы сосуществования». Дискурс, как явление большего масштаба сравнительно с отдельной теорией, предполагает существование внутренней структуры из элементов так же большего масштаба, чем понятие. Таким элементом становится высказывание. Понятие для дискурса не более чем имя.

Дискурс имеет дело с именами понятий, сконструированными на основе множества эмпирических идей. «То, что вместо объектов можно работать с их именами, организованными в определенную структуру, означает, что для развертывания дискурса нам важны не сами эти объекты, а отношения между ними или отношение к ним говорящих субъектов. Развертывание дискурса приводит к объективации этих отношений» [120, с.48]. Процессы конструирования и именованя представляются параллельными процессами. Т.е. отношения между условно понимаемыми именами конструируют структуру значения, соотнося условное имя (понятие) с именем безусловным, оценочным (подобным концепту) и фиксируют этим именем отношение к конкретному знанию сообщества людей. Именоване дает возможность не только обозначать построенные идеальные объекты, но и рассматривать аналогичным образом имена понятий, конструкцией которых является сам дискурс, рассуждение. «Последнее означает, что существование в этом случае может быть понято только как существование элемента в структуре отношений. Можно считать, что используемое в рассуждении имя есть имя сущности. Эта идеальная сущность определяется через ряд атрибутов или свойств и предполагается пребывающей независимо от всякого дискурса... Но такая интерпретация требует очень жестких мер предосторожности. Называя те предметы, которые мы не можем построить, мы рискуем начать рассуждать о чем-то вовсе не существующем и стать жертвами иллюзий и беспочвенных спекуляций» [73, с. 49] Но даже если понятие-объект будет построено верно, структура отношений окажется устойчивой, а сущность проявит себя, мы никогда не сможем отождествить понятия об одном и том же, построенные различным образом и имеющие разные способы существования.

Говоря о формировании понятий, М. Фуко писал: «Мы ставим вопрос на уровне самого дискурса, который является не внешним толкованием понятий, а местом их возникновения; мы не связываем константы дискурса с идеальными структурами понятия, а описываем понятийную сеть, исходя из внутренне присущих дискурсу закономерностей» [319, с.130]. Понятия возникают в

дискурсе как способы обобщения и абстрагирования существенного, как имена высказываний, служащих категоризации картины мира, создания определенного мировоззрения и его внутренней проблематизации. Отчетливой границы между именами, которые можно назвать понятиями, и теми, которые не относятся к понятиям, не существует. «Атом» уже с античности является достаточно оформившимся понятием, в то время как «кислород» и «молекула» до XVIII в. вряд ли могли быть отнесены к понятиям. С именами возможны те же логические операции, что и с понятиями. Поэтому последующее развитие философской мысли приводит к трансформации и деконструкции понятия, возвращению в научный оборот концептов, образов и идей.

Некоторые локальные дискурсы, в своей попытке разрешить внутреннее противоречие индуцируют возникновение других локальных, продолжающих их работу другими средствами, в другой, трансформированной ситуации, создавая сквозной дискурс. Классическими примерами таких дискурсов, развивавшихся на протяжении XX-го века, являются марксизм и фрейдизм. Сквозными интеллектуальными дискурсами могут быть концепты, осмысленные в ряде научных и художественных произведений и соотнесённые друг с другом: война, свобода, власть, догма, любовь, смерть.

3.2 Непонятные формы знания. От образа к идее

Под образом понимают вид, внешний облик чего-либо, формально – подобный, а содержательно – отличный от своей сущности. С другой стороны, образ – это конкретная иллюзия, иносказание, в котором типичное соединяется с индивидуальным, а индивидуальное отождествляется с социальным. Типизация образа обеспечивает его устойчивость во времени, длительность существования образа, а индивидуализацию обеспечивает его именование, возможность соотнесения с конкретными объектами и субъектами. Типичность и индивидуальность, характерные свойства образа, позволяют рассматривать его как знак вещи, факта, соответствующий рефлексивному типу Д-0 и волне

актуальности А-0. Созданный образ начинает не только воспроизводить себя во множестве интерпретаций, но соединяться и взаимодействовать с другими образами, создавая, взаимодействующие друг с другом серии смыслов. Попытка анализа множества этих серий приводит сознание на метауровень рефлексии Д-3.

Образ объединяет в себе типичную, актуальную идею и индивидуальную вещь, предмет. Между идеальностью и объективностью образа протекает процесс качественного взаимообмена: идея приобретает конечность вещи и актуальность в конкретном времени, а предмет обогащается ценностью, значением идеи. В качестве знака образ может, как приобретать, так и терять своё значение, свою виртуальную ценность, выражаемую порой через реальную стоимость (бренд). Образы, благодаря своим свойствам, создают первичный слой знаковой реальности, объективирует субъективные смыслы.

Типизация и индивидуализация – два разнонаправленных процесса, баланс между которыми необходим для гармоничности образа, его способности возрождаться в разных социальных эпохах и культурах. Превалирование в образе типичного над индивидуальным ведет к его оторванности от жизни, делает образ фантастическим или гротескным. Превалирование индивидуально-человеческого показывает противоречивость человеческого характера и, как следствие этого, относительность (типичных) идей, смыслов, ценностей, носителем которых является герой, образ которого мы рассматриваем. В случае типизации образа мы узнаем «всё» ни о ком конкретном, а в случае индивидуализации мы не узнаем ничего кроме особенностей конкретного человека. Процесс обмена значениями между типичным и индивидуальным, идущий внутри каждого образа, может завершиться и третьим способом: «снятием» противоречия между ними, когда типичное в образе будет принадлежать каждому индивиду.

К основным свойствам образа относят предметность, постоянство (константность), целостность, многозначность и категориальность. Предметность образа проявляется в том, что из оперирования чувственными образами нельзя произвести нечувственный, такой как идея или символ. Образ, как пишет С. Лангер, «нельзя создать из ничего» [182, с.81], он создается только из

предшествующих, существующих образов и других интеллектуальных форм. Постоянство образа, позволяющее в различных условиях распознавать соответствующий ему предмет и без потери содержания сохранять образ в памяти, передавать его на разных языках, было показано Гуссерлем и Хайдеггером. Целостность и многозначность – главные свойства образа, соединяющие его содержание в новое единство, в единство с добавленным смыслом. Целостность образа позволяет всем, владеющим данным образом распознавать его даже по некоторым, неполным признакам. Так, к примеру, происходит распознавание смысла слов при быстром чтении, распознавание букв и т.д. Многозначность проявляется в том, что в образе, создающем множество интерпретаций, главное не его элементы, а способ связи между ними. Категориальность образа означает его свойство иметь словесное имя, относится к той или иной категории бытия. Мы называем вещами некоторые содержательные перцептивные и интенциональные единства; объединяя их между собой и именуя вторично, мы получаем образы; именуя единства образов, мы получаем идеи. Так, лошадь и крылья – вещи, крылатый конь (Пегас) – образ, а вдохновение, соединившее образ Пегаса с субъектом творчества – идея. Образы, благодаря своим свойствам создают первичный слой знаковой реальности.

Образное мышление, как полагал И. Кант, соединяет чувственное и рациональное, рассудочное, в некоторую целостность. Это способ смыслопорождения, использующий метафоры и соединяющий разные вещи, создавая вымысел, иносказание, многозначный знак. Главным в образе оказываются не элементы, а связи между ними. Мышление образами оказывается отождествляющим и репродуктивным. Содержанием образа являются объекты восприятия и воображения, соотношение и степень определённости которых в содержании конкретного образа позволяет выделять чувственные, рассудочные образы и образы разума. По форме [63, с.16] выделяют образы: апперцепции (единства воспринимаемых объектов); трансцендентальной аперцепции (образ, полученный наложением априорных понятий на чувственные впечатления); и ноэматической аперцепции (единство перцепции и интенции осуществляется в

поле ноэзиса). С позиции субъекта образ может быть тождественным и нетождественным себе. В последнем случае он выступает либо субъектно-объектной схемой (Кант, Бергсон, Хайдеггер), либо ноэмой – самоосмыслением субъекта (Гуссерль).

Гносеологическая функция образа, по мнению Г. Гегеля состоит в определении содержания чувств в пространстве и времени созерцания. Образы упорядочивают впечатления, открывают новые горизонты реальности (в том числе и другие реальности), являются элементами и структурами для формирования интеллектуальных систем, таких как «Я» субъекта, сознание, разум. В XX веке возникло множество теорий, основанных на гносеологической функции образа. К примеру, К.Г. Юнг представил ряд фундаментальных образов человеческой психики в качестве её «априорных категорий». Он писал: «Можно описать эти формы как категории, аналогичные логическим категориям. Последние присутствуют всегда и повсюду как основные постулаты разума. Просто в случае наших (форм) мы имеем дело не с категориями разума, а с категориями воображения...» [346, с.239]. Он же, личный опыт соединяет формы с их содержанием, при этом опыт может опираться либо на существующую общественную практику, либо на правила, созданные дискурсом, использующим эти формы.

Беря за основу литературные образы, мы можем определить оперирующий с ними дискурс как «текст в тексте» по аналогии с ранее данным определением «языка в языке». Текстом в тексте может являться вставная новелла, лирическое отступление, сон или фантазия героя, переводящие повествование из реального в виртуальный план. Разные планы повествования, взаимодействуя между собой, образуют в сознании читателя нечто целое – единство такого произведения, в котором отождествляется ранее нетождественное, возникают новые параллели, метафоры и аналогии. В ходе такой интерпретации произведение приобретает глубину содержания, так как воображение читателя следует данному в тексте примеру отождествления и находит новые примеры, развивающие тему и умножающие число образов.

Дискурс как отношение между текстами и их образами внутри одного произведения привносит порядок, выстраивая последовательности, иерархии, интерпретируя новый, только что возникший, образ как модель объяснения предшествующих его рождению образов. Трансформация образа в дискурсе, к примеру, сатирического образа Чичикова – афериста-неудачника в «Мёртвых душах» Гоголя, в драматический образ птицы-тройки (на которой он едет) – безоглядно несущейся вперёд страны, создаёт дискурс, как способ перехода от одной (сатирически-виртуальной) к другой (драматически-реалистической) реальности [205].

Трансформация художественного образа высокого, элитарного искусства дискурсом современной рекламы идет, как правило, в противоположном направлении – соединении высокого с обыденным, повседневным. Выделяют ряд типов трансформации образов этим дискурсом [10, с.25-26]. Это «препарирование» образа, поскольку для выражения основной идеи сообщения достаточно его части. Создание комического эффекта, соединяющего высокое с повседневным; развитие логики данного образа в нужном направлении; нарушение его эстетических границ, путём изменения формы, соединения с другими образами. Редукция глобального образа к упрощённой картине; стилизация его, сближение со знаком. Рационализация и иррационализация: в первом случае происходит привязка образа к вещи или производителю, а во втором – создание сказки, фантастики, отрывающей человека от действительности и обещающей удовлетворить его мечты с помощью данной вещи. Хронологический сдвиг, соединяющий с помощью образа товар с историей и традицией либо с вечностью. Абстрагирование – сближение вещи – с символическим значением образа, «возведение» его к символу. Визуализация с помощью образа желания, удовлетворяемого приобретением данной вещи. Перевод образа на язык другого искусства: скульптуры – в живопись, живопись – в фотографию и т.д. с целью придания ему доступности, массовости, возможностью обладания для каждого.

Дискурс, подобно автору, формирует образ как отдельный интеллектуальный объект, делая его актуальным [83, с.117]. Этот объект, являясь фрагментом реальности, как правило, не копирует действительность, а реконструирует её, объективируя субъективные смыслы создавших его людей. В дискурсе возникает творческий резонанс между идеей субъекта и творимым интеллектуальным объектом. Когда объект начинает «жить своей жизнью», навязывать свои правила построения, свою «логику» субъекту творчества. По Гегелю, возникает тождество субъекта и объекта. Созданный образ начинает не только воспроизводить себя во множестве интерпретаций, но и соединяться и взаимодействовать с другими образами, создавая по Ж. Делёзу, «коммуницирующие серии смыслов». Попытка анализа множества этих серий приводит сознание на метауровень рефлексии или мистический уровень [282]. Где рациональности и способности суждения сознания будут предстоять парадоксы и загадки, смещающие его деятельность в определённую сторону, предлагающие готовые и «простые» решения.

К примеру, две стороны, соотносимые в дискурсивном образе: виртуальность и объективность, которые относятся к действительному, реальному миру могут по-разному соотноситься между собой, в разных дискурсах. К примеру, «образ страны» во времена Перестройки (в её дискурсе) воспринимался как преимущественно объективный, но критичный, положительно или отрицательно окрашенный образ. В дискурсе начала XXI века он начал восприниматься как преимущественно или полностью виртуальный, «имидж», «бренд» и т.д. Это версия событий и фактов, созданная для узко практической цели, конъюнктурная, которая «стоит денег», «предназначена для...» и т.д. Но будучи калькой с англоязычных объектов виртуальной природы, «образ страны» приобретает их свойства бренда – знака, за которым может как стоять, так и не стоять нечто ему соответствующее. В качестве знака образ может как приобретать, так и терять своё значение, свою виртуальную ценность, выражаемую порой через реальную стоимость. Дискурс способен как наполнить образ объективной фактичностью, так и опустошить его, сделав пустым знаком,

лишённым всякого значения. Поэтому образ страны должен сохранять связь с реальной страной, тогда он не сможет потерять фундаментальные свойства образа – предметность и целостность. Он не должен опустошать, профанировать образ, полностью отрывая его от реальности.

Формирование и трансформация образа это не только разные, но и порой – разнонаправленные процессы. Если формированием образа, воплощением в нем замысла, смысла занят преимущественно человек, личность, то за последующую трансформацию этого образа отвечает уже дискурс: мода, традиция, интеллектуальный порядок, направляющий содержание образа в социально одобряемое русло. Эта «сублимация» индивидуального образа способна как наполнить образ социальным смыслом, так и выхолостить его, подменив «модным», но бессмысленным симулякром.

3.2.1 Идея. От идеи к символу

Идея в дискурсе рассматривается как прикладной принцип, дополнение к понятию. В случае затруднения с выбором понятия, идея помогает осуществить этот выбор в конкретном случае. Свойствами идеи являются: гибкость, конкретность, обеспечение единства понятия и явления. Главная функция идеи – реализация связи компонентов дискурса. Преобладание идей в дискурсе говорит о предметно-практической направленности этого дискурса, наличия в ней рефлексии типа Д-1 и соответствия с уровнями актуальности А-1 – А-2.

По А.Ф. Лосеву – идея, образ, символ – синонимы. При этом идея может быть больше образа, меньше образа и равна ему. В этом смысле идея активна, ей приписывается динамика и логика, а образ пассивен, за ним остается общее представление, оценка. Образ может служить «мостом» между идеями, тогда как сама идея пониматься как совокупность образов [32, с.232]. О равноправии и дополнительности образа и идеи говорят исследования нейрофизиологов: функциональная асимметрия полушарий мозга выражается в том, что правое полушарие отвечает преимущественно за образное мышление, а левое за

логическое, производство идей. Деятельность каждого полушария относительно независимо и дополнительно по отношению к другому. Левое, отвечающее за логику, занято распознаванием элементов, сборкой целого из частей. Его работу описывают дерево зависимостей и фреймы Минского. Правое полушарие действует на основе другого принципа – целостного восприятия. Оба полушария производят абстрагирование, но по-разному. И для художника, и для математика необходима полноценная работа обоих полушарий. Результат работы левого полушария можно назвать идеей, а правого – образом.

Бесконечность идеи, как в микро- так и в макрокосме вещей, дает философское объяснение трудностям ученого, обнаружившего новый факт. Но такое объяснение, хотя и указывает некоторый путь: «вверх», к общим законам мира или «вглубь» к особенностям строения, состава конкретных явлений не может полностью удовлетворить ученого. В Новое время Локк, анализируя процессы образования общих научных понятий и логические средства построения науки, выделял 3 способа образования «производных сложных идей». Первый заключается в непосредственном суммировании простых идей, т. е. образование сложенных идей. Им образуются идеи свойств, которые являются не самостоятельными, а зависимыми от идей предметов. Второй способ состоит в том, что простые идеи ставятся в различные соотношения друг с другом и сравниваются. Таким способом образуются идеи отношений. Третий способ, использующий в качестве звеньев два первых, необходим для образования общих понятий. В качестве примера Локк предлагает рассмотреть сложную идею «животное», получаемую путем исключения особенностей из двух других сложных идей: «человек» и «лошадь».

Локк рассматривает идею в качестве догадки, прообраза понятия и не придает ей особенного содержания, отличного от содержания понятия. Поиски изначально простых идей, как и перечисление необходимого для обобщения числа конкретных предметов, в качестве методов образования сложных идей (и общих понятий) оказываются недостаточными, поскольку уводят в бесконечность. Человека, столкнувшегося с новым фактом, волнует не только

поиск верного направления движения мысли, но и степень новизны, риск, который он должен взять на себя или отвергнуть, формулируя новую гипотезу. Должен ли он радикально пересмотреть свои взгляды, сформулировать новое понятие, принцип, ограничиться их модификацией или вовсе отвергнуть факт, как случайное явление, «исключение из правил»? В этом человек нуждается не в общей рекомендации или объяснении, а в среднем термине, между твердо установленным понятием и «зыбким» описанием явления. Может ли таким термином стать идея?

Дать определение идее как пределу понятия и сформировать ее общее категориальное описание стремился Г.В.Ф. Гегель: «Идея есть адекватное понятие, объективно истинное (Wahre) или истинное, как таковое. Если что-либо имеет истину, оно ее имеет через свою идею, иначе говоря, нечто имеет истину, лишь поскольку оно идея» [93, с.399]. Развивая мысль о коммуникативной, соединяющей понятие и реальность, природе идеи, Гегель приводит пример: «Такие целостности, как государство, церковь, перестают существовать, когда разрушается единство их понятия и их реальности» [там же, с.400]. Это единство обеспечивает идея, выступающая способом реализации понятия, применением его к реальности. Идея также рассматривается как прикладной принцип, необходимое дополнение к теоретическому понятию и в этом качестве идея имеет несомненное эвристическое значение. Для того, чтобы получить истинное знание о предмете, мало иметь понятие о нем, необходимо найти идею, которая обеспечит применение данного понятия в конкретном случае. В этом качестве идею можно рассматривать не просто как удачную догадку мышления, а как универсальную функцию пространства-времени, демонстрирующую его конкретную форму. «...Не только всеобщий смысл истинного бытия единства понятия и реальности, но и более определенный смысл единства субъективного понятия и объективности» [там же, с.405].

Свойствами такой идеи будут: гибкость, конкретность, обеспечение единства понятия и явления. В отличие от трактовок античных авторов, для которых идея была объективным понятием (сутью, законом вещи), а понятие –

познанной идеей, Гегель и гегельянцы различают понятие и идею, связывая понятие с определением предмета, конечным знанием о нем, а идею – с объективной и бесконечной перспективой познания – истиной. Для античных авторов истинное знание вещи было конечным. «Механический и химический объект, равно как и субъект, лишенный духа, и дух, сознающий лишь конечное, а не свою сущность, имеют, правда, в самих себе - каждый сообразно своей природе – свое понятие существующим не в своей собственной свободной форме» [там же, с.406]. «Свободную форму», т.е. гибкость применения, понятию обеспечивает идея. Бытие, по Гегелю, достигает значения истины, поскольку идея есть единство понятия и реальности; бытием обладает лишь то, что есть идея.

Рассуждая диалектически, Гегель обнаруживает кроме бесконечности идеи, ее ограниченность: «Возможность того, что идея не вполне выработала свою реальность, не полностью подчинила ее понятию, основывается на том, что у нее самой ограниченное содержание, что так же как она по существу своему есть единство понятия и реальности, точно так же она по существу своему и их различие» [там же, с.407]. Каково же это «ограниченное содержание»? Если идея есть сумма «единства» и «различия» понятия и реальности, она, по крайней мере, в одном из своих значений, и есть искомый «средний термин» между понятием и явлением вещи. Подводя итог, Гегель определяет идею так: «Идея есть процесс, в котором она расщепляется на индивидуальность и на ее неорганическую природу, вновь приводит эту неорганическую природу под власть (Gewalt) субъекта и возвращается к первой простой всеобщности. Дух познает идею как свою абсолютную истину, как истину сущую в себе и для себя, - бесконечную идею, в которой процесс познания (Erkennen) и действие уравнились друг с другом и которая есть абсолютное знание самой себя» [там же, с.407].

Идея и дискурс обозначают во многом, разнопорядковые явления, но оба эти термина имеют общую основу – связь между правилом и словом. Мы, к примеру, можем говорить о взаимовлиянии друг на друга идеи и дискурса, через взаимодействие темы говорящего и главной темы дискуссии. «Два крайних варианта такого влияния – изменение главной темы каждым собеседником,

вносящим новую идею и независимое друг от друга включение идей в общую тему дискуссии, как правило, заданную заранее» [199, с.146]. Хотя, нужно иметь в виду и другие варианты: выработку новых тем (и идей) в процессе обсуждения и различный вклад отдельных идей в общую тему.

Обобщая, мы можем согласиться с Джеком Фостером, что «новая идея — это не больше и не меньше, чем новая комбинация старых элементов. Идеи возникают в результате комбинации, связи, сопоставления, синтеза или ассоциации уже известных понятий» [368, р.23]. Как принцип соединения разных аспектов значения понятия, идея способна менять его объем, т.е. число существенных признаков явления, расширять или сужать значение. Из содержательных значений термина «идея» мы выделим тот, что подразумевает активное участие человека в формировании идеи, через соприкосновение с «действительностью сущего» [174, с.53]. А из них, остановимся эмпирических идеях науки. Дж. Локк различал идеи простые (полученные из опыта) и сложные — составленные из простых идей. В отношении к дискурсу такая идея — это интеллектуальная конструкция — слово или система высказываний, описывающая идеальный объект — образ или систему образов. Поскольку любой объект-система характеризуется определенными связями между своими элементами, он не может распасться в дискурсе на части, не перестав быть собой. Наличие в образе идеи делает образ устойчивым к трансформациям, не позволяет подменить или выхолостить его. Единство идеи и образа объективирует наше представление, делает его ясным и конкретным.

Но успех нашей объективации и конструирования будет зависеть от того, насколько корректно мы обращаемся с именами идей: «Имена простых идей не могут быть определены; имена же всех сложных идей могут» [193, гл.4, п.4]. Простые идеи: свет, движение, цвет, вкус, запах. Их имена тождественны своему содержанию, взяты из опыта ощущений и тождественны перцептивному образу. Из имен простых идей можно построить сложную идею, такую как: радуга, статуя, яблоко, дом. Сложные идеи возникают в уме благодаря их именам, а, следовательно, могут иметь дискурсивную природу. «Для таких совокупностей

идей, объемлемых одним и тем же именем, определение, или разъяснение значения одного слова несколькими другими, имеет место и может растолковать нам имена вещей, никогда не входивших в область действия наших чувств» [там же, гл.4., п.13]. Это говорит о возможности дискурсивного конструирования одних сложных идей из других, причём без ведома мыслящего их автора. Автор всего лишь дает имена самостоятельно возникшим идеям, причем сам нуждается в истолковании этих новых имён [226]. В интеллекте человека идет процесс автоматического синтеза одних идей из других, причем он осознается далеко не всегда.

Идеи, в качестве единств образов или других, простых идей подобны правилам, действующим в отношении фактов, декларативного знания или других интеллектуальных конструкций. Такие идеи – правила можно назвать «свободными алгоритмами». Дело в том, что как факты в пространстве природы, так и высказывания и тексты в информационном (виртуальном) пространстве разделены условно, а чаще – тесно связаны друг с другом. Так, знание одного текста является неременным условием (верного, общепринятого) понимания множества других. В пространстве знания «всё существует во всём». Замкнутость человеческих языков только способствует этому. Все высказывания и тексты являются взаимопроницаемыми и взаимоинтерпретируемыми. Причем этот процесс часто осуществляется автоматически и синергетически, без ведома сознаний субъектов.

Процесс такой синергетической коммуникации можно представить следующим образом: множество взаимосвязанных высказываний разъясняет мысль, в которой содержится определённое отношение к объекту или субъекту. Это отношение распространяется шире, чем было задумано автором: на другие высказывания, объекты, других людей, т.е. становится стереотипом, через который осознается действительность. Одновременно, отношение предполагает эмоцию, чувство (выбор которых невелик), испытываемое человеком к ряду предметов и явлений действительности. А чувство, в свою очередь, предполагает действие. Так высказывания могут управлять поведением людей. В сплошном,

тотальном информационном пространстве (информационном бытии) человек утрачивает субъектность и сознательность, как сознание себя, становясь средством интерпретации одних текстов посредством других и реализации в качестве команд – третьих.

Легко представить, что в свободном, от порождающего его субъекта, информационном пространстве, возникают потоки – течения, подобные существующим в океане. Сгустки объектов, подобные островам, процессы, подобные цунами и водоворотам. Здесь каждое (любое) высказывание имеет шанс осуществиться в реальности или стать законом для большинства других. Единственной внешней реальностью (фоном) для них выступает не субъект, пространство или материальная действительность, а время – последовательность интерпретации – реализации. Если, описывая диалогическую ситуацию между людьми, М.М. Бахтин употреблял понятие «хронотоп» - единство времени и места, то диалог между «не людьми» - информационными системами может осуществляться везде. Внешним определением ему служит только временная последовательность взаимосвязанных процессов.

Проблема состоит не только в бессубъектности и неуправляемости этой стихии, а в отсутствии необходимых средств, для её достаточно глубокого познания. Человек познает в мысли только то, что он вывел «на свет бытия» посредством именованья, фиксации в познаваемых формах, субстантивации и реификации. Таких, как категории, понятия, образы, символы идеи.... Но «свободные алгоритмы» как и другие явления, как естественной, так и информационной природы не нуждаются в именовании и познании для своего существования. Одной из новых категорий, открывающих мир объектов интеллектуальной природы, является дискурс.

Дискурс и идея не имеют продуктивного взаимодействия, когда речь идет об именах сложных идей и их отношениях в процессе конструирования в дискурсе нового понятия, к примеру, того же понятия «дискурс» М. Фуко [245]. Поскольку, обладая некоторой объективностью, имена не являются объектами в полном смысле слова. Они остаются «Как бы соучастниками актуализации тех

понятий, которые являются основными для дискурса.... Потому событие именованья представляется здесь вторичным по отношению к событию построения» [117, с.214]. Конечно, дискурс «сам по себе» включает определенную идею, названную этим словом но, употребляя его для различения отдельных дискурсов, мы соглашаемся не подвергать сомнению известное каждому из нас значение этого слова. Дискурс определяется не столько последовательностью идей, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который строится по ходу развертывания дискурса. В этом развертывании имеет место перенос свойств одних идеальных объектов – на отношения между другими объектами. В случае формализации дискурса, речь переходит на слова (имена), потом на отношения между именами и т.д.

Имя идеи при этом служит «строительным материалом» для другого объекта, либо профанируется, опустошается в нормирующем её дискурсе. Р. Козеллек рассматривал понятие, циркулирующие в дискурсе как шифр, двигатель мысли, из чего следовало, что «привычное употребление определенных понятий подразумевает габитус мысли, т.е. привычное её развитие» [52, с.48]. Габитус — это система диспозиций, порождающая и структурирующая человеческую практику и его представления. *Habitus*, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует „правильность" практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и открыто выраженные нормы. «Такая система предрасположенностей - то есть присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних необходимостей, - есть принцип преемственности и регулярности» [69, с.31].

Значение этого понятия состоит в способе его употребления, а его использование призвано усилить или напротив, вывести из оборота определенное словоупотребление. Причем способ употребления, ставший привычным, может игнорировать первоначальную идею или выражать совершенно другую, не связанную с первой и даже противоположную ей. Т.е. участник дискурса порой стремится «убедить» собеседника в своей правоте, заменяя с помощью понятий – шифров привычный для него ход мысли – привычным для себя. Навязать другому свою мысль и волю. А имя опустошенной идеи нередко становится оценкой – формальным классификатором для различения в данном дискурсе людей, явлений, событий, оцененных участниками дискурса определенным образом.

Такой дискурс часто предстает перед человеком как внешняя, обезличенная информация: «делай так»; «это разрешено, а то – нет», представляется субъекту внешним объектом, агрессивно настроенным и готовым при малейшей возможности поработить его. Этот дискурс оперирует не с идеями, а только с их именами (верованиями – по О. Гассету), пресекая любую попытку раскрытия сути, причин и следствий, доказательства или обоснования идей. Даже родственные консервативному дискурсу идеи оказываются нелегитимными и «сомнительными» в его пространстве. Именно в нем происходит «смерть автора», как носителя каких – либо автономных от дискурса идей и взглядов. Нет идеи – нет и её создателя – человека. Человек, лишенный авторства, голоса, погружен в манипулирующую им дискурсивную среду, которая и есть его единственный мир.

Но далеко не всякий дискурс равнодушен к содержанию своих идей. М. Фуко, представляя язык как процесс развертывания дискурса, систему пустых мест, куда могут быть поставлены имена идей, говорит о языках: «Благодаря своему беспорядочному порядку они порождают ложные идеи; однако верные идеи оставляют в них неизгладимый отпечаток порядка, который не мог бы возникнуть лишь по воле случая» [320, с.320]. Идея и дискурс оказываются неразрывно связанными между собой, как волна и частица в тех случаях, когда идея истолковывается, раскрывается в самом рассуждении, т.е. мы видим ее конструкцию. Этот процесс мы наблюдаем в диалогах Платона, Д. Беркли, Д.

Дидро, «Критике чистого разума» И. Канта. Когда речь идет о доказательстве, развертывание доказательства есть развертывание конструкции идеи, данной в изначальной формулировке. Доказательство вместе с его содержанием есть волна, утверждение и вывод – частица, смысл которой содержится в волне. «Под смыслом следует понимать еще не данное, но лишь искомое правило. Если же задача решена и правило установлено, то всякое последующее обращение к ней будет производится, определяющей способностью суждения» [117, с.223]. Здесь можно сделать некоторое уточнение: волна и частица - это скорее две формы существования идеи, как и образа, тогда как дискурс – совокупность правил, применяемых в процессе доказательства идеи. То есть дискурс включает в себя характеристики этой «волны», подобные частоте, амплитуде колебаний и представляет форму развернутой в нем идеи. Для нас важно, что дискурс чувствителен к содержанию идей, развернутых в доказательстве и равнодушен к утверждениям и выводам, поскольку развернутое содержание востребует соответствующую ему форму.

Полемический дискурс, складывается как поле интеллектуальной борьбы, на котором раскрываются и доказываются разные и даже противоположные идеи. Этот дискурс подвижен, восприимчив к содержанию своих идей, а его содержанием первично является процесс их взаимодействия, спора. Ведущая идея, будучи сформулированной, начнет тянуть этот дискурс за собой, но, будучи опровергнутой внешними обстоятельствами, она может стать жертвой деструктивных или консервативных сил, после чего погубить и весь дискурс. М. Фуко, еще в 60-е годы 20-го века, говоря о современном ему дискурсе, замечает его раскол на рационально-структурную и иррационально-психологическую части. В социуме и медиапространстве интегрирующем этот социум, борьба идей часто перерастает в борьбу дискурсов, по-разному воспринимающих идеи и не воспринимающих их вовсе. Мы заинтересованы, по меньшей мере, в становлении научного, познавательного дискурса, восприимчивого к новым идеям, т.е. полемического дискурса. В.И. Аршинов и М.В. Лебедев представляют его как «синергетический дискурс». «Некоторые важные его черты: это, во-первых,

коммуникативность, понимаемая как нелинейный самоорганизующийся циклический процесс обмена психическими состояниями; процесс, в котором сопрягаются петли прямых и обратных связей, во вторых – открытость и креативность, и, в третьих, конструктивность и рекурсивность» [26, с.14]. Коммуникация понимается здесь как циклический процесс обмена состояниями сознания и носит повторяющийся характер в типичных образах человеческой деятельности. Таким образом, множество состояний сознания людей оказывается связанным их коммуникацией.

Между идеей и дискурсом, объединяя их, может стоять один из трех принципов: субъективность (автор), интерсубъективность (сообщество говорящих) и стиль говорения как некоторое единство формы, содержания и личности автора излагаемых идей. «К автору (по Фуко) взывает идея произведения, оформляющего разломы дискурса и реконструирующего некоторую мысль и некоторый опыт. Иначе под водительством идеи подчиненного субъекта как инструмента контроля и повиновения автор пребудет всего лишь в функции автора. Кажется, однако, что настаивание на идее подчиненного субъекта связано с необходимостью подчеркивания важности этой его характеристики в ситуации субъектно-креативной агрессивности» [222, с.38]. Именно разлом как нельзя лучше характеризует современный дискурс: разлом прежнего, консервативного дискурса тотально подчиненного субъекта. Субъекта безликого и боязливого, сменить которого в новом дискурсе обязан субъект - герой. Разлом освобождает место для идей и авторов, некое пространство действия и диалога субъектов. Пространство это пока пусто, но в нем появляются новые люди, говорящие привычные слова, но в новых значениях. Если таких людей и слов станет больше, они сконструируют новые идеи, а их общая речь станет полемическим дискурсом.

Интерсубъективность возникает как момент взаимодействия двух и более дискурсов, в котором происходит обмен принципами, командами. Эти дискурсы не обязаны иметь общие ценности и приоритеты, но сближать их будут способы действий и отношения людей к предметам. Ценности: идеи гражданства,

общества равных возможностей, социальная справедливость и т.д., могут объединять людей, но быть безразличны для дискурсов. В идее интерсубъективности предполагается, что одна или несколько взаимосвязанных идей будут актуализированы в обществе и подхвачены его существенной частью. После чего данная идея будет реализована не только в мировоззрении, но и в поступках людей, а затем в социальных институтах, т.е. на практике. В целом, идея и дискурс могут соединиться в коммуникативное единство: идейный дискурс или дискурс идей, если идея, как новая комбинация старых элементов найдет для своего применения новое пространство старых проблем. А открыть это пространство способен дискурс – система высказываний, соединенных общим правилом. В сфере науки единство идеи и дискурса приводит к качественному росту научного знания, открывающему новые законы действительности, а в социальной сфере ведет к преобразованию этой действительности.

В современной массовой коммуникации, во многом опустошенной концом истории [137], т.е. исчерпанием социально-политических идей, отринувшей утопии и уставшей от антиутопий, ощущается острая потребность в конструктивных идеях. Это не потребность в какой-либо идеологии или культе, герое, а элементарная потребность иметь идейную одежду для интеллектуального тела. Потребность знать не только «Как?» но и «Зачем?», а также иметь некоторое оправдание этого «Как?» в потому, что. Отвечать этой потребности должны идеи, доступно и популярно излагаемые в дискурсе СМИ, литературы, отчасти – науки. На основе изучения идей открывается поле анализа мышления и знания, мировоззрения, всего комплекса когнитивных способностей. Популярная идея может многое рассказать об особенностях своего времени. Пример этому сегодня – книга Ронды Берн «Тайна» [50], где с помощью научных идей земного притяжения и распространения радиоволн объясняется магическое действие – исполнение желания. Такая связь идей науки и магии характерна для постмодерна.

Наука, в качестве коммуникативной среды делает эмпирические идеи, в определенном смысле, бессмертными: идея генетики была найдена вторично в

начале 20-го века, а уже потом была обнаружена первая ее формулировка в рукописях Менделя. В тоже время идея Ламарка о наследовании благоприобретенных признаков не раз «хоронилась» и возрождалась в истории биологии, противопоставляясь как генетической, так и эволюционной идеям. Разведение этих идей проводилось как по предмету исследования, так и по методу. Особенностью многих естественнонаучных и технических идей является их многократное и независимое открытие множеством авторов. Идея не может существовать без субъекта, но может обходиться без дискурса, оставаясь частной идеей автора или группы людей. Социум может не замечать и даже преследовать идею, но только до тех пор, пока она не станет частью дискурса. Так идеи единства человека и природы, идеи эволюции становятся популярны только после распространения новой философской парадигмы Гегеля, Шеллинга и Фихте, объяснившей идею развития и, тем самым сделавшей легитимной идею эволюции.

Современный дискурс, на наш взгляд, должен обладать свойством идейного фильтра: разрешая достаточно широкий спектр идей, взаимодействующих в рамках этого дискурса, он должен исключать некоторые (националистические и тоталитарные) идеи. Обладая определенной идеологичностью, такой дискурс должен обосновывать это исключение и позиционировать себя как разумное внешнее правило. Его содержанием может быть идея общечеловеческой цивилизации, раскрывающей таланты каждого человека и показывающей себя в достижениях культуры. Для возникновения такого дискурса необходимы: автор, определенный набор идей и уровень их восприятия обществом. Сегодня нужна идея, способная зажечь людей творческой энергией, осветить мир светом разума, ведущим к пониманию мира, а не только к практической выгоде. К сожалению, современный дискурс в его актуальных формах массовой коммуникации не отвечает представленному идеалу. Его характеризуют: агрессивность, мировоззренческий хаос, популизм и слабая творческая интенция.

3.2.2 Символ. От символа к понятию

Символ, как и идея, выражает связь между образами, предметами, людьми и вещами, между людьми, прошлым и будущим, мирами, аспектами реальности... но в отличие от идеи, символическая связь не поверхностная, а глубинная. Если идея соединяет элементы одного порядка, то символ – разных [46, с.119]. В отличие от образа, тождественного себе, и идеи, символ принципиально многозначен. При этом, подобно идее, как её представил Деррида, символ прозрачен к своему содержанию. Это – диалогическая, принципиально дискурсивная форма мысли, поскольку он объединяет человека – с историей, читателя – с писателем, человека – с самим собой. В символике особое представляет себя не через общее, а через раскрытие своего действия, свойства. Символ может принадлежать как к философской рефлексии Д-2, так и к метарефлексии Д-3 и, соответственно иметь разную актуальность.

Среди свойств символа указывают на его способность связывать отдельные предметы и факты с мировым целым, универсумом. Быть «осознанным мифом», т.е. пониматься как знак. Этот знак может выполнять коммуникативные функции и выполнять их адресно. Мир символов, выступая как многослойная смысловая структура, может быть прояснен, но не определен, т.к. интерпретация символа есть новый символ. Символ – диалогическая, принципиально дискурсивная форма мысли, поскольку направлен на соединение своим смыслом человека – с историей, читателя – с писателем, человека – с самим собой. В символике особое представляет себя не через общее, а через раскрытие своего действия, свойства. Для символики немецких романтиков характерна поляризация: различие «дневных» и «ночных» символов с последующим акцентом на познание «ночных». Один и тот же образ в разных культурах (на разных этапах развития культуры) может символизировать, передавать разные смыслы. К примеру, обнаженный торс Аполлона, обнаженная фигура может быть символом: стыда; порока; бедности; свободы от суеверий, стереотипов; естественности; красоты; гармонии духа и тела; совершенства. Ф. Крейцер различал два основных типа символов: мистический – знак, выражающий бесконечность в замкнутой форме,

по сути – испускающий из неё бесконечность, при этом разрушая форму, делая её границу неясной. И пластический – убирающий бесконечность в скромную форму, сохраняя гармонию формы и содержания. Примером такого символа является греческая скульптура. Эти типы символизируют разнонаправленные интеллектуальные процессы, напоминающие развертывание микрокосма в макрокосм и обратное ему свертывание в диалектике Н. Кузанского.

Исторически, теория символа строилась по-разному: в античной Греции доклассического периода утверждалось тождество формы мифа и его символического содержания. Платон, применивший рефлексию второго порядка, в своих «мифах» стремился отделить фигуры-символы от героев до философских мифов. С другой, рационалистической стороны, (в рефлексии первого порядка) символ отделялся от аллегории – истолкования мифических героев как реальных людей в фольклоре, психологии, педагогике. Символ, как единство идеи и образа обосновал Ф. Шеллинг. Согласно Гёте, все предметы мира есть символы вечного становления, подобия чего-то иного. Г. Гегель представлял символ как условный знак, после чего К. Маркс отождествил знак и смысл символа в теории фетиша. Кассирер рассматривал человека как «символическое животное», поскольку миф, религия, искусство, наука являются символическими формами упорядочения мира. Внерациональную трактовку символа развивали К.Г. Юнг и М. Хайдеггер. З. Фрейд видел в символах симптомы комплексов и расстройств. Юнг усматривал в них фигуры коллективного бессознательного, «архетипы», структурирующие онтологическое пространство человека. М. Хайдеггер, опираясь на свой философский метод, предложил антианалитическую трактовку символа.

Критика символизма развивалась с начала XX века. О. Манделштам говорил о лжесимволах: вещах, представляющих утварь человека, удовлетворяющих его практические потребности, но выдающих себя за нечто более важное. Отсюда возникает необходимость освободить символизм от эзотеричности, преднамеренной сокрытости смысла. В. Иванов утверждал, что символ означает не одну, а две разные сущности. Символ – это соединение разнородного, взаимопроникновение двух планов бытия (идеально-образного и

реально-практического), их встреча. Особенно опасна, по Ч. Коллингвуду, абсолютизация символов, т.е. фиксация их текущего смысла как единственно возможного. Со стороны идеального образа, это приводит к догматизму в мировоззрении: идолопоклонничеству и суеверию, следствием которого может быть фанатизм. С другой стороны происходит разрыв символической связи идеального с реальной действительностью, что ведет мысль к деидеализации этой действительности, пессимизму и мистике. Следствием такого мировоззрения станет полярное восприятие действительности, пассивность, полное отрицание реального мира в пользу идеального.

Развитием этой идеи стала работа Ж. Бодрийера «Символический обмен и смерть». Ж. Бодрийер постулирует четыре этапа – от Возрождения до современности, превращения знака в симулякр: «знак, обозначающий реальность; знак, искажающий, маскирующий реальность; знак, маскирующий отсутствие реальности; знак-фикция, не связанная никак с обозначаемой реальностью» [60, с.23]. Он дает схему трех порядков симулякров: подделка – симулякр действует на основе естественного закона ценности; производство – на основе рыночного закона стоимости; симуляция – на основе структурного закона ценности. В Средневековье знак выполняет свою функцию – он не произволен, жестко связан с реальностью. С концом обязательного знака наступает царство эмансипированного знака. Возрождение – эпоха знаков, искажающих реальность. Новое время с его серийным производством ведет к угасанию оригинальной референтности. В современности знак превращается в структуру. А современная культура определяется Бодрийером как «процессия симулякров».

Символ в качестве знака, формы мысли, в принципе дихотомичен и двунаправлен, соединяет две бесконечности, одновременно соединенные и разъединенные, сопоставленные и противопоставленные друг другу. Это дихотомии добра/зла; души/тела; реального/воображаемого; человека/природы и т.д. Каждая из сторон дихотомии имеет объем и содержание, с помощью которых означает причисляемые к ней предметы. Символический процесс познания – всё более широкое применение каждого конкретного символа в качестве знака к

познаваемому миру, связан с внутренним процессом, протекающим в самом символе и необходимом для этого широкого применения. Это процесс расширения содержания одной из сторон символа, включение в неё новых признаков и расширение объема другой стороны символа – включение в неё всё большего числа предметов, к которым применяется символ. В результате такого двойного расширения, различие внутри дихотомии достигает возможного максимума, когда одна из сторон, потеряв объем, становится пустым знаком, перестав означать нечто реальное, а другая теряет содержание, обозначая всё, что угодно и не отличая что-либо одно от чего-то иного. Используя символ не остается ничего другого, как «размыть» дихотомию, совершить «обмен», приписав свойства одной стороны – предметам другой. В результате символ теряет свою двузначность, становясь универсальным, «тотальным» знаком, имеющим одно (выделенное) значение, т.е. становится понятием.

Как показывает Бодриар, универсализация противопоставления: Бог/человек, белый/черный и т.д. уничтожает оригинальность другого, стирает различия, «подравнивает», «нормализует» условно «плохого» под условно «хорошего». Универсалия, понятая как норма, опустошает объем этой нормы и, следовательно, сужает сферу её применения. Чем больше отличий от нормы – «человека вообще» мы находим у конкретных людей, тем труднее нам обнаружить человека как такового. Освобождаясь от чуждых ей признаков, норма становится более строгой и одновременно пустой по объему, что лишает смысла её применение. Хотя смысл, идеальный образ, став «пленником» символа-нормы, не исчезает совсем, но обедняется, дистанцируется от реальности. Он может перейти в другую форму: идеи или понятия, но оставшись в форме символа, становится «далёким от жизни».

Растворение различия внутри дихотомии символа может иметь два следствия: смену одного символа – другим (другой дихотомией) и «тотализацию» признаков первого символа. Ж. Бодриар показывает это на примерах: отмена, «растворение» фабрики приводит к тому, что люди работают дома, в кафе...; отмена тюрьмы приводит к тому, что осужденные живут среди нас, отмена

образовательных институтов – к тому, что все вынуждены заниматься самообразованием, а школьная дисциплина распространяется на всё общество. В результате, функции, которые раньше были распределены между разными членами общества: труда, контроля, дисциплины, в разной степени вменяются каждому человеку, делая его пролетарием, больным, заключенным, ребенком – одновременно. Характерен, в связи с этим лозунг студенческой революции 1968 года: «Мы все – немецкие евреи!».

Символическая дихотомия, показывая разнообразие мира, может служить метафорой, знаком раскола в группе людей. То есть видимым признаком социального расслоения. Устранить раскол можно также двумя путями: сделав всех людей равными в доступе или получении некоторых благ и отменив эту границу, организовав обмен разными благами между разными людьми. В первом случае, требование равенства: прав, свобод, оплаты труда, постепенно удовлетворяются властью, но на место устранившейся дихотомии приходит новая, а власть охраняет границу социального неравенства, расширяя при этом сферу своего контроля. Так, (пример Бодриера) введение регулярной полиции вместо палачей в 1820 году в Англии привело к тому, что полиция заменила преступность в репрессии над гражданами, стала всеобщей и превентивной репрессией. Второй рецепт принадлежит первобытным общества и утопиям.

На уровне языка символическую дихотомию можно представить как отношение означающего к означаемому; на уровне познания – как отношение между реальным и воображаемым. Как пишет Ж. Бодриер, «Каждый член дизъюнкции стремится исключить другой, делая его воображаемым. Второй элемент оппозиции – это смерть первого элемента, с которым он борется, воображая. Он одержим вторым элементом» [там же, с.187]. Реальность мыслиться человеком как «не идеал» в его отношении к воображаемому идеалу. У Лакана реальность является не репрезентацией, а следом, отсутствием. Человек воображает, конструирует свою реальность, как противопоставление своему, столь же воображаемому идеалу. Это идеальная форма символа, где обе стороны представляют образ противопоставленных зеркал – пустых, пока нечто не будет

поставлено между ними. Когда некое содержание займет это место, каждое из зеркал отразит преимущественно одну сторону содержания, наиболее близкую ей и, в меньшей степени – дальнюю для себя сторону. Человек, пользующийся символом как средством познания, будет наблюдать это учетверённое, умноженное изображение двуединого в своей символической основе, предмета.

Выбор, который определяется дискурсом эпохи: считать ли каждый из четырёх образов единого впечатления атрибутом отдельной субстанции или самостоятельной сущностью, единой только с миром в целом. Логично в символическом процессе возникает фигура двойника предмета, человека, как представителя второй стороны символа. Имея многоаспектное, многогранное представление о мире, человек может «собрать» своё и его единство двумя основными способами: внутри, абстрагируя в себе некоторую сущность, соотносимую с одной из сторон противоположности: душа/тело или вовне. В последнем случае, человек считает каждый образ равновозможным, «живым» и выстраивает с ним отношения как с представителем иного аспекта реальности, единой только в своей бесконечной перспективе. При этом изначальная дихотомия символа не онтологизируется, не превращается в метафизику субъекта, а дробится на более мелкие сущности, которые соотносятся с предметами материального мира – в первобытных обществах или раскладываются в ряды и последовательности, диалогически сообщающиеся между собой в философии и литературе постмодернизма. Ж. Бодрийяр приводит пример «отмены» дуализма душа/тело: «Разговор со своим телом, его частями, которые могут отвечать человеку – это конец раздвоенности и отчуждения» [там же, с.210]. Диалог предполагает обратную связь – ответ и ответственность человека в любых социальных отношениях. Тогда как в «нормализованной», рационализированной всеобщей системе личная ответственность исчезает: абстрактная власть приводит к норме всех и всегда, управляя социальными отношениями, надстраивая над неформальными правилами реальных отношений множество формальных правил, нужных только самой власти.

В отличие от понятия символ связан с бесконечностью указаний на другие символы или их интерпретации и никогда не достигает точности определения, доступной понятию.

3.2.3 Понятие. От понятия – к концепту

В отличие от образа, идеи и символа, являющихся принципиально открытыми к своему содержанию формами мысли, понятие, как правило, имеет точное определение, а его содержание упорядочено строго определённым объемом признаков, входящих в это понятие. Благодаря этому понятия менее подвержены историческим изменениям, «закрываются» для нового содержания. В понятиях выражаются естественнонаучные и социальные законы, обоснованные другими понятиями. С помощью понятий формулируются правила-инструкции, требующие точного исполнения. История одного понятия это, как правило, история его имени, так как каждая научная революция, эпистема переопределяла большинство важных для неё понятий, причём переопределяла на новых объектах и с помощью новых методов. Строго определённые понятия «конечны» относительно своих предметов и методов, а понятийные системы – теории, являются замкнутыми языками, т.е. критерии их истинности принадлежат им самим. Понятийный дискурс опирается на строгие определения понятий, в пределе – на систему аксиом. Обладая рефлексией Д-1 – Д-2, за счёт высокой связности понятий он способен создать волну актуальности А-4, выражаемую в полной мере только сквозным дискурсом.

Чистое понятие – понятие с пустым объемом и бесконечно большим потенциальным содержанием. К примеру, понятие Ничто как чистая форма, родовым понятием для которой выступает противоположность Всё (Бытие). Если Всё, как высший род не определимо, то Ничто определимо как форма, которую можно наполнить любым содержанием, и в то же время независимую от своего содержания – форму понятия вообще, имеющего единственное свойство: наличие формы. Форма делает Ничто понятием. Но идея Ничто бесформенна, она

обращает Ничто на его содержание: «это ничто». Идея Ничто пуста. Пустота как отсутствие предметов есть образ Ничто. Символ Ничто есть окружность, граница пустого пространства. Но пустое пространство есть место, освобожденное от предметов. А место есть материя (субстанция), лишенная свойств. Так Ничто, всегда пустое как форма, становится всем (материей), наполняясь содержанием других мысленных форм. Следовательно, идея, образ, символ, концепт не чистые формы по отношению к понятию, они несут на себе «алфавит» содержания. Применяя ту или иную (образную, символическую) форму, мы приписываем определенное содержание будущему понятию. Только очистив мысленный предмет познания от этого содержания, мы создадим понятие о нем.

Следует различать логическую, лингвистическую и философскую семантику слова «ничто». В логическом, как и в математическом смысле, это «ноль», необходимый в содержательных рассуждениях, но не имеющий (в принципе) никакого содержания. В лингвистической семантике слова указывают на вещи либо на наше восприятие вещей, т.е. имеют (хотя и в разной степени) определенное объективное содержание. В лингвистическом восприятии «ничто» может быть метафорой, образом, символом, указывающим на нечто реальное, что можно выразить другими словами, более ясно (хотя и менее ярко). Ничто не бывает «много»: это либо «мало» либо «все», оно существует в единственном числе. Как в поговорках: «сто рублей – не деньги», «для бешеной собаки сто километров – не круг» и т.д. Всё, на которое «махнули рукой», сделали его ничего не значащим. К примеру: «судьба индейка, а жизнь – копейка». Это различие интенционального и экстенционального значений понятия. Различие «ничто» и «пустого понятия» в языке проходит по линии двойного отрицания: к примеру, «делать ничего» и «ничего не делать», «совсем ничего не делать».

На страницах «Общего исследования, касающегося анализа понятий и истин» Лейбниц уделит внимание экзистенциальной интерпретации основных силлогистических предложений, содержащейся в его работах также и в других вариантах: где «существует» и «не существует» заменено соответственно на «есть вещь» и «не есть вещь», «есть сущее» и «есть не-сущее». Таким образом, он

прямо говорит о пустом понятии (*non Ens*). Эта тема стала предметом рассмотрения в его работе 90-х годов «Некоторые логические трудности» [187, с.47]. В ней рассматривается, по видимости парадоксальная ситуация: с одной стороны, общеутвердительное предложение может быть истинным, даже если не существует тех вещей, о которых идет речь; с другой — из него логически выводится частноутвердительное, всегда предполагающее существование.

Видимость парадокса, считает Лейбниц, проистекает из двусмысленного понимания «сущего» — смешения разных смыслов «существования»: в возможности и в действительности, которое всегда следует устранять, осуществляя вывод. Впервые столкнувшись с пустым понятием, Лейбниц не включил его в качестве полноправного элемента в систему логики. Он не рассматривал виртуальную, информационную действительность как часть реальной действительности, оказывающую сегодня существенное влияние на материальную реальность, но при этом не подчиняющуюся законам материального существования. Понятие не может утверждать собственное «не существование», но оно может обладать пустым объемом.

В философии, особенно в диалектике, понятие «ничто» активно использует Г. Гегель. Согласно интерпретации А. Кожева [165, с.74], под понятием «ничто» Гегель имеет в виду не объем пустого понятия, а человека, его свободу, рассмотренную в качестве самоотрицания субъекта, как смерть. Смерть есть отрицание жизни, свобода есть отрицание необходимости закона, культура есть отрицание природы. Но во всех этих «отрицаниях» есть нечто положительное (закон, необходимость, которая может быть описана), новое содержание. Гегель утверждает диалектическую структуру Бытия и Реального, понимаемых в их целостности, тотальности. Его Абсолют включает в себя три части: тезис — наличное Бытие, природа; антитезис: человек, действие, негативность; синтез — труд, история, движение, тотальность. Такая совокупность реального, взятого в своей двойственности, объявляется объективной реальностью. Это «ничто» является необходимой частью «всего», без которой «всего» не будет. Кожев рассматривает Гегеля не как философа, анализирующего реальность и стоящего

вне ее, а как мудреца – медиума, демонстрирующего эту реальность и растворяющегося в ней. Дискурс Гегеля – дискурс Абсолютной идеи, включает в себя содержание законов и запретов как негативную, невидимую интеллектуальную структуру, без которой всё остальное содержание потеряет форму.

Умножение смыслов изначально бедного по содержанию понятия «Ничто» доказывает потенциальную неисчерпаемость любого понятия в случае стремления человека придать ему то или иное содержание. Но это новое содержание понятие приобретает, когда пересматривают определение понятия и оно занимает определенное ему место в системе других понятий, теории или мировоззрении. Логически и лингвистически ясное значение понятия «ничто», как понятия с нулевым объемом исчезает, когда мы начинаем использовать его в метафорическом смысле, наполнять субъективным содержанием. Фактически такое понятие теряет свое изначальное значение и становится формальным классификатором, упорядочивающим любое содержание в соответствии с предписанной ему ролью в онтологии, метафизике субъекта. Каковую операцию нередко осуществляет конкретный дискурс (к примеру, псевдонаучный), переопределяя понятия с помощью этимологии их имён или других «убедительных» и самозаконных для обыденного сознания методов. К таким определениям прибегал, в частности, Ф. Ницше.

В результате понятие в дискурсе производит деление полного множества ситуаций (реальности) на произвольное число n пересекающихся подмножеств, классов и оценивая каждый из них. К примеру, наделяя реально существующие и описанные группы людей вымышленными (взятыми из онтологии дискурса) качествами. Люди, принадлежащие этому дискурсу, начинают видеть реальность особенным, отличным от большинства других людей, образом. К примеру, когда ситуация (по их мнению) принадлежит к i -му классу (i -му понятию), подсистема определений и предписанных действий автоматически приходит в i -е состояние. Эти люди начинают действовать так, как предписывает их теория, игнорируя нравственные понятия и права других людей.

Понятие может употребляться как в формальном (классификатор) так и в содержательном (реальном) смысле. К примеру, «Платон смешивает воедино соотношения значений (определения) понятий с соотношениями их реальных референтов, приписывая вторым особенности первых и наоборот» [330, с.229]. Тоже нередко происходит и в обыденном языке, где ставить вопрос о внутренней непротиворечивости не имеет смысла. Его богатые выразительные возможности имеют и свою обратную сторону — парадоксы. Проблема, которую открывает парадокс, это не только проблема выбора верной интерпретации. Парадокс может быть истолкован в субъективном, удобном для разъясняющего смысле, что открывает простор для лжи, произвола и манипуляций понятиями. Понятийно открытыми и закрытыми могут быть не только высказывания, но и теории и тексты.

Замкнутые онтологии замыкают свойства одной категории на свойства другой, благодаря чему происходит их взаимопроверка и взаимное обоснование. Как правило, одна из категорий имеет другой характер. В ней идеально-теоретическое (субъективное) понимается двояко: как в идеальном, так и в реальном, субстанциональном смысле, что приводит к «неопровержимости» идеи оппонентами, поскольку опровергать оба смысла одновременно невозможно, а отрицая один смысл, человек признает другой. Этой ситуации избегает в своём дискурсе И. Кант, избавляясь от смешения языка и метаязыка путем отделения категорий (для описания мира) от регулятивных идей (отвечающих за целостность мира, проверку описания). Множественность исторически сменяемых значений понятий, их историческая конкретность часто противоречит тотальности, вне-временности употребления этих понятий. Это противоречие преодолевается в концепте.

3.2.4 Концепт как форма передачи смысла

Концепт и понятие – термины разных наук: понятие характерно для естествознания и классической логики, а концепт – термин наук о культуре и

математической логики. Концепт и понятие имеют разную природу и историю: в понятиях Платон и Аристотель стремились выразить абсолютное знание и наделяли его постоянным значением. Концепт – плод диалектики Абельяра, соединившего условность имени с реальностью качеств, объединенных этим именем. Тем не менее, концепт и понятие могут дополнять друг друга: стремясь определить понятие, собеседники используют концепты в качестве его будущего содержания, а двигаясь к концептам, они опираются на устойчивые понятия. Универсализм концепта направлен на универсализм рефлексии (Д-4), единство знания и предполагает его общезначимость, актуальность (А-4), наряду с возможностью выделения отдельных, подчинённых смыслов (от А-0 до А-3).

Для дискурса, оперирующего с именами, безразлично, именами чего они являются. В таком случае конструируемое понятие превращается в «след» и не может быть актуализировано полностью. «...Мы видели, что наше рассуждение о любом предмете представляет собой попытку его последовательной актуализации. Но в каком виде существует актуализированный предмет? Только в виде следа. Оказавшись в прошлом, он теряет статус действительного и должен быть вновь актуализирован, чтобы вновь стать предметом рассуждения» [118, с.87]. Имена в качестве частей идеального объекта легко теряют свою предметность, поскольку грамматически они неразличимы, и мы забываем, именами чего (понятий, концептов, идей, образов) они являются. Чтобы иметь гарантию, что мы говорим об одном и том же, мы вынуждены формулировать общее правило конструирования, применяя которое к определенным объектам мы всякий раз могли бы получать тот же результат. В качестве этого правила может выступать традиция в культуре, методика, теория, парадигма – в науке, т.е. дискурс.

М. Фуко в работе «Порядок дискурса» выделяет два уровня дискурсивных практик: во-первых, повседневные дискурсы о вещах и действиях с ними и во-вторых, рефлексивные по сути, теоретические дискурсы, объясняющие причины и условия наших действий. Дискурсы второго типа позволяют конструировать новые дискурсы, благодаря тому, что содержат правила понимания

действительности и построения некоторых теоретических объектов в развитие этого понимания. Классические для постмодернизма примеры рефлексивных дискурсов дают З. Фрейд и К. Маркс.

Первый вид дискурсов, о котором говорят Гутнер и Фуко, неустойчив, а его результат – сконструированное понятие, подвержен тотальной интерпретации. Второй вид дискурсов, определяемый Фуко как транс-дискурсы, задают традицию: они включают в себя систему категорий и правила отношений этих категорий, задающие общее правило построения понятий внутри данного дискурса. Очевиден и третий тип дискурса: это теории, сформулированные в рамках дискурса второго типа (традиции) и основанные на модификации традиции, определенном ракурсе рассмотрения проблемы. Следовательно, одно понятие, сформулированное в разных дискурсах (научном, социальном, религиозном), будет иметь различную ценность в детерминированной актуальным дискурсом реальности. Успех, возможно широкое применение того или иного понятия в этом случае зависит не столько от степени интеллектуального совершенства, сколько от того, к какой актуальности апеллирует вводящий его человек.

Концепт, в отличие от понятия, это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [294, с.41]. Концепт, даже с помощью дискурса, труднее переопределить или приписать ему меньшую ценность, чем у него есть. Таковы концепты: родной язык, народ, Родина. Типичная манипуляция, производимая с ними в дискурсе, это «употребление всеу», часто, без необходимости. Отчего их смыслы вместе с другими смыслами данного дискурса могут «стираться», тускнеть, хотя и не исчезают полностью. Говоря о концепте «время» мы подразумеваем некую длительность, но игнорируем различие субстанциональной и реляционной конструкций времени как понятия, т.е. неявно требуем от собеседника понимания и принятия через понимание нашей концепции, какой бы

она ни была. Синкретичная конструкция концепта «снимает» противоречие условного имени и безусловной реальности качеств, но не разрешает онтологическую проблему различия существования того и другого. Аналогично, термин «концепция», в науке определяется как способ трактовки, понимания, система взглядов на явление, что отсылает нас к синкретизму концепта.

Форма и содержание концепта должны быть «прозрачны» и относительно независимы друг от друга. Это проблема соотнесения сущности и явления наших форм мысли. В мире языка, как показывает О. Фрейденберг, существование слова, как правило, предшествует значению, в котором мы знаем его сейчас. Новое значение подменяет или уточняет старое в рамках концепта (функции, социальной роли). Актуальное понятие же, напротив, оформляет возникшее значение, потребность в этом понятии, т.е. реализует уже имеющуюся концептуальную сущность в актуальном существовании (значении). Понятия могут существовать в качестве идеальных объектов, элементов в структуре отношений, и сущностей.

Мы никогда не сможем отождествить понятия об одном и том же, построенные различным образом и имеющие разные способы существования. Пример этому приводился выше: дума, парламент, вече, сенат.... Отношения между условно понимаемыми именами конструируют структуру значения, соотнося условное имя с именем безусловным, оценочным и фиксируют этим именем отношение к знанию сообщества людей. Этим безусловным, оценочным именем часто выступает концепт.

Как правило, концепт объединяет разнородные свойства, наделяя их общей сущностью, но при этом допускает дифференциацию смыслов употребления, существования этой сущности. «Предполагая наличие трех источников достоверного знания (чувства, разум и вера), он (Иоанн Солсберийский) дифференцирует в рамках концепта предложенный Абеяром когнитивный синкретизм, фиксируя не только специфические познавательные функции как чувственно-опытного, так и рационально-логического ("диалектического") познания, но и необходимую взаимодополняемость эмпирических и рационально-

теоретических источников знания» [223, с.15]. Смыслы концепта указывают специфичные пути и цели конструирования понятий. Тогда как понятия, посредством смысла, контекста указывают на свою концептуальную сущность. Теорией концепта Абельяр положил начало дисциплинарности знания, основанной на различении смыслов одного концепта в его применении к разным предметам и предложил иносказание, описание вещи как способ мышления о ней.

Концепт и понятие – это не только разные методы конструирования знаний, это результаты разных традиций и разной социальной практики двух разных цивилизаций – античной и средневековой. Античное понятие, в представлении его конструкторов – сама истина и абсолютное знание (к каким бы последствиям оно ни приводило). Тогда как средневековый концепт указывает на иную ценность – разрешение спора, социальный мир, сохранение единства знания и монологического его изложения. Истина не постижима разумом «во всей её полноте». Иная, целевая рациональность Нового времени предполагает множественность целей, предпосылками которых служат каноны чистого разума: что я могу знать?; что я могу делать?; на что я могу надеяться? Реализуют их способности человека: слух – предпосылка музыки, зрение – живописи, любопытство – науки. А средствами осуществления целей служат вещи сами-по-себе.

В целевой рациональности мы разрываем причинные цепи [68, с.185] и видим альтернативность и независимость друг от друга целевых причин как и способностей человека. Каждая цель и способность могут определить сущность и порядок существования идеальных предметов различным образом, не сводя их к одной природе и к одному статусу. Целевая причинность кажется более предпочтительной, поскольку людям легче достичь понимания по поводу частных вещей, чем по поводу общих концепций и представлений о мире в целом.

Дискурс способен завести нас в два тупика: абсолютного догматизма и такого же плюрализма. Догматизм вскоре подвергается сомнению и справедливому обвинению в узурпации интеллектуальной власти, тогда как плюрализм утверждает, что все возможно, все позволено, в том числе повторение

старых теорий, т.е. догматизм. В результате истина, как и ее критерии, оказываются относительными. Между догматизмом и плюрализмом возможен альтернативно-конструктивный подход, опирающийся на целевую рациональность и синергетический дискурс. Это подход в духе И. Канта, утверждавшего, что наша свобода, в сущности, сводится к выбору из нескольких реальных вариантов: к примеру, для переправы через реку мы можем найти лодку, построить мост, прорыть тоннель. В синергетическом дискурсе мы, поставив конкретную цель, должны сконструировать несколько альтернативных понятий, актуализировать все реальные варианты, а затем сравнить и выбрать лучший. Об этом же, но с другой стороны, говорит М. Эпштейн, призывая открывать «миры возможного», находя «новые сущности уже существующих вещей».

Дискурсивное мышление родственно философскому. «Философу отличие дискурса вообще от текста вообще напоминает как раз о том, что отграничивает философское мышление от обыденного и научного... Философская рефлексия... это — форма открытости, которая точке предпочитает вопрос, которая намеренно преобразует точку в вопрос, границы всякого текста расширяя до контуров культурного объекта, а культурный объект — до возможного мира вообще» [154, 36]. Знание о мире – это совокупность миров, открывающихся познающему разуму по его «канонам» в диалоге с этим единственным миром.

Содержательное единство процесса познания, выраженное во множестве форм: образа, идеи, символа, понятия и концепта, демонстрирует сложный, противоречивый процесс познания, связанный с отношениями содержания и формы, субъективного и объективного, имплицитного и эксплицитного. В основе различных форм человеческой мысли лежит соотношение двух принципов: бесконечной классификации знаков и конечной классификации уровней рефлексии. Благодаря их различному сочетанию формы отличны по способу отношения к своему содержанию: образ целостен и предметен, идея – связывает между собой два образа, символ соединяет и отождествляет разнородные образы, понятие строго определяет себя относительно своего содержания, а концепт

объединяет конкретность качеств и условность имени. Но внутри этих форм идут схожие процессы синтеза содержания, осуществляемые с помощью «снятия» противоречий между сторонами этого содержания. Форма активна до тех пор, пока это процесс не окончен. Форма, чье внутреннее содержание стало непротиворечивым, становится тождественна этому содержанию. Она выполнила, свою когнитивную роль и должна быть заменена на иную форму. Смену форм в процессе познания осуществляет познающий субъект, в роли которого могут выступать и другие интеллектуальные системы, в том числе социальные. К примеру, дискурс с его волнами актуальности и последовательной трансформацией содержания.

3.3 Круговорот смысла в дискурсивном процессе

Если в первой главе речь шла о соотношении дискурса как философского термина со структурой философской рефлексии, во второй главе дискурс рассматривался как метод философии: система высказываний или система правил, в третьей дискурс рассматривается с точки зрения его способности передавать определенное содержание знания и форм передачи этого содержания. Здесь нас будет интересовать, каким способом формируются (а затем уже гипостазируются) формы идеальных объектов. Этим формам, в их исторической конкретике М. Фуко уделял не много внимания, т.к. создавал свой метод и выстраивал сообразно ему свою систему понятий.

Говоря о дискурсе с точки зрения его содержания, т.е. его способности к преобразованию некоторого содержания – в знание, мы имеем ввиду когнитивный процесс, определенный круговорот смысла. На его первом этапе потребности людей удовлетворяются с помощью реальных жизненных отношений между ними. На втором наиболее важные отношения абстрагируются и объективируются в идеальных образах и правилах, сумма которых представляет этикет, ритуал или идеологию, где должное, смысл надстраивается над сущим. На третьем этапе нормы реализуются в новых реальных жизненных отношениях,

преобразуя их и, тем самым, опредмечиваются. Смысл отчуждается от своей идеально-материальной формы (слова, правила). Должное, реализовавшись в сущем, перестает быть должным, а становится (хотя бы частично) сущим, повседневным. В результате, на четвертой стадии, возникает новый смысл, свободный от формы, не рефлектируемый до конца, не имеющий словесного выражения и находящий своё выражение в «прозрачности экзистенции» (Киркегор) или в отношении «я – ты» (Бубер). Для него характерно распредмечивание, присвоение людьми. Этот новый смысл закрепляется в новых реальных жизненных отношениях, из которых будет вновь выделено должное и противопоставлено сущему в форме идеальных образов, идей, концептов или абстрактных понятий.

Таким образом, дискурс преобразуется в практику, действие, а практика преобразуется в дискурс. Это два разных преобразования: в первом случае дискурс, как правило, и стимул, побуждающие к определенным действиям, должны стать предметом рациональной критики для осознания мотивов этих действий. Во втором, привычная практика, здравый смысл должны быть осознаны и реконструированы как дискурс, стать предметом обсуждения с позиции современности и возможной последующей трансформации. Круговорот смысла, подобный герменевтическому кругу, демонстрирует имплицитный закон самосовершенствования общества, практики, действующий через совершенствование правил и норм, через культуру. В пользу его существования говорит единство смысла фольклора древних, родоплеменных обществ, единство средневекового символизма [190], а также исследование архетипов К.Г. Юнгом [346], каждый из которых проявляется независимо от конкретной культуры, у всех людей и во все времена.

Форма и содержание дискурса отчасти связаны, а отчасти, независимы друг от друга. Формы, правила дискурса отбирают наиболее важные элементы содержания и реализуют их в практике, что, в свою очередь, приводит к опустошению этих форм. Оформленная ими практика рождает новые смыслы, интересы, направленные к содержанию. Знание всегда основано на определенном

гипостазировании форм этого знания, необходимых для его трансляции и понимания. Тогда как движение мысли, интенция, всегда направлена на пересмотр, модификацию или трансформацию имеющегося значения. У М. Фуко «игры истины» можно рассматривать как игры правил интенции, а устойчивые формы передачи знаний: идеи, образы, символы, понятия, концепты – как формы единые с содержанием, передающие определенное знание в соответствии с историческим фоном, эпистемой, дискурсом. Единство дискурса можно утверждать как единство взаимосвязанных норм: «Многочисленными работами этнографов доказано, что строгого разграничения между ритуалом, этикетом, обрядом, моралью и т. д. не было... Все существовавшие нормы были едины в своей основной функции — поддержании порядка, сохранении традиций, завещанных предками, ради самосохранения общества как целостности — и несли в себе определенные стандарты, шаблоны поведения, которые позже приобрели характер собственно этикетных форм» [191, с.154].

Дискурс в качестве системы правил подобен этикету, хотя и шире последнего: он включает в себя как формальные нормы общества, так и те, что складываются в процессе жизни людей. Этикет проходит в своем развитии ряд стадий: от разумных правил – к религиозной традиции, далее – к эстетике, а затем вновь к прагматике. Правила этикета являются формой, которая наполняется новым содержанием в каждое историческое время. Для этих норм характерна прагматическая и мифологическая ценностная природа. Контроль за их соблюдением может выливаться в профессиональную деятельность (специалиста по протоколу). А санкцией за нарушение этикетных норм является исключение из группы людей. Говоря о литературном этикете, соединяющем в себе этикет реальных норм и идеологических правил языка и стиля, Д.С. Лихачев имел ввиду единую нормативную систему, отличающуюся целостностью, хотя и не называл её дискурсом. Такая система несет в себе:

- представления о должном,
- точную иерархию ценностей: духовных, деловых и практических;

- одновременность (вневременность) существования всех текстов, разделяющих эту систему ценностей.

Мы можем говорить о ней с уверенностью только на второй стадии дискурсивного «круговорота», когда реальные жизненные отношения людей сформировали определенный идеал, потребность в нормах [25, с.81] и «наложили» его на действительность. С этого момента начинается «двойное» восприятие мира: символически-нормативное и реально-практическое одновременно. Каждому явлению в этом дискурсе приписывается двойной смысл: видимое осмысляется невидимым, а невидимое – видимым. Как и в возрожденческой эпистеме Фуко, здесь два мира прочно соединяются «струнами» символических отношений: зима символизирует смерть, весна – рождение новой жизни, лето – вечную жизнь, осень – подведение итогов. Символ возникает с помощью абстрагирования избранных качеств реальных явлений и используется как метод их возвышения. Символический параллелизм действий героев имеет целью не только показать действие, но сопоставить материальному поступку – духовный смысл. Символизм как метод познания, «стиль эпохи» оказывается универсальным, межкультурным. Как пишет Д.С. Лихачев, «не только сущность, но и сами символы во многом одинаковы на средневековом Западе и Руси» [190, с.246].

Развитие такого дискурса подчинялось ряду правил. В отличие от современной литературы где меняются формы, в средневековой «отмирает содержание, а формула «окаменевают», после чего может наполниться другим содержанием». Исчезает сначала функция, а затем и форма. Этот процесс характерен для третьей стадии развития дискурса. Затем в литературе развиваются силы, которые борются с прежними канонами, разрушают их, что говорит о появлении нового дискурса, несущего новый смысл (должное).

На четвертой стадии дискурсивного процесса содержание покидает форму, становится имплицитным. Это кажется несколько странным: как может существовать содержание вне всякой формы? О его существовании мы можем судить по отношению к другим, внешним для него вещам, по тому, как они

«изменяют свои орбиты» под влиянием имплицитного смысла. Всякая познавательная позиция, основанная на отношении, избегает крайностей. Буддизм делает это в концепции дхамм, М. Фуко – в концепции дискурса, Э. Гуссерль подвергает критике как учения, гипостазирующие общее: платонизм, гегельянство, так и эмпирические теории абстракций Локка, Беркли, Юма. Он доказывает, что акт усмотрения общего всегда основан на акте восприятия, но интенция общего радикально отличается от интенции индивидуального. Соответственно различию значения и предмета выделяются две ветви «чистой логики»: теория предметов – учение о части и целом как о самостоятельных и несамостоятельных предметах и учение о самостоятельных и несамостоятельных значениях — «чистая грамматика». Как писал Ж. Деррида: «Гуссерль как раз показывает, что субъективность, «нормированная» в своем Настоящем объективным конституированным смыслом, а значит, его «абсолютной логикой», «связывает» свои «нормы» с «более высокой субъективностью», то есть с самой собой, в творческом движении, которым она себя преодолевает. Следовательно, она производит новый смысл...» [67, с.85].

Феноменология строится своим основателем как рефлексивная наука, где направление познания «противоположно естественному». Переживания сознания – психические акты вместе с их смысловым содержанием извлекаются из психологической и грамматической оболочки (высказываний), а их значения отделяются от материального бытия знаков. Гуссерль демонстрирует строгость феноменологии, и её способность открывать основание достоверного знания, приводя пример геометрии. Если тексты гуманитарного характера в принципе многозначны и трудно переводимы с одного языка – на другой, то теоремы геометрии переводятся без ошибок на разные языки [там же, с.84]. Существует интенция на истину и интенция на абсурд, поскольку качество осмысленности высказывания не зависит от качества его истинности. Гуссерль задается вопросом: как знание становится ясным, то есть достигает «идеальной объективности»?

Ж. Деррида, во «Введении к Началам геометрии» Гуссерля, обнаруживает противоречие данного метода: с одной стороны, утверждается независимость истины по отношению ко всякой фактической культуре и языку, а с другой – это необходимо для того, чтобы «обнажить зависимость юридическую и трансцендентальную» [там же, с.90]. Было бы наивно уподоблять истину (в т.ч. геометрии) платоновским идеям с одной стороны, и еще хуже – делать её хаотической и произвольной. Парадоксальным кажется утверждение Гуссерля, что новую истину, обретенную нами путем длительной редукции, в том числе редукции языка, мы вновь познаем с помощью языка! Деррида фиксирует этот момент как чистую возможность некоторой информации в чистом языке вообще. Слово, ставшее носителем новой истины, «впадает» в речь и отчуждает идеальную чистоту смысла от своего автора, предоставляя её другим людям. Без этого «впадения» смысл так и остался бы в голове изобретателя. Может ли такой смысл «испортиться», скрыться или исчезнуть в результате нового воплощения в слове?

Как доказывает Гуссерль, если смысл (математический образ прим. Л.П.) хоть раз появился в эго-логическом сознании, его уничтожение становится невозможным. То есть он не сможет испортиться, сломаться или стать неистинным при любых переводах на другие языки. Здесь мы имеем дело с отделением истории фактов от истории смысла этих фактов. Поскольку эти две истории подчиняются разным интенциям и разным внутренним законам. Первая история говорит о сцеплении событий между собой – она открыта времени, неполна и противоречива. И потому – в принципе интерпретируема и многозначна. Вторая – метаистория: она подобна философии истории Г. Гегеля и «Розе мира» Даниила Андреева. Её объекты, подобные геометрии Евклида и другим геометриям, подчиняются рефлексивным математическим законам: они полны, непротиворечивы, там действует аксиома выбора и т.д. Но откуда берутся эти объекты? И. Кант в Критике способности суждения выводит «план цели» как регулятивную идею мышления – интуицию целого, направленную на познание бесконечного (по Кузанскому). Причем это познание не открывает истину

смысла, а только символизирует её, «свидетельствует» о ней, открывая мир вещей самих-по-себе. Таких, как: прекрасное, истина, свобода, всеединство, благо, справедливость.

Какова связь этих двух уровней реальности? Роль посредника между фактом и смыслом, сознанием и историей берет на себя идея (в кантовском смысле этого слова). Идея – это операциональный концепт, она не рефлексивна, конкретна, прозрачна относительно своего содержания и видима только благодаря ему. Так, идея бесконечности отлична от самой бесконечности, идея свободы – от свободы и т.д. Как правило, мы наблюдаем некий факт, явление в оболочке идеи. Идея выступает формой утверждения даже о том, чего нет в реальности. При этом она несет отношение к объекту, выступая самой объективностью.

Отсюда возникает третья история – история идей, локальных посредников между предметной реальностью и идеальным смыслом. Идея, как сущностная форма, чувственная идеальность возникает до математических образов точных наук, создающих замкнутые, самосогласованные системы. Три истории, развертывающиеся параллельно и одновременно демонстрируют сложную динамику работы мышления с содержанием в процессе производства знания. Мышление можно уподобить строителю, осуществляющему три процесса: производство «кирпичей» - идей из строительного материала (фактов); укладку их в реальную постройку (теории); и наблюдение за воплощением замысла – чертежа (смысла этой теории). Феноменология в этом процессе концентрируется на самом тонком звене – производстве идей «строительных материалов». Гуссерль говорит о «целевом смысле», в котором нужно обнаружить «ноэматический феномен» науки, для которого характерны: постепенность идеи – отношения, взаимное порождение и обуславливание субъекта и объекта и т.д.

Отличие эйдоса – смысла от идеи, как формы этого смысла, лишенной своего содержания, состоит в том, что смыслы – это идеальные объекты или замкнутые системы таких объектов, где свойства целого определяют отношения частей. Поэтому смыслы могут передаваться «без потерь» при переводе с языка

на язык, могут «быть или не быть» в целом, но не могут существовать частично. Идея в отличие от смысла, всегда «по ту сторону сущности», она подобна линзе для своего содержания, скрытому (за горой) солнцу, дающему свет, но скрывающему себя. Идея, как говорит Ж. Деррида, «полюс осуществления трансцендентальной субъективности», тогда как смысл – метаисторическое движение в своей (особой) историчности. Целеполагание, метод феноменологии предполагает разделение смысла и бытия, истории и метаистории, с последующим сопряжением их противоположных законов. В дискурсивном смысле это напоминает разделение правил и практики, к которой они применяются.

Чем является или может являться содержание, носителем которого выступают три мыслимые истории: понятий и фактов, истории идей и истории смысла? Здесь мы должны найти «точку схождения» самых разных и даже противоположных по своей направленности философских теорий. В формальном, методическом смысле, эта точка должна указывать на единую природу мысли. У И. Канта и чистый, и практический разум, как и способность суждения, существуют независимо друг от друга. Тогда как у Г. Гегеля, три логических аспекта: рассудочный, негативно-диалектический и спекулятивный действуют совместно и одновременно, определяя единство мысли и действия. Это троякое единство оказывается невыразимо средствами линейного звукобуквенного языка и классической формальной логики. Мы можем мыслить и действовать на основе сложного анализа многофакторной ситуации [287], но мы вынуждены говорить одновременно только об одном из трех возможных аспектов реальности. Отсюда следует относительность понятий и категорий по отношению друг к другу и к внешнему миру. Их не тождественность самим себе в ситуациях конкретного употребления, размывание границ, внутренняя противоречивость.

Содержательно эта точка должна выражать сущность человека в единстве его мысли и действия, должна быть «достойной» и «разумной» одновременно. Такой точкой может быть воля к совершенству, по-разному проявляющаяся в концепциях Н. Кузанского, Б. Спинозы, И. Канта, Г. Гегеля, А. Шопенгауэра,

Ф. Ницше, С. Киркегора и многих других западных философов. В русской мысли эту идею представляет Вл. Соловьев и вся традиция философии всеединства. На Востоке стремлением к совершенству пронизана индуистская философская традиция, труды Конфуция и Лао-цзы. При этом содержанием смысла выступает сама воля (порыв, дух, стремление), а критерием совершенства выступает стремление к истине, благу, красоте, могуществу, преодолению границ времени и пространства. Но здесь мы встречаемся с различием «человека естественного», для которого характерно существование в циклическом времени и человека «противоестественного», культурного, чей образ вывел А. Кожев из антропологии Гегеля. Только для последнего характерно иметь идеал как практическую цель и признавать онтологическую конечность своего существования. Он живет в линейном времени, борется за собственное признание и самосовершенствование.

В каждой из трех историй этот содержательный идеал реализуется своим способом: в предметном знании о мире идет борьба за истинное познание, в обществе – борьба за признание достоинства каждого человека. В области смыслов происходит переоценка ценностей, смена приоритетов развития и корректировка проектов – по мере их осуществления в реальности. В промежуточной между ними области идей – мысль соединяет противоречия смысла и действительности парадоксальным принципом: вопреки; не так, как было; иначе. Либо создает сквозной дискурсивно-диалогический процесс понимания и действия в реальности.

Структура мысли в этом случае должна включать ряд форм:

- во-первых, идеально-«геометрический» образ, как о нем говорит Э. Гуссерль;
- за ним – идея, как логическая связь элементов образа, способ его представления;
- далее – символ, соединяющий идею с образом;
- понятие, как дедуктивно определенное содержание;
- концепт – прагматически ориентированное, конкретное знание.

Формы не остаются постоянными. Каждая из этих форм характеризуется особым процессом, развивающим характерное для неё отношение формы и содержания, придания значений предметам с помощью конкретных знаков. Переход от одной формы мысли к другой происходит по мере формализации формы, т.е. исчерпания возможностей конкретного процесса означения, когда знак, имеющий форму образа, идеи, символа, понятия или концепта утрачивает свою смыслоразличительную функцию, становится слишком «широким» и для дальнейшего различения смыслов требуется качественно иной знак.

Мысль, «нагруженная» определенным смыслом, содержанием движется во внутреннем пространстве своих форм от идеального образа – к реальному концепту. Она меняет свои формы, стремясь реализовать идеальное содержание в предметной действительности, но будучи не удовлетворена реализацией идеала, начинает обратное движение: от концепта – к образу. На этом пути мысль собирает «ошибки»: нереализованное идеальное содержание. После их «суммирования» и анализа будет сформулирована и решена новая задача, результатом которой станет новый идеальный образ, который в виде смысла начнет движение через различные формы мысли к своей реализации в концепте. Целью и смыслом этого движения становится «идеализация» предметного мира, т.е. его преобразование деятельностью мысли, которая, в свою очередь, в своем движении обогащается знанием о мире.

Дискурс переносит и реализует созданный воображением смысл в практику, хотя судьба дискурса может быть не связана прямо с судьбой этого смысла. Цикл жизни дискурса аналогичен показанному выше. Вместо непрерывного движения, характерного для «истории идей», мы имеем дело с прерывностью отдельных традиций, которые подобно волне, рождаются, растут, расцветают, господствуют, стареют и умирают. Революции «пожирают своих детей» и прекращаются. Как прекращаются и другие дискурсы. На каждом этапе дискурсивного процесса действует свой механизм означения, реализующий содержание особым образом. Последовательность форм мысли можно соотнести с разными этапами жизни дискурсивного процесса: так, образ характерен для

рождения дискурса, идея – для стадии его роста, символ – расцвета, понятие – господства, а концепт – старению и смерти.

Механизм остановки, прекращения дискурса должен быть основан на авторефлексии, «зацикливании» его процесса тиражирования и повторения. Авторефлексивные структуры «отсчитывают» внутреннее время дискурса, приводящее его к остановке и прекращению. Основой этого времени может быть обмен значениями между сторонами противоречия, лежащего в основе конкретного дискурса, приводящий к конечному тождеству противоположностей, универсализации некоторого концепта и утрате им смыслообразительной функции. Когда, к примеру, концепт «всё» становится формально тождественным противоположному концепту «ничто». Механизм остановки значения может быть основан, на описанном У. Маккалоком и Е.А. Янковской когнитивном процессе [349, с.31]. Свойства рекурсивной замкнутости и нетранзитивности приводят когнитивную систему к необходимости обработки нового знания на основе прошлого опыта, а возникающая на определенном этапе анализа их тождественность останавливает процесс анализа. Подобно этому, авторефлексия, по А.М. Пятигорскому, есть направление рефлексии на самого себя. Она возвращает мышление назад, в дорефлексивное состояние, прекращая тем самым процесс мышления, останавливая его. Это происходит, когда человек осмысляет собственное состояние сознания или анализирует причину мысли, движение которой он остановил. Классический пример этого дает В. Шекспир в монологе Гамлета «Быть или не быть?...».

3.4 Дискурс, истина и знание

Локальность дискурсов как конкретных явлений и сквозной, трансвременной характер влияния их на другие дискурсы ставит проблемы как истины, так и знания. Точнее, проблемы соотношения традиционного понимания истины и знания с временем дискурса – мгновением, придающим им актуальность и потерей этой актуальности в следующее мгновение другого дискурса. Время как

чередa мгновений ставит под вопрос не только истину, которую, по мнению М. Фуко, можно доверить игре, правила которой формулирует невидимый наблюдатель. Куда серьёзнее вопрос о знании, которое, став локальным, утрачивает свою ценность и легитимность: при переходе от проблемы к проблеме, от дискурса к другому дискурсу.

Существует ли в дискурсивном пространстве общезначимое знание или оно превращается в набор инструментов, склад, с которого берут всё и в любой последовательности, что может сгодиться для решения конкретной задачи? А потом вновь отправляют на вечный склад. Следующие за знанием вопросы: памяти, сознания, человека вообще. Случаю дискурса соответствует эпизодическая память, поэтому один и тот же эпизод следует повторять многократно, продляя жизнь мгновению. Реактуализация памяти, вызванная актуальным событием, равноценна перезаписи информации о событии, приводит не только к частичным потерям старого, но и к появлению нового, ложного, воображённого знания.

Дискурсивный взгляд на познание предполагает непрерывное сотворение картины мира через процесс практического и идеального его освоения [97, с.91]. Наше знание определяется процессом познавательной деятельности, способами, которыми мы познаем мир. При этом познание должно быть эффективным, чтобы помогать нам жить в мире изменяющемся, в том числе с нашей помощью. Если, как пишут У. Матурана и Ф. Варела, «между двумя или более аутопоэзными единствами... имеются постоянные взаимодействия, между ними может возникнуть «структурное сопряжение», приводящее к взаимосвязанности их онтогенезов: образуется «метаклеточное единство, или единство второго порядка» [208, с.154]. Таким единством в социальной реальности является дискурс.

Новое знание это не только результат некоторых усилий, но и парадокс – путь к иному, непредсказуемому результату, т.е. средство преодоления ограниченности старого знания. Оно, как правило, появляется не там, где заканчивается старое, а там, где его ищут, где ощущается острая необходимость в

нем. Знание отвечает потребности людей именно в этом знании. Мы изучаем не весь мир сразу, а существенную для нас в данное время, сторону этого мира. Следовательно, знание должно быть социально и ценностно обусловлено, т.е. актуально. Первым в европейской истории дискурс о знании начинает Сократ. Он видит цель и ценность знания в благе, которое сулит обществу и человеку определение нравственных категорий как абсолютных истин. Эту линию продолжают Платон и Аристотель. Они достраивают и детализируют заданную Сократом модель социального мира как модель Мира вообще. Но впоследствии, связь знания и блага подвергается сомнению: для достижения блага нужно не знание, а воля – говорят средневековые философы. Знанию же они отводят прикладную роль расчета, здравого смысла. В эпоху классики Нового времени дискурс о знании вновь становится ведущим: «Знание – сила!», утверждает Ф. Бэкон, имея в виду силы Природы, освобожденные от природного окружения и поставленные на службу человеческому обществу. Но и эта цель получения знания – сила, подвергается сомнению в XX веке, когда сила знания, воплощенная в оружии, поставила под вопрос существование цивилизации. Исторически сменяемые дискурсы ставят разные цели перед познанием не в силу внутренней необходимости, а в силу необходимости противостояния нового – старому, борьбы с ним. В этой последовательности цели познания, как и реализующие их науки, способы организации этих наук – социальные институты, могут меняться случайным образом.

Существует ли цель познания вообще, вне зависимости от актуальности, конъюнктуры дискурса? Что есть знание для современного человека: власть, зеркало или служанка? Власть – функция новизны знания и возможность изменить благодаря ней действительный мир. Зеркало – отражение объективных процессов равнодушной к нам Природы, знание которых пригодится в дальнейшем. Служанка – обслуживание интересов практики и власти сегодняшнего дня. Эти вопросы требуют более глубокого, специального философского исследования.

Д.И. Дубровский выделяет четыре гносеологические ситуации, в которых «одновременно и всегда» [139, с.37] находится всякий познающий субъект. Это: знание о знании – ситуация, когда субъект обладает знанием и оценивает его как истинное или ложное, полезное или бесполезное и т.д. Знание о незнании (незнание чего-то конкретного), проблемная ситуация. Незнание о знании: неосознанное, неотрефлексированное, предпроблемное скрытое знание. Незнание о незнании, когда субъект даже не подозревает о чем-то реально существующем. Последняя ситуация легко иллюстрируется тем, что двести лет назад никто не знал о вирусах и о радиации, но и не знал что не знает этого. Мы стоим на «краю бездны» незнания, но не испытываем страха, поскольку не ощущаем её. Тем не менее, мы можем знать об этой ситуации по недовольству субъекта – специалиста достигнутым знанием. Более понятная предпроблемная ситуация «беспокойства духа» описана в работе М. Полани «Личностное знание». Она охватывает широкий класс случаев: неявного, фонового, сенсорного - невербального знания. Проблемная ситуация характеризует появление новой цели и объекта познания, но новая проблема нуждается в обосновании, т.к. знание о ней может оказаться ложным, а сама проблема стать псевдопроблемой.

Характеристикой знания о знании является отображение его границы с незнанием, которую можно осмыслять интенсивно (глубина) и экстенсивно (предметная область). Вместе, допроблемное, предпроблемное, проблемное и отрефлексированное, оцененное знание работают в поле дискурса как познавательный процесс, в котором происходит трансформация содержания: из незнания к скрытому знанию, указанию на проблемную область, от нее – к постановке проблемы, а далее к её решению и анализу результатов. Как пишет Д.И. Дубровский, «Эти четыре различные гносеологические ситуации взаимообуславливают друг друга и образуют структуру всякого познавательного акта. Эта структура способна включать все мыслимые формы, виды и проявления знания и незнания» [там же, с.44]. Таким образом, цель (познавательного) дискурса достигается в акте познания, но в том же акте открывается новая цель, достижению которой будет служить новый, другой дискурс. Этот дискурс с

неизбежностью будет противоречить старому, вызвавшему его к жизни. В результате возникнет противоречие: дискурс актуализирует поиски решения определённых проблем, но он же, стремясь к самосохранению, препятствует окончательному решению этих проблем, выдвигая новые критерии истинности, которым должно соответствовать решение.

Единство общества, явно выражает себя в единстве общезначимого, легитимного знания, открыто подлежащего как общей критике, так и выражающей общие убеждения, гражданскую веру. Это может быть комплекс идей, имеющих трансцендентальный характер (дом, семья, счастье, служение обществу, смысл жизни) и наполняемый всякий раз конкретным содержанием – ответом данного общества на вызовы времени, в частности на развитие экономики и технологии [197]. Какое отношение к миру-обществу-технике-экономике будет сформировано, воспитано у людей, знакомых с этим миром только в его частных (и часто – не лучших) проявлениях? Какие институциональные матрицы [158] сработают в будущем этого общества?

Декарт в «Размышлениях о первой философии» писал, что основой достоверного знания является сомневающееся во всем, критическое мышление, а фундаментом «ложных истин» - чувства. Однако, утверждать, что тело – это иллюзия означает, уподобится безумцам, которые утверждают, «что одеты в пурпур, когда они наги, что их тело – из стекла... и я сам оказался бы не менее безумным, если бы руководствовался их примером» [128, с.16]. Декарт, отдавая предпочтение разуму, не отказывается от чувств (в отличие от многих мудрецов Востока), а объясняет их обманчивость аналогией сна. «Сплю я или бодрствую, два плюс три дают пять, а квадрат не может иметь более четырех сторон» [там же, с.18]. Даже недостоверное чувственное восприятие основано на достоверных простых идеях. Сон, удваивающий реальность добавлением к ней фантазии – метафора и иллюзия целостности знания, которое дает нам дискурс. Следовательно, нам следует научиться различать реальность познания и «сон» его дискурса.

Философия дискурса определяет знание как результат классификации реальности средствами дискурсивных категорий, отсюда всякое знание — продукт дискурса. Знания возникают в социальном взаимодействии людей, определяющем приоритеты и актуальность этих знаний. Всякое знание основано на вере в истинность актуального дискурса. Ф. Ницше в «Генеалогии морали» так противопоставляет веру и знание: знание способно дискредитировать веру, обнаружив, что она ошибочна. Поэтому дискурс, действие которого основано на доверии сконструированной интеллектуальной системе, не просто производит, а избирательно производит знание, оставляя многие области возможного познания неизученными и внушая порой ложные представления о них.

Знание и дискурсивная практика взаимно определяют друг друга: есть соответствие между определенным знанием и дискурсивной практикой, в которой оно было сформировано. Так понимаемое знание становится активным компонентом, «глаголом», выражающим приказ, долженствование, пожелание, направляющее деятельность агента нашего дискурса в строго определенное русло. Оно ничему не противопоставлено. Содержанию этого знания соответствует воля субъекта или абсолютная воля интердискурса. Поэтому знание, согласно М. Фуко, много шире понятия науки и развивать его можно в различных направлениях: исследуя «сознание масс», политическое знание, революционное знание и т.д. Воля к знанию здесь становится тождественной воле к действию, а знание понимается как практика. Интересно сравнить позицию Фуко с классическим пониманием знания, противопоставленному незнанию в познавательном отношении человека к миру. Такое сравнение открывает проблемное поле: о чем, имея в виду, «знание» мы можем говорить, а о чем, следуя предостережению Л. Виттгенштейна, нам следует умолчать? Есть ли границы применения термина «знание»? Г. Гегель понимал знание как результат диалектического отношения человеческой свободы и природной необходимости. Но в дискурсе мы имеем дело с природой человека, природой, действующей через человека на него самого и не всегда ему во благо.

Классическая философия делит знание по его источнику на чувственное и рациональное. Неклассическая – на построенное и услышанное, т.е. на первичное, добытое самим человеком, в том числе личностное и вторичное, социальное, «след» чужого первичного знания, как правило менее значимый для индивидуума. «Мое» и «чужое» знание могут быть как дополнительные, так и альтернативны, исключительны и даже «запретны» друг для друга. Альтернативное знание имеет два смысла: знание из «вторых рук»: интерпретатора, цензора, ученого-конформиста, читателя-профана и знание из альтернативных источников, вызывающих большее личное доверие у получателей – потребителей этого знания. Его истинность обеспечивается совпадением образа, картины мира слушающего и говорящего. Чтобы «говорить на одном языке», нужно жить в одном (реальном) мире, иметь одну актуальность проблем, общность представлений о будущем (целей) и ценностей – представлений о счастье. Если нет этих первичных единств, нет и всегда в этом смысле «вторичного» - итогового единства знания.

Альтернативное знание должно обладать рядом признаков, чтобы быть конкурентоспособным со знанием официальным, общепризнанным, традиционным. Оно должно быть более достоверным, чем первичное; более «дешевым», т.е. требовать меньше труда для его получения; иметь широкое, «массовое» распространение; быть простым, доступным для понимания; иметь личностную, эмоциональную окраску. Некоторые из этих признаков совпадают с декартовскими требованиями к научному знанию, другие же намеренно исключаются, приносятся в жертву убедительности, косвенной «достоверности» утверждаемого «знания», когда мы имеем дело с такими источниками знания как пропаганда и дезинформация.

Слухи и анекдоты в советское время имели статус правды, обладали некоторой правдивостью, по мнению большинства общества, в сравнении с официальными СМИ. Попытки распространять контрслухи и анекдоты с противоположным смыслом не имели успеха. Тогда как такой прием пропаганды, как распространение «закрытых писем ЦК КПСС» был весьма эффективен. Часть

общества этим письмам верила, что достигалось за счет ограниченного распространения в кругу «доверенных» лиц, а также использованием психологических приемов внушения. Аналогичный эффект «скрытой правды» противопоставленной «открытой лжи», придавал большую достоверность произведениям нонконформистов и противников официальной доктрины. Поскольку, как гласит распространенное мнение: «мысль изреченная (известная, открытая всем) есть ложь». В свою очередь альтернативная секретность легко конструировалась снизу как принцип доверия не всем, а «хорошим» людям, среди которых могли оказаться как честные, неспособные к предательству, так и просто доверчивые и слабовольные, склонные к принятию любых слухов и мнений [286]. Двойная закрытость – исключительность знания «для своих» создавала не только альтернативу смыслов и альтернативу ценностей, но единый дискурс раскола общества, взаимной подозрительности и цинизма – неверия в достижение каких-либо общих целей и обесценивания всех ценностей: духовных, социальных и материальных.

Альтернативность в условиях конъюнктуры и финансовой несвободы значительной части гуманитарных ученых ведет к разрыву целостности знания и расколу общества. Раскол, в свою очередь, чреват обеднением интеллектуальной традиции, оскудением обеих альтернативных концепций. К примеру, таких как соцреализм и противостоящая ему антиутопия. Формализации одной и «революционизации» другой. Для каждой возникает внешний порог – оправдание, за который она не может «заглянуть», поскольку именно он делает эту концепцию легитимной и актуальной в глазах её заранее ангажированной аудитории. Актуальность в форме социальной конъюнктуры, вызванной внешними по отношению к науке событиями, заслоняет внутреннюю актуальность - фундаментальность научных и социальных проблем, решение которых помогло бы избежать многих негативных последствий разрыва и исключаящего «чужих» противостояния.

Ранее мы представили дискурс как волну актуальности определённых событий (фактов), продуцирующую аналогичные события (факты). Множество

таких волн, действующих на сознание современного человека, могут дезориентировать его в окружающем мире. Поэтому, для познавательной деятельности в океане дискурса необходим «парус», т.е. техника, позволяющая сознательно уходить от дискурса, исчерпавшего свой потенциал, быть независимым от «воли волн». Необходима «техника мысли» модель сознательного управления процессом мышления, производством нового знания как любым другим органическим процессом человека. Это подразумевает ответственность за результаты своей мысли и слова, наличие дисциплины ума. Такая трансдискурсивная модель предполагает гетерархично устроенную сеть разнообразных форм мысли, поглощающую разнообразие познаваемого мира и обеспечивающая последовательное движение процесса его познания.

Эта сеть, используя механизм авторефлексии, должна перенаправлять мысль с одного дискурса – на другой, по мере исчерпания познавательно-практического потенциала первого; раскрывать вариативность «устройства» наличного дискурса и его познавательный потенциал; производить взаимное согласование альтернативных концепций в рамках существующего дискурса и поддерживать концептуальное многообразие в постановке и решениях возникающих проблем. Предшественниками трансдискурсивных систем мышления, призванными обеспечивать его последовательность и целесообразность, были: системы грамматических категорий естественных языков и логические системы понятий и категорий мышления. Одной из новых техник мышления, противопоставляющих сознательные усилия – системе традиционного дискурса, является постмодернистское письмо: литературное и философское, но пока не нашедшее применения в науке.

Техника мысли – это одно из внешних расширений способностей человека. Она действует, как и всякая другая техника. Человек, как правило, направляет свою мысль на преобразование окружающего мира, его «очеловечивание», раскрывая свои внутренние качества, желания в свойствах искусственных или преобразованных естественных предметов. Видя плоды своего труда, человек лучше понимает свою природу и эта преобразованная природа «очеловечивает»

человека. Когда внутреннее становится внешним, внешнее становится внутренним. Так строится экология человека.

Напротив, идеологический дискурс, направленный на преобразование не внешних условий, а самого человека, его «переделку», не может решить эту противоречивую (для него) задачу. В результате он создаёт посредников этого процесса: социальные институты, ответственные за её решение. Те, в свою очередь, создают иллюзии свершившегося преобразования и изобретают «машины иллюзий» - способы мыслить желаемое как свершившееся [126]. Не изменяя саму окружающую действительность, и даже изолируясь от неё. Это также можно назвать техникой, но техникой обмана, пользующейся суггестивными приёмами воздействия на человека, игнорируя его сознание и включённость в окружающий мир. Идеологию сегодня рассматривают как способ организации общества, объединения сторонников определённой идеи и утверждения ими своих целей и ценностей. Но подчиняясь идеологии, человек отдаёт себя (и свою мысль) во власть других людей, отрицая собственные способности, разум.

Критерием знания традиционно считалась истина. В традиции Аристотеля – истина – это проверка знания логикой и внешними условиями соответствия знания – реальности фактов. Дальнейшее развитие мысли Аристотеля пошло по двум направлениям: независимости критериев знания от самих знаний, их внешний характер (Декарт, традиция Позитивизма) и отождествления истины с уже проверенными, «истинными» знаниями (диалектический материализм), поиск критерия внутри знаний (теория когеренции). М. Хайдеггер сделал важное уточнение проблемы истины, возродив её древнее толкование: истина – новое знание, противостоящее и часто опровергающее предшествующее. Если под новизной знания понимать его актуальность, применимость в теории и на практике в качестве «последнего слова» науки, тогда мы сможем определить истину как функцию новизны знания. Дискурс как волна актуальности, чувствителен к внешним условиям производства знания, но утверждая некоторое знание как факт определённого дискурса, мы должны учитывать ограниченность

данного дискурса, историчность его знаний. Понятие «истина» в отличие от дискурсивных знаний будет соотноситься с «горизонтом» этого дискурса, его предельной возможностью и новизной.

Как возможна инвариантность, сохранение содержания знания в условиях постоянной трансформации, перекодировки и альтернативности его форм? М. Фуко, создавая семейство дискурсивно-археологических методов, стремился найти инвариантную форму интерпретации вечно-изменяющегося содержания, которая могла бы из конечного набора фактов (и текстов) производить бесконечное число высказываний-теорий, но конечным числом способов. Так, что каждая новая теория оказывалась бы обозримой, подверженной критике и, несмотря на свою полезность, не могла претендовать на абсолютное знание. Специфичным для дискурсов является знание правил (отношений), ситуаций и преобразований этих ситуаций, в которых выражается наша позиция по отношению к фактам и опыту. Эту специфику можно назвать актуальностью знаний. Субъект познания, выражая отношение, исполняя одно из правил дискурса, выступает «средним термином» дискурсивного «силлогизма», объединяя практику и правила. Обладая способностью осуществлять практику и давать правила, он может модифицировать их в дискурсивном процессе.

Фуко говорил об «играх истины», имея в виду, различные определения истины и её критериев, которые давались дедуктивными теориями на протяжении истории. Если же говорить об истине, которую может открыть нам дискурс в качестве метода познания, это вербализация имплицитных правил, характерных для дискурса или определенной практики. Критериями дискурсивной истины будут: постоянство этих правил, их неслучайный характер; отношение правил между собой; практика применения этих правил; наличие предметного содержания, преобразуемого по этим правилам; и т.д.

В отличие от предшествующей гносеологической традиции, центрированной кроме логики понятием истины, которой придан статус нравственной, социальной или когнитивной ценности, постмодернистская мысль воспринимает истину прагматически и операционально. Она рассматривается как

«совокупность правил, в соответствии с которыми истинное отделяют от ложного и связывают с истинным специфические эффекты власти» (Фуко). Для постмодернистской гносеологии предметом изучения становятся «игры истины сами по себе», «игры истины в связи с отношениями власти» и «игры истины в отношении индивида к самому себе». То есть все многообразие отношений может быть представлено как множество правил, а успешное применение этих правил есть истина конкретной «игры». Но применение самого понятия игры не может быть тотальным, не может возводиться в абсолют, поскольку «справа» игру ограничивают детерминистские законы, а «слева» случайности, ошибки, хаос. Философия дискурса претендует на большее, чем «философия игры», поэтому она изучает не только и не столько игры, сколько «условия возможности» этих игр: методы, язык, культуру.

Анализ проблемы истинности знания предполагает переориентацию исследователя от «воли к истине» к «заботе об истине». Это альтернативные стратегии отношения человека к процессу познания. Если первая из них предполагает трансляцию образца (успешного опыта) на другие объекты, не всегда подобные «образцовому», т.е. неполную индукцию в познании, то вторая – фиксацию соответствия предмета и метода, правила и практики. Последнее означает дополнение «истины факта» истиной правила (конкретного отношения к этому факту). То есть правилом обнаружения (имплицитным методом) этой конкретной истины.

«Забота об истине» означает очищение её от идеологических амбиций и необоснованных претензий на абсолютное знание. Понятие «заботы об истине» фиксирует креативную и одновременно, идеологическую природу дискурса по отношению к любым практикам. Забота об истине как интенция к конкретности опыта, является одной из целей дискурсивной философии. Здесь следует уточнить понятие «плюрализма» истины: как и многие другие понятия, истина в дискурсивной трактовке приобретает двойное значение. Можно сказать, что мы имеем дело с двумя видами истин: истиной практики и истиной правила. О двух истинах говорилось ранее в средневековой философии: истины разума и истины

веры. Постмодернисты указывают на конкретность, историчность обеих и особо предупреждают против абсолютизации второго вида истин.

Дискурс может выступать основой структуры в художественном произведении, содержание и форма максимально соответствуют друг другу, а предмет может не существовать в физическом мире вовсе. «Художественная идея, являясь конкретной, носит в самой себе принцип и способ своего проявления, и она свободно создает свою собственную форму» [92, с. 79-81]. Понятие содержательной формы в отечественной науке разрабатывал М.М. Бахтин: «момент содержания», позволяющий осмыслять форму, «внеэстетическая весомость содержания». Содержательная форма и формообразующая идеология становятся для него основой «эмоционально-волевой напряженности формы» [42, с. 283]. Бахтин находит в метафоре, эпитете соединение познавательного определения, этической оценки и художественной формы. Ю. М. Лотман, опираясь на основные положения «Морфологии сказки» В. Я. Проппа, говорит об «инвариантном конструкте», то есть об абстрактной схеме взаимоотношений действующих лиц, которая может повторяться в разных произведениях одного жанра, одного автора, направления. Это то, что называют онтологией предметного дискурса.

М.М. Бахтин, не употребляя термин «дискурс», фактически говорит о нем как о «форме содержания», организующей материал содержания вокруг познавательных и этических ценностей. «Художественная форма... должна быть понята и изучена в двух направлениях: 1) изнутри чистого эстетического объекта, как архитектурная форма, ценностно направленная на содержание (возможное событие), отнесенная к нему и 2) изнутри композиционного материального целого произведения: это изучение техники формы... Итак, форма есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию...» [43, с.306-307]. Дискурс оперирует формами, но с их помощью трансформирует содержание, как в науке, так и в искусстве.

Двойственность дискурса современности складывается из безличной глобальности массового, не проверяемого и некритично воспринимаемого знания и личного одиночества человека в сетях этого знания. Одинокий человек ищет в сети подлинную реальность как выход из своего одиночества, тогда как сеть только множит виртуальные образы иллюзий, уводящие «прочь от действительности». Но далеко не всех удовлетворяет виртуальное единство, построенное на одиночестве и отчуждении. А «присвоение» человеком себя через социальные барьеры может быть болезненным. Единство истории, логики и дискурсивной актуальности дает четвертое понятие единства – трансцендентального знания вообще о мире в целом как о трансцендентном предмете нашего знания. Мы вольны, свободны, принимать решения и делать ошибки, как и исправлять их, «любить» одни теории и «ненавидеть» другие, но видя то, что связывает наше общее знание в глобальное единство, мы можем трансформировать традицию, не становясь пленником или жертвой этой традиции [73].

Двойственность истин гуманитарного знания выражается в том, что внутренний плюрализм мнений, их дополнительность, обогащающая конкурирующие теории, легко сменяется внешней альтернативностью, исключаяющей из рассмотрения мнения оппонента, деля уже не концепции, а людей, их приверженцев, на западников – славянофилов, советских – антисоветских и т.д. Довершает это деление, превращая его в разрыв, секретность, ограниченность информации. Она делит людей на посвященных – непосвященных, знающих (нечто важное) и незнающих этого профанов, аналогично профессиональной лексике, отличающей строителей от юристов, спортсменов от финансистов и т.д. Идеологически: верящих в определенную идею и не верящих в нее, в конце концов, на «своих» и «чужих». В свою очередь, идейно-идеологическое разделение людей может быть не менее опасно, чем разделение национальное: опыт прошедшего века это подтверждает. Следовательно, единство общества обеспечивается не только наднациональной, государственной идентичностью всех граждан, но и над-идеологической, научно-

образовательной и в том числе философской идентичностью их же. Но для этого сами наука и философия должны быть едины в своей открытости, честности и принципиальности отстаиваемых актуальных позиций, независимы от какой-либо конъюнктуры.

Познавательную функцию общество осуществляет с помощью двух социальных институтов: образования и науки. Образование, как процесс воспроизводства и тиражирования знания существовало на протяжении всей истории человечества [48]. Наука, как процесс профессионального познания природы, человека и общества, возникла сравнительно недавно в 17 веке и сегодня вместе с образованием, переживает процесс трансформации. Развитие техники, информационных средств получения знаний с одной стороны и социального заказа на «знающего» человека с другой, создает границы современного познавательного дискурса, ставит его в рамки возможности/необходимости. Трансформация современного познавательного дискурса, в частности, приводит к возникновению системы открытого образования. Мотивом к её созданию стало исчерпание индустриальной эпохой ресурсов для более достойной и комфортной жизни человека. Мощное техногенное воздействие ограничило во времени реализацию культурных интересов и запросов человека, привело к разрыву между экономическим и социальным прогрессом.

Фактором раскола образовательного пространства на новую и «старую», классическую, системы стали новые информационные технологии: Интернет, скайп, позволившие быстро обмениваться информацией педагогу и ученику, осуществлять интерактивное взаимодействие. Как и возникновение классно-урочной системы образования (Песталоцци) в классическую эпоху, информационные технологии делают образование более эффективным, экономя время, затрачиваемое на поездки к образовательному учреждению и обратно, проживание в общежитиях студентов из других городов и т.д. М. Фуко различал образование – принципиально открытую систему представления знаний и политику образования, всегда основанную на отборе, «культивировании одних

знаний и подавлении других» [318, с. 70]. Примером дискурса образования начала XXI века стали дискуссии об «открытом образовании». Его следует рассматривать как процесс преимущественного самообразования личности, формирующего способность к внутренней творческой деятельности в целях наиболее полной самореализации. Это становится возможным только при условии отказа от устоявшихся взглядов на образование и четкого определения исходных методологических идей, на базе которых строятся модели открытого образования и практика их реализации. Определяющей тенденцией развития образовательного процесса должна стать интеграция, а не дальнейшая дифференциация различных способов познания мира [98]. В XXI веке такая интеграционная направленность образования приобретает особо важное значение. Актуальность приобретает умение человека самостоятельно и рационально распоряжаться знаниями с учетом своих личных качеств.

Заключение

В заключении, подводя итоги работы, мы хотели бы перечислить и обобщить подходы к определению дискурсивной реальности как объекта философского знания, а также других, следующих из её существования понятий и представить перспективы данного исследования.

Дискурсивная философия видит за реальностью языков и наук реальность дискурсов. Это означает переход на другой масштаб знания: от предметного – к транспредметному. Основой этого знания будут выступать не понятия о предметах и явлениях, а динамические отношения сил, выраженные волнами актуальности концептуальных пар: война-догма, свобода-власть, благо-знание, личность-общество, общество-история, подобные «духу» у Гегеля. Аналогично смысловым координатам физического знания: пространство-время, масса-скорость. Выделенные актуальные смысловые координаты, образующие сквозные дискурсы, взаимодействуют с другими актуальными парами: война-свобода, благо-красота, власть-собственность, власть-знание, образуя многомерную ткань мира-знания. Для дискурсов этого масштаба характерно, что их начинают, продолжают и завершают разные авторы, в разных социальных условиях, порой не зная, о работе друг друга, подчиняясь динамике дискурса-знания.

Знать факты, явления в этом масштабе будет означать – соединить актуальные концепты в дискурсивную пару (как в систему координат) и проследить движение этого дискурса от факта к процессу, обуславливающему этот факт и к причине этого процесса, т.е. завершить цикл знания, найдя причину факта. Выявить ситуацию, которую задаёт дискурс в предметной сфере, и смоделировать её возможные трансформации в данном дискурсе, пройдя по цепи: проблема – отношение – ситуация - трансформация. Подобное движение познания будет транспредметным,

Дискурс развивается как реализация определённого отношения к факту, открывающая, во второй рефлексии, иное отношение. Благодаря двойной

рефлексии человек не только утверждает нечто, но и относится к этому определённым образом. Реализуя своё отношение в действии, он трансформирует его в иное отношение. Это вторичное отношение есть отношение к результату деятельности направляющему нас на новую деятельность.

Гегелевская диалектическая триада имеет параллель с рефлексивным процессом мысли: тезис соответствует утверждению факта, антитезис выражает первичное рефлексивное отношение к этому факту, т.е. обозначение его с помощью категорий грамматики, наделение определённой семантикой и прагматикой. Синтез возникает как вторичная рефлексия, утверждение новых категорий, выражающих отношение к результатам применения категорий первичной рефлексии к нашему факту. Факт вместе со всем комплексом категорий первичной и вторичной рефлексии существуют одновременно, как единство дискурса и должен быть выражен и воспринят в этом единстве.

К примеру, дискурс, основанный на взаимосвязи войны и догмы: на первой стадии этого процесса рефлексизирующее «я» позиционирует себя по отношению к догме и полностью подчиняется ей, но в процессе рефлексии обобщает образ себя в качестве «подчиняющийся», чем удостоверяется в исполнении своих намерений. Далее, рефлексизируя над этим образом вторично, «я» позиционирует себя по отношению к нему, независимо от содержания догмы, и обнаруживает себя в ином, господствующем положении по отношению к первичному образу. Рефлексия над господствующим и подчинённым образами, приводит к идее их равенства, в качестве образов «я», их взаимоотрицанию в равенстве. Первичное отношение подчинения, преклонения перед авторитетом трансформируется, через самоотрицание, в отношение равенства субъектов независимо от содержания авторитета. Другие дискурсы: тимоса – личного признания среди других личностей в обществе, истории – коллективного признания народа, государства среди других народов и государств, проходят аналогичный цикл развития.

Дискурсы, подобны пузырям воздуха в кипящем котле: их объем зависит от внешнего давления со стороны других дискурсов, а время жизни – от уменьшающейся, по мере роста объёма, толщины поверхностности,

охватывающей предметный мир. Дискурсы-пузыри, в отличие от капель и вихрей, сосуществуют друг с другом, не сливаясь и не изолируясь полностью. Плюрализм дискурсивной реальности не предполагает эклектики: это внутренний плюрализм разнообразия однородного. Он основан на внешнем, онтологическом монизме: «всё есть дискурсы».

Основой дискурсивно понимаемого мира становятся отношения между индивидуальными дискурсами, а не индивидом и обществом. Отдельный человек, как и общество в целом, оказываются в равной степени подвержены влиянию любого из существующих дискурсов, не замечая его как дискурс. В результате чего отношения между людьми, человека к миру оказываются запрограммированы захватившими их дискурсами. Хотя, теоретически, каждый человек, по своей воле может создать новый дискурс и, тем самым, покинуть или разрушить старый. Следствием осознания дискурсивных отношений в качестве фундаментальных должно стать появление новой концепции «я», новых жанров художественного творчества, когнитивных практик, отраслей духовного и материального производства. Современным примером этого можно считать метаисторию.

Наряду с динамическим представлением дискурса и дискурсивной реальности, их можно представить в традиционном, «линейном» виде, тогда мы получим множество определений – «смысловых рядов»:

Дискурсивная реальность как определенная концепция материально/идеальной реальности, находящаяся, говоря словами М.Хайдеггера, «в свете Бытия». То есть уже обусловленная чем-то внешним, поименованная и осмысленная, имеющая «сюжет», причинно-следственную основу. Такая концепция реальности отличается от концепции тотально искусственной реальности симулякров и от натуралистической концепции, предполагающей классическое представление об истине и рассмотрение основы, «базиса» мира независимо от его идеальной «надстройки». Дискурсивная реальность предполагает активную позицию исследователя по отношению к своему объекту,

необходимость критики существующего дискурса и описание возможных его трансформаций.

Дискурс как единство нового факта и ярко интерпретировавшего его меткого слова, «учреждающего реальность». Факт и слово, соединяются вместе, образуют правило, применяемое ко всем подобным фактам и тем самым нормализуют жизненную практику. Большую роль в учреждении дискурсивной реальности играет тиражирование новых фактов и слов, т.е. правила жизни. Эту функцию осуществляет дискурс СМИ, образования, права и другие социальные институты государства. Дискурс в этом варианте оказывается нелинейной, многомерной структурой. В отношении к факту он должен различать дискурсивно важное от второстепенного, безразличного. А в отношении к слову: произнесение и повторение уже сказанного. Последнее может имитировать дискурс, не будучи им по сути. Оно может создавать условия для следующего повторения и продолжаться как простое говорение, «заговаривание» практики, так и не получившей нового правила, поскольку событие произнесения не состоялось.

Дискурс как совокупность дихотомий, находящихся в противоречивом единстве сторон каждой дихотомии и конкурентных отношениях между собой. Дихотомии часто понимают как движущую силу дискурса. Развитие дискурсивного процесса, в основе которого лежит дихотомия, имеет два сценария: в первом, борьба сторон приводит к «победе» одной из них, утверждению её в качестве универсалии и всеобщего начала. Но универсалия оказывается слишком «широкой», что вызывает размывание границ универсального порядка и смену его новой дихотомией. Во втором сценарии стороны дихотомии поддерживают взаимный обмен, обеспечивающий «равновесие» между сторонами, баланс интересов, социальное партнёрство.

Дискурс как момент истории объясняет смену эпох не внешними, производственными или природными факторами, а активностью людей, сумевших создать новую актуальность, как «поворотный пункт» истории и изменивших тем самым способ мышления, способы производства, управления, организации жизни. Это позволяет говорить об условиях создания,

конструирования объектов, понятий, методов, стратегий..., то есть о соотношении свободы и необходимости в исторических условиях и сознании конкретных людей.

Дискурс как Современность и её связь с прошлым, историчность современности. Дискурс, определенный как время. Что действительно нового есть в современности, а что уже было и неоднократно повторяется: то как трагедия, то как фарс. На эту трактовку указывают методы исследования дискурса М. Фуко: генеалогия, археология. Дискурс как этикет и идеология, то, что создает цивилизацию и культуру. Это прежде всего способ передачи определенного содержания (цивилизационной идеи), вместе с самой идеей, с целью изменить мировоззрение людей, улучшить нравы, изменить мир. В этом качестве дискурс оказывается «по ту сторону добра и зла», т.е. понимается как способ формирования критериев, в том числе, добра и зла.

Дискурс как интенция субъекта – направленность, воля к совершенству, порядку, идеалу. Или к повторению старого, «круга жизни», принятие фатализма, судьбы. Дискурс как способ интерпретации «узловых точек» - постоянных явлений, предметов, могущих иметь разное понимание. Так на интерпретацию человеческого тела претендуют: медицинский, научный, религиозный, повседневный и другие дискурсы. За право быть «ведущей интерпретацией» борются как существующие профессиональные дискурсы, так и новые, возникающие впервые.

Дискурс как техника, социальная «игра» с целью формирования новых правил других «игр», ведущихся в различных профессиональных сферах деятельности. Для такой «игры» характерен набор правил разного уровня: тактического, стратегического, эвристического. Дискурс как структура предполагает сетевую организацию: сеть локальных центров актуальности, в которых возникает дискурс и периферию каждого из этих центров, включающую другие аналогичные дискурсы, находящиеся в некоторых отношениях с данным. Понятия, описывающие такую структуру: дискурс, строй, порядок дискурса, область дискурсивности и т.д. Дискурс как язык предполагает исследование

высказываний, «структурирующих пространство», становящихся «центрами кристаллизации» дискурсов. Необходимо изучение происхождений и трансформаций таких высказываний. Проявлений ими языковых свойств, таких как условность, свёртка, членение, плеоназм. Поскольку то, что высказывание производит формально, дискурс трактует содержательно, как новую норму отношений людей и вещей, людей друг к другу и т.д. Это указывает на область соответствия между нормами языка и нормами жизни, позиционирует нас к этой области, делает её явной.

Дискурс как авторефлексивная система, анализу которой может служить рефлексивная модель отношений между уровнями организации знаков и уровнями анализа этой организации. Развитие любой знаковой системы предполагает возникновение грамматики, семантики и прагматики. Развитие аналитической системы предполагает возникновение категорий первого и второго порядков рефлексии. Дискурс, как саморазвивающаяся, синергетическая система должен обладать элементами организации как знаковой, так и аналитической систем. Способ связи этих систем в дискурсе должен открыть кибернетическую основу дискурсивной системы, показать её свойства и функции. Дискурс как социальный интеллект, формирующий виртуальную реальность общества, которая оказывает влияние на материальную действительность через «способы данности», интеллектуальную заданность понимания известных и новых фактов.

Установлено, что дискурс как объект познания предполагает общую, внеисторическую группу методов, выделяющих конкретные дискурсы из недискурсивного окружения и отделяющие их друг от друга. Востребует фигуру внешнего наблюдателя, стоящего «над» дискурсами. Сравнение «истории идей», включающей классическую и неклассическую философию с «историей дискурсов» (постмодернизм), открывает ключевую проблему их различия: определение существования предельной, конечной реальности. В «истории идей» конечную реальность находили: в умопостигаемом мире (Платон), действительности (Аристотель), в понятии (Гегель), в труде (Маркс), мире человеческого сознания (Гуссерль), в научном знании (позитивизм), в языке и

значении (аналитическая философия), в структурах человеческого опыта (структурализм) и т.д. Постмодернизм находит предел реальности и её «исток» на «поверхности» - границе отдельных её видов. Поверхность имеет всеобщий характер, отмеченный различиями вещей, видов бытия и существования чего-либо в реальности.

Обосновано, что явление дискурса предполагает общие условия познания и деятельности, существующие в определённый хронологически период истории: организационные, идеологические, экономические, социальные, обуславливающие характер познания и мышления людей, в частности, выбор ученым методов, конструирование объектов, стратегий исследования, формулировку понятий. Это представление близко к классическому понятию «парадигма»: система убеждений, ценностей и технических средств, принятая научным сообществом и обеспечивающая существование научных традиций, методологию, стиль мышления, характерный для данного периода развития науки. Изучение условий, в которых объекты ведут себя тем или иным образом, в отличие от изучения природы объектов «самих по себе», было характерно для неклассической науки. К примеру, концепцию социальной детерминации знания разработал в 1931 году Б.М. Гессен [210, с.81]. Затем аналогичный, экстерналистский подход к науке продолжали Дж. Бернал, Р. Мертон, Х. Роуз и другие.

Установлено, что «история дискурсов» отлична от «истории идей» [24]. История идей – «спонтанная философия»: у неё нет методологических границ, она анализирует случайное содержание, постоянно ищет предпосылки и истоки, анализирует мнения, а не знания. Она описывает зарождение, генезис, переход, непрерывность и обобщение. Для истории идей характерны конфликты между старым и новым знанием, формально-логическим и диалектическим противоречиями, интуицией и дедукцией и т.д. Для дискурсивного подхода в целом характерен антиредукционизм тенденция к прямой интерпретации и пониманию реальных фактов, «ключом» к которым служат внешние условия «производства» этих фактов. Следует исследовать сами дискурсы в их

специфичности. Не заниматься реконструкцией первоисточка, не искать за дискурсом – другой дискурс.

Установлена недостаточность подхода М. Фуко к дискурсу. М. Фуко не стремился открыть закон всех дискурсов, а только «показать рассеивание, не сводимое к единой системе различий». Дискурс о дискурсах, по его мнению, должен быть не теорией, а метатеорией, грамматикой дискурсов, служить обнаружению различий между ними, т.к. последующее сравнение уже не будет составлять трудности. Нам представляется, что такой «грамматический» подход недостаточен для того, чтобы претендовать на статус нового философского направления.

Обоснована необходимость философской теории, описывающей дискурсивную реальность и, в связи с ней – многообразие дискурсов, делающую необходимым это понятие. Дискурс, как явление социального интеллекта требует своего осмысления в сравнении с иными интеллектуальными формами: это групповой интеллект животных, технические интеллектуальные системы. Единство интеллектуального мира, его тотальность, можно представить как мир интеллектуальных (информационных) конструктов, возникающих спонтанно в перенасыщенном информацией информационном пространстве. Некоторые из них приобретают вид правил, алгоритмов и, систематизируют вокруг себя другие конструкты. Любая общественная система в некотором смысле является продуктом дискурса и порождает другие дискурсы. Степень упорядоченности этих систем может говорить об их сложности и, возможной эволюции в информационном пространстве.

Выявлены правила и системы правил, упорядочивающие различные дискурсы. Это: моноправила; системы правил; рефлексивные системы правил; рефлексивные системы второго порядка; авторефлексивные системы. Анализ этих систем, их взаимодействия между собой и с человеческим миром позволяет осознать спонтанные процессы, протекающие в современном информационном пространстве. Диагностировать возможные угрозы для человека и общества.

Доказано, что для сохранения свободы мысли и действия, человеку необходимо сохранять «иное», иррациональное, чтобы уметь размыкать сложные системы правил, детерминирующих деятельность людей и последовательность выполнения других правил. Свобода выбора человека это его шанс избежать превращения в «муравья» из «думающего муравейника». Именно нерелефлексивная свобода, спонтанность выступает тем неопределённым, но всякий раз иначе определяемым фактором, который делает информационные, интеллектуальные и социальные системы саморазвивающимися.

Всесторонне рассмотрена дискурсивная взаимосвязь свободы и необходимости. Свобода правила дискурса – это одновременно несвобода, необходимость интерпретатора, т.е. его осознанный отказ от собственной свободы (следования другим правилам) в пользу свободы осуществления этого правила на, возможно неограниченном числе объектов и с помощью интерпретатора, т.е. себя как орудия, средства осуществления этого правила.

Обоснована необходимость соблюдения баланса между реальными жизненными отношениями и их правилами и дискурсивными отношениями, производимыми объектами знаковой реальности. Законы людей не тождественны законам знаков и не должны быть опосредованы или продиктованы знаковыми законами. Творчество жизни заключено в действии, творчество знаков в описании и реконструкции действия. Познание в этом смысле вторично по отношению к бытию. Цель познания в понимании прошлого и уточнении будущего действия, но не в предписании определённого действия.

Доказано, что новые правила, алгоритмы, возникающие в дискурсивном процессе, могут отменять, замещать собой старые правила, подменяя знаковой реальностью дискурса – объективную реальность вещей. Дискурс, обретая свободу и выступая субъектом познания, начинает производить псевдознания: идеи и образы, не характерные для человеческого мировосприятия и мировоззрения – т.е. внечеловеческое. Внешнее, по отношению к человеку. Производство дискурсами и ансамблями дискурсов псевдознаний по поводу реальности и псевдореальности может привести к цепной реакции производства иллюзий – «мыльных пузырей»

знаний с возможностью последующего их катастрофического разрушения, без замещения реальными знаниями. Так как поток дискурсивных интерпретаций, всё более далёких от реальности – это поток преднамеренной лжи и случайных заблуждений.

Обосновано введение в философский лексикон понятия «Дискурсивная реальность» – это реальность, созданная деятельностью дискурса. Как правило, это проблема, представленная в описании противоречивой ситуации, выход из которой состоит в применении определённого правила, которое формулирует дискурс. Новая, дискурсивная реальность может наносить прямой ущерб, разрушая существующую знаково-символическую реальность, к примеру, реальность национального языка. Нарушение языковых правил в рекламе, дискурсе SMS, форумах и социальных сетях упрощает общение, приносит экономическую прибыль, но одновременно разрушает единство языка. Возникающее явление называют «олбанским языком» - это деградация русского литературного языка к славянским корням, региональным диалектам, языку профессиональных групп.

Доказано, что дискурс в качестве простого алгоритма, как правило, производит знания в форме «фактов», т.е. представляет некое событие в качестве примера, иллюстрирующего его «теорию мира», принцип данного дискурса. Чем больше таких примеров – тем более «надёжной» кажется теория. Как правило, дискурс не способен производить сравнение, анализ, устанавливать взаимосвязь «фактов», установленных другими дискурсами, т.е. приводить знание в систему. Он, производя мнимую информацию (псевдознания) подменяет ею подлинную информацию о мире и знаний становится меньше. Дискурс-субъект, будучи продуктом дискурс-объектов и обладая способностью к самовоспроизводству в типичных условиях, способен производить псевдознания, т.е. факты, не имеющие отношения к реальности и могущие разрушать существующее мировоззрение (в том числе научное), понимание людьми известных законов природы, общества и сознания. Знаково-символическая активность дискурса препятствует получению человеком достоверных знаний, разрушает целостность и константность его

мышления. Подлинная информация это не факты, произведённые дискурсом, а связи между фактами, людьми, человеком и миром. Связь, созданная дискурсом между идеями, может быть логически и лингвистически верной, но она не имеет отношения к связи реальных явлений, представителями которых являются эти идеи, как и от истинности/ложности самих идей.

В последующих исследованиях дискурса, следует обратить внимание на то, что наиболее очевидная сфера обнаружения дискурсивной реальности – процесс коммуникативного взаимодействия отправителя и получателя сообщения, которое должно способствовать реализации цели отправителя и изменению состояния получателя. Различие между отправителем и получателем может быть определено в понятиях субъекта и объекта, хотя их коммуникативные роли могут меняться. Дискурс всегда связан с содержанием сообщения, но по отношению к этому содержанию он может выступать удобной и прозрачной формой, т.е. полно и точно передавать содержание или влиять на его содержание и даже менять его суть. По отношению к отправителю и получателю (участникам коммуникации) дискурс может выступать как каналом коммуникации, так и самоцелью их взаимодействия, задающей цели и ценности их деятельности. Различие этих режимов работы дискурса и трансформация одного режима в другой определяется структурой правил дискурса и автоматизмом процесса его работы, воспроизводимого когнитивной способностью разума.

Особое внимание следует уделить анализу явления ментальных волн, в форме которых выражается внимание человека к какому-либо феномену его жизни, а в содержании – когнитивное отношение к этому феномену. Одновременно, это волны актуальности (популярности) феномена в социальной жизни людей и осмысление его в социальном интеллекте. В феномене актуальности выражена возможность упреждающего реагирования человека, общества на существующий или ожидаемый факт, событие, ситуацию. Актуальность факта тем выше, чем лучше он обоснован в сознании, теоретически осмыслен, чем больше посвящено ему текстов, публикаций, чем больше людей о нём говорят. Актуальность – это «другая сторона рефлексивности: если в

рефлексии мы обобщаем свойства предметов с помощью особых категорий, в актуальности, как способе обобщения мы обходимся для той же цели комплексами слов и устойчивыми выражениями языка. Дискурсивная волна выражает взаимосвязь актуальности феномена и его практического (социально-исторического) развития в поступках людей и исторических событиях. Эта взаимосвязь определяется когнитивным механизмом принятия решений, основанным на рефлексии и авторефлексии мышления. В целом, актуальность (популярность) идеи определяет её историю, возможность реализации в практических действиях и их конечность, подчиняющуюся динамике волны, а не содержанию идеи.

Перспективным представляется применение дискурса как онтологической категории, снимающей традиционные философские дихотомии субъекта и объекта, поскольку он способен замещать каждую из них, выступая в роли, как объекта, так и субъекта деятельности. В качестве объекта дискурс является формой социального интеллекта, помогающего осмыслить существующую практику, способствует постановке проблем, конструированию нового мировоззрения. В качестве субъекта он сам является определенным мировоззрением, принципом деятельности, детерминирующим практику, которая не могла бы возникнуть без его участия. В результате действия такого дискурса возникает новая реальность: реальность симулякров, мэмов, брэндов.

Обосновано, что дискурс является циклическим процессом, выявляемым во многих аспектах: от проблемы к ситуации и её трансформации; циклы рефлексии и актуальности; круговороте смысла в многообразии его форм; взаимосвязи идеала, теории и практической деятельности; движении дискурсивного процесса от анализа факта – к самоанализу и т.д.

В целом, цель, поставленная перед исследованием – комплексное исследование дискурсивной реальности, достигнута. Однако следует продолжить исследование конкретных дискурсов для получения глубинных знаний о процессах их взаимодействия и использования этих знаний в практике.

Список терминов

дискурсивная реальность: Реальность, созданная или трансформированная наличием конкретного дискурса. В лингвистической теории она предполагает наличие проблемной ситуации и правила разрешения данной проблемы. Рассматривает жизнь как головоломку, у которой есть правильный ответ. Реальность, состоящую из дискурсивных и недискурсивных компонентов, на которую воздействуют дискурсы с целью её трансформации, можно определить как дискурсивную реальность. В философской теории ДР – любое представление о мире, обусловленное культурой, традицией или идеологией. Бессмысленно ставить вопрос об истинности этого представления, вместо него можно поставить вопрос об источнике и причине данного представления о мире. Откуда оно? Кому оно выгодно?

дискурсия: Совокупность множества дискурсов, область исследования, предполагающая в качестве своего объекта изучения дискурсы и их составляющие. Д. – сила, возникающая во взаимодействии теории и практики, благодаря отношению сообщения, способа его передачи к принимающей его практике. Сфера дискурсивных правил, применяемых к реальности конкретным дискурсом с целью её «нормализации». Уровень существования этих правил – промежуточный между общими законами и частными явлениями.

дискурс: В философском значении – универсальный проводник и полупроводник, преобразователь смысла. Дискурсом можно назвать процесс предметного мышления, коммуникации и действий, в котором мы участвуем автоматически, не являясь субъектом этого процесса. Дискурс – это ментальная волна, в форме которой выражается внимание человека к какому-либо феномену его жизни, а в содержании – когнитивное отношение к этому феномену. Одновременно, это волна актуальности (популярности) феномена в социальной жизни людей и осмысление его в социальном интеллекте. Дискурс соединяет

разные реальности, преобразует одну реальность – в другую, может играть роль объекта, субъекта, процесса и результата познания.

дискурс-объект: Творение автора или группы авторов: марксистский дискурс об отчуждении, фрейдистский дискурс о бессознательном, дискурс о свободе и правах человека и т.д. Единство объекта, метода и языка их познания при разнообразии конкретных предметов и проблем, к которым применяется это единство.

дискурс-субъект: Формируется как следствие взаимодействия нескольких подобных друг другу дискурс-объектов, как правило в благоприятных условиях внешней актуальности или конъюнктуры. К примеру, дискурсы классики, модерна и постмодерна в искусстве. Это единство канона, традиции, которое само формирует новые объекты, методы и языки, которые не могут существовать вне этой традиции. Объект, метод и автор оказываются «порабощены» такой традицией.

дискурсивный процесс: В лингвистической теории дискурса: процесс означения им изменчивых знаков, таких как тело, жизнь, смерть, свобода и т.д. В философской теории – творческий процесс создания дискурсивной реальности, развивающийся, как правило, на границе существующих реальностей и трансформирующий существующие формы мысли.

граница Слова и Жизни: Область нетождественности мышления и бытия. Практическая деятельность людей не всегда имеет словестное, а тем более – теоретическое оформление. Но возникающий резонанс между Словом и действием часто рождает иллюзию тождества бытия и мышления о нём. Результатом этой иллюзии оказывается дискурс – мировоззрение, пытающееся теоретически переопределить и нормализовать практику, соединив её с «верной» теорией.

жизнь, практика, реальное жизненное отношение: Деятельность людей и существование вещей, не выраженные словестно, не осмысленные теоретически. Тем не менее, они являются базисом, источником и целью познания. Поскольку чувства, природа человека являются основой его способности к познанию и

действию. Историческим аналогом «реального жизненного отношения» является идея естественного права, естественной справедливости. Дискурс, с помощью своих инструментов познания может развивать и поддерживать практику, может быть нейтрален по отношению к ней, а может выступать средством её разрушения. Следовательно, необходим баланс дискурсивного воздействия на практику и встречного влияния практики на формирование дискурса.

слово, высказывание, правило, свободный алгоритм: Сущность дискурса, средство, с помощью которого дискурс-законодатель может воздействовать на жизнь-практику. Будучи продуктом дискурса, правила могут накапливаться и противоречить друг другу, затрудняя разумную практику их применения. В результате этого накопления процесс нормализации практики – дискурсом может превратиться в хаотический, разрушающий практику.

лингвистическая теория дискурса (ЛТД): Совокупность частнонаучных, преимущественно лингвистических теорий дискурса, рассматривающая дискурс в терминах денотата, значения и знака. Близка к лингвистической прагматике, изучающей семантику вещей.

философская теория дискурса (ФТД): осмысляет дискурс как философское понятие, в терминах: субъект, объект, процесс, реальность, слово, практика и трансформация. Философия дискурса – новая область исследования, близка по постановке проблем к Философии жизни.

дискурсивная трансформация смысла: Происходит путём трансформации форм его передачи: образа, идеи, символа, понятия, концепта.

круговорот смысла в дискурсивном процессе: Процесс отношений должного и сущего, в котором происходит опредмечивание идеальных смыслов, образов, преобразующее практику и встречный процесс отчуждения практических правил с целью их осмысления и нормализации дискурсом.

трансформация понятий, ситуаций, дискурса: Это изменение формы мысли, смысла высказываний, развитие, разрешение проблемной ситуации. Всё это может происходить в рамках одного дискурса, но когда эти процессы являются

следствием конкуренции дискурсов, они могут завершиться полной заменой одного дискурса – другим.

рефлексия и авторефлексия дискурса: Как правило, дискурс не рефлексивная, а априорная система идей и правил. Дискурс может иммитировать рефлексивную, поскольку основан на резонансе слова и практики. Настоящая рефлексия служит анализу дискурса, выявлению его структурных уровней и других особенностей. Авторефлексия – обращение правил дискурса – на сам этот дискурс, его «зацикливание», приводящее к разрушению данного дискурса и его смене другим.

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С.С. Аверинцев. – М., 1996. – С. 159.
2. Автономова, Н.С. Концепция «археологического знания» / Н.С. Автономова // Вопросы философии. – 1972. - № 10. – С. 116–132.
3. Автономова, Н.С. От «археологии знания» к «генеалогии власти» / Н.С. Автономова // Вопросы философии. – 1978. - № 2. – С. 145–153.
4. Автономова, Н.С. История как археология знания в концепции Мишеля Фуко / Н.С. Автономова // Современная структуралистская идеология: генезис политологических концепций. – М. : ИФАН, 1984. – С. 30 – 48.
5. Автономова, Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н.С. Автономова // М. Фуко Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономова. – СПб. : А-cad, 1994. – С. 26.
6. Автономова, Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. – М., 2008. – С. 21.
7. Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб., 1994.
8. Азаренко, Т.А. Философский дискурс французского постмодерна: модель нелинейной онтологии : дис. ... канд. филос. наук / Т.А. Азаренко. – Екатеринбург. 2005.
9. Айдукевич, К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. Вып. 2 : Гносеологические и логико-методологические проблемы / К. Айдукевич; отв. ред. В.А. Смирнов. – М. : Наука, 1996. – С. 231–253.
10. Акиньшина, К.Ю. Трансформация художественного образа в рекламе: философско-эстетический анализ / К.Ю. Акиньшина // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3. – С. 19- 27.

11. Алексеев, И.С. Возможная модель структуры физического знания / И.С. Алексеев // Проблемы истории и методологии научного познания. – М., 1974. – С. 208-209.
12. Алексеева, И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ / И.Ю. Алексеева. – М., 1993. – С. 87-103.
13. Алпатов В.М. История лингвистических учений : Учебное пособие / В.М. Алпатов. - М. : Языки русской культуры, 1999. - 368 с.
14. Алпатов, В.М. Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина / В.М. Алпатов // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов, 2002.
15. Анисов А.М. Тезис Джемса и логика / А.М. Анисов // Труды научно-исследовательского семинара логического центра ИФ РАН 1996. – М., 1997. – С. 178-189.
16. Анкин, Д.В. Архетипы философского дискурса [Электронный ресурс] / Д.В. Анкин. – Режим доступа: [philosophy.ru>library/ankin/ankin_arche.html](http://philosophy.ru/library/ankin/ankin_arche.html)
17. Анохин, П.К. Химический континуум мозга как механизм отражения действительности / П.К. Анохин, // Вопросы философии. – 1970. – № 6. – С. 109.
18. Анри, П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса / П. Анри // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 158–183.
19. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. – М., 2001. – С. 176.
20. Аристотель. Аналитики. – М. : Госполитиздат, 1952. – Вторая аналитика. гл. 2.
21. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – гл. 6.
22. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – Вступительная статья и составление Н.Д. Арутюновой. С. 7-34.
23. Там же, с. 15.

24. Артемьева, Т.В. История идей как методология гуманитарного знания : Учебное пособие / Н.Д. Арутюнова. – СПб., 2004.
25. Артёмова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. / О.Ю. Артёмова – М.: Наука 1999.
26. Аршинов, В.И. Европейская субъективность и виртуальный субъект постнеклассической науки / В.И. Аршинов, М.В. Лебедев // Вопросы искусственного интеллекта. №1. 2008.
27. Аршинов, В.И. Автопозис и коммуникация : доклад в Институте синергийной антропологии. Заседание 21 [Электронный ресурс] / В.И. Аршинов. – Режим доступа: <http://sinergiya.isa.ru>
28. Асмус, В.Ф. Жан-Жак Руссо / В.Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1062. - 186 с.
29. Асмус, В.Ф. Логика отношений в работах Шарля Серрюса / В.Ф. Асмус. // Избранные философские труды. Том I. – М. : Изд-во Московского государственного университета, 1969. – С 267-271.
30. Афанасьева, В.В. К философскому обоснованию феномена детерминированного хаоса [Электронный ресурс] / В.В. Афанасьева. – Режим доступа: yandex.http://vmg.pp.ua/books/Гуманитарное/Философия/философия7112/Афанасьева В.В. - К философскому обоснованию феномена. Детерминированного хаоса_ihtik.doc
31. Багдасарьян, Н.Г. Проблема понимания в научном дискурсе / Н.Г. Багдасарьян // Труды научно-методического семинара «Наука в школе». – М., 2003. – С. 20-38.
32. Багно, В.Е. Русское донкихотство как феномен культуры / В.Е. Багно // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. - СПб.: Наука, 2003, с 217-233.
33. Бажанов, В.А. Паттерны научной коммуникации и коммуникативные парадоксы в ситуациях научного обмена / В.А. Бажанов, Н.Г. Баранец, А.М. Конопкин // Полигнозис. – 2011. – № 4-3.
34. Барабанщиков, В.А. Динамика зрительного восприятия / В.А. Барабанщиков. – М., 1990.

35. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М., 2001.
36. Барвайс, Д. Введение в логику первого порядка / Д. Барвайс // Справочная книга по математической логике: в 4 ч. / под ред. Дж. Барвайса. - Ч. I Теория моделей: Пер. с англ. – М.: Наука. Гл. редакция физ.-математ. лит-ры, 1982.
37. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. - М., 1994 - С. 384-391.
38. Барулин, А.Н. К аргументации полигенеза / А.Н. Барулин // Разумное поведение и язык. Вып.1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008.
39. Башляр, Г. Новый рационализм: Пер. с фр. / Г. Башляр; предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. – М. : Прогресс, 1987. – 376 с.
40. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М., 1986.
41. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М, 1972.
42. Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творении / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. – Киев, 1994.
43. Бахтин, М. Проблема речевых жанров / М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000.
44. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : УРСС, 2002. – 448 с.
45. Бейтман, Д. Роль концептуальных и языковых онтологий в дискурсе 1 октября 2006 [Электронный ресурс] / Д. Бейтман Т. Тенбринк С. Фаррар. – URL. : <http://www.fb10.uni-bremen.de/anglistik/langpro/NLG-table/nlg-table-date-sort.html>
46. Бейтс, Е. Интенции, конвенции и символы / Е. Бейтс // Психолингвистика: сб. ст. – М., 1994.

47. Белл, Р.Т. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы / Р.Т. Белл. – М., 1980.
48. Бергсон, А. Здравый смысл и классическое образование / А. Бергсон // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 163-168.
49. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск, 1999. – С. 349.
50. Берн, Р. Тайна. – М. : Изд-во «Эксмо», 2010. – 216 с.
51. Бессонов, Б.Н. Идеология духовного управления / Б.Н. Бессонов. – М, 1971.
52. Бёдекер, Х.Э. Размышления о методе истории понятий / Х.Э. Бёдекер // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера; пер. с нем. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.
53. Белый, А. Эмблематика смысла — «Символизм». – М., 1910. – С. 49-143.
54. Берлин, И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / И. Берлин – М, 2002.
55. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М. 2004.
56. Берталанфи, Л. Общая теория систем – критический обзор. Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Л. Берталанфи; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23-82.
57. Бехтерев, В.М. Объективная психология / В.М. Бехтерев. – М, 1991.
58. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век) / В.С. Библер – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. – 392 с.
59. Богин. Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь, 1993.
60. Бодрияр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрияр; пер. и вступ. статья С.Н.Зенкина. – М. : Добросвет, 2000. - 387 с.

61. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996.
62. Бородай, Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона / Т.Ю. Бородай. – М. : Изд-ль Савин С.А., 2008. – С. 109-110.
63. Борчиков, С.А. Виртуальный образ творческого воображения [Электронный ресурс] / С.А. Борчиков // Воображение в свете философских рефлексий: Кантовская способность воображения. – 2002. – С. 14-29. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/image/image_sbornik/s_image2002.doc.
64. Бочкарёв, А.Е. О смысле текста в коммуникации. / А.Е. Бочкарёв // Информационная структура текста: Сб. науч. тр. Вып. 404. – М., 1994.
65. Бубер, М. Проблема человека: пер. с нем. / М. Бубер. – Киев : Изд-во “Ника-Центр”, “Вист-С”, 1998.– 132 с.
66. Бубер, М. Я и ты / М. Бубер. – М., 1993.
67. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М., 1990.
68. Бунге, М. Причинность / М. Бунге. – М., 1962.
69. Бурдьё, П. Практический смысл: пер. с фран. [Электронный ресурс] / П. Бурдьё; общ. ред. и послесловие Н. А. Шматко. – М. : Ин-т экспериментальной социологии, 2001. Режим доступа : <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3069/3074>
70. Бэкон, Ф. Об истолковании природы и царстве человека / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т.2 / пер. З.А. Александровой. – М. : Мысль, 1972.
71. Бхактиведанта, А.Ч. Бхагавад-Гита как она есть / А.Ч. Бхактиведанта. – М.–Л. : Бхактиведанта Бук Траст, 1990. – С. 97-108.
72. Вайятт, Г.В. Когда информация становится знанием? Коммуникация в современной науке. Логика и методология науки. / Г.В. Вайятт; пер. с англ. М.К. Петрова и Б.Г. Юдина. Н.В. – М., 1976.
73. Вебер, М. О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 514.

74. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М., 2001.
75. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая – М., 1996. – С. 380.
76. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с. – (Золотая коллекция).
77. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1 / пер. с нем. М.С. Козловой. — М. : Гнозис, 1994.
78. Витгенштейн, Л. Философские работы. Ч. 1 / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994.
79. Витгенштейн, Л. Голубая книга и Коричневая книга / Л. Витгенштейн // Современная аналитическая философия. М., 1991. Вып. 3.
80. Войшвило, Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ / Е.К. Войшвило. – М., 1987. – С. 90-91.
81. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М., 2002.
82. Выготский, Л.С. Мышление и речь: Психологические исследования / Л.С. Выготский. – М., 1996.
83. Гадмер, Г.Г. Актуальность прекрасного / Г.Г. Гадмер. – М., 1991.
84. Гайденок, П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века / П.П. Гайденок. – М., 2001.
85. Гайденок, П.П. Научная рациональность и философский разум / П.П. Гайденок. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 15-17.
86. Гайденок, П.П. История Новоевропейской философии в её связи с наукой / П.П. Гайденок. – М. : URSS, 2011.
87. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М., 1988.
88. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М., 1974.
89. Гартман, Н. Эстетика / Н. Гартман. – М., 1958. – С. 134, 241.

90. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1 / Г.В.Ф. Гегель – СПб. : Изд-во «Наука», 1994.
91. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2 / Г.В.Ф. Гегель – СПб.т : Изд-во «Наука», 1994.
92. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1968. – С. 75.
93. Гегель, Г.В.Ф. Наука логикию. Т. 1/ Г. В. Ф. Гегель. – М., 1970.
94. Гегель, Г.-В.-Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1 / Г. В. Ф. Гегель - М., 1974. – С. 298.
95. Там же, Т. 3. – С.440-468.
96. Гемпель, К.Г. Логика объяснения / К.Г. Гемпель. – М., 1998.
97. Герасимова, И.А. Принцип двойственности в когнитивных практиках / И.А. Герасимова // Вопросы философии. – 2006. – №3. – С.91.
98. Гершунский, Б.С. Образовательно-педагогическая прогностика. Теория, методология, практика: Учеб. пособие / Б.С. Гершунский. – М., 2003.
99. Гессен, Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона / Б.М. Гессен. – М.; Л., 1933.
100. Гилберт, Д.Н. Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых / Д.Н. Гилберт, М. Малкей; пер. с англ. М. Бланко; вступ. ст. В.П. Скулачева; общ. ред. и послесл. А.Н. Шамина, Б.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1987.
101. Гийому, Ж. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий / Ж. Гийому // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст.: пер. с немецкого / под ред. Х.Э. Бёдекера. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 108
102. Гобс, Т. Избранные произведения: в 2 т. Т.1 / Т. Гобс. – М., 1964.
103. Голобородько, Д.Б. Концепции разума в современной французской философии М. Фуко и Ж. Деррида / Д.Б. Голобородько; Рос. акад. наук, ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 177 с.

104. Гольбах, П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. / П.А. Гольбах. — М., 1963. — 715 с. (Философское наследие).
105. Горский, Д.П. Определение / Д.П. Горский. — М., 1974. — С. 194-235.
106. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. — М., 2003. — С. 61–100.
107. Грайс, Г.Г. Логика и речевое общение / Г.Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М., 1985.
108. Греймас, А-Ж. Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А-Ж. Греймас Ж. Курте // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. — М. : Радуга, 1983.
109. Греймас, А-Ж. Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души: пер. с франц. / А-Ж. Греймас Ж. Фонтаний; предисл. К. Зильберберга. — М. : Изд-во «ЛКИ», 2007. — 336 с.
110. Греймас, А-Ж. Структурная семантика. Поиск метода / А-Ж. Греймас. — М. : Академ. проект. Концепции, 2004. — 368 с.
111. Гримм, Д.Д. Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями / Д.Д. Гримм // Сб. ст. по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. — М. : Статут, 2005. - С. 303-323.
112. Гришина, О.В. Сравнительный анализ методов описания языка // Интеллектуальные технологии и системы [Электронный ресурс]: сб. ст. аспирантов, стажеров и студентов. — 1998. — Вып. 1; То же / О.В. Гришина // CLAIM – научно-образовательный кластер : [сайт]. — М., [2006-2008]. — Режим доступа: http://www.philippovich.ru/Library/Books/ITS/wwwbook/1_sb/grishina.htm (21.11.08).
113. Гирц, К. Интерпретация культур PDF: пер. с англ. / К. Гирц. — М. : Рос. полит. энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
114. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Аналлов» / А.Я. Гуревич — М., 1993.

115. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 752 с. – (Классическая философская мысль).

116. Гуссерль, Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида / Э. Гуссерль; пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. – М. : Изд-во «Ad Marginem», 1996.

117. Гутнер, Г.Б. Интерпретация существования в математике / Г.Б Гутнер // Философские исследования. – 1995. – № 1. – С. 212-225.

118. Гутнер, Г.Б. Онтология математического рассуждения / Г.Б Гутнер // XI Междунар. конф. по логике, методологии и философии науки. – Обнинск, 1995.

119. Гутнер, Г.Б. Дискретность и непрерывность в структуре математического дискурса / Г.Б Гутнер // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. – М. : Янус-К, 1997. – С. 242-265.

120. Гутнер, Г.Б. Именованное и существование в структуре дискурса / Г.Б Гутнер. – М., 2000.

121. Гутнер Г.Б. Проблема риска и ответственности субъекта научной коммуникации: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук: специальность 09.00.08 <Философия науки и техники> / Гутнер Григорий Борисович; [Ин-т философии РАН]. - Москва: 2008. - С. 22

122. Гутнер, Г. Онтология математического дискурса / Г.Б Гутнер. – М., 2004. – С. 48.

123. Там же. – С. 56-57.

124. Там же. – С. 204.

125. Данто, А.С. Аналитическая философия истории / А.С. Данто. – М., 2002. – С. 250-252.

126. Дебре, Р. Введение в медиологию / Р. Дебре; пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М. : Праксис, 2010. – 368 с. – (Серия «Образ общества»).

127. Дейк, ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Дейк ван, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988.
128. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т.2. / Р. Декарт. – М. 1994. – С. 16-18.
129. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез; пер. с франц. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. — СПб. : Петрополис, 1998.
130. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. С.Зенкина. – М. : Академический Проект, 2009. – 261 с.
131. Демьянков, В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 327-337.
132. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический проект, 2008. – С.374–393.
133. Деррида, Ж. О грамματοлогии / Ж. Деррида : пер. с франц., вступит ст. и комм. Н.С. Автономовой. – М. : Изд-во "Ad Marginem", 2000. – 512 с.
134. Деррида, Ж. Позитии / Ж. Деррида. – Киев, 1996.
135. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон // Логос. — 2000. — № 4. — С. 63-77.
136. Джемс, У. Прагматизм / У. Джемс – СПб., 1910. – С.56.
137. Дильтей, В. Построение исторического мира в науках о духе / В. Дильтей // Дильтей В. Собрание сочинений. – М., 2004. – Т. 3.
138. Добрович, А. Анатомия диалога / А. Добрович // Психология влияния. СПб., 2000.
139. Дубровский, Д.И. К вопросу о соотношении понятий «знание» и «незнание» / Д.И. Дубровский // Знание как предмет эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2011.
140. Дьяков, А.В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления» / А.В. Дьяков; под ред. А. С. Колесникова. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 357 с.

141. Живов, В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков / В.М. Живов. – М., 2004. – С. 528.
142. Журавлев, А.П. Звук и смысл: кн. для внеклассного чтения учащихся ст. классов / А.П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1991.
143. Задворная, Е.Г. Дискурсивные эпистемические трансформации / Е.Г. Задворная // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С.240.
144. Зимин, Р.В. Философский дискурс: методология анализа и проблемы социальной обусловленности : дис. ... канд. филос. наук / Р.В.Зимин. – Иркутск. 2004.
145. Иванов, А.Ф. Проблема единства исторического и логического в науках о мегамире: философско-методологический анализ : дис. ... д-ра филос. наук / А.Ф. Иванов : 09.00.08. – СПб., 2005. – 301 с.
146. Иванова, В.А. Семиотика языка науки в системном анализе научного знания : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В.А. Иванова. – Новосибирск, 2011.
147. Ивин, А.А. Логика / А.А. Ивин. – М.: Изд-во «Оникс», 2008. – 336 с.
148. Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И.А. Ильин. – М. : Изд-во «Наука», 1994.
149. Ингарден, Р. Исследования по эстетике / Р. Ингарден. – М., 1962.
150. Кабрин, В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования / В.И. Кабрин. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. – 68 с.
151. Каверина, Е.А. Создание событий в современном социокультурном пространстве : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Е.А. Каверина. – СПб., 2012.
152. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М. : Эксмо, 2007.
153. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот – М. : REFL-book, 1994. – С. 69.
154. Касавин, И.Т. Дискурс: специальные теории и философские проблемы / И.Т. Касавин // Человек. – 2006. – № 6. – С. 36.

155. Кастель, Р. «Проблематизация» как способ прочтения истории / Р. Кастель; пер. с англ. А. Маркова // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб.-М. : Летний сад, 2001.
156. Кассирер, Э. Логика наук о культуре / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. – М., 1998. – С. 65-66.
157. Келли, Дж. Психология личности. Теория личных конструкторов / Дж. Келли // Мастерская психологии и психотерапии. – М. : Речь, 2000. – 256 с.
158. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – М., 2000.
159. Кириллов, П.Е. Дискурс М. Фуко как метод анализа современных социальных институтов и процессов : дис. ... канд. филос. наук / П.Е. Кириллов. – 09.00.11 Москва, 2006 139 с.
160. Киркегор, С.А. Отчаяние, или смертельная болезнь / С.А. Киркегор // Этическая мысль. – М., 1990. – С. 360-471.
161. Клименкова, Т.А. Дискурсивный анализ языка власти. М.Фуко / Т.А. Клименкова // От феномена к структуре. – М. : Наука, 1984. - С. 22.
162. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
163. Когаловский, С.Р. Поиски метода и методы поиска (онтогенетический подход к обучению математике). Ч. I / С.Р. Когаловский. – 2-е изд., доп. – Шуя, 2007. – С. 60.
164. Когаловский, С.Р. О природосообразных средствах модернизации математического образования / С.Р. Когаловский. // Актуальные проблемы современной когнитивной науки, – Иваново, 2011. С. 147-158.
165. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля. Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. – М., 2007.
166. Козеллек, Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Р. Козеллек // История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Ханца Эриха Бёдекера. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.

167. Козлова, М.С. Идея "языковых игр" / М.С. Козлова // *Философские идеи Людвига Витгенштейна*. – М. : ИФ. РАН, 1996.
168. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск, 2002.
169. Косарева, Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л.М. Косарева. – М., 1997.
170. Коськов, С.Н. Взаимосвязь методологии и мировоззрения в современной эпистемологии : автореф. ... дис. д-ра филос. наук / С.Н. Коськов. – М., 2012.
171. Кондратов, А.М. Звуки и знаки / А.М. Кондратов. – 2-е изд., перераб. – М. : Изд-во «Знание», 1978.
172. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики : пер. с франц. / Ю. Кристева. – М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
173. Кудряшова, Т.Б. Онтология языков познания. Ч. 1 / Т.Б. Кудряшова. – Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново», 2005. – С. 31-32.
174. Кудряшова, Т.Б. Об условиях возникновения идеи в контексте когнитивного подхода / Т.Б. Кудряшова // *Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16-17 октября 2008 г.)*. - Иваново: ОАО "Изд-во "Иваново"", 2008. – С. 52-61.
175. Кузанский, Н. Об ученом незнании / Н. Кузанский // *Кузанский Н. Сочинения : в 2-х т.* - М., 1979. - Т.1, гл. 10.
176. Кузнецов, Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие / Б.Г. Кузнецов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1979. – 680 с.
177. Култер, Дж. Удовольствие от письма / Дж. Култер // *Хора*. – 2009. – С. 29-34.
178. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1975.
179. Кутина, Л.Л. Формирование терминологии физики в России / Л.Л. Кутина. – М.; Л., 1966.
180. Кюнг, Г. Мир как нозма и как референт / Г. Кюнг // *Аналитическая философия: становление и развитие. Антология*. – М., 1998. – С. 302–303.

181. Лавджой, А. Великая цепь бытия. История идеи / А. Лавджой. – М., 2001. – С. 267.
182. Лангер, С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М. : Республика. 2000.
183. Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Д. Лакофф. – М., 2004. – Ч. 11 «Философские следствия».
184. Левичев, О.Ф. Педагогическая актуализация этического мышления старших школьников: Монография / О.Ф. Левичев. – Ишим : ИШИ, 2002. – 144 с.
185. Левичев, О.Ф. Сопряженные нравственные понятия как средство развития этического мышления / О.Ф. Левичев // Этико-философский журн. – 2010. – №41.
186. Левченков, С.И. Краткий очерк истории химии : Учеб. пособие для студентов химфака РГУ / С.И. Левченков. –М. : Изд-во РГУ, 2006.
187. Лейбниц, Г.В. Сочинения : в 4 т. Т. 3. / Г.В. Лейбниц. - М. : Мысль, 1984. - 734 с.
188. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М., 2001. – С. 46.
189. Литература и язык: Энциклопедия. – М. : ЗАО РОСМЭН- ПРЕСС, Л64, 2007. – 584 с. – (Современная иллюстрированная энциклопедия).
190. Лихачёв, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
191. Лихачева, Л.С. Этикет как культурная универсалия / Л.С. Лихачева // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д.Л. Спивак. - М. : Новый хронограф. Эйдос., 2009. – С. 146-156.
192. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / Дж. Локк. – М., 1985. – С. 567.
193. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – М. 2004.
194. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев; общ. ред. А.А.Тахо-Годи и В.П.Троицкого; прим. В.П.Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – Сер. Философское наследие. Т.130.

195. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. - с. 119.
196. Лысенко, Т.Д. Агробиология. Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства. ОГИЗ. Сельхозгиз / Т.Д. Лысенко. – М. 1946. 408 с.
197. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский. – М: Изд-во "Логос", 2004. - 232 с.
198. Майданов, А.С. Интеллект решает неординарные проблемы / А.С. Майданов. – М. : ИФ РАН, 1998.
199. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
200. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – 2-е изд. – М. : «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. – 464 с.
201. Малкей, М. Наука и социология знания / М. Малкей; пер. с англ. А. Л. Великовича. – М. : Прогресс, 1983. – 253 с.
202. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию: Избр. ст., докл, выступ., интервью / М.К. Мамардашвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1992. – 415 с.
203. Мамардашвили, М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии / М.К. Мамардашвили. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 304 с.
204. Мамчур, Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. К дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки / Е.А. Мамчур. – М. : Наука, 1987. - 127 с.
205. Марцинковская, Т.Д. Русская ментальность и её отражение в науках о человеке / Т.Д. Марцинковская. – М. : Блиц, 1994. – 155 с.
206. Манин, Ю.И. Математика как метафора / Ю.И. Манин. – М. : МЦНМО, 2008. - 402 с.
207. Материя информация мера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kobspb.narod.ru/triedinsvo.html>

208. Матурана, У. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Изд-во «Прогресс-Традиция», 2001. – 224 с.
209. Мах, Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. - 456 с.
210. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
211. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII, - М : С. 291-292. 1988. № 23. С.281-310.
212. Михайлов, А.В. Языки культуры / А.В. Михайлов. – М., 1997. – С. 41.
213. Михалева, О.Л. Дискурс субъекта vs дискурс объекта: системообразующие признаки [электронный ресурс] / О.Л. Михалева. – Режим доступа: yandex.http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material20/
214. Михайлов, А.В. Проблема текста / А.В. Михайлов // Вопросы философии. — 1984. — № 1.
215. Махалин, В.Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии / В.Л. Махалин. – М. : Знак, 2009. — 632 с.
216. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Мир, 1979.
217. Миронов, Б.Н. Историк и математика. / Б.Н. Миронов, З.В. Степанов. – М. : Наука 1976. – 184 с.
218. Можейко, М.А. История философии. Энциклопедия / М.А. Можейко. – Минск, 2002.
219. Моисеев, В.И. Логика всеединства / В.И. Моисеев. – Воронеж, 2002.
220. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. – М., 1981. – С. 73.
221. Натяженко, Е.В. Базовые когнитивные модели развертывания локутивного акта в дискурсе : на материале современного немецкого языка : дис.

... канд. филол. наук: 10.02.04 / Натяженко Елена Владимировна. - Нижний Новгород, 2008.- 203 с.

222. Неретина, С.С. Автор и дискурс / С.С. Неретина // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. – М., 1998.

223. Неретина, С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Петра Абеляра / С.С. Неретина. – М., 1994. – С. 15.

224. Там же. – С. 22.

225. Непейвода, Н.Н. Прикладная логика: Учеб. пособие / Н.Н. Непейвода. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – 521 с.

226. Никитин, Е.П. Объяснение – функция науки / Е.П. Никитин. – М., 1970.

227. Николов, Т. Долгий путь жизни / Т. Николов. – М. : Мир, 1999.

228. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше – М., 1994.

229. Огурцов, А.П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности / А.П. Огурцов // Этнос науки. – М., 2008.

230. Одинцова, М.И. Институциональная экономика / М.И. Одинцова. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. — 386 с.

231. Олизько, Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма [Электронный ресурс] / Н.С. Олизько. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/93.pdf>

232. Осуга, С. Обработка знаний: пер. с япон. / С. Осуга. — М. : Мир, 1989. — 293 с.

233. Осуга, С. Приобретение знаний : пер. с япон. / С. Осуга. – М.: Мир, 1990. – с. 97.

234. Переверзев, Е. Дискурсивная психология / Е. Переверзев // Современный дискурс-анализ: электрон. журн. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org>

235. Петряков, Л.Д. Проблема различия и противоречия. Язык как способ объективации рациональности: монография / Л.Д. Петряков. – Ярославль: Изд-во ООО «ЯрМедиаГрупп», 2009. – 216 с.

236. Петряков, Л.Д. Глобализм и локальность современности (в аспекте речевого общения) / Л.Д. Петряков. // Вест. Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Серия: «Гуманитарные науки». – 2009. – № 2 – С. 58–62.

237. Петряков, Л.Д. Своё и чужое: роль понятия и слова в обнаружении новизны / Л.Д. Петряков // Вест. Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. «Гуманитарные науки». – 2010. – № 2. – С.77-79.

238. Петряков, Л.Д. Количественный аспект качественного понятия в философии и конкретных науках / Л.Д. Петряков // Перспективы науки. – Тамбов, 2011. – №3. – С. 58-62.

239. Петряков, Л.Д. Парадокс понятийного аппарата теории и язык науки / Л.Д. Петряков // В мире научных открытий. – Красноярск: НИЦ, 2011 – №7.1 (19). – С. 521-531.

240. Петряков, Л.Д. «Исправление имен»: соотношение идеи и понятия в научном мышлении / Л.Д. Петряков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 2. – Тамбов : Грамота, 2011. – №7(13). – С. 179-182.

241. Петряков, Л.Д. Особенности отношений понятийных аппаратов теорий как аналог отношений в системе: ценности – понятия / Л.Д. Петряков // Философия хозяйства: Альманах / Центр общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2011. – № 5 (77). – С. 126-131.

242. Перцепция и интенция: образ ученого в СМИ и идеализированный объект науки / Л.Д. Петряков // Изв. вузов. Сер. «Гуманитарные науки». – 2012. – Т.3, вып. 1. – С. 29-33.

243. Петряков, Л.Д. Четыре диалекта языка науки. Роль категорического силлогизма в дифференциации знания / Л.Д. Петряков. // Вест. Орлов. гос. ун-та. Сер. «Новые гуманитарные исследования». – 2012. – №2 (22). – С. 237-240.

244. Петряков, Л.Д. Концепт и понятие в дискурсивной практике / Л.Д. Петряков // Полигнозис. – 2012. – № 1-4 [44]. – С. 21-27.

245. Петряков, Л.Д. Идея и дискурс в коммуникативном процессе / Л.Д. Петряков // Изв. вузов. Сер. «Гуманитарные науки». – 2012. – Т. 3, вып. 3. – С. 228-233.
246. Петряков, Л.Д. Взаимодействие образа и идеи в социально-литературном дискурсе / Л.Д. Петряков // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – Т.2, № 9. – С. 156-163.
247. Петряков, Л.Д. Дискурс как проблема и метод философии. Petryakov L.D. Discourse as the problem and method of philosophy / Л.Д. Петряков. // World Applied Sciences Journal / World Appl. Sci. J., 27 (2): 232-235, 2013
248. Петряков, Л.Д. Дискурсивная реальность и волны её актуальности / Л.Д. Петряков // Перспективы науки – 2013. – № 10[49] 2013 –с. 115-118.
249. Петряков, Л.Д. Альтернативные дискурсы как философская проблема коммуникации / Л.Д. Петряков // В мире научных открытий. – Красноярск: НИЦ, 2013. – №12.1 (19).
250. Петряков, Л.Д. Дискурсивное время и «вечность» истории / Л.Д. Петряков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2013 / Философские науки / 23.12.2013 Номер: Выпуск №7-2013, с 43-46.
251. Пешё, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 225–290.
252. Пинкер, С. Язык как инстинкт: пер. с англ. / С. Пинкер; общ. ред. В.Д. Мазо. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
253. Платон, Диалоги. Сочинения платоновской школы / Платон; пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Топштейн; вступ. ст. А.Ф. Лосева; примеч. А.А. Тахо-Годи. – М. : Мир книги, Литература, 2007. – 496 с.
254. Платон, Парменид / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1993. – С. 346-412.
255. Платон. Филеб / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 7-78.

256. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 79-420.
257. Платон. Тимей / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – С. 421-500.
258. Платон. Тимей / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. Т.1. – М., Мысль, 1990. – 9 Id; 50 d-e; 49 а6; 50 b.
259. Подорога, В.А. Словарь аналитической антропологии / В.А. Подорога // ЛОГОС. – 1999. – №2.
260. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1983. – С. 144-145.
261. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер // Соч. Т.2. – М., 1992.
262. Портнов, А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А.Н. Портнов. – Иваново. 1994.
263. Порус, В.Н. О перспективах эпистемологии / В.Н. Порус // Наука в культуре / под ред. В.Н. Поруса. – М., 1988.
264. Пospelов, Г.Н. Целостно-системное понимание литературных произведений / Г.Н. Пospelов // Вопросы методологии и поэтики. – М., 1983. – С. 138-172.
265. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М., 1976. – С. 175-176.
266. Поттер, Д. Дискурс и субъект PSYLIB [Электронный ресурс] / Д. Поттер, М. Уэзерел. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm 12.02.13.
267. Психоаналитические термины и понятия: Словарь / под ред. Б. Э. Мура и Б. Д. Фаина; пер. с англ. А.М. Боковикова, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. – М. : Независимая фирма "Класс", 2000. – 304 с. – (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79).
268. Пуанкаре, А. Избр. труды. Т. 1-3 / А. Пуанкаре. – М., 1971-1974.
269. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре. – М., 1983.

270. Пятигорский, А.М. Философия одного переулка / А.М. Пятигорский. – М., 1992.

271. Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. – СПб., 1999.

272. Рассел, Б. История западной философии. Кн. 3. Философия Нового Времени. Ч. 2. От Руссо до наших дней. Гл. XXXI Философия Логического анализа / Б. Рассел; подгот. текста В. В. Целищева. – 3-е изд., испр. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. - 992 с.

273. Ревзина, О.Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы / О.Г. Ревзина // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. – М., 1981.

274. Ревзина, О.Г. Дискурс и дикурсивные формации / О.Г. Ревзина. // Критика и семиотика. - Новосибирск, 2005. - Вып. 8. - С. 66-78.

275. Риккерт, Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Философия жизни. – Киев, 1998.

276. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Г. Риккерт. – СПб., 1997.

277. Рикёр, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикёр // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 422.

278. Розанов, В.В. Уединённое. Опавшие листья: Трилогия / В.В. Розанов; вступ. ст., коммент. А.Н. Николукина. – М. : Мир книги, Литература, 2006. – 576 с.

279. Розенбергс, Р. Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса / Р. Розенбергс // Общественные науки и современность. – 1995. – №5. - С. 116-121.

280. Рябухина, В.В. Технология воздействия на поведение и сознание. Мемы, этика, мораль / В.В. Рябухина // Коммуникативные стратегии информационного общества : Тр. V Междунар. науч.-теорет. конф. (14-16 ноября 2012 г.) – СПб. : Изд-во СПб. политехн. ун-та, 2012. – С. 257- 263.

281. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12-53.

282. Серрюс, Ш. Опыт исследования значения логики / пер. с фран., вступ. ст. и коммент. проф. В.Ф. Асмуса; под ред. М.Ф. Овсянникова – М. : Гос. изд-во иностр. лит-ры. – 1948. – 232 с.

283. Силантьев, А.Н. О конструктивном моделировании и диалектическом аспекте дискурса / А.Н. Силантьев // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах / Ставропол. отделения РАЛК; под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. – Вып. 8. – С. 100-106.

284. Соловьев, Вл. Смысл любви [электронный ресурс] / Вл. Соловьев. – режим доступа: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_lubvi.html 24.10.12.

285. Смирнов, И. Масс-медиа и философия [Электронный ресурс] / И. Смирнов // Русская мысль: матер. истор.-методолог. семинар в РХГА (14 марта 2008 г.) – Режим доступа: <http://www.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/smirnov.php>

286. Смирнова, Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. / Н.М. Смирнова. – М, 2009.

287. Смирнова, Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики / Е.Д. Смирнова. - М. 1986.

288. Хабермас, Ю. // Современная западная теоретическая социология. – М., 1992. – Вып. 1.

289. Соколов, В.Н. Педагогическая эвристика / В.Н. Соколов. – М., 1995.

290. Сокулер, З.А. Проблема обоснования знания. Гносеологические концепции Л. Виттгенштейна и К. Поппера / З.А. Сокулер. – М., 1988.

291. Сорокин, Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия / Ю.А. Сорокин // Политический дискурс в России. – М., 1997.

292. Спиноза, Б. «Политический трактат» и «Этика» / Б. Спиноза // Избр. произведения: в 2 т. – М., 1957.

293. Степанов, В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации / В.Н. Степанов. – СПб. : Изд-во «Роза мира», 2003. – 263 с.
294. Степанов, Ю.С. Концепт / Ю.С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1997. – С. 40-76.
295. Стёпин, В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С. Стёпин. – М., 2000.
296. Столярова, О.Е. Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и её конструктивная интерпретация / О.Е. Столярова // Вопросы философии. – 2008. – №12.
297. Субботин, Л.Л. Логические труды Лейбница / Л.Л. Субботин. – М.: 1984. – С. 47-49, 53.
298. Тамарченко, Г.Е. «Что делать» и русский роман шестидесятых годов / Г.Е. Тамарченко // Н.Г. Чернышевский. – Л., Наука, 1975. – Сер. Литературные памятники.
299. Тарасенко, В. Фрактальная логика с предисловием С.П. Капицы / В. Тарасенко. – М. : Прогресс-Традиция, 2002.
300. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б. Нарумова. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. - С.232.
301. Тойнби, А.Дж. Цивилизации перед судом истории: сб. : пер. с англ. / А.Дж. Тойнби. – 2-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
302. Ткаченко, В. Анализ дискурсивных практик в философии Мишеля Фуко / В. Ткаченко // Философська антропология : Весник СевНТУ: зб. наук. пр. Вип. 115/2011. Серія: Флософія. – Севастополь, 2011. – С. 68.
303. Тулмин, С. Человеческое понимание / С. Тулмин; пер. с англ. З.В. Кагановой. – М. : Прогресс, 1984. – 328 с.
304. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – С. 55.
305. Уайтхед, А.Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед. – М. : Прогресс, 1990. – С. 154-173.

306. Уёмов, А. Вещи, свойства, отношения / А. Уёмов. – Иваново, 1976. – С. 32 – 40.
307. Уёмов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А. Уёмов. – М. : Мысль, 1978. – С. 15-21.
308. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии / Ю.А. Урманцев – М., 1975. – С. 71-86.
309. Уэллек, Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. Уоррен. – М., 2001. – С. 167, 201.
310. Фаритов, В.Т. Дискурс как единица онтологического анализа / В.Т. Фаритов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4.
311. Филиппов, А. Триггеры абсолютных событий / А. Филиппов // Логос. – 2006. – № 5.
312. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. / Л. Филлипс М.В. Йоргенсен.– 2-е изд., испр. – Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352 с.
313. Флоренский, П.А. Смысл идеализма / П.А. Флоренский. – М., 2000 – С. 96-97.
314. Флоренский, П.А. Наука как символическое описание / П.А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. – М., 1990. – Т. 2.
315. Франк, С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания / С.Л. Франк. – СПб., 1995.
316. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг; сост. Н.В. Брагинской; отв. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва «Наука», 1978. – С. 154 -170.
317. Там же. – С. 46.
318. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет 1969-1984: пер. с фр. - М. : Касталь, 1996. - С. 47-97.
319. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – Изд. 2-е, испр. – СПб. : ИЦ

«Гуманитарная Академия», 2012. – 416 с. – (Серия Ars Pura. Французская коллекция).

320. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; Пер. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. – СПб. : А-сад, 1994. – 408 с.

321. Фуко, М. Рождение клинники / М. Фуко; пер. с фр., науч. ред. и предисл. д-ра психолог. наук А.Ш. Тхостова. – М. : Смысл, 1998. – 310 с.

322. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания / Г. Фоллмер. – М., 1998. – С. 81-88.

323. Фэркло, Н. Диалектика дискурса [Электронный ресурс] / Н. Фэркло // Современный дискурс анализ. 2009. – Вып.1. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/adall.pdf>, свободный.

324. Хабермас, Ю. «Демократия, разум, нравственность» / Ю. Хабермас – СПб. : Наука, 2000. – С. 7-33.

325. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с. – (Мыслители XX в.)

326. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск. : Водолей, 1998. С. 285-293.

327. Хализев, В.Е. Состав литературного произведения. Его форма и содержание / В.Е. Хализев // Теория литературы. – М., 2005. – С. 174-182.

328. Хархордин, О. Фуко и исследование фоновых практик. / О. Хархордин // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб.-М. : Летний сад, 2001. – С. 49.

329. Хоцей, А.С. Основная ошибка философии. Детерминизм и свобода воли. Замечания по поводу взглядов Томаса Куна / А.С. Хоцей. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2003. – С. 239 -241.

330. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность. Текст – Дискурс – Стилль / В.Е. Чернявская. Коммуникации в экономике. СПб., 2003. – С. 23-42.

331. Чернявская, В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления. Стереотипность и творчество в тексте / В.Е. Чернявская; под ред. М.П. Котюровой. – Пермь, 2002.

332. Шах, И. Суфизм / И. Шах. – М. : Изд-во «Клышников, Комаров и Ко», 1994. – С. 354-355.

333. Швырёв, В.С. Историческое и логическое / В.С. Швырёв // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

334. Шеллинг, Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг – М., 1966. - С. 105

335. Шитов, С. О системе соотношений Автора и Героев в романе В. Пелевина "Чапаев и Пустота" [Электронный ресурс] / С. Шитов // Виртуальный семинар профессора А. С. Гончарова. – Режим доступа: <http://aseminar.narod.ru/schitov.htm> 26.12.12

336. Шпет, Г.Г. Знак – значение как отношение *sui generis* и его система. Глава из рукописи [Язык и смысл. Ч.1.] / Г.Г. Шпет // Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. - М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 364.

337. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г.Г. Шпет. – Иваново, 1999. – С. 55-58.

338. Шрейдер, Ю.А. Эвристика или 44 способа познать мир / Ю.А. Шрейдер // Химия и жизнь. – 1979. – №1.

339. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М.-Л.: Наука, 1966. – С. 86-91.

340. Штофф, В.А. Проблемы методологии научного познания / В.А. Штофф – М. 1978. – С. 112-124.

341. Щуцкий, Ю.К. Китайская классическая книга перемен. / Ю.К. Щуцкий. – 2-е изд., испр. и доп.; под ред. А.И. Кобзева. – М. : Изд-ва «Наука», «Восточная литература», 1993. – С. 90-130.

342. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М., 2004.

343. Эко, У. Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике / У. Эко. – СПб., 2004. – С. 93-94.
344. Эмпиризм. Словарь. Электронная библиотека по философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru>
345. Юнг, К-Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К-Г. Юнг; пер. А.М. Руткевича. – М. : Ренессанс: 1991. С. 260-331.
346. Юркевич, П.Д. Философские произведения / П.Д. Юркевич. – М., 1990.
347. Якобсон, Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М., 1987.
348. Янковская, Е.А. Гетерархический принцип устройства познавательного опыта : дис. ... канд. филос. наук. / Е.А. Янковская. – Иваново, 2009.
349. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. – 2-е изд. – М. : Республика, 1994. - 527 с. – (Мыслители XX в.).
350. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. – Oxford: Blackwell, 1987.
351. A Framework for Representing Knowledge, in: Patrick Henry Winston (ed.), The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York (U.S.A.), 1975. – URL: <http://works.tarefer.ru/91/100494/index.html>
352. Bateman, J. Natural Language Generation Systems. – URL: <http://www.fb10.uni-bremen.de/anglistik/langpro/NLG-table/nlg-table-date-sort.html>
353. Bickerton, D. Language and species. – Chicago : Chicago University Press, 1990.
354. Burling, R. Patterns of language: Structure, variation, change. – New York : Academic Press, 1992.
355. Brandon, R.N. From icons to symbols: Some speculations on the origin of language / R.N. Brandon, N. Hornstein // Biology and Philosophy. – 1986. – №1.
356. Caune, Jean. Pour une ethique de la mediation. Le sens des pratiques culturelles / Jean Caune. – Grenoble : Ed. PUG, 1999.
357. Cann, R. Formal Semantics / R. Cann. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

358. Caplan, D. *Language: Structure, processing and disorders* / D. Caplan. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1992.
359. Chomsky, N. *Language and problems of knowledge: The Managua lectures* / N. Chomsky. – Cambridge, Mass. : MIT Press. 1988.
360. Chomsky, N. *Linguistics and cognitive science: Problems and mysteries* / N. Chomsky // Kasper. – 1991.
361. Chucas, S. «A Knowledge Broken»: Francis Bacon's Aphoristic Style and the Crisis of Scholastic and Humanist Knowledge-systems / S. Chucas // *English Renaissance Prose: History, Language, and Problems* / Ed. by N. Rhodes. – Temple, 1997. – P. 147-172.
362. Cosmides, L. *Cognitive adaptations or social exchange* / L. Cosmides, J. Tooby // Barkow. – 1992.
363. Cruse, D.A. *Language, meaning and sense: semantics* / D.A. Cruse // Collinge. – 1990.
364. Debray, R. *Croire, voir, faire. Traverses* / R. Debray. – Paris : Ed. Odile Jacob, 1999. – (Le Champ médiologique).
365. Dreyfus, H. L. *Michel Foucault. Beyond Structuralism and Hermeneutics* / H. L. Dreyfus, P. Rabinow. – 2nd ed. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1983.
366. Fodor, J.A. *Modularity of mind* / J.A. Fodor. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1983.
367. Foster, J. *How to Get Ideas* / J. Foster. – San Francisco, USA : Inc. Berrett-koehler Publishers, 2007-2009.
368. Gibson, E. *Linguistic complexity: Locality of syntactic dependencies* / E. Gibson // *Cognition*. – 1998. – 68.
369. Hartmann, N. *Ethik* / N. Hartmann. – Berlin-Leipzig, 1935.
370. Hartmann, N. *Zur Grundlegung der Ontologie* / N. Hartmann. – Berlin-Leipzig, 1962.
371. Holqvist, M. *Dialogism. Bahtin and his World* / M. Holqvist. – N.Y., 1990.

372. Halliday, M.A.K. The Notion of “Context” in Language Education / M.A.K. Halliday // Text and Context in Functional Linguistics. – Amsterdam/Philadelphia : Ed. by M. Ghadessy, 1999. – P. 23.
373. Huddleston, R. ‘Sentence types and clause subordination’ / R. Huddleston // Asher. – 1994.
374. Jackendoff, R.S. Semantic Structures / R.S. Jackendoff. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1990.
375. Johnson-Laird, P.N. Mental models in cognitive science / P.N. Johnson-Laird, // Cognitive Science. – 1980. – № 4.
376. Johnson-Laird, P.N. The computer and the Mind: An Introduction in Cognitive Science / P.N. Johnson-Laird. – Cambridge (Mass.), 1988.
377. Kaye, J. Phonology: A cognitive view / J. Kaye. – Hillsdale, H.J. : Erlbaum, 1989.
378. Leach, E. Culture and Communicatuon: The logic by wich sumbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology / E. Leach. – Cambridge, 1991.
379. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – London : Longman, 1983.
380. Leszczak, O. Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu / O. Leszczak. – Toruń, 2010.
381. MacCulloch, W.A. Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets [Электронный ресурс] / W.A MacCulloch. – URL: <http://www.amphilsoc.org/library/mole/m/mcculloc.htm>
382. Maranda, P. Semiotik und Antropologie / P. Maranda // Zeitschrift fur SSemiotik. – 1981. – № 3.
383. Martin, A. Clustering Semantics for Discourse Generation / A. Martin, R. Lloyd, V. Mettina // The First International Workshop on Hypermedia and the Semantic Web. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.3.9777>
384. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // MIT AI Laboratory Memo 306, June, 1974. – URL: <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html>

385. Nuyts, J. Functionalism vs. formalism / J. Nuyts // Handbook of pragmatics: Manual. – Amsterdam, Philadelphia, 1995. – P. 293-300.
386. Fabbri, P. La svolta semiotica / P. Fabbri. – Roma-Bari : Ed. Laterza, 1998.
387. Perelman, Ch. The new Rhetoric and the Humanities. Essays on Rhetoric and Application / Ch. Perelman. – Dordrecht, 1979.
388. Pettersson, T. Literary Interpretation: Current Models and a New Departure / T. Pettersson, // Abo. – 1988.
389. Slobin, D.I. The crosslinguistic study of language acquisition. Vol. 3 / D.I. Slobin. – Hillsdale, N.J. : Erlbaum, 1992.
390. Cimiano, P. Ontology-driven discourse analysis for information extraction / P. Cimiano, U. Reyle, J. Sharic // Data and Knowledge Engineering. – 2005. – Vol. 55. – P. 59-83.
391. Pinker, S. Rules of language / S. Pinker // Science. – 1991. – 253. – P. 530-535.
392. Scheff, T.J. Microsociology: Discourse, Emotion, and Social Structure / T.J. Scheff. – Chicago, 1990.
393. Horn, L. R. A Natural History of Negation / L. R. Horn. – Chicago : Chicago University Press, 1989.
394. Smith, G.W. Computers and human language / G.W. Smith. – New York: Oxford University Press, 1991.
395. Smith, E. “Chemical Carnot Cycles, Landauer’s Principle, and the Thermodynamics of Natural Selection” : Talk/Lecture, Bariloche Complex Systems Summer School, 2008 / E. Smith. – URL: http://tuvalu.santafe.edu/~desmith/PDF_talks/Landauer_long.pdf
396. Smith, C.S. Modes of Discourse The Local Structure of Texts / C.S. Smith / Октябрь 2009. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cambridge.org/mx/academic/subjects/languages-linguistics/discourse-analysis/modes-discourse-local-structure-texts>
397. Shi-xu. A Cultural Approach to Discourse. Basingstoke / Shi-xu – England/New York : Palgrave Macmillan, 2005.

398. Stumpf, E. *Socrates to Sartr. A History of Philosophy* / E. Stumpf. – N-Y, 1988.
399. Thompson, J. B. *Ideology and Modern Culture* / J. Thompson. – Oxford, 1990.
400. Tisseron, S. *Comment l'esprit vient aux objets* / S. Tisseron. – Paris : Ed. Aubier, 1999.
401. Weber, S. *Capitalising history: Notes on "The political unconscious"* / S. Weber // *The politics of theory* / Ed. by Barker F. et al. – Colchester, 1983. – P. 248-264.
402. Winston, P.H. *Artifitial Intelligence* / P.H. Winston. – 4-ed. – Reading, Mass. : Addison–Wesley, 1992.
403. Yokoyama, O.T. *Disbelief, Lies and Manipulations in the Transactional Discourse Model* / O.T. Yokoyama // *Argumentation*. – 1988. – №2.